**Ежемесячный научный
и общественно-политический
журнал
Российской академии наук**

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

№ 12, 2021

СОЦИС

Журнал основан
в июне 1974 года

Содержание

1991 год: ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ 30 ЛЕТ СПУСТЯ

3 Завершение советской эпохи: оценки с дистанции в 30 лет (круглый стол)
27 КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР С.Г. Несостоявшийся теоретический синтез – тормоз реальной практики (методологические заметки по поводу распада СССР)
37 МОМДЖЯН К.Х. Было ли советское общество социалистическим?
46 КОЛГАНОВ А.И. Советский строй и Союз советских республик: синхронность распада не случайна
56 БУЗГАЛИН А.В. Социальные силы побед и поражений социализма в XX веке
67 ЛАТОВ Ю.В. Финал фальстарта (о катастрофической революции 1991 г.)

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

78 ДАВЫДОВ Д.А. Ценностные основания посткапитализма: от «модуса обладания» к индивидуализму самореализующихся личностей?
91 ШИПИЛОВ А.В. Дивиды не индивиды: личность до и после модерна

СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ

101 ПОПОВА И.П. Формирование карьерного старта в науке: влияние семьи и социального контекста
113 ВОЙТОВИЧ С., ТУПА М., СРОВНАЛИКОВА П. Тенденции и факторы трудовой эмиграции врачей и медицинских сестер (на примере Словакии)

СОЦИОЛОГИЯ СЕЛА

124 НЕФЕДОВА Т.Г., БАСКИН Л.М., ПОКРОВСКИЙ Н.Е. Эволюция пространства сельских территорий Ближнего Севера (кейс Мантуровского района Костромской области)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

135 БЕЛЯЕВА Л.А., ШАБУНОВА А.А., КОГАЙ Е.А. Социокультурная эволюция постсоветской России: результаты исследовательской программы

142 БАРАШКОВА О.В., ЗОТОВА Е.С. Почему не стало СССР: уроки для социализма будущего

146 ХАЙРУЛЛИНА Н.Г., ТРОШКИНА И.Н. Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий

148 **КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ** (рецензируются книги: *Давыдов Д.А.* Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: РИПОЛ классик, 2021. **Рец. Л.Г. Фишман**; *Кравченко С.А.* Социология цифровизации: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2021. **Рец. Д.В. Соколов**)

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

155 УБАЙДУЛЛАЕВА Р.Т. О саморефлексии «крупнейшей геополитической катастрофы XX века»

158 **ЖУРНАЛЬНЫЙ ГИД**

166 **УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ЗА 2021 год**

ECONOMIC SOCIOLOGY. SOCIOLOGY OF WORK

175 VARSHAVSKAYA E. Ya. Overqualification of Russian Employees: Scale, Determinants, Consequences

SOCIAL POLICIES. SOCIAL STRUCTURE

185 KOZYREVA P.M., SMIRNOV A.I. Interaction of Generations in Modern Russia: An Evolving Rapprochement

1991: A LOOK AT THE EVENTS 30 YEARS LATER

195 The End of the Soviet Era: Estimates from a 30-Year Distance (Round Table)

216 MOMDZHYAN K. Kh. Was Soviet Society Socialist?

223 LATOV Yu.V. Final False Start (about the Catastrophic Revolution of 1991)

THEORY. METHODOLOGY

232 DAVYDOV D.A. The Value Foundations of Post-Capitalism: from the "Mode of Having" to the Individualism of Self-Actualizing Personalities?

CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-Я СТР. ОБЛ.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-Я СТР. ОБЛ.)

1991 год: взгляд на события 30 лет спустя

© 2021 г.

ЗАВЕРШЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ: ОЦЕНКИ С ДИСТАНЦИИ В 30 ЛЕТ (круглый стол)

Участники: *ДАМЬЕ Вадим Валерьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН* (foristademeryamaa@gmail.com); *ДЕГТЯРЕВ Александр Якимович – доктор исторических наук, Советник Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации* (aydegtyarev@senat.gov.ru); *ИНОЗЕМЦЕВ Владислав Леонидович – доктор экономических наук, директор Центра исследований постиндустриального общества* (slava_in@yahoo.com); *КОНОНОВ Илья Федорович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Луганского национального университета им. Т. Шевченко, г. Старобельск, Украина* (kononov_if@ukr.net); *ЛАПИН Николай Иванович – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН* (lapini31@mail.ru); *ЛЕВАШОВ Виктор Константинович – доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН* (levachov@mail.ru); *МАКАРЕНКО Виктор Павлович – доктор политических и философских наук, главный научный сотрудник Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия* (Vpmakar1985@gmail.com); *ОЛЕЙНИК Антон Николаевич – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории микроэкономического анализа и моделирования ЦЭМИ РАН* (aoleynik@mun.ca); *ТРОФИМОВА Ирина Николаевна – доктор политологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН* (itnmv@mail.ru); *ЧЕРНЫШ Михаил Федорович – член-корреспондент РАН, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН* (mfche@yandex.ru). *Все, кроме оговоренных, – Москва, Россия.*

Аннотация*. В декабре 2021 г. исполнилось 30 лет после завершения истории СССР, но российское общество до сих пор не определилось в своем отношении к этому событию, противоречивые оценки даются и обществоведами. Продолжая тему, начатую в № 8 текущего года, журнал организовал заочный круглый стол, пригласив к обсуждению вопросов о событиях 1991 г. обществоведов-экспертов, представляющих разные научные и идеологические направления. Участники демонстрируют широкий диапазон мнений и оценок – от апологетических до критических.*

Ключевые слова: *распад СССР • «реальный социализм» • социалистическая идея • общественное развитие • общественное сознание • события 1991 года*

DOI: 10.31857/S013216250018020-5

Вопросы, предложенные для обсуждения

1. Как вы оцениваете события 1991 года, приведшие к развалу Советского Союза и смене политического и экономического курса страны? Каково их значение для России и мира? Каковы позитивные и негативные социальные последствия?

2. События 1991 года осмысливаются с точки зрения различных теоретических подходов. Какая теоретическая рамка может, по вашему мнению, привести к наиболее глубокому их пониманию?

3. Насколько, на ваш взгляд, современные россияне приняли и легитимизировали социально-экономические и социально-политические результаты событий 1991 г.? Есть ли

«второй шанс» у социалистической идеи в России? Возможно ли воссоздание мультинационального объединения на евразийском пространстве?

4. Какую роль сыграла отечественная социология в развитии и осмыслении событий начала 1990-х гг. и их последствий?

ЧЕРНЫШ М.Ф. «Поколение советских циников» вместе с водой выплеснуло ребенка

1. В августе 1991 г., буквально на следующий день после путча ГКЧП, мы с коллегами провели телефонный экспресс-опрос. Его нетривиальные результаты были опубликованы по горячим следам в популярном журнале «Век XX и мир». Утверждение, будто российское общество приветствовало крах ГКЧП, оказалось серьезным преувеличением: победные настроения испытывала лишь примерно треть опрошенных, 40% встретили новость о поражении путча с тяжелыми мыслями. В воздухе витало предчувствие, что развал институтов власти и порядка обернется для России, для каждого из ее граждан тяжелыми последствиями. Предчувствия оправдались. Не прошло и полгода, как страна, в которой мы родились, учились, жили и строили надежды, прекратила свое существование.

Как оценивать случившееся? С одной стороны, логика пожинателей выгод от разрушительных процессов красноречиво выражена в названии одной из перестроечных книг – «Иного не дано»[1]. (На самом деле это лишь парафраз одного из высказываний Маргарет Тэтчер – "There is no alternative".) Суть этой позиции можно выразить следующим образом: вся последовательность событий, предшествовавших путчу, вела именно в этом направлении, крах режима и распад страны были неизбежны, а гражданам бывшего СССР самой судьбой велено принять то, что случилось, раз альтернатив нет. Подобное «тоннельное» видение истории легко пробивает себе дорогу post-factum как стратегия оправдания случившегося. Но в тот момент, когда история творится, вектор событий и возможные последствия (в том числе и отдаленные) определяются выбором, которые совершают непосредственные участники драматических событий.

События 1991 г. показали, что в поворотные моменты истории российское общество делится на «глубинный народ» и «публику», способную выдвинуть из своих рядов активное ядро. В короткой перспективе исход событий решает не мнение «глубинного народа» о желательном, а взаимодействие между разными фракциями политического класса, с одной стороны, и «публикой», представленной активистами, движениями, толпами, – с другой.

Второй вывод из событий августа 1991 г. – в том, что любые исторически важные события имеют моральную основу. Общество может считаться сплоченным, если базируется на общей для всех моральной норме, общем моральном дискурсе. Цинизм, возобладавший в элитах, обладает разрушительным воздействием на общество. Власть, которая выглядит в глазах населения аморальной, уязвима и, как утверждал Т. Парсонс, может рассчитывать только на два инструмента приведения населения к повиновению – на насилие и обман[2]. Эти инструменты не только ненадежны, но и деструктивны: масштабное насилие выжигает очаги развития в обществе, обрекая его на застой и последующий кризис. Повисая в воздухе, не имея противовесов, власть делает новые, все более фатальные ошибки, которые в конечном итоге приводят к коллапсу. Этот коллапс способен увлечь в пропасть и само государство.

Третий вывод из событий того времени заключается в том, что любые идеи, предполагающие непрерывное поступательное развитие (новый строй якобы побеждает старый более высокой производительностью труда), не имеют под собой твердой эмпирической

---

[1] Иного не дано. Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение к будущему / Под общ. ред. *Ю. Афанасьева*. М.: Прогресс, 1988.

[2] *Parsons T.* On the Concept of Political Power // Proceedings of the American Philosophical Society. 1963. Vol. 107. No. 3. P. 232–262.

почвы. Эволюция действительно в какие-то периоды ведет к более сложной институциональной конструкции, но временами восходящие тренды сменяются на нисходящие, наступает период деградации, когда общество входит в фазу архаизации и упадка.

Советский проект потерпел неудачу потому, что по внутренним причинам, по имманентной конструкции в решающий момент 19 августа 1991 г. не смог объединить своих сторонников, мобилизовать «улицу», убежденную в необходимости его сохранения. Возвращаясь к упомянутому исследованию: большинство советских граждан считали, что необходимы порядок и сохранение лучшего из того, что до того момента было создано. Но они, «глубинный народ», находились в позиции наблюдателя, а не участника, и не внутри, а снаружи в процессе, который набирал темп и силу.

2. Драматические события 1991 года так и не стали предметом глубокого социологического анализа. Между тем для социологов, которые стали живыми свидетелями гигантских социальных катаклизмов начала 1990-х, общество в его тогдашнем состоянии – уникальная лаборатория, в которой могли и должны были рождаться новые теоретические дискурсы.

Думается, что наиболее подходящей основой для анализа событий того времени могла бы стать институциональная теория в той ее разновидности, где институты («правила игры») изучаются в динамике, в процессах коллапса и рождения. В книге «Как думают институты?» М. Дуглас приводила особые ситуации, в которых нормирующая роль институтов ослабевает, а образовавшиеся лакуны заполняются соображениями целесообразности, интерсубъективной реальностью, возвращающей игроков в примордиальное состояние, когда норма формируется представлениями о паритете и обмене[3]. Нечто подобное происходило в российском обществе 1980–1990-х, где поверхностный слой общественного сознания разрушался, выводя на первый план архаичные, иногда древние, способы выживания и фобии.

В «постсоветской лаборатории», каковой стали транзитные общества 1990-х, производился и потерпел очевидную неудачу эксперимент по трансплантации западных социально-экономических институтов на российскую почву. Именно в этот период возобладала идеология «покупки с чужого плеча». Что, казалось бы, проще? Однако, как показала практика, институты – отнюдь не универсальные образцы, которые можно переносить из одного конца земного шара на другой, а чувствительные и сложные смысловые структуры, врастающие в культурно-смысловую почву и непредсказуемо мутирующие, оказываясь в иной среде.

Возникает закономерный вопрос: как можно было выстраданные, важные достижения советского общества вытеснять слабыми, аморфными структурами, лишь внешне и фрагментарно напоминающими источник, из которого они были заимствованы? Частичный ответ отыскивается в тех особых комплексах, которые возникли в период обветшания коммунистической идеологии по мере увеличения разрыва между ее скрижальными ценностями и реальной ситуацией.

Свободное пространство между гаснущими огнями коммунизма и конкретными условиями жизни заполнялось растущими потребительскими ожиданиями. Они формировали мотив постоянного квеста комфортных условий жизни, а для молодых представителей российской элиты он неизменно завершался в странах Запада или хотя бы в развивающихся странах, где можно получить то, что на родине не получишь. Работать за рубежом, зарабатывать валюту, получать чеки Внешпосылторга – это стало настоящим вожделением многих представителей поколения, которое приучилось собственную страну считать «второсортной», отсталой и бесчеловечной. Советская система с ее ориентацией на достижение роста стандартов жизни парадоксально сама создала себе могильщика в лице следующего поколения элиты, лелеющей мечту о запретной, но такой комфортной западной жизни. Крушение советской системы и сдача всего исторического наследства

[3] *Douglas M.* How Institutions Think? New York: Syracuse University Press, 1986. P. 31–45.

России были только вопросом времени: «поколение советских циников», оказавшись во главе слабого российского государства, с радостью занялось делом разрушения и присвоения того, что еще недавно считалось общим достоянием. Подчеркну, речь идет именно об элите и ее поколенческой эволюции, скептически (иногда и с ненавистью) судившей об очевидных ограничениях, налагаемых на нее советской системой. Именно элиты вывели страну на тот курс, который привел к августу 1991 года, а в конечном итоге и к ее разрушению.

3. Мне кажется, что о событиях того времени современные россияне задумываются все реже. Текущие нужды чаще затмевают оценки прошлого, а само прошлое конструируется и реконструируется вровень с тем, что происходит сегодня и создает текущие напряжения. События 1991 г. уже вошли в корпус национальных мифов: в глазах одних – как «большой обман», в глазах других – как «славное время свободы», «святые 90-е». Справедливости ради, надо сказать, что считающих совершившееся в начале 1990-х «большим обманом» существенно больше тех, кто ностальгирует о временах кризиса и распада.

Процесс легитимации разрушения СССР затруднительно представлять как осознаваемый консенсус, как формализуемое согласие или несогласие с тем, что уже случилось. У процессов легитимации есть по меньшей мере три уровня.

Первый из них – принятие на уровне повседневности, согласие подчиняться новой рутине и новым формам господства. В этой трактовке легитимацию результатов событий 1991 г. можно считать совершившейся: подавляющее большинство россиян приняло новые правила игры, живет в согласии с ними и ориентируется на них, определяя жизненные приоритеты.

На втором уровне производится оценка существующего порядка из некоей произвольно определяемой точки суждения, находящейся, как правило, во «временах невинности», незнания будущего. В этом случае играет роль то, как мыслится настоящее, какие надежды оправдались, а какие разбились о новую недружественную реальность. На этом уровне события 1991 г. оцениваются чаще негативно, как движение в сторону деградации, как дорога потерь, а не приобретений. В этом контексте культивируется ресентимент по поводу безвозвратной утраты производственной мощи, разрушения дружественного союза культур и народов, на смену которому пришли местечковые национализмы, потери духа уверенности и безмятежности на основе социальных гарантий «развитого социализма».

Наконец, на третьем уровне легитимация происходит в контексте морального дискурса, свидетельств исправления морали или ее кризиса. На этом уровне картина более пестрая. В большинстве случаев моральные основания современного общества оцениваются как зыбкие; коррупции, воровства и цинизма стало после 1991 г. в разы больше. Однако «взрослость» общества, преодоление детско-наивного отношения к себе и будущему считается очевидным приобретением. Приходит осознание того, что каждый человек имеет толику свободы, область, в которой только он/она вольны принимать решения. Расцветший в конце 1980-х идеализм, воспевающий «ветры перемен», стал более невозможен. Новый реализм, продукт постсоветской эпохи, делает сложной или невозможной в принципе тотальную манипуляцию общественным мнением, хотя и не отменяет полностью возможность управления поведением с помощью испытанных инструментов – насилия и обмана.

4. За последние десятилетия повестка дня современной российской социологии формировалась главным образом как ответ на *текущие* вызовы. У социологов не было возможности отодвинуть от себя события прошлого настолько, чтобы взглянуть на них холодным, отстраненным взглядом. Возможно, причина еще и в том, что в оценках событий 1991 г. по-прежнему применяется сугубо политическая терминология.

Что касается конкретных последствий радикального поворота 1991 года, то они в главных моментах отражены во многих социологических трудах, российских и зарубежных. Речь идет о главной тенденции, сопровождающей реформы, – об углублении социального неравенства, закрепляемого институционально в формальных и неформальных нормах.

В последнее время умножились также труды, в которых выбранное в 1991 г. направление реформ рассматривается как архаизация, выраженная в становлении полуфеодальной, квазисословной социальной структуры. В этом смысле вполне уместно говорить о возвращении закрепляемых в культуре статусных социальных различий и о вытеснении из оборота общественной жизни универсалистских принципов и норм, свойственных обществам модерна. В этом – одно из непреднамеренных последствий событий 1991 г.: крах советского проекта имел в качестве сопутствующего ущерба отказ, полный или частичный, от проекта Просвещения в той форме, в которой он был реализован в России в XX в. В определенном смысле можно говорить о том, что вместе с недостатками и пороками, свойственными советской системе, выплеснули и ребенка – достижения по сохранению и развитию человеческого капитала, представленные развитой системой образования, большой наукой, системой здравоохранения (возможно, не самой лучшей, но все же более эффективной, чем нынешняя), социальными гарантиями и «сетями», помогающими выживать в сложном обществе.

Исследования показали, что, вопреки ожиданиям, кризис 1991 г. запустил социальные процессы, подтачивающие социальный порядок в уже новых условиях, в государствах, возникших на обломках советской системы. Это означает, что случившееся *тогда* достойно глубокого и заинтересованного рассмотрения, чтобы понимать состояние современного российского общества и те изменения, которые в нем *сейчас* происходят.

ТРОФИМОВА И.Н. В 1991 г. Россия в очередной раз потрясла мир

1. События 1991 г. настолько «потрясли мир», что и сегодня вызывают противоречивые оценки. К тому же в течение того года произошли разные по своей природе события. Если попробовать найти в них общий смысл, то он видится, скорее, в попытке российской политии как формы общественно-политического устройства найти себя в новых условиях.

Определение позитивных и негативных последствий событий 1991 г. зависит от того, на каком временном промежутке и на какой ценностной шкале их рассматривать.

Сравнивая «до» и «после», трудно переоценить *позитивное* значение того демократического подъема, который охватил страну на рубеже 1980–1990-х: устранение государственной монополии на идеологию и информацию, рост гражданской активности, свобода дискуссий и др. Многое из этого впоследствии обратилось в свою противоположность или имитацию. Например, демократия так и не стала приоритетной ценностью в российском обществе[4], но ее нормы и идеалы по-прежнему актуальны при осмыслении текущих процессов и явлений.

Негативные последствия ассоциируются, прежде всего, с масштабом и глубиной изменений, которые были восприняты как слом, разрушение привычного порядка вещей. Многие из них позже стали нормой, но некоторые до сих пор вызывают вопросы. Пожалуй, наиболее остро воспринимаются легитимация итогов несправедливой, по мнению большинства россиян, приватизации и сомнительный бэкграунд части нынешнего истеблишмента. Постепенно со сменой поколений массовое недоверие по данному поводу исчезнет, но не исключено, что память о событиях 1991 г. (особенно на фоне углубляющегося социального расслоения) может стать частью идейного обоснования необходимости новых преобразований.

2. В событиях 1991 г. много сюжетных линий, каждая из которых является предметом отдельной дискуссии, но и в целом к анализу ситуации подходят разные концептуальные рамки: демократический транзит, трансформационные процессы, либеральные реформы, общество травмы и т.д. Важной их частью является вопрос относительно состояния и динамики общественного сознания.

---

[4] Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян / Под ред. *М.К. Горшкова, В.В. Петухова*. М.: Весь Мир, 2018. С. 140.

В социологической и политологической литературе практически устоялся вывод о давней двойственности российского общественного сознания и его противоречивом влиянии на общественный выбор[5]. А. Аузан в этой связи справедливо отмечает[6], что носители противоположных – традиционалистских и модернистских – ценностных ориентаций генерируют противоположные запросы к власти, а их противостояние препятствует формированию консенсусного проекта будущего страны. Это наблюдается уже не менее чем полвека. Такое противостояние прослеживается в событиях 1991 г. и после них. Но за последние 30 лет социальных трансформаций изменилось и общество: оно еще никогда не было так сегментировано и разнородно[7]. Какова природа противоречия между разнородностью общества, с одной стороны, и сохраняющейся двойственностью и отчасти конфронтационностью общественного сознания, с другой стороны, как оно функционирует и в чем его значение – вот те вопросы, которые могли бы быть интересны в анализе событий 1991 г. и последующих лет. Сменится ли маятниковый/цикличный характер российских трансформаций поступательным развитием без резких разрывов и переходов? Очевидно, поиск ответа на эти вопросы должен объединить представителей разных научных дисциплин.

3. Оценки непосредственных участников и современников событий, хотя могут и меняться со временем, носят более личный характер, отражают надежды и разочарования, которые принес 1991 год и последующие перемены. Будущие поколения будут воспринимать эти события, скорее, индифферентно. Например, крах СССР сегодняшняя молодежь принимает чаще всего безразлично, как свершившийся и необратимый факт, значимый, скорее, для старших поколений, чем для молодых[8]. Почти половина молодежи до 30 лет не могут дать оценку рыночным реформам и ГКЧП[9].

Что касается вопроса о «втором шансе» социалистической идеи, то здесь следует различать социальный строй, политические технологии и общественный идеал. Социализм как социально-экономический строй, основанный на общественной собственности на средства производства, дискредитировал себя (по крайней мере, в его советском варианте). Напротив, социализм как мечта о социальном равенстве и о социальной справедливости всегда будет жить в обществе, находя как искренних сторонников, так и тех, кто использует ее в практических целях – политтехнологов, публичных пропагандистов, незаметных бенефициаров среди элиты. В конце концов, в России социализм – это идеология, которую взрослое население страны может хоть как-то «примерить» к своему личному опыту и сравнить с сегодняшней ситуацией. Как, например, показывают результаты мониторинга Института социологии (2018), 38% россиян положительно относятся ко всему, что связано со словом «социализм», еще 51% – нейтрально и лишь 8% – отрицательно. В то же время такие слова, как «капитализм», «консерватизм» и «либерализм», вызывают положительные отклики только у 11% россиян.

4. Отношение общества к тем событиям и их последствиям всегда было в центре внимания социологов. Особый акцент был сделан на изучение динамики процессов, выявление и анализ происходящих в обществе изменений, прогнозирование будущей

---

[5] *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 1–3. М.: Филос. общество, 1992; *Патрушев С.В., Филиппова Л.Е.* Дуализм массового сознания и типология массовой политики // Политическая наука. 2017. № 1. С. 13–37; Разум на распутье: Общественное сознание между прошлым и будущим / Под ред. *Ю.А. Красина* (отв. ред.), *А.Б. Вебера, А.А. Галкина.* М.: Аспект Пресс, 2017; *Тощенко Ж.Т.* Травма общества: между эволюцией и революцией // Политические исследования. 2017. № 1. С. 70–84; и др.

[6] *Аузан А.* Третья попытка // Горбачев: Урок свободы. Сб. ст. / Отв. ред. *Р.С. Гринберг.* М.: Весь Мир, 2021. С. 46–51.

[7] *Горшков М.К.* О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 15.

[8] *Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К., Рысева А.* Российское «поколение Z»: установки и ценности. М.: Фил. союза «Фонд имени Фридриха Эберта», 2020. С. 77.

[9] Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян. С. 112, 115.

ситуации[10]. Тот факт, что различные социологические центры представляют разные идейные течения и по-разному подходят к сбору, анализу и интерпретации эмпирических данных, также можно считать большим плюсом отечественной социологии – государству есть, из чего выбирать и на что опираться при определении и обосновании целей развития.

Для понимания роли социологии в российском обществе лучше всего подходят слова Б.А. Грушина: «Главный корень всех совершенных реформаторами ошибок, всех их неудач – вопиющее несоответствие предлагаемых ими стратегий поведения действительным характеристикам той социальной материи, которая называется советским обществом образца 1917–1991 гг.»[11]. К сожалению, эти слова, с поправкой на современное состояние российского общества, актуальны и сегодня.

ЛАПИН Н.И. Транзит населения России к иной культуре взаимодействий и массовизации травм

1. Об оценке событий 1991 г. в лаконичной форме можно сказать так: имелись шансы на разные варианты, реализовался далеко не лучший[12].

2. Автор ранее[13] уже показал, что в массовом сознании населения растут сомнения в смыслах таких абстракций, как «социализм», «капитализм», «рыночная экономика» и «права человека». В социологии и в общественных науках в целом зреет понимание сложности эволюции человека и его сообществ, потребность в подходах, позволяющих получить более убедительные интерпретации реалий.

В качестве метатеоретического принципа изучения человека и его сообществ мною обоснован *антропосоциокультурный* (*АСК*) *подход*, а также введено двойное ограничение применения (рассматривать получаемые результаты как (а) не универсальные (б) гипотезы). Изложенные ниже положения с «рабочего стола» содержат поиск не только идей и методов, но и адекватного языка их изложения.

Одной из ключевых гипотез служит понимание *культуры взаимодействий* людей между собой и с обществом-государством как источника изменений, совершившихся в России. Изучение этого особенно значимо для понимания смыслов радикальной трансформации, когда рушились прежние институты, а население оказывалось в положении индивидов, которые взаимодействовали между собой и с обществом-государством просто как люди, с их достоинствами и пороками.

Распад СССР и так называемые реформы стали, в человеческом их содержании, катастрофической *антропосоциокультурной травмой*[14] всего населения РСФСР/России и других экс-советских республик. Утрачивая идентификацию с прежними институционализированными способами взаимодействий, жители России, не всегда это сознавая, создавали новые способы взаимодействий, которые воспринимались в их непосредственно человеческом обличии, не соотносясь с безличными символами («социализм», «капитализм» и др.). На первый план выступали, скорее, ценностные смыслы способов взаимодействий (их справедливость-несправедливость), популярными стали оценки типа «хаос», «беспредел», «бандитизм» и т.п.

---

[10] См., напр.: *Гудков Л.* «Советский человек» сквозь все режимы: Тридцать лет исследовательского проекта // Демонтаж коммунизма: Тридцать лет спустя / Под ред. *К. Рогова*. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 268–297.

[11] *Грушин Б.А.* Смена цивилизаций? // Свободная мысль. 1991. № 18. С. 27–29.

[12] См. подробнее: *Лапин Н.И.* Сложность становления новой России: Антропосоциокультурный подход. М.: Весь Мир, 2021.

[13] См., напр.: *Лапин Н.И.* Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 3–14.

[14] Отмечу в этой связи значимую инициативу Ж.Т. Тощенко, который ввел проблематику общества травмы в российский социологический дискурс.

Какой же на самом деле была до распада СССР и какой становилась в процессах постсоветских изменений культура взаимодействий населения России? Если использовать терминологию институциональной диагностики, то наиболее общим в азбуке его терминов будет *транзит*, точнее, гибридно-реверсивный транзит. От чего – к чему? От номенклатурно-государственного (тоталитарного) социализма к «демократии и рыночной экономике», как говорили «прорабы» перестройки и постперестроечной «катастройки» (А. Зиновьев). Можно привести следующие этапы этого транзита: 1) шоковая приватизация ради создания «капитализма для своих» (1992–1999 гг.); 2) его модернизация в «капитализм для избранных» (с 1999 г.) и 3) «капитализм для управляющих» (с 2008 г.). Это был переход *от* всесилия властной номенклатуры, которая имела фактический доступ к использованию средств производства и доходов от них, относясь к рядовым гражданам, отчужденным от этих средств и доходов, как к фактически бесправным и зависимым. Исходной позицией транзита являлась *рутинно-тоталитарная, социально симбиозная, псевдоравногражданская культура взаимодействий* властных и исполнительских слоев населения, которая прикрывалась тотально пропагандируемой идеологией высоких гражданских и нравственных ценностей «строителей коммунизма».

Шоковая приватизация и декларировавшийся переход к рыночной экономике означали повторную (после реформ Александра II) *реверсивную попытку поворота к укоренению частно-обладательной культуры взаимодействий населения*, но не всего (как в XIX в.), а узких его кланов, находящихся во власти и близких к ней, т.е. за счет большинства населения.

3. К настоящему времени продуктивный потенциал гибридно-реверсивного транзита исчерпан. В экономике и в других сферах общества возобладали процессы *стагнирующего воспроизводства*. Недавние поправки в Конституцию юридически закрепили эти процессы. Следовательно, 2020 г. можно считать условным завершением постсоветского транзита и началом функционирования относительно самостоятельного *иного общества – посттранзитного*, с многоукладной экономикой и с суверенным государством-державой, внутренние функции которого ограничены начальными формами правового, социально слабого государства минимального благосостояния населения.

Для возникшего общества существенна укоренившаяся *массовизация АСК-травм населения*. Основные ее две сферы таковы.

Во-первых, *контрастные неравенства доходов*. Показательна трехслойная ромбовидная структура доходов населения – с контрастными краями и значительной серединой: 1) нижняя макрострата – бедные и нищие; 2) средняя – средний класс и все обеспеченные; 3) верхняя – богатые и сверхбогатые. Экстремальные неравенства между децилями превышают 15 раз. Подчеркну, что это не только стратификация *доходов* частных лиц, но и дифференциация доли макрострат населения в *бюджете* страны и ее регионов, косвенно – их влияния на бюджетную политику властей[15].

Во-вторых, *невостребованность культурного потенциала* малой родины россиян – жителей регионов Российской Федерации: устойчивый недостаток высококвалифицированных рабочих мест, работа многих (особенно молодежи) не по специальности, несформированность регионального уровня национальной инновационной системы. Все это – показатели самой массовой травмы населения России, опасной для ее судьбы. Об этом свидетельствуют социокультурные портреты почти трети регионов, полученные участниками нашей межрегиональной программы и многими другими исследователями.

Вместе с тем, по данным массовых опросов, большинство россиян спонтанно адаптировалось к изменениям и пассивно принимает общество, возникшее во многом в результате культуры взаимодействий самого населения. Приходится констатировать *сохранение-возрождение* давно сложившегося рутинно-владельческого и социально-симбиозного,

[15] Подробнее см.: *Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В.* Экстремальные неравенства и социальное государство. Части 1 и 2 // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 4–17; № 2. С. 20–30.

в итоге *травмогенного*, характера гражданско-общественной культуры взаимодействий (особенно зависимости подвластных, исполнительских слоев населения от властных элит, политических и экономических), осложненного деградацией общей культуры, включая образование и науку.

Подытоживая, уточню характеристику возникшего общества: это – российско-евразийское социально-симбиозное общество с суверенным государством-державой и с многоукладной экономикой. Оно достаточно успешно осуществляет сложные внешние функции обеспечения суверенитета и безопасности, но его внутренние функции ограничены травмогенной рутинной гражданско-общественной культурой взаимодействий населения (особенно – между властными элитами и исполнительскими слоями).

Перед посттранзитным обществом стоят исторические задачи эволюции в направлении социально сильного и гуманистически ориентированного государства всенародного благосостояния. Это делает остро необходимой задачу вытеснения имеющейся культуры взаимодействий населения более сложной, *инновационно-созидающей, композитно-владельческой культурой взаимодействий*. Такое вытеснение может быть осуществлено как *Всегражданское Самопросвещение*, преимущественно через изменение содержания существующих каналов *социализации* и *ресоциализации* населения. Максимальное содействие этим процессам составляет, на мой взгляд, основную задачу социально-гуманитарных наук.

4. Я вижу перспективы России, скорее, в качестве *государства-цивилизации*. Речь идет об ее активной роли в создании и развитии как дружественного *Евразийского Союза цивилизаций* (в локусе «Российской Евразии», европейской и азиатской территории Советского Союза), так и более широкого *Конгресса цивилизаций Евразии* как континента в целом, включая несколько центров его своеобразных цивилизаций (западно-европейской, российской, мусульманской, китайской и индийской).

На этом уровне основная проблема – доминирование *интересов государств*, выражающих частно-собственнические интересы классов, господствующих в их обществах, которые противоречат терминальным ценностям и нормам смыслополагающих сфер цивилизаций и постоянно создают угрозы военных конфликтов. Как показывают предварительные результаты исследований Института философии РАН по «Российскому проекту цивилизационного развития», потребности выживания и развития человека и всего человечества в условиях глобальных угроз требуют повышения роли формирующейся ноосферы антропообитаемой планеты при определении и осуществлении целей международной политики государств.

ОЛЕЙНИК А.Н. «Социализм» ушел, «империя» осталась

3. Вопросы, есть ли «второй шанс» у социалистической идеи в России и возможно ли воссоздание мультинационального объединения на евразийском пространстве, подразумевают попытку предсказания тенденций на ближайшее будущее. Однако предсказания в общественных и гуманитарных науках имеют сомнительную репутацию, причем события 1991 г. как раз и стали одним из наиболее ярких подтверждений их ограниченной результативности. Тем не менее эти вопросы представляют не только практический, но и методологический интерес: с помощью каких исследовательских методов можно на них ответить (конечно, осознавая при этом вероятность ошибки)?

Одним из таких методов представляется контент-анализ больших текстовых данных. Этот исследовательский метод активно используется экономистами для предсказания динамики макроэкономических показателей, темпов экономического роста[16]. Речь идет о том, что отслеживаются динамика и тональность новостных сообщений, и на их основе

[16] См., напр.: *Коноплёв Д.* Асимметрия информационных волн в экономическом мышлении: опыт финансовых кризисов // Вопросы экономики. 2020. № 1. С. 111–126; *Яковлева К.* Оценка экономической активности на основе текстового анализа (Серия докладов об экономических исследованиях). М.: Банк России, 2010.

делаются выводы о превалирующих на данный момент настроениях. Если преобладает оптимизм, то вероятен рост, а проявления пессимизма свидетельствуют о приближающейся стагнации или кризисе.

Поставленные вопросы более специфичны, чем задача выявления соотношения оптимистических и пессимистических новостей/комментариев. На них можно ответить, отслеживая сравнительную динамику в больших текстовых данных ряда концептов – «социализм» и альтернативные идеологии (такие как «либерализм») по первому вопросу, «империя» и «национальное государство» по второму вопросу. В качестве источника больших текстовых данных можно использовать научные электронные базы данных (eLibrary для русскоязычной научной литературы и Web of Science для англоязычной), а также сервис Google Books Ngram Viewer[17].

На первом этапе была отслежена динамика идеологических концептов в Google Books Ngram. Основу списка для ответа на первый вопрос составили такие идеологии, как «марксизм», «социализм», «либерализм», «православие» и «ислам». В список для ответа на второй вопрос были включены разные альтернативные основания государственного устройства на евразийском пространстве: «национальное государство», «национальная идея», «национализм», «евразийство» и «империя». Как представляется, именно конфликт между империей и национальным государством, как альтернативными основаниями государственного устройства, будет определять динамику процессов на евразийском пространстве на ближайшее будущее[18]. Учитывая, что относительная частотность некоторых концептов изменялась во времени синхронно (социализм – марксизм, национализм – национальное государство), в дальнейшем анализе использовались только концепты, наиболее популярные в литературе (в перечисленных парах они указаны первыми).

На втором этапе была проанализирована динамика относительной частотности концептов как в Google Books Ngram, так и в научных электронных базах данных. Под относительной частотностью здесь понимается количество упоминаний концепта, поделенное на общее количество слов в проиндексированных книгах или на общее количество включенных в научную электронную базу данных документов (ввиду незначительности полученных величин они были умножены на 10^4). Данные об общем количестве документов, опубликованных за тот или иной год, в eLibrary недоступны. В качестве альтернативы использовалось количество документов в области общественных наук в целом (код 00.00.00) по годам их публикации (полученные величины умножались на 10^4).

Если рассматривать долгосрочные тенденции (Google Books Ngram охватывает период 1800–2019 гг.), то относительная частотность всех отобранных концептов достигала пиковых значений в два отрезка времени: после революции 1917 г. и в 1920-х гг., а также с конца 1980-х до начала 2010 гг. Видимо, именно эти периоды можно считать временем наиболее активных идеологических дискуссий и обсуждений вариантов государственного устройства. После 2005 г. наблюдается спад интереса к отобранным концептам, а после 2010 г. этот спад приобрел особенно отчетливые формы во всех случаях за исключением концепта «империи».

Так как круглый стол направлен на осмысление событий начала 1990-х гг. и их последствий, то период с 1985 г. (начало перестройки) по 2021 г. был проанализирован подробнее. «Империя» – единственный из рассматриваемых концептов, который показывает устойчивую тенденцию к возрастанию, прежде всего – в научных публикациях (рис. 1). Эта тенденция подтверждается и сравнением относительных частотностей отобранных концептов в русско- и англоязычной литературе (рис. 2). Данные, отображенные на рис. 1, были соотнесены с аналогичными данными для англоязычных текстов за тот же период.

---

[17] Эти источники имеют определенные ограничения и недостатки: eLibrary значительно менее избирательна, чем Web of Science, а Google Books был первоначально ориентирован на решение иных задач, чем контент-анализ больших текстовых данных.

[18] *Олейник А.* Национальное государство и империя: востребованность проектов в России и Украине // Общественные науки и современность. 2018. № 2. С. 140–159.

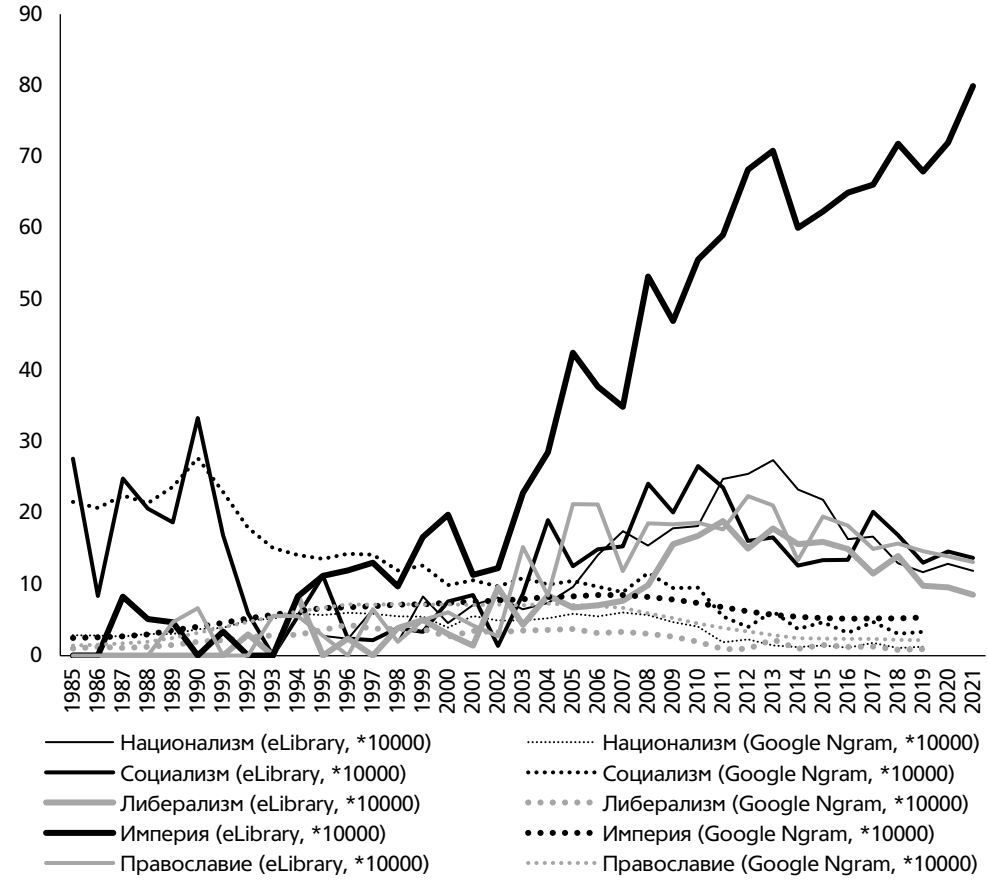

Рис. 1. Относительные частотности упоминания социализма, либерализма, православия, национализма и империи в русскоязычных научных публикациях и книгах, *1985–2021 гг.*

Примечание. В качестве базы использовалось общее количество уникальных слов в проиндексированных книгах (Google Ngram), проиндексированных публикаций в области социальных наук (Web of Science и eLibrary).

Источник: здесь и далее eLibrary, Web of Science и Google Book Ngram по состоянию на 21.09.2021 г. и расчеты автора.

Для сопоставимости результатов в поиске в базе англоязычных научных публикаций Web of Science использовался аналогичный фильтр (SU = social sciences), а полученные частотности умножены на 10^4. В большинстве случаев отобранные концепты упоминаются чаще в англоязычных текстах, чем в русскоязычных. Например, в 2020 г. «социализм» упоминался в eLibrary в 15 раз реже, чем в Web of Science (7%), «либерализм» – в 24 раза реже (4%), а «национализм» – в 37 раз реже (3%). Совсем иная картина с «империей»: этот концепт в 2020 г. упоминался в eLibrary в 1,23 раза чаще, а в отдельные годы последнего десятилетия разрыв был еще больше, достигая двукратного.

Падение интереса ко всем другим, кроме имперской, идеологиям указывает, с одной стороны, на незначительность шансов на возрождение социалистической идеи в России и, с другой, на высокую вероятность возрождения империи в той или иной форме на евразийском пространстве. Сообщество ученых может сыграть не последнюю роль в этом процессе, о чем свидетельствует явно выраженный научный интерес к концепту империи. В этой

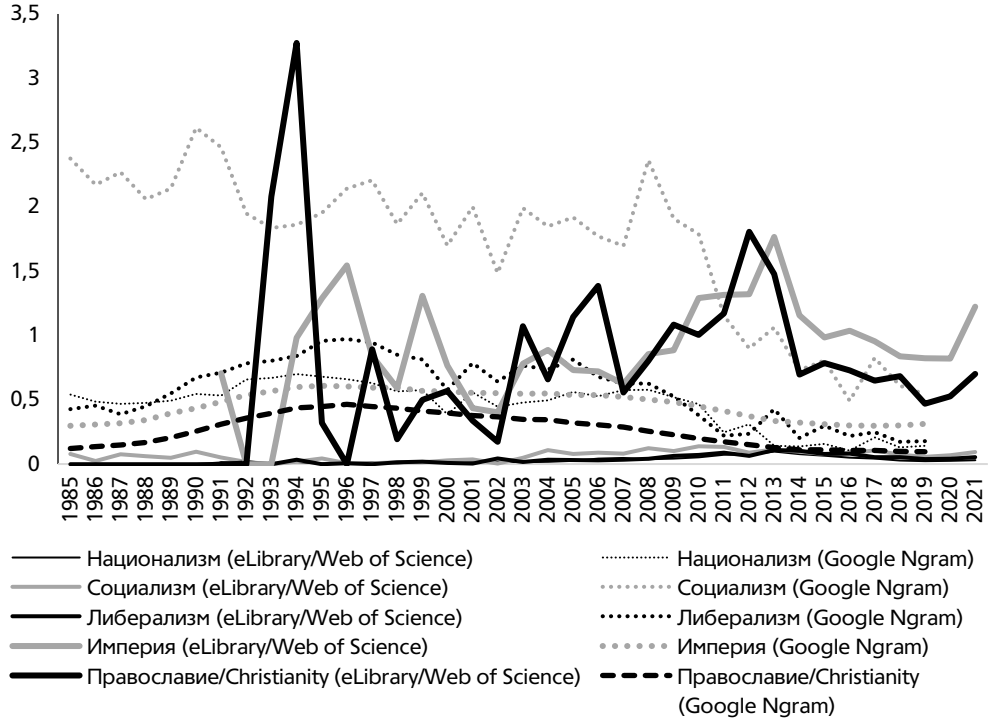

Рис. 2. Соотношение относительных частотностей упоминания социализма/socialism, либерализма/liberalism, национализма/nationalism и империи/empire в русско- и англоязычных научных публикациях и книгах, *1985–2021 гг.*

связи вспоминаются слова одного из персонажей горьковской «Жизни Клима Самгина»: «Русь все еще не нация, и боюсь, что ей придется взболтать себя еще раз так, как она была взболтана в начале семнадцатого столетия. Тогда мы будем нацией – вероятно».

ИНОЗЕМЦЕВ В.Л. Крах СССР – финал всемирной войны

1. Рискну сказать, что упадок и крах Советского Союза стал самым интересным с концептуальной точки зрения общественно-политическим событием второй половины XX в. В нем соединились два параллельных процесса: с одной стороны, кризис неэффективной индустриальной экономики на фоне ускорения технологического прогресса и постиндустриального перехода, с другой – кризис имперской модели политической организации в эпоху пробуждения национальных и религиозных идентичностей. Первый не был фатальным – осознание необходимости догоняющего развития приходило к многим обществам. Второй, однако, оказался непреодолим. Ни одна система не могла справиться одновременно с *двумя* трансформациями – и советская не стала исключением. Подробный анализ происшедшего 30 лет назад и по сей день остается важной задачей для социологов, далеко еще не решенной.

Значение конца коммунистического эксперимента и распада СССР велико, но его не следует переоценивать. Ни одна глобальная тенденция не была сломлена этим событием: технологические перемены продолжились и даже ускорились; глобализация расширилась на бывшие советские республики, не изменив своего характера; конфликты на периферии мира не прекратились с завершением «холодной войны», и т.д. В логике больших исторических циклов распад СССР завершил череду конфликтов, открытую Первой мировой

войной, т.е. подвел черту под той War of the World, о которой пишет Н. Фергюсон[19]. Выход за пределы этого периода я считаю главным позитивным последствием тех событий.

Социальные последствия произошедшего должны оцениваться в глобальном и локальном аспектах. Глобально крах СССР означал завершение «холодной войны». Он также показал, что неэффективные социальные системы не могут существовать вечно, запустив мощную волну демократизации и открытости. Межстрановая конкуренция резко активизировалась после перемен начала 1990-х, мировая экономика стала расти существенно быстрее. В то же время для граждан бывшего Советского Союза его распад оказался чреват серьезным снижением уровня жизни и массой конфликтов, которые не закончились и по сей день. Однако последнее явилось следствием эгоистических и/или некомпетентных действий постсоветских руководителей. Поэтому я оцениваю события рубежа 1980–1990-х гг. как неизбежные. Распад Советского Союза происходил не *вопреки*, а отчасти *в рамках стратегии* действовавшей власти, а отчасти при ее *попустительстве*, – и это сделало его относительно мягким и бескровным.

2. Распад СССР как единой страны следует анализировать в рамках концепции (пост) колониализма. Сами по себе демонтаж плановой экономики и демократизация политической жизни не являются фатальными для государства. Проблема СССР состояла в том, что его вожди убедили себя в некоей особости собственной страны, считая ее национальным государством европейского типа, а не колониальной империей. Концепция «новой исторической общности людей» определила неверные приоритеты перестройки: вместо реструктуризации империи и формирования конфедерации, и уже после этого обращения к экономическим и политическим реформам, в Москве запустили преобразования без понимания взрывоопасности национального фактора.

Поэтому распад СССР происходил вовсе *не* в контексте борьбы капитализма и социализма, или демократии и диктатуры. Ведь к концу своего существования Советский Союз уже переходил к рыночной экономике, а все демократические выборы, которые приводили к смене руководства страны, случались именно в СССР в 1989–1991 гг., в то время как в постсоветской России нет ни одного случая мирного прихода оппозиции к власти. Как и при любом распаде империи, главными на периферии стали новые национальные идентичности и мифологии, использовавшиеся политиками в борьбе с центром. В условиях нараставших экономических трудностей система не могла выжить.

Основной проблемой, сохранившейся после распада СССР, стала в точности такая же имперская структура новой России. И Российская империя, и Советский Союз, и Российская Федерация состояли и состоят из метрополии с плохо определенными границами, поселенческих колоний в Сибири и на Дальнем Востоке, где представители титульной нации составляют большинство населения, и военным образом присоединенных в относительно недалеком прошлом территорий Северного Кавказа с минимальным присутствием русского населения[20]. В отличие от потерявших свои колонии Британии или Франции и даже от сократившихся в начале XX в. территориально Турции и Австрии, Россия не превратилась в национальное государство, а осталась империей в миниатюре – но при этом со всем спектром постимперских комплексов. Иначе говоря, проблемность распада СССР состоит в том, что он заставил население пережить все тяготы и комплексы имперской дезинтеграции, но не принес при этом освобождения метрополии от бывших колоний и переосмысления ее самой как современного национального государства.

3. Принятие перемен произошло довольно успешно в *социально-экономической* плоскости, но не в *геополитической*. Сегодня большинство российских граждан приспособились к реалиям рыночной экономики, привыкли к новым социальным отношениям, нормально ощущают себя в открытом мире. Подтверждением я считаю тот факт, что в последние четверть века серьезные протесты в российском обществе никогда не

---

[19] *Ferguson N.* The War of the World: History's Age of Hatred, London: Allen Lane, 2006.

[20] Подробнее см.: *Абалов А., Иноземцев В.* Бесконечная империя: Россия в поисках себя. М.: Альпина Паблишерс, 2021.

порождались системными *экономическими* проблемами, в отличие от западноевропейских стран с мощным движением граждан именно за экономические права. Что касается политики и мифологии, тут успехов намного меньше: в России глубоко засели имперские комплексы и концепты «государственности» и «самодержавия». Оба момента можно понять: все же «имперскость» существовала в стране на протяжении нескольких столетий, а плановая экономика – около 70 лет.

Однако «второго шанса» на реализацию социалистической идеи я не вижу. В современном мире левые силы отражают интересы не человека труда, а любых меньшинств (бедных, мигрантов, представителей этнических и религиозных сообществ). Их цели – не вернуть людям то, что у них отняли, а дать им то, что им «причитается» на основании абстрактных концептов прав человека. Такая идеология приемлема в обществах, где достигнут крайне высокий уровень материального благосостояния, а большинство населения воспитывается в ощущении чувства вины в отношении остального человечества. Ничего подобного в России сейчас нет, и представить это затруднительно. Возрождение же левой идеи в категориях передела XIX в. сейчас настолько несовременно, что ждать его я бы точно не стал.

Перспективы нового многонационального объединения также выглядят довольно иллюзорными. Сегодня можно видеть, что относительно успешные объединения такого рода формируются либо культурно и исторически близкими друг другу бывшими метрополиями (как Европейский союз, который во многом помог имперским центрам пережить постимперский синдром), либо странами, боровшимися против империй (латиноамериканский Mercosur) или не принадлежавшими к имперским нациям (азиатский АСЕАН). Миру неизвестны примеры интеграции бывшей метрополии и ее колоний. Это вполне объяснимо, так как идентичность новых государств строится на *противопоставлении* бывшей метрополии. Дополнительным фактором являются масштабы самой России, которая по объективным причинам не может выстраивать отношения с бывшими советскими республиками как с равными. Наконец, экономически для интеграции нужны страны, сближение которых может порождать эффект масштаба, но на постсоветском пространстве «добавление» к России остальных стран, составляющих не более 15% ее собственной экономики, не способно принести никакой синергии. Поэтому, даже не говоря о тактической неспособности Кремля реализовать интеграционный сценарий, я думаю, что для него нет серьезной объективной основы.

Главной проблемой современных постсоветских стран является их неспособность выйти за пределы советских достижений и стремление постоянно соотносить себя с идеалом, находящимся в *прошлом*, а не в *будущем*. Динамизм Советского Союза – как и динамизм любой страны, реализовывавшей *революционную* стратегию развития, – основывался на отторжении традиционности и утверждении доминанты будущего над прошлым. В современной же России эта опробованная в десятках стран чуть ли не универсальная стратегия успеха предана полному забвению.

МАКАРЕНКО В.П. От ностальгии по СССР – к познанию советского общества

1. Колебание политических и экономических курсов в истории СССР/постсоветской России целесообразно рассматривать как следствие диктаторских, авторитарных, идеологических и властно-управленческих аберраций руководства страны, его зависимости от политической конъюнктуры, в том числе от меры политического и институционального произвола в каждом конкретном решении. Все эти параметры нетрудно установить на основе применения методов и концепций теорий международных отношений, сравнительной истории и политической концептологии к изучению политической истории России.

Теория посткоммунизма начала складываться после проведения в 1989 г. в Польше круглого стола правительства и «Солидарности». Уже в начале 1990 г. был сформулирован исходный блок идей политики посткоммунистической институционализации. Она состоит из трех горизонтов:

– «длительных временных протяженностей», определяющих комплекс вызовов, перед которыми оказались СССР и другие страны Восточной Европы после сброса коммунистического корсета;

– наследия советско-коммунистической формации, которая анализируется с точки зрения зависимости от пути развития, влияющей на процессы посткоммунистической институционализации в каждой стране;

– роста процессов самоорганизации – возникновения множества акторов, участвующих в создании нынешнего посткоммунистического порядка, который связан с разделом ресурсов, образующих основу нынешней структурной власти в каждой стране.

Посткоммунистическая политика институционализации зависит от трезвого учета всех ограничений, возникших в рамках трех указанных горизонтов. Поэтому нецелесообразно выделять отдельно взятый 1991 год в особую временную цезуру.

Фрагментом теории посткоммунизма может быть предложение рассматривать события последних 30 лет в контексте универсального процесса распада империй на протяжении XIX–XX вв. (Османской, Австро-Венгерской, Британской, Германской империй). Поскольку пока не ясно, как измерить влияние данного процесса на все аспекты социальной жизни (в том числе на политическое воображение действующих и потенциальных политиков), возможно как субститут применять теорию политического контекста.

Речь нужно вести и об особом эмоциональном фоне, который сопровождает процессы распада империй – от гомерического хохота до разнообразных рессентиментов. Сам список предложенных редакцией вопросов свидетельствует о том, что чувство печали по распаду СССР, особенно по советскому варианту «социализма», проникло и в социологию. Но почему бы вместо грусти по распаду СССР не порадоваться тому, что СССР распался не в результате военного поражения страны, а под действием менее разрушительных факторов?

4. Отечественная социология не смогла сыграть значительную роль в развитии и осмыслении событий начала 1991 г., поскольку в СССР и постсоветской России пока не сложились традиции легитимной оппозиции и устойчивых массовых движений, которые обеспечивают формирование различных традиций политической идентичности граждан. Время формирования таких традиций определить нельзя. Россия нуждается в диверсификации всего круга гуманитарных наук производно от перспектив усложнения социальной и профессиональной структуры и формирования в каждой ее ячейке потребности в исследовании, свободном от влияния денежных мешков, правительственных заказов и конъюнктуры. Надо культивировать и публично репрезентировать критическое отношение к любым правительственным инициативам, реализация которых не дает возможности выйти из состояния перманентных внутри- и внешнеполитических кризисов.

Важно обратить внимание на саму терминологию, при помощи которой обсуждаются события рубежа 1980–1990-х гг. В частности, часто употребляемый термин «развал» содержит скрытую нацеленность на поиск виновника, а значит, при использовании указанного термина в социологическом обиходе мы сразу попадаем в круг ангажированной публицистики. Между тем при обсуждении проблемы «Куда идет Россия?» на семинарах под руководством Т.И. Заславской в 1990-е гг. использовался термин «распад», отсылающий скорее к природным процессам, а не к политической квалификации происходящих процессов.

Для обретения подлинно научного знания о процессах распада империй, включая СССР, требуются долговременные концентрированные усилия. При этом надо обойти сознательную политику ностальгии по СССР, навязываемую нынешней пропагандистской машиной.

ДАМЬЕ В.В. Распад Советского Союза – расформирование «концерна СССР»

1, 2. Анализ того, что произошло с Советским Союзом, тесно связан с пониманием характера самого советского общества.

Уже в 1920–1940-х гг. появились его оценки как «государственного капитализма», при котором партийная, государственная и техническая бюрократия играет роль буржуазии при «нормальном» капитализме. В советском варианте усматривалось лишь концентрированное проявление мировой тенденции к более «организованному» капитализму[21]. В то же время некоторые авторы и тогда, и позднее связывали установление такой модели с потребностями правящих элит в ускоренной и консолидированной индустриально-капиталистической модернизации[22]. В советской науке в период перестройки также ставился вопрос об эффектах форсированной индустриализации в СССР[23]. Однако для понимания тенденций развития и особенностей функционирования советского общества к подходам, которые были сформулированы в рамках теорий государственного капитализма и форсированной модернизации, необходимо добавить и еще один элемент – концепцию негласного социального компромисса как особой формы советского социального государства[24].

Автор этих строк ранее попытался суммировать и синтезировать эти подходы[25]. Допустимо провести аналогии между принципами организации и функционирования советской модели и крупной капиталистической корпорации. Задачи «корпорации СССР» состояли в форсированном уничтожении традиционных социальных структур, создании основ и дальнейшем развитии индустриального общества со свойственными ему индустриализацией, колонизацией деревни, урбанизацией, распространением знаний, необходимых для выполнения индустриальных работ, и т.д. Ускоренность процесса предполагала предельную концентрацию экономической и политической власти, а также крайнюю жестокость принудительных мер. Несмотря на жесткий протекционизм, «корпорация» активно выходила на внешний рынок, участвовала в мировом капиталистическом разделении труда и боролась с конкурентами за место в капиталистической мир-системе. Экономика при этом была основана на наемном труде работников города и деревни на государство-концерн.

Таким образом, СССР – это общество, в котором причудливо смешивались докапиталистические, раннекапиталистические и развитые капиталистические элементы. Правящий слой/класс, который определял политику, руководил экономикой и распределял полученную прибыль, составляли «менеджеры» этой корпорации – партийные, государственные, производственные чиновники, чиновники репрессивного аппарата и т.д.

Однако осуществление внутренних (обеспечение экономического роста для получения прибыли и привилегий) и внешних (достижение победы над конкурентами в мир-системе) задач наталкивалось на возраставшие противоречия и конфликты внутри СССР. Форсированный рост предполагал сохранение единства правящего класса, готовность жертвовать частными и групповыми интересами ради блага корпорации в целом, с одной стороны, и постоянное увеличение объема и размеров прибыли, а следовательно, производственных заданий и норм – с другой. Но чем дальше, тем больше нарастали проблемы и «сверху», и «снизу».

Менеджериальный класс бюрократии постоянно проявлял тенденцию к формированию внутренних групп интересов (как ведомственных, так и территориальных). С этими

---

[21] *Rocker R.* Die Rationalisierung der Wirtschaft und die Arbeiterklasse. Berlin: Der Syndikalist, 1927; *Voline V.* Fascisme rouge // Ce qu`il faut dire. 1934. No. 2. Juillet; и др.

[22] *Harper J.* (*Pannekoek A.*) Lenin als Philosoph. Amsterdam: Gruppe Internationaler Kommunisten in Holland, 1938; *Marcuse H.* Soviet Marxism: A Critical Analysis. New York: Columbia University Press, 1958; *Kurz R.* Der Kollaps der Modernisierung. Frankfurt a.M.: Eichborn Verlag, 1991; *Rubel M.* La Perestroïka ou la nostalgie du capitalisme // Economies et Sociétés – Cahiers ISMEA. 1991. T. 25. No. 6–7. Juin–juillet. P. 17–60; и др.

[23] См., напр.: *Симония Н.А.* Что мы построили. М.: Прогресс, 1991.

[24] Das Ende des sowjetischen Entwicklungsmodells. Berlin; Göttingen: Schwarze Risse; Rote Strasse, 1992; *Cook L.J.* The Soviet Social Contract and Why It Failed. Cambridge: Harvard University Press, 1993.

[25] *Дамье В.В.* Стальной век: Социальная история советского общества. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.

явлениями приходилось бороться путем репрессий и «перетряхиваний» кадров, пока после победы «среднего звена номенклатуры» в конце 1950-х гг. и отмены «волюнтаризма» Н.С. Хрущева бюрократические группировки не добились известной стабильности своего положения («застой»). В то же время постоянное взвинчивание производственных норм и основанная на этом эксплуатация наемного труда в начале 1960-х гг. натолкнулись на жесткие границы. После серии бунтов, рабочих стачек и восстаний (не только в Новочеркасске в 1962 г.) руководство «концерна СССР» вынуждено было согласиться на негласный и неоформленный «социальный компромисс» с трудящимися, воздерживаясь впредь от драконовского повышения производственных норм, а также пойдя на общее повышение заработной платы, активное субсидирование цен на продукты питания, жилищно-коммунальные услуги и др. Произошло существенное расширение социальной политики в виде специфического варианта «социального государства».

Чем дальше, тем больше сказывалась неприспособленность бюрократического механизма администрирования к выполнению задач, поставленных с 1960-х гг. третьей индустриальной революцией. В результате стал нарастать кризис советской модели. Конкурентоспособность на мировом рынке стремительно падала: из экспортера оборудования Советский Союз в 1970–1980-х гг. превратился в экспортера сырья, прежде всего – топлива. Темпы роста производства и производительности труда все больше отставали от роста заработной платы, а затем стали сокращаться. Ситуация усугублялась колоссальными военными расходами, которые велись для сохранения и расширения позиций в конкурентной борьбе в мир-системе. Иными словами, методы форсирования больше не работали, а модернизационный проект оказался в глубоком кризисе. Падение мировых цен на нефть в начале 1980-х довершило дело.

Новая администрация во главе с М.С. Горбачевым попыталась искать выход путем экономии расходов (включая реформу ценообразования) и интенсификации труда, т.е. повышения уровня его эксплуатации («ускорение»). Расширение сферы рыночных механизмов должно было также усилить власть и экономические возможности директорского корпуса и ведомственных элит, а децентрализация – увеличить полномочия региональных номенклатурных группировок.

Однако политика перестройки потерпела крах. Трудящиеся ответили на интенсификацию и ценовые реформы мощной волной стачек. Стали возникать и распространяться новые социальные движения (экологическое, квартальное, рабочее и др.) с сильным самоуправленческим потенциалом. В свою очередь, в самом правящем классе росло стремление сменить методы управления и экономической эксплуатации. Советский чиновник-менеджер мог мириться с ограничениями своих возможностей частного накопления собственности до тех пор, пока мог рассчитывать на увеличение доходов от общего роста экономики, но не в условиях нараставшего спада. В среде правящего класса стали разрабатываться планы расторжения «социального компромисса» и раздела единой собственности «концерна СССР» под флагом «перехода к рынку». Взявшая на вооружение этот курс «демократическая» фракция номенклатуры вступила в блок с националистическими движениями в республиках и одновременно попыталась «приручить» и использовать актив новых социальных движений. В конечном счете, эта линия одержала победу: в 1991 г. «концерн СССР» был расформирован, а его собственность поделена между бюрократическими и олигархическими группировками.

С высоты прошедших 30 лет сложно оценивать результаты этих событий однозначно. Люди труда получили больший доступ к потребительским благам, но расчеты на возникновение развитого социального государства полностью провалились. Страны бывшего Союза прошли через массовое обнищание в 1990-х гг. и скатились на полупериферию или даже периферию мир-системы, а уровень социального расслоения бьет все рекорды. Почти во всех бывших советских республиках капитализм носит отчетливо олигархический характер. Более того, в настоящее время мы сталкиваемся с прогрессирующим демонтажом последних еще доступных социальных услуг в сфере здравоохранения и образования, повышением пенсионного возраста и т.д. То, что социальным движениям 1980-х гг.

не удалось реализовать иную (самоуправленческую) альтернативу, сделало такое развитие во многом неизбежным. Только с альтернативой самоуправления связаны возможные социалистические перспективы в будущем.

ДЕГТЯРЕВ А.Я.[26] Коренизация кадров – первопричина распада СССР

2. Главному геополитическому катаклизму последних десятилетий – распаду СССР – посвящены тысячи публикаций. Но лишь в небольшом числе работ (у В.А. Тишкова, Б.Н. Миронова, Р.Г. Пихои, Ю.Л. Слезкина и некоторых других[27]) исследованы глубинные причины этого распада. Речь идет об этнополитических аспектах, становлении национальных элит в союзных республиках и, главное, итогах политики так называемой коренизации.

Коренизация весь советский период являлась практической реализацией краеугольного для коммунистической идеологии принципа интернационализма. Идеи провозглашенной большевиками политики за несколько десятилетий дали обильные и весьма позитивные для народов союзных республик всходы. Формирование республиканских элит в итоге обеспечило не только их преобладание во властных и силовых (кроме армии) структурах, но и изменения в базисных экономических сферах. Ко времени распада СССР в подавляющем большинстве союзных республик экономическая власть также находилась в руках национальных элит. Удельный вес руководителей коренной национальности в производственных отраслях народного хозяйства составлял 60–70%, достигая в ряде случаев (например, в Армении) более 90%. Метрополия, обеспечивая растущую в республиках коренизацию управления, щедро тратила средства на подготовку национальных кадров, подтверждая появившийся в исследованиях последнего времени (В.А. Тишков и др.) тезис, что Советская Россия была «империей наоборот», «империей позитивного действия», «питомником для выращивания новых национальных государств».

Оглушивший мир стремительный распад СССР невозможно понять без знания процессов, протекавших внутри политического ядра государства – внутри КПСС и особенно ее высших звеньев, ЦК и Политбюро. С 1917 по 1991 г. членами и кандидатами в члены ЦК КПСС являлись 1931 человек. До поры до времени это было весьма консервативное сообщество. Заметное его расширение, сочетавшееся с активной дерусификацией состава, произошло лишь на двух последних в истории партии «горбачевских» съездах в 1986 и 1990 гг.

Члены ЦК относились к разным историческим эпохам. В 1930–1950-е гг. в составе ЦК преобладали люди, прошедшие школу социалистического строительства и участники Великой Отечественной войны. Именно к этому периоду относится утверждение в жизни партии так называемого номенклатурного принципа. Его оценивают по-разному, но трудно отрицать, что в течение нескольких десятилетий он обеспечивал стабильность политической системы, поскольку стержнем, вокруг которого он строился, была идейная преданность включенных в высшую партийную номенклатуру кадров. Но следующее поколение руководителей, выросшее в стабильных послевоенных условиях, сделавшее успешную карьеру в 1960–1970 гг., уже не отличалось жесткой идейностью предшественников. Претерпел негативные изменения и номенклатурный принцип, утративший былую строгость отбора кадров в высшие эшелоны власти.

Большие внутренние изменения происходили и в республиканских партийных организациях. Уже к началу 1960-х гг., как показал Б.Н. Миронов, в республиканских партийных организациях и, главное, в их руководстве преобладали титульные этносы. Такая же ситуация наблюдалась в правоохранительных структурах и судебной системе. К концу 1980-х гг. вытеснение русских из всех властных структур союзных республик завершилось. Более того, дерусификация аппарата управления в ряде республик в период перестройки стала принимать русофобскую окраску.

---

[26] В 1991 г. – заведующий идеологическим отделом ЦК КПСС.

[27] См., напр.: *Миронов Б.Н.* От коренизации к суверенизации: как готовилась дезинтеграция СССР // Российская история. 2021. № 6 (готовится к печати).

Дерусификация политического ядра государства закономерно привела к снижению и ослаблению влияния государствообразующего народа на положение в стране. Национальные элиты стали авангардом борьбы за полный суверенитет своих республик. Последствия этого процесса не преодолены в РФ до сих пор.

XXVIII съезд в июле 1990 г. избрал новый состав ЦК, обновленный на 4/5, что означало разрыв преемственности в деятельности высшей партийной структуры. В нем оказалось немало людей активных, но не прошедших достаточной политической и жизненной школы, а то и прямо враждебных идеям социализма (как, например, драматург А.И. Гельман, который уже через полтора месяца объявил о выходе из КПСС). Состав Политбюро свидетельствует, что коренизация достигла своего высшего политического выражения: 21 член Политбюро представляли национальные республики, а доля русских оказалась меньше трети. При этом из 29 членов Политбюро 27 вошли в высший орган партии впервые, лишь М. Горбачев и В. Ивашко состояли в нем ранее. Неудивительно, что сконструированный столь искусственным образом высший властный орган оказался не дееспособен и в критический момент крушения супердержавы даже не собрался, чтобы обсудить происходящее. В роли высшего органа в августовские дни 1991 г., во время ГКЧП, выступил секретариат ЦК, не потрудившийся созвать пленум ЦК и сумевший лишь к исходу третьего дня общенационального кризиса выработать заявление о происходящем.

Важным вопросом являются роль и значение деятельности М.С. Горбачева и ближнего круга его сподвижников в организации тектонических процессов, разрушивших СССР. Все исследователи упираются здесь в вечный вопрос о роли личности в истории. Огромное число людей, в том числе многие социологи, историки, политологи и т.п., искренне считают, что несколько человек, обладавших высшей властью, сознательно разрушили державу. На наш же взгляд, импровизационная деятельность М.С. Горбачева, пришедшего к руководству СССР в марте 1985 г. в результате по существу закулисной сделки высших партруководителей, сыграла в процессе распада Советского Союза роль *ускорителя, но не главной причины*.

Благодаря перестройке страна ускоренным темпом пришла к трагическому противоречию, которое в полном соответствии с законами диалектики потребовало разрешения. В результате политики коренизации супердержава была подведена к грани, за которой началась лавинообразная суверенизация, охватившая всех полноправных членов Союза. Попытка остановить процесс через создание конфедерации в таких условиях была, безусловно, обречена на провал при любом развитии событий. Выступление ГКЧП лишь избавило страну от длительных смертельных судорог в случае оформления конфедеративных отношений, на установление которых соглашалась лишь половина союзных республик. Летальный исход оказался болезненным, но быстрым.

Распад СССР являлся по большому счету не прихотью капризных и своевольных правителей, а результатом глубинных и до сих пор весьма слабо изученных процессов, которые за десятилетия накопили потенциал, вызвавший цепную реакцию. Политическая составляющая ускорила этот процесс, который при другом раскладе политических сил (например, в случае прихода к власти Г.В. Романова) мог быть на какое-то время отложен. Но «графитовые стержни», поглощавшие избыток национальных амбиций, оказались недальновидно удалены из союзного «реактора» в ходе непродуманной «перестройки». В подобных случаях результат всегда бывает неожиданным. Так и случилось. Вместо «социализма с человеческим лицом» в России утвердился «капитализм со звериным оскалом».

ЛЕВАШОВ В.К. Распад СССР – национальная катастрофа, обусловленная неолиберальным радикализмом

1. Необходимо отказаться от традиции тотального очернения русской, советской, российской истории, восстановить неразрывность социально-политической связи времен и непрерывности исторического процесса. В XX–XXI вв. оказались последовательно подвергнуты уничтожающей критике все политические лидеры страны – Николай II, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Н.С. Хрущёв, Л.И. Брежнев, М.С. Горбачёв и Б.Н. Ельцин.

По каждому из этих лидеров в СМИ велись масштабные кампании в мировых и отечественных СМИ. Цель огульных пропагандистских кампаний, которые после объявления санкций приняли форму гибридной войны, – создать в гражданском обществе России комплекс морально-политической неполноценности, посеять настроения неопределенности и неуверенности в будущем, недоверия власти и российскому государству.

Большинство исследователей склоняются к мнению, что судьба СССР отнюдь не была предрешена с момента образования, и что он в своей героической и трагической реальности отнюдь не был ошибкой истории. Чаще мнения склоняются к роковому стечению обстоятельств, ошибок и несостоятельности политиков. Опыт и результаты экономического развития КНР и других стран, в том числе РФ, показывают, что успех рыночных реформ и рыночной модели социализма зависит от активной творческой роли и деятельности государства в создании в обществе отношений трудовой мотивации граждан, а не от установления диктатуры финансово-спекулятивного и криминального капитала. Никакое государство не выдержит разрушительного потенциала ложно понимаемых идеалов и практик свободы как анархии и стихии, какими бы яркими лозунгами («берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», «рынок и реформы важнее сохранения СССР») ни прикрывали их политики-популисты. «Демократия и свобода» – самый востребованный у демагогов и манипуляторов лозунг-обманка, который в период реформ начинает действовать сильнее динамита, разрушая политическую культуру общества и государства.

В нашей стране Е.Т. Гайдару и его правительству не удалось решить в полной мере ни одной созидательной институциональной задачи рыночных реформ и построить экономику прорыва в устойчивое будущее для всех. Сломав систему плановой экономики, они не смогли обеспечить запуск новой модели хозяйствования, допустив ряд серьезных системных ошибок. В частности, цена экономических реформ оказалась непомерно велика: в 1990-е гг. произошло значительное снижение жизненного уровня населения, усилился спад производства, активно разрушался научно-технический потенциал страны, начались процессы деиндустриализации экономики.

Системные просчеты гайдаровско-ельцинских неолиберальных реформ затормозили государство и общество в развитии на многие годы и не преодолены до сих пор. Они не позволяют эффективно реагировать на санкции, вызовы и угрозы современного западного мира и являлись причинами всех последующих политических и экономических кризисов.

Однако ни время, ни пропаганда не смогли разрушить социокультурное ядро русской/советской/российской цивилизации, в которой после смуты сработали социальные и политические предохранители безопасности государственности. В последние 20 лет в нашем обществе востребованы и медленно утверждаются гуманистические идеалы и ценности, под знаком которых прошел почти весь XX век в Советском Союзе и в мире. Очевидно, что российское общество и государство сегодня находятся в процессе работы над ошибками радикалов и экстремистов, приведшими к трагической геополитической катастрофе Советского Союза, которая отразилась на судьбе каждого из нас и многих народов. Важно не обмануться в новых архитекторах и прорабах будущего, которые не устают строить фанерные декорации, чтобы закрыть руины своих ошибок.

КОНОНОВ И.Ф. И все же – катастрофа!

1. События 1991 г. я рассматриваю как общественную катастрофу – как цепь событий, приведших к очень быстрому разрушению общественного строя и политической системы с последующим понижением уровня развития возникших новых общественных образований. Еще одна коннотация этого термина – возможность, но не неизбежность этой цепи событий.

Предпосылкой катастрофы стало нарастание кризисных явлений в разных областях жизни СССР. Еще с середины 1970-х гг. происходило ухудшение экономической ситуации, вылившееся в длительный кризис, который в начале перестройки пытались преодолеть

политикой «ускорения»[28]. В частности, рос разрыв в производительности труда с развитыми странами: если в машиностроении соотношение с уровнем производительности труда в США составляло 46,1%, то в угольной отрасли – 11,1%, а в железорудной – лишь 8,6%[29].

Экономический кризис в СССР развивался на фоне нисходящей фазы одной из волн экономической конъюнктуры Кондратьева[30]. На понижающихся фазах инвестиции массово направляются в такие виды экономической деятельности, которые ведут к преобразованию технологического базиса экономики. Но в СССР в этот период, к сожалению, не было механизма для решения этой задачи. Возникла угроза, что СССР вообще не впишется в новый технологический уклад и станет уязвим в военном отношении. Последнее обстоятельство, видимо, очень беспокоило руководство Советского Союза, заставляя втягиваться в гонку вооружений, из-за чего расходы на оборону составляли 20–30% ВВП[31]. Одновременно с этим начали обращать внимание на рыночные механизмы, причем рынок вскоре начал восприниматься как панацея. Для управленческой элиты СССР социализм все больше превращался в ритуальную фразу, которая прикрывала ее обуржуазивание.

Конечно, катастрофа СССР не может быть объяснена исключительно экономическим кризисом. У нашей страны были большие природные, экономические и человеческие ресурсы, позволявшие найти из него выход. Скажем, экономика СССР до конца его существования оставалась второй или третьей экономикой мира, а по показателям человеческого развития наша страна входила в тридцатку наиболее развитых стран. Но эти ресурсы не были использованы по причине глубокого кризиса управления.

За кризисом управления стояли процессы развития социальной структуры. Партийно-государственная номенклатура к 1980-м замкнулась в своеобразную касту, где царили корпоративные интересы. Возникали злокачественные социальные образования, объединявшие партийных работников, цеховиков и торговых работников. На уровне народа было осознано отчуждение от принятия решений как на уровне страны, так и на уровне конкретного предприятия, так что сильных стимулов для развития экономики у работников тоже не было.

В таких условиях коммунизм как официально прокламированная цель общественного развития утратил реальную идеологическую энергию. И для элитных групп, и для значительных групп народа стало характерным восприятие Запада как воплощенной утопии. Эта утопия выполнила манипулятивную функцию в процессе приспособления бывшей номенклатуры к новой реальности. Номенклатурщики капитализировали свои властные позиции, использовав, казалось бы, крайне опасные для нее антибюрократические настроения конца перестройки. Под аккомпанемент проклятий коммунизму общенародная собственность оказалась разграблена. Номенклатура начала дифференцироваться на политико-экономические клиентельные группы, конкурирующие между собой. Вначале это произошло по линии «центр – республики», что закончилось развалом СССР. А затем в бывших советских республиках началась борьба за доминирование внутренних клиентельных групп.

Думаю, что в подготовке краха социализма основную роль сыграли внутренние причины. Без них никакие внешние факторы не смогли бы изменить общественный строй в тогдашней нашей великой стране.

Последствия катастрофы СССР с макросоциологической точки зрения в основном негативные. На развалинах социализма сложился общественный строй, который я давно

---

[28] *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время. В 2 т. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск: НГТУ, 2008. С. 396–397.

[29] Там же. С. 439.

[30] *Костюк В.Н.* Длинные волны Кондратьева и теория долговременного экономического роста // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 96.

[31] *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время. Т. 2. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2010. С. 9.

назвал «мульковым капитализмом»[32]. В основе этого окюморонного словосочетания – термин знаменитого арабского мыслителя XIV–XV вв. Ибн Хальдуна «мульк» в значении «власть-собственность». Конечно, это не значит, что у нас произошел прямой и полный возврат к формам общественных отношений средневекового исламского мира, но качественное сходство есть.

Классической страной «мулькового капитализма» можно считать Украину[33]. Основным политико-экономическим процессом у нас является процесс постоянного обмена власти и собственности. Господствующий класс разделен на клиентельные группы; его структурация осуществилась по преимущественно региональному признаку. Между клиентельными группами идет борьба за доступ к экономическим и политическим ресурсам, главным оператором которых выступает президентская власть. Поэтому выборы президента стали крайне конфликтогенными, подобными репетиции гражданской войны. Победившая клиентельная группа перенаправляет в своих интересах административную ренту, осуществляя, насколько это возможно, передел собственности. Противоречия внутри элиты толкают ее различные фракции к использованию внешних резервов, что обернулось внешней зависимостью и фактически внешним управлением. Обсуждаемая сейчас концепция неопатримониализма касается политических практик мулькового капитализма[34].

Крах СССР имел и громадные международные последствия. Был ликвидирован альтернативный центр мирового развития, мировая капиталистическая система стала глобальной. Во всем мире возросло давление покупателей рабочей силы на ее носителей, т.е. капиталистов на людей труда и культуры. Появился слой транснациональной буржуазии, который сейчас оказывает решающее влияние на мировые процессы. Утрата альтернативного варианта общественно развития привела к тому, что маргинализировались поиски преодоления глобальных проблем, разработки гармонических форм общественного устройства.

Конечно, ни один общественный строй не является однозначным. Скажем, нынешний общественный строй в бывших советских республиках не знает товарного дефицита. Даже военные действия в Донбассе существенно не отразились на функционировании украинского товарного рынка. Однако рынок как общественный институт у нас во многом деструктивен. Скажем, такой его сегмент, как рынок труда, работает фактически на трудовую миграцию в страны ЕС (и не только). Была еще одна сторона общественной жизни, служившая основой общественного договора между властью и населением, – невмешательство власти в личную жизнь и обеспечение базовых условий благополучия населения. Сейчас этот молчаливый договор разрушается языковой, религиозной и региональной политикой украинских властей.

2. Исследовательскую рамку для понимания 1991 г. принципиально не может задать какая-то одна теория, поскольку изменения в общественной жизни произошли многоуровневые и многоплановые. Лично моя исследовательская перспектива задается мир-системным анализом, теорией модернизации (включая такую ее разновидность, как теория второго модерна У. Бека) и теорией социализма.

Мир-системный анализ позволяет посмотреть на СССР с внешних позиций – с позиций мировой капиталистической системы. Хотя внутренняя жизнь Советского Союза строилась на иных основаниях, чем в странах Запада, сосуществование с миром капитализма заставляло нашу страну конкурировать на внешних рынках по капиталистическим законам.

---

[32] *Кононов І.Ф.* Адаптаційні та адаптуючі стратегії поведінки міських жителів Луганщини за умов суспільної кризи. (За результатами вивчення масової свідомості) // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. 1999. № 2. С. 70–88.

[33] *Кононов И.Ф.* Характер общественного строя в Украине // Українське суспільство в пошуках відповідей на виклики сучасності: світоглядний рівень осмислення. Матеріали Всеукраїнської науково теоретичної конференції 18–19 червня 2020 року. Одесса: Фенікс, 2020. С. 73–76.

[34] *Фисун А.А.* Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков: Константа, 2006.

По экономической, военной, культурной, в том числе научной, мощи СССР мог претендовать на вхождение в ядро мировой капиталистической системы. Однако полной его интеграции в эту систему быть не могло, что делало систему международных отношений лишь квазистабильной. Появление у одной из сторон преимуществ могло стать предпосылкой общей дестабилизации. Неолиберальный поворот 1980-х дал второе дыхание капитализму, а Советский Союз адекватного ответа на этот вызов не нашел.

Теория модернизации позволяет посмотреть на Советский Союз как на разновидность модернового общества. Пусть и путем огромных издержек, с задачей построения индустриального общества он все же справился. Переход же ко второму модерну с технологической базой, требующей существенной личной инициативы работника, с ослаблением суверенных функций государств, с их разделенным суверенитетом, с глобализацией, стал для СССР препятствием, которое он не смог преодолеть.

Теория социализма, которую не следует жестко отождествлять с марксизмом, позволяет понять характер советского общественного строя. В свете пережитого в XX в. социального опыта социализм можно понимать как разновидность модерна, где главным ориентиром общественной жизни выступает общественное благо, связываемое с интересами большинства населения. Это большинство составляют не только люди физического труда, но и люди, занимающиеся наукой, образованием, здравоохранением, культурной деятельностью. А. Бузгалин и А. Колганов определили этот слой как «социалиат»[35]. Социалистическим будет общество, которое научно управляется и стремится к гармонии общественных и личных интересов, к гармонии с природной средой.

В реальных обществах, идущих по пути социализма, эти черты могут проявляться в разной степени и в разных сочетаниях. С этих позиций общественный строй в СССР все же нужно признать социалистическим. Здесь была реализована форма государственного социализма, которая на начальных этапах своего существования смогла мобилизовать огромную общественную энергию для решения задач модернизации, но в долговременной перспективе оказалась обречена на эрозию.

Подготовили С.Ю. ДЕМИДЕНКО, Ю.В. ЛАТОВ

ДЕМИДЕНКО Светлана Юрьевна – научный сотрудник; старший преподаватель Государственного академического университета гуманитарных наук; ответственный секретарь (demidsu@yandex.ru); *ЛАТОВ Юрий Валерьевич – доктор социологических наук; главный научный сотрудник; научный редактор* (latov@mail.ru). *Оба – Институт социологии ФНИСЦ РАН; журнал «Социологические исследования», Москва, Россия.*

[35] *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Трансформация социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 24.

THE END OF THE SOVIET ERA: ESTIMATES FROM A 30-YEAR DISTANCE (Round Table)

Participants: *Mikhail F. CHERNYSH, Corresponding Member of the RAS, Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS* (mfche@yandex.ru); *Vadim V. DAMIE, Dr. Sci. (Hist.), Leading Researcher at the Institute of General History of RAS* (foristademeryamaa@gmail.com); *Alexander Ya. DEGTYAREV, Dr. Sci. (Hist.), Advisor to the Chairman of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation* (aydegtyarev@senat.gov.ru); *Vladislav L. INOZEMTSEV, Dr. Sci. (Econ.), Director of the Center for Research on Post-Industrial Society* (slava_in@yahoo.com); *Ilya F. KONONOV, Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Lugansk National University named after Taras Shevchenko, Starobelsk, Ukraine* (kononov_if@ukr.net); *Nikolai I. LAPIN, Corresponding Member of RAS, Chief Researcher, Head of the Center for the Study of Socio-Cultural Changes at the Institute of Philosophy of RAS* (lapini31@mail.ru); *Viktor K. LEVASHOV, Dr. Sci. (Soc.), Director of the Institute for Socio-Political Research of FCTAS RAS* (levachov@mail.ru); *Victor P. MAKARENKO, Dr. Sci. (Polit., Phil.), Chief Researcher at the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia* (Vpmakar1985@gmail.com); *Anton N. OLEINIK, Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Laboratory of Microeconomic Analysis and Modeling of the CEMI RAS* (aoleynik@mun.ca); *Irina N. TROFIMOVA, Dr. Sci. (Polit.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS* (itnmv@mail.ru). *All – Moscow, Russia – except otuherwise designated*

Abstract. In December 2021, it was 30 years after the end of the history of the USSR, but the Russian society has not yet decided its attitude to this event, contradictory assessments are also given by social scientists. Continuing the theme started in No. 8 of this year, the journal organized a round table, inviting social scientists-experts representing different scientific and ideological directions to discuss issues about the events of 1991. Participants display a wide range of opinions and assessments, from apologetic to critical.

Keywords: collapse of the USSR, "real socialism", socialist idea, social development, public consciousness, events of 1991.

Svetlana Yu. DEMIDENKO, Researcher; Senior Lecturer, State Academic University for the Humanities; Executive Secretary (Editor) (demidsu@yandex.ru); *Yuri V. LATOV, Dr. Sci. (Soc.), Chief Researcher; Scientific Editor* (latov@mail.ru). *Both – The Institute of Sociology FCTAS RAS; the Journal "Sociological Studies", Moscow, Russia.*

© 2021 г.

С.Г. КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ – ТОРМОЗ РЕАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ РАСПАДА СССР)

КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР Светлана Георгиевна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, заведующая сектором Института экономики РАН, Москва, Россия (kirdina@inecon.ru).

***Аннотация**. Теоретический синтез в общественных науках означает «перезагрузку» и адаптацию научного знания в соответствии с меняющимися социальными условиями. С этой точки зрения в статье проанализировано состояние политической экономии социализма и советской социологии как главных составных частей марксистского обществоведения в СССР. Показано, что, несмотря на неоднократно предпринимаемые представителями обеих дисциплин попытки критического анализа традиционных понятий, введения новых категорий и концептуальных дополнений, в них не произошло существенных методологических изменений и не состоялся необходимый теоретический синтез. «Застывшая методология» этих наук стала основным тормозом для адекватного выполнения ими своих общественных функций, прежде всего прогностической и преобразовательной. Распад СССР, таким образом, автор связывает в значительной степени с отставанием советских общественных наук от потребностей социально-экономического развития.*

***Ключевые слова:** методология социологии • советская социология • теоретический синтез • СССР • политическая экономия социализма*

DOI: 10.31857/S013216250016308-1

По поводу известного исторического события – официально анонсированного 8 декабря[1] и завершенного уже 25 декабря 1991 г., когда флаг СССР над Кремлем был спущен навсегда, – вряд ли утихнут споры. Масштаб случившегося – позже его назовут «геополитической катастрофой» – поразил воображение даже тех, кто ожидал и приветствовал его. Этот масштаб определяет и многозначность причин, приведших к распаду СССР. Многие из них уже проанализированы в статьях, опубликованных в журнале «Социологические исследования» на эту тему. Среди них – разрыв между элитами и населением, связанное с этим непонимание руководством страны фактической ситуации [Тощенко, 2021], неготовность политического руководства к проведению необходимых преобразований [Симонян 2021], рост этнического национализма в республиках СССР [Дробижева, 2021] и многое другое.

Мы дополним список возможных причин распада СССР теми, которые проистекают из роли общественных наук в социально-экономическом развитии и возвращают нас к ответственности представителей научного сообщества за то, что происходит в стране. Эти причины – недостаточная глубина научных разработок советского обществоведения: недостаточная, чтобы объяснять и предвидеть ход социально-экономического развития, анализировать его драйверы и пределы. Попробуем показать, как «застывшая методология» выступает тормозом научного знания, из-за которого оно перестает быть «реальной

[1] В этот день в 1991 г. президенты России, Украины и Председатель Верховного Совета Белоруссии подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (Беловежское соглашение), где зафиксировали, «что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование».

производительной силой». Для этого исследуем роль обновления методологии и теоретического синтеза в научном знании, покажем, чем он вызывается, почему необходим и как проявляется в современных науках об обществе, выявим барьеры на пути обновления методологии общественных наук в СССР и проанализируем причины, почему не состоялся необходимый теоретический синтез. Мы остановимся на политической экономии социализма и социологии. Выбор именно данных наук связан с тем, что, во-первых, они были основными взаимосвязанными частями советского обществоведения и базировались на общей методологии. Во-вторых, именно эти дисциплины, как правило, вносят наибольший вклад в обеспечение руководящих политических и экономических структур научной социальной информацией.

О роли теоретического синтеза в развитии общественных наук. Под теоретическим синтезом, о котором далее пойдет речь, мы понимаем такой этап развития научного знания, когда в ходе интеграции существующих и новых направлений (доктрин, концепций) в науке происходит существенное, этапное переосмысление принятых ранее теоретико-методологических положений с учетом новых данных. В общественных науках новые данные связаны, как правило, с появлением (распространением) социально-экономических феноменов, которые ранее или не наблюдались, или не имели массового характера, или не предвиделись.

Задача теоретического синтеза «состоит в том, чтобы на основе соединения, казалось бы, противоположных по содержанию исследовательских программ разработать более общую … теорию, отражающую изменения, произошедшие в экономике [и обществе. – *Прим. С.К.-Ч.*], результаты новейших теоретических исследований, а также все позитивное, что содержится в предшествующих концепциях» [Никифоров, 2014]. Каждый раз это – своего рода «момент истины» для дисциплин, которые «не могут смириться с собственной неразвитостью» [Carrigan, 2014] и предпринимают усилия по обновлению методологической программы. Результатом является «прекращение методологической борьбы» [Вудфорд, 2010: 18] между конкурирующими концепциями и формирование обобщающего их нового теоретического направления.

Примерами такого синтеза в общественных науках могут служить неоклассический синтез 1940–1960-х гг. и новый неоклассический синтез 1990-х гг. в рамках неоклассической экономической теории, которые стали важными этапами в развитии ортодоксального экономического мейнстрима западных стран. Первый теоретический синтез стал реакцией экономической теории на Великую депрессию, которая показала неадекватность предположений о роли рынка как исчерпывающего экономического регулятора. В результате в основание неоклассических теорий были включены положения доктрины Дж.М. Кейнса о необходимости государственных интервенций для сглаживания циклического развития капиталистической экономики. Второй (или новый) неоклассический синтез возник как ответ экономической теории на неизвестное ранее явление стагфляции, когда стагнация экономики и рост инфляции происходили одновременно. Для его объяснения возникло новое теоретическое направление, объединившее представления из теории реального делового цикла с методами моделирования новой макроэкономики и принявшее гипотезу рациональных ожиданий экономических агентов. Разработанные в его рамках динамические стохастические модели общего равновесия оказались более адекватными для анализа условий и факторов экономического роста.

В социологии такого рода теоретический синтез явно не выражен. В ней сохраняется независимое сосуществование трех основных парадигм (структурного функционализма, социального конфликта и символического интеракционизма), определяющих разнообразие социологических взглядов и предлагающих альтернативные объяснения развития общества и социальных процессов. При конкуренции этих парадигм рост «теорий, методологий и предметных/эмпирических областей в социологии не привел к консенсусу относительно того, что такое социология или как генерировать совокупные знания» [Mears, Stafford, 2002: 5], что не позволяет увидеть завершенные примеры социологического

теоретического синтеза. Однако его попытки имеют место в ходе постоянно предпринимаемых «поворотов» социологии в сторону различных наук[2], которые были отмечены в российской [Романовский, 2009; Кравченко, 2012: 9] и зарубежной [Urry, 2005; Carrigan, 2014] литературе. Несмотря на их количество (М. Карриган уже 7 лет назад насчитывал 47 таких «поворотов»), большинство из них имеют так называемый перформативный характер [Carrigan, 2014] и не приводят к радикальному обновлению корпуса основных социологических предпосылок. Следствием являются теоретический и методологический кризисы в социологии (см., напр., [Szelenyi, 2015]), недостаточная разработанность адекватных для современных условий и центральных для социологии основных концептов, в частности концепта «общество» [Walby, 2021], а также «ловушка плюрализма», когда отвергается сама идея существования социологии как единой социальной науки.

В то же время объективная потребность теоретического синтеза в общественных науках, включая социологию, находит свое выражение в становлении многочисленных стыковых дисциплин. На это указывает появление различных социальных и гуманитарных наук с приставкой «социальная» или «социо-»: «социальная психология», «социальная география», «социолингвистика», «социоэкономика», «социобиология» и т.д. Также есть множество других направлений, где общественные науки «дружат» и выстраивают новые исследовательские программы, – это «историческая психология», «экономическая социология», «политическая психология», «культурная антропология» и т.д. Их становление связано с тем, что инструментарий, понятия и методы отдельных наук оказываются, по мнению исследователей, недостаточными, чтобы отразить постоянно растущую сложность изучаемого объекта. В рамках стыковых дисциплин осуществляются попытки разработать обновленную методологию, адекватную вызовам реальной практики. Разработка такой методологии и составляет содержание теоретического синтеза. Его роль состоит в том, чтобы «перенастраивать» научные направления в соответствии с общественными запросами и обеспечивать своевременное реагирование социальных теорий на происходящие в обществе изменения.

Имел ли место такого рода теоретический синтез в общественных науках СССР? Основы и направления развития советского обществоведения были заложены еще В.И. Лениным, который в свое время писал: «…для русских социалистов особенно необходима самостоятельная разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие руководящие положения, которые применяются в частности к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России» [Ленин, 1967: 184]. Творческая разработка марксистских положений отечественными обществоведами не изменяла, однако, «идейный стержень» общественных наук, который окончательно сформировался в СССР в 1930-е гг. [Булыгина, 2000]. Его основу составили идеология марксизма-ленинизма и приверженность построению социализма и коммунизма как основной цели общественного развития.

По поводу идеологизации и несвободы советского обществоведения, призванного служить делу «социалистического строительства», написано много литературы. Их суть емко и кратко выразил известный исследователь в этой области Г.П. Федотов: общественные науки в СССР стали служебным понятием [Федотов, 1994]. Другими словами, советскому обществоведению предстояло решать не (с)только исследовательские, но и политические задачи «на службе» правящей коммунистической партии. Это было характерно как для политэкономии социализма, так и для социологии.

Как же происходило их развитие в СССР? Имел ли место в них теоретический синтез, отражающий методологическое обновление рассматриваемых наук в соответствии с потребностями меняющейся практики?

---

[2] Также имеет место встречная тенденция, когда иные науки «поворачиваются» в сторону социологии и «заимствуют ее теоретические и методологические открытия» [Cronin, 2005: 465], например, в информатике или лингвистике [Angelelli, 2014].

Политическая экономия социализма. В анализе советской экономической науки обратимся к одному из важнейших ее постулатов, который был зафиксирован, например, в работе И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (1951): «Законы политической экономии отражают закономерности процессов, совершающихся независимо от воли людей». Было признано, что эти объективные законы партия и правительство могут лишь изучать и учитывать в своей деятельности, но не могут их отменить.

Прежде всего, таким объективным законом был сформулированный Марксом и формально разделявшийся всеми советскими политэкономами закон о примате производительных сил (базиса) по отношению к производственным отношениям (надстройке), единство которых определяло способ производства и характер общественно-экономической формации: «На известной ступени своего развития производительные силы перерастают рамки данных производственных отношений и вступают с ними в противоречие. …В силу этого старые производственные отношения раньше или позже сменяются новыми производственными отношениями, соответствующими достигнутому уровню развития и характеру производительных сил» [Политическая экономия, 1953: 10][3].

Но могла ли предполагаться смена общественно-экономической формации и, соответственно, замена надстройки в виде политической советской системы в СССР – «стране победившего пролетариата», строящей коммунизм? «В этих условиях тезис о примате производительных сил, которые непрерывно развиваются и рано или поздно должны были, следуя логике марксизма-ленинизма, изменить строй, становился идеологически неприемлемым» [Кирдина, 2006: 32]. Было очевидно, что положение о пассивной, вторичной роли производственных отношений по отношению к базису (в виде производительных сил) требовало пересмотра. Это было тем более важно, поскольку фактически соответствовало активной роли руководящей коммунистической партии (надстройки) в проведении экономических преобразований и развитии производительных сил в стране. Говоря современным языком, перед политической экономией социализма встала задача теоретического синтеза – разработки методологии, которая позволила бы интегрировать позиции, по-разному определявшие соотношение базиса и надстройки в общественном развитии.

В политэкономической литературе тех лет мы видим попытки такого «синтеза», который, по сути, означал попытку реинтерпретации марксовой концепции. Приведем характерную цитату из работы крупнейшего советского экономиста тех лет К.В. Островитянова: «Политика советского государства, руководимого Коммунистической партией, согласно учению Ленина, является концентрированным выражением экономики и имеет примат над последней. Положение о примате политики над экономикой в социалистическом обществе ни в малейшей степени не противоречит и не отменяет основ исторического материализма и, в частности, того положения, что экономика является базисом человеческого общества, а политика, государство, право – надстройкой над базисом. Марксизм-ленинизм не рассматривает надстройку как нечто пассивное по отношению к базису – экономике. Наоборот, он признает активную роль надстроек, оказывающих огромное обратное влияние на экономику и производительные силы общества» [Островитянов, 1972: 84].

Приведенная цитата ярко показывает, что в условиях идеологического контроля над общественными науками необходимый теоретический «синтез» происходил не на деле, а лишь на словах. «Последовательное уточнение какого-либо официального идеологического положения приводило в конце концов или к отрицанию социалистического характера общества, или к отрицанию соответствия официального положения марксизму» [Воейков, 2012: 28], поэтому отказаться от такой противоречивой и слишком абстрактной трактовки категорий производительных сил и производственных отношений оказалось невозможно.

Другим примером того, как *не* состоялся необходимый для развития политической экономии социализма теоретический синтез, служит известная дискуссия между «товарниками» и «нетоварниками» 1960-х гг. «Товарники» обосновывали объективный характер

[3] Подробнее о дискурсе в советской политэкономии на эту тему см.: [Нуреев, Ореховский, 2021].

развития товарно-денежных отношений при социализме – наиболее известной была группа Я.А. Кронрода в Институте экономики АН СССР. «Нетоварники» во главу угла ставили планомерность, полагая существование товарно-денежных отношений лишь временной фазой «на пути перехода к коммунизму», – эта позиция была представлена сотрудниками кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, которой руководил Н.А. Цаголов. Дискуссия закончилась решением ЦК КПСС от 21.12.1971 г. «О работе партийной организации Института экономики Академии Наук СССР по выполнению постановления ЦК КПСС "О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве"», на основании которого «товарники» фактически оказались лишены возможности работать и печатать свои труды. «Этот разгром, в конечном счете, закрыл возможные альтернативные направления социально-экономического развития страны… Она [точка зрения «товарников». – *С.К.-Ч.*] призывала к новому пониманию социализма, открывала новые направления развития общественного строя, предлагала новую научную методологию – попытку сначала разобраться в существующих реалиях, их сформулировать, а затем искать научно обоснованные решения выявленных проблем» [Кузнецова, 2005: 46]. Другими словами, он являлся призывом к разработке обновленной методологии в политической экономии социализма. Но такой подход не был поддержан и реализован.

Данный подход не получил поддержки и при подготовке нового «послесталинского» учебника по политэкономии социализма. «Эту работу взялся делать Институт экономики АН СССР группой ученых во главе с Я.А. Кронродом. …Но труд Института экономики так и не появился в печати» [Воейков, 2012: 39]. Зато в 1963 г. издали учебник политэкономии под редакцией Н.А Цаголова – главного оппонента «товарников», где именно его версия была утверждена «в качестве официальной и единственной» [Дзарасов и др., 2004: 368]. Более того, за кафедрой Цаголова – единственной на пространстве бывшего СССР – устойчиво закрепилась идентификация «школы экономической методологии» [Шапиро, 2015]. Период методологического плюрализма, начавшийся в период «оттепели», быстро закончился. Тем самым закрылось и «окно возможностей» для теоретического синтеза и обновления методологии, так необходимых для развития политической экономии социализма.

Попытка обновления методологических категорий и выхода за пределы жестких и недостаточно эвристичных конструкций «производительных сил и производственных отношений», а также «планомерного социализма», вновь была предпринята в начале 1980-х гг. Академик Л.И. Абалкин в своей работе «Диалектика социалистической экономики» предложил включить в методологическую программу экономических исследований новую аналитическую категорию «на стыке известных категорий производительных сил и производственных отношений» – «организационно-экономические отношения» [Абалкин, 2000: 339]. Однако и эта попытка не получила развития. Политэкономия социализма в СССР даже в последние годы его существования не смогла выйти из роли «служебного понятия».

Полувековая история советской политэкономии позволяет увидеть картину поисков совершенствования исследовательской методологии в общественных науках и идентифицировать идеологические барьеры, на которые постоянно наталкивались эти поиски. Похожая ситуация имела место и в истории советской социологии.

Советская социология. История отечественной социологии начинается со второй половины XIX в., и уже к началу XX в. сложилась оригинальная российская социологическая школа, которая была одной из самых динамично развивающихся социологических школ того периода. Революция 1917 г. поначалу дала ее развитию новый импульс. Результатом стало создание в 1919 г. Социологического института, первой кафедры социологии в Петроградском государственном университете под руководством П. Сорокина (1920), введение социологии в качестве обязательного предмета преподавания не только в вузах, но и в средних школах страны, в возобновлении активной деятельности Российского социологического общества им. М.М. Ковалевского [Осипова, 2015]. Однако по мере становления социалистического государства социология в СССР постепенно свертывается,

а к 1930-м гг. полностью прекращает свое существование. В качестве общесоциологической теории утвердился исторический материализм, до конца 1950-х гг. он представлял собой единственную версию «советской социологии».

Исторический и диалектический материализм в ортодоксально-марксистском понимании формировал также основную методологию исследований социальных процессов. Она сохранила свое значение и после официального признания социологии как самостоятельной науки – после учреждения Советской социологической ассоциации (1958), образования в АН СССР Института конкретных социальных исследований (1968) и затем создания центров социологических исследований по всей стране.

Развитие социологии стало возможным при условии ее фокусировки на социологических *конкретных* исследованиях, в то время как роль *методологического* фундамента продолжала оставаться за марксистско-ленинской философией с присущей ей системой категорий. Этот компромисс был зафиксирован в статье «Исторический материализм – теория и методология научного познания и революционного действия» [Глезерман и др., 1971], вышедшей в знаковом журнале «Коммунист». Статья официально подтвердила трехуровневую структуру социологии: верхним уровнем социологического знания (общесоциологической теорией) признавался исторический материализм, на втором уровне частных социологических теорий «располагались» разделы научного коммунизма, а на третьем – конкретные социологические исследования.

Тем не менее усложнение реалий и накопление проблем в развитии советского общества требовало от социологов разработки новых категорий и обновления методологии. Но, как и в политической экономии социализма, предпринимаемые попытки такого рода также не получали развития, что сдерживало необходимый теоретический синтез.

В качестве примера вспомним разработки Новосибирской социологической школы (НСШ), где была предложена новая аналитическая категория «социальный механизм развития экономики» – система факторов планового управления экономикой и факторов, не поддающихся прямому регулированию и связанных с интересами и экономическим поведением людей. Результаты, полученные в ходе применения обновленной методологии, как и сам категориальный аппарат, были представлены в докладе Т.И. Заславской «О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии» на Всесоюзном семинаре в апреле 1983 г. в новосибирском Академгородке (подробнее см.: [Кирдина, 2015: 19–20]). В докладе с грифом «Для служебного пользования» (цензура запретила его печать и рассылку по научным учреждениям страны) обосновывалось положение, что «сложившаяся в СССР система производственных отношений отстала от роста производительных сил и начала тормозить их дальнейшее развитие» [Заславская, 2007: 525]. Текст доклада неизвестным образом попал за рубеж и был предан широкой огласке. После этого Новосибирский обком КПСС обвинил руководство Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР в «антипартийной и антисоветской деятельности», вынеся выговоры по партийной линии Т.И. Заславской и директору института А.Г. Аганбегяну.

Конечно, это не остановило дальнейших исследований социального механизма развития экономики в рамках Новосибирской социологической школы, но существенно ограничило дискуссии и свободное обсуждение развития обновленной методологии, затормозив необходимый теоретический синтез в советской социологии.

Возможен ли был теоретический синтез, и выучены ли уроки? История, как известно, не имеет сослагательного наклонения, и все же… Как было отмечено, теоретический синтез стимулируют, во-первых, новые факты и явления, попадающие в поле рассмотрения ученых, и, во-вторых, активные теоретические и методологические дискуссии между сторонниками различных подходов.

Очевидно, что новые явления, требовавшие научного осмысления, имели место. Одним из таких феноменов было развитие теневой социально-экономической сферы, где были заняты большие группы людей и в рамках которой создавались и перераспределялись

существенные объемы неучтенного общественного богатства. Эти неправовые практики в сфере труда и занятости были замечены многими политэкономами и социологами, но сделать их объектами научного исследования долго не представлялось возможным. Например, в своих мемуарах С.М. Меньшиков пишет, как с начала 1980-х гг. неоднократно предлагал научным и партийным функционерам создать структуры и проекты, посвященные изучению теневой экономики [Меньшиков, 2007: 242, 350], но этого так и не произошло, поскольку за это, образно говоря, могли «голову отрезать» [там же: 361]. А начатые в рамках НСШ исследования одного из явлений подобного рода – шабашничества (сезонной неорганизованной трудовой миграции) – были опубликованы только в период распада СССР [Шабанова, 1991]. Как видим, возникавшие новые явления с трудом включались в научный анализ.

А что же по поводу развития новых теоретических подходов? Поскольку внутри страны данный процесс был существенно ограничен, можно предположить, что необходимые теоретические новации могли быть заимствованы извне. Учитывая специфику советского обществоведения, опиравшегося на идеи Маркса и, прежде всего, исторический материализм, наиболее перспективными течениями для обмена идеями можно считать зарубежный марксизм и оригинальный институционализм. Однако марксизм (западный марксизм, постмарксизм) с 1970-х гг. сам находился в кризисе. «Рецессия» марксизма выражалась в том, что на Западе «почти все марксисты… двигались в прямо противоположном от Маркса направлении» [Павлов, 2021: 76], а потому мало что могли дать советским «братьям по разуму». Что касается работ институционалистов (которых называли «социальными экономистами»), то за приверженность идеям улучшения капитализма их называли «наиболее злобными врагами рабочего класса из всех представителей вульгарной политической экономии». Вышедший в СССР перевод книги Т. Веблена «Теория праздного класса» не содержал подзаголовка из американского издания «экономическое исследование институтов», а критика институционализма, начатая в работах И.Г. Блюмина еще в конце 1920-х гг., продолжалась все советское время (подробнее см.: [Кирдина, 2015]). Так что и эти возможности не были использованы советскими обществоведами для обновления используемой методологии и теоретического синтеза[4].

Были ли барьеры теоретического синтеза, требовавшегося для развития общественных наук в СССР, связаны только с положением самих этих наук в социально-политической структуре страны? Очевидно, что идеологические установки и партийный контроль сковывали свободные дискуссии и не способствовали плюрализму доктрин и мнений – одному из условий обновления методологии и становления научного теоретического синтеза. Отстаивание учеными своих взглядов, отличных от «линии партии», угрожало не только профессиональной карьере, но в определенные периоды было и физически небезопасно. С другой стороны, не стоит забывать и о роли научных сообществ, порой готовых «подвергнуть длительной проработке» тех коллег, чьи взгляды отличались от общепринятых. Важна и позиция отдельных исследователей, которые нередко использовали свой «социальный капитал» для дискредитации коллег по дисциплине, имеющих альтернативные позиции и поддерживающих «сомнения в общепринятой мудрости и ее бесплодности» [Меньшиков, 2007: 460].

Из обзора «провалов» советского экономического и социологического обществоведения нужно извлечь важный методологический урок. Он состоит в том, что внимание к теоретическим предпосылкам исследования и к методологии в целом – это не просто «правила хорошего тона» в нашей науке. Ее постоянное совершенствование и актуальность не менее, а возможно, и более важны, чем получение конкретных данных и проведение расчетов.

---

[4] Институционализм сыграл свою позитивную роль позже, уже в постсоветской России. Одним из свидетельств можно считать разработку теории институциональных X-Y-матриц, которая представляет собой результат теоретического синтеза ряда зарубежных и отечественных концепций [Кирдина, 2014: 34–41].

Развитие общественных наук в СССР с их «застывшей методологией» привело к тому, что ученые не смогли дать ответы на многие практически важные вопросы и способствовать тем самым решению в кризисные 1980-е гг. реальных социальных и экономических проблем. Поэтому есть и их (а значит, и наша) доля ответственности за распад Советского Союза, о чем современным российским обществоведам не следует забывать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абалкин Л.И. Избранные труды в 4-х т. Т. 1. М.: ОАО «НПО "Экономика"», 2000.

Булыгина Т.А. Общественные науки в СССР: 1945–1985 гг. 2-е изд. М.: МАДИ: ИГИ, 2000.

Воейков М.И. Советская политическая экономия: оценки и переоценки. М.: ИЭ РАН, 2012.

Вудфорд М. Сближение взглядов в макроэкономике: элементы нового синтеза // Вопросы экономики. 2010. № 10. С. 17–30.

Глезерман Г.Е., Келле В.Ж., Пилипенко Н.В. Исторический материализм – теория и методология научного познания и революционного действия // Коммунист. 1971. № 4. С. 60–70.

Дзарасов С.С., Меньшиков С.М., Попов Г.Х. Судьба политической экономии и ее советского классика. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.

Дробижева Л.М. Опыт 1990-х и управление культурным многообразием // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 36–47. DOI: 10.31857/S013216250015254-2.

Заславская Т.И. Избранное: в 3-х т. Т. 3: Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: ЗАО «Экономика», 2007.

Кирдина С.Г. «Блеск и нищета» политической экономии социализма (гипотеза, основанная на институциональном анализе российского общества) // Журнал экономической теории. 2006. № 2. С. 19–39.

Кирдина С.Г. Институционализм в России в 1930–2010-е гг.: инверсионный цикл? // Journal of Institutional Studies. 2015. № 2. С. 6–37. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.2.006-037.

Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: Введение в X-Y-теорию. 3-е изд. М.; СПб.: Нестор-История, 2014.

Кравченко С.А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 19–29.

Кузнецова Т.Е. К истории Института экономики РАН (АН СССР): домыслы и реалии. М.: ИЭ РАН, 2005.

Ленин В.И. Наша программа // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 4. М.: Полит. лит-ра, 1967. С. 182–186.

Меньшиков С.М. О времени и о себе: Воспоминания. М.: Международные отношения, 2007.

Никифоров А.А. Проблемы синтеза научных исследовательских программ: концептуальный аспект. 2014. URL: https://www.econ.msu.ru/ext/lib/Article/x22/x6e/8814/file/Thesis_Nikiforov_Rudakova.doc (дата обращения: 12.02.2021).

Нуреев Р.М., Ореховский П.А. Дискуссии вокруг основного производственного отношения в политэкономии социализма: когнитивный тупик 1970-х // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18. № 2. С. 185–196. DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-2.2.

Осипова Н.Г. Социология в СССР. 2015 (URL: https://www.socio.msu.ru/index.php/o-fakultete/sociologiya-v-rossii/247-sr_04 (дата обращения: 18.03.2021)).

Островитянов К.В. Развитие Лениным экономического учения Маркса // *Островитянов К.В.* Избранные произведения в двух томах. Т. 1: Политическая экономия досоциалистических формаций. М.: Наука, 1972.

Павлов А.В. Постмарксизм в социологии. Часть 1 // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 74–84. DOI: 10.31857/S013216250014310-4.

Политическая экономия: Учебник. Изд. 2, доп. М.: Госполитиздат, АН: ИЭ, 1953.

Романовский Н.В. Современная социология: детерминанты перемен // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 26–35.

Симонян Р.Х. Как можно было сохранить Советский Союз (Балтийский ракурс) // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 64–73. DOI: 10.31857/S013216250014595-7.

Тощенко Ж.Т. Была ли рукотворной геополитическая катастрофа СССР? // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 3–13. DOI: 10.31857/S013216250014308-1.

Федотов Г.П. О святости, интеллигенции и большевизме: Избр. статьи. СПб.: СПбУ, 1994.

Шабанова М.А. Сезонная и постоянная миграция населения в сельском районе: комплексное социолого-статистическое исследование. Новосибирск: Наука, Сибирск. отд., 1991.

Шапиро Н.А. Ценности и смыслы научной школы Н.А. Цаголова // Проблемы современной экономики. 2015. № 3(55). С. 78–83.

Angelelli C.V. (ed.) The Sociological Turn in Translation and Interpreting Studies. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014.

Carrigan M. Can We Have a 'Turn' to End All Turns? 2014. July 13. URL: https://markcarrigan.net/2014/07/13/can-we-have-a-turn-to-end-all-turns/ (дата обращения: 09.07.2021).
Cronin B. The Sociological Turn in Information Science // Journal of Information Science. 2008. Vol. 34. No. 4. P. 465–475. DOI: 10.1177/0165551508088944.
Mears D.P., Stafford M.C. Central Analytical Issues in the Generation of Cumulative Sociological Knowledge // Sociological Focus. 2002. Vol. 35. No. 1. P. 5–24. DOI: 10.1080/00380237.2002.10571217.
Paget H. Sociology: After the Linguistic and Multicultural Turns // Sociological Forum. 1995. Vol. 10. No. 4. P. 633–652.
Szelenyi I. The Triple Crisis of Sociology // Contexts. 2015. April 20. URL: https://contexts.org/blog/the-triple-crisis-of-sociology/ (дата обращения: 18.10.2021).
Urry J. The Complexity Turn // Theory, Culture & Society. 2005. Vol. 22. No. 5. P. 1–14. DOI: 10.1177/0263276405057188.
Walby S. Developing the Concept of Society: Institutional Domains, Regimes of Inequalities and Complex Systems in a Global Era // Current Sociology. 2021. Vol. 69. No. 3. P. 315–332. DOI: 10.1177/0011392120932940.

Статья поступила: 07.08.21. Финальная версия: 18.10.21. Принята к публикации: 20.10.21.

FALSE THEORETICAL SYNTHESIS – THE BRAKE OF REAL PRACTICE METHODOLOGICAL NOTES ON THE DISSOLUTION OF THE USSR)

KIRDINA-CHANDLER S.G.

Institute of Economics RAS, Russia

Svetlana G. KIRDINA-CHANDLER – Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Head of Sub-Division, Institute of Economics RAS, Moscow, Russia (kirdina@inecon.ru).

Abstract. Theoretical synthesis in scientific disciplines is when new doctrines, the necessary revision of basic premises and the renewal of methodology are integrated in already existing theoretical knowledge. The need for theoretical synthesis is determined by changes in real practice, which require adequate scientific analysis. From this point of view, the paper analyses the political economy of socialism and Soviet sociology, which (along with scientific communism) were the major elements of Marxist social science in the USSR. Accordingly, the common methodological basis of both the political economy of socialism and Soviet sociology were the ideas of Marxism-Leninism and the model of socialist society which was based on them. It is shown that, despite repeated attempts undertaken by representatives of both disciplines, to critically analyse the concepts used in this methodology and to introduce new categories and conceptual additions, there was no significant update of the methodology. Therefore, necessary theoretical synthesis, in the course of which a phased "reset" and adaptation of theoretical knowledge to changing social reality takes place, did not occur either in the political economy of socialism or in Soviet sociology. The hypothesis that the "frozen methodology"of these sciences became the main obstacle to the adequate performance of their social functions, primarily prognostic and transformative, is justified. Thus, we associate the dissolution of the USSR with, among other things, the lag of the Soviet social sciences to reflect the needs of the socio-economic development of the nation. This lag is based on failures in the development and application of an adequate integral methodology for analysing the problems which built up in the USSR and to identify solutions.

Keywords: Soviet sociology, theoretical synthesis, USSR, political economy of socialism.

REFERENCES

Abalkin L.I. (2000) *Selected Works in Four Volumes*. Vol. 1. Moscow: NPO "Ekonomika". (In Russ.)
Angelelli C.V. (ed.) (2014) *The Sociological Turn in Translation and Interpreting Studies*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
Bulygina T.A. (2000) *Social Sciences in the USSR: 1945–1985.* 2nd ed. Moscow: MADI: IGI. (In Russ.)
Carrigan M. (2014) *Can We Have A 'Turn' to End All Turns?* July 13. URL: https://markcarrigan.net/2014/07/13/can-we-have-a-turn-to-end-all-turns/ (accessed 09.07.2021).
Cronin B. (2008) The Sociological Turn in Information Science. *Journal of Information Science.* Vol. 34. No. 4: 465–475. DOI: 10.1177/0165551508088944.
Drobizheva L.M. (2021) 1990s' Experience and Cultural Diversity Management. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 36–47. DOI: 10.31857/S013216250015254-2. (In Russ.)

Dzarasov S.S., Menshikov S.M., Popov G.Kh. (2004) *The Fate of Political Economy and its Soviet Classic.* Moscow: Alpina Biznes Buks. (In Russ.)
Fedotov G.P. (1994) *On Holiness, Intelligentsia and Bolshevism*. St. Petersburg: SPbU. (In Russ.)
Glezerman G.E., Kelly V.J., Pilipenko N.V. (1971) Historical Materialism – the Theory and Methodology of Scientific Cognition and Revolutionary Actions. *Kommunist* [Communist]. No. 4: 60–70. (In Russ.)
Kirdina S.G. (2006) "The Glory and the Poverty" of the Political Economy of Socialism (Institutional Analysis Hypothesis of the Russian Society). *Zhurnal Economicheskoj teorii* [Russian Journal of Economic Theory]. No. 2: 19–39. (In Russ.)
Kirdina S.G. (2014) *Institutional Matrices and Development in Russia: An Introduction to X&Y Theory.* 3rd ed. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
Kirdina S.G. (2015) Institutionalism in Russia in 1930–2010s: An Inversion Cycle? *Journal of Institutional Studies*. No. 2: 6–37. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.2.006-037. (In Russ.)
Kravchenko S.A. (2012) Complex Socium: Need for the Turns in Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 19–29. (In Russ.)
Kuznetsova T.E. (2005) *On the History of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (USSR Academy of Sciences): Conjectures and Realities*. Moscow: IE RAN. (In Russ.)
Lenin V.I. (1967) Our Prospectus. In: Lenin V.I. *Complete Works*. 5th ed. Vol. 4. Moscow: Polit. lit-ra: 182–186. (In Russ.)
Mears D.P., Stafford M.C. (2002) Central Analytical Issues in the Generation of Cumulative Sociological Knowledge. *Sociological Focus*. Vol. 35. No. 1: 5–24. DOI: 10.1080/00380237.2002.10571217.
Menshikov S.M. (2007) *About Time and Myself: Memories*. Moscow: Mezhdunarodnye otnocheniya. (In Russ.)
Nikiforov A.A. (2014) *Problems of the Synthesis of Scientific Research Programs: A Conceptual Aspect.* URL: https://www.econ.msu.ru/ext/lib/Article/x22/x6e/8814/file/Thesis_Nikiforov_Rudakova.doc (accessed 12.02.2021). (In Russ.).
Nureev R.M., Orekhovsky P.A. (2021) Debates around the Basic Production Relationship in Political Economy of Socialism: The Cognitive Deadlock in the 1970s. *Zhurnal Economicheskoj teorii* [Russian Journal of Economic Theory]. Vol. 18. No. 2: 185–196. DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-2.2. (In Russ.)
Osipova N.G. (2015) *Sociology in the USSR*. URL: https://www.socio.msu.ru/index.php/о-факультете/социология-в-россии/247-sr_04 (accessed 10.03.2021).
Ostrovityanov K.V. (1972) Development of the Economic Doctrine of Marx by Lenin. In: Ostrovityanov K.V. *Selected Works in Two Volumes*. Vol. 1: Political Economics of Presocialist Formations. Moscow: Nauka. (In Russ.)
Paget H. (1995) Sociology: After the Linguistic and Multicultural Turns. *Sociological Forum*. Vol. 10. No. 4: 633–652.
Pavlov A.V. (2021) Post-Marxism in Sociology. Part 1. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 74–84. DOI: 10.31857/S013216250014310-4. (In Russ.)
Political Economy. (1953) Textbook. Second, revised ed. Moscow: Gospolitizdat, AN: IE. (In Russ.)
Romanovsky N.V. (2009) Contemporary Sociology – Determinants of Changes. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 26–35. (In Russ.)
Shabanova M.A. (1991) *Seasonal and Permanent Migration of the Population in the Rural Area: A Comprehensive Sociological and Statistical Study.* Novosibirsk: Nauka, Sibirsk. otd. (In Russ.)
Shapiro N.A. (2015) Values and Significations of N.A. Tsagolov Academic School in the Context of Historical Relativism. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of Modern Economics]. No. 3(55): 78–83. (In Russ.)
Simonyan R.H. (2021) How the Soviet Union Could be Preserved (Baltic angle). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 64–73. DOI: 10.31857/S013216250014595-7. (In Russ.)
Szelenyi I. (2015) *The Triple Crisis of Sociology.* April 20. URL: https://contexts.org/blog/the-triple-crisis-of-sociology (accessed 18.10.2021).
Toshchenko Zh.T. (2021) Was the Geopolitical Catastrophe of the USSR Man-Made? *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 3–13. DOI: 10.31857/S013216250016071-1. (In Russ.)
Urry J. (2005) The Complexity Turn. *Theory, Culture & Society.* 2005. Vol. 22. No. 5: 1–14. DOI: 10.1177/0263276405057188.
Voeikov M.I. (2012) *Soviet Political Economy: Estimates and Reassessments*. Moscow: IE RAN. (In Russ.)
Walby S. (2021) Developing the Concept of Society: Institutional Domains, Regimes of Inequalities and Complex Systems in a Global Era. *Current Sociology.* Vol. 69. No. 3: 315–332.
Woodford M. (2010) Convergence in Macroeconomics: Elements of the New Synthesis. *Voprosy Ekonomiki*. No. 10: 17–30. (In Russ.)
Zaslavskaya T.I. (2007) *Selected Works*: in 3 vols. Vol. 3: My Life: Recollections and Reflections. Moscow: ZAO "Ekonomika". (In Russ.)

Received: 07.08.21. Final version: 18.10.21. Accepted: 20.10.21.

© 2021 г.

К.Х. МОМДЖЯН

БЫЛО ЛИ СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ?

МОМДЖЯН Карен Хачикович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (karm48@mail.ru).

***Аннотация**. Статья посвящена типологическим характеристикам советского общества, которое автор рассматривает как вариант «азиатского способа производства» (политарного строя), возникшего на индустриальной основе. Огосударствление средств производства не может само по себе считаться шагом на пути социалистического строительства, если оно не ведет к последующему обобществлению. Признаком же общественной собственности является отсутствие в обществе класса людей, вынужденных продавать (отдавать) свою рабочую силу собственникам средств производства независимо от того, представлены ли они отдельными людьми, группами людей или даже социальными институтами, в которых люди осуществляют предзаданные социальные роли. В СССР, полагает автор, возникла непарцеллярная частная собственность на условия, предметы и орудия труда, коллективным владельцем которых выступала партийно-государственная элита, использовавшая труд людей, лишенных собственности и возможности влиять на экономическую и социальную политику. Хотя советская бюрократическая элита далеко не всегда стремилась к личному обогащению, а некоторая часть работников не ощущала себя объектом эксплуатации, это ничего не меняет в типологических характеристиках советского общества. Поэтому крушение СССР – крушение политарного, а не социалистического строя, сохраняющего историческую перспективу, которая может быть реализована на более высоком, чем сейчас, уровне развития техники и технологии.*

***Ключевые слова:** капитализм • социализм • коммунизм • азиатский способ производства • политаризм*

DOI: 10.31857/S013216250018018-2

Автор не относится к числу радикальных критиков, считающих советский опыт абсолютно деструктивным. Нужно быть очень предубежденным человеком, чтобы отрицать заслуги строителей СССР, которым удалось предотвратить распад России, создать сравнительно развитую промышленность, передовую науку, продвинутую систему образования, наконец, победить в самой страшной войне, которую знало человечество. Конечно, цена, заплаченная за все эти достижения, была чрезвычайно высокой, но это не основание отрицать сам факт их наличия. И все же я убежден, что достижения СССР следует квалифицировать как успехи в деле *государственного* строительства, которое привело к созданию мощной державы, всерьез претендовавшей на мировое лидерство. Но доктринальные задачи большевизма, как мы помним, не сводились к созданию сильной армии, космической промышленности или блистательного балета. Они предполагали нечто неизмеримо большее – построение нового справедливого общества на началах свободы, равенства и братства. Возникает вопрос: удалось ли реализовать эту цель, и если нет, то какими причинами вызвана эта неудача?

Статья подготовлена в рамках деятельности научно-образовательной школы МГУ «Сохранение мирового культурно-исторического наследия», а также при поддержке РФФИ и КАОН, проект № 21-511-93006.

Была ли исторически необходима Октябрьская революция? Обосновывая необходимость революционных преобразований в России, В.И. Ленин и другие идеологи большевизма исходили из марксистского учения об исторической обреченности капитализма, необходимости его замены на социалистическую форму общественного устройства. Классики марксизма оценивали капитализм как несправедливую форму общественной жизни, однако обосновывали его неизбежный крах не соображениями морали, а действием объективных законов истории. Они были убеждены в том, что бурное развитие производительных сил капиталистического общества сделало неэффективными и контрпродуктивными производственно-экономические отношения, основанные на частной собственности и стихийной рыночной регуляции товарного производства. Марксисты полагали, что выход из череды экономических, социальных, политических и духовных кризисов, порожденных этим противоречием, возможен лишь на пути социалистического переустройства общества, предполагающего ликвидацию частной собственности и приведение процессов распределения и обмена в соответствие с планируемым общественным характером производства.

История доказала, однако, что тезис об исчерпанных уже к рубежу XIX–XX вв. возможностях капиталистического строя оказался неверным. При всем уважении к Карлу Марксу следует признать ряд серьезных ошибок, допущенных этим великим теоретиком.

При этом автор как специалист по социальной философии отнюдь не склонен отбрасывать многие концепты «материалистического понимания истории», считая их солидными эвристическими гипотезами. Отказавшись от абсолютизации этих концептов, мы можем по-прежнему уважительно относиться к ним: к идее ограниченных функций проектного сознания в объективной по своему характеру деятельности людей; к идее субординационной связи между ее практической и духовной формами; к идее функционального приоритета хозяйственной деятельности, создающей жизнеобеспечивающие продукты «первой необходимости»; наконец, к идее инфраструктурной роли экономики как системы распределительных процессов и отношений, лежащих в основе социальной инфраструктуры общества (распределения людей по социальным группам) и влияющих на политический и духовный порядки общественной жизни. Автор не ставит под сомнение и существование экономических классов, играющих разную роль в организации общественного производства и имеющих различное отношение к условиям и средствам труда. Нет сомнений, что классы в истории имеют разнонаправленные экономические и политические интересы, придающие их отношениям характер конфликтного взаимодействия, способного переходить в антагонистическое противодействие, если речь идет о «больных», исчерпавших свой ресурс обществах (впрочем, истории известны случаи «искусственных антагонизмов», являющихся субъективным результатом неумной политики).

Ошибки, допущенные Марксом, касаются не столько социально-философской или общесоциологической проблематики, сколько проблем исторической типологии, к которой относится вопрос о сути капитализма и исторических перспективах его существования. К. Маркс ошибочно принял родовые муки «цивилизованного капитализма» за агонию этого строя. Он явно недооценил исторические возможности буржуазного класса, абсолютизировав краткосрочные тенденции в развитии европейского капитализма, связанные с «экономикой рантье» (для которой характерен массовый отказ буржуа от непосредственного участия в производственном процессе, передача организационных функций наемному менеджменту). Марксу казалось, что класс предпринимателей, некогда изменивший к лучшему облик Европы, уже утратил свою созидательную потенцию, управленческую роль, превратившись в «класс-паразит», которого «покинула необходимость труда».

С другой стороны, Маркс явно переоценил революционные потенции «рабочего класса». История радикально изменила облик этого класса, что связано, прежде всего, с дисперсией производственно-экономических отношений, их выходом за рамки материального производства (где они первоначально возникли) и проникновением в сферы организационной, социальной и духовной деятельности, где классообразующее

отношение «собственник – наемный работник» ранее отсутствовало или имело зачаточный характер. Люди, продающие свою рабочую силу собственникам средств производства, никуда не исчезли из истории. Однако качественно изменился характер их труда, что разомкнуло ранее существовавшую зависимость между отсутствием собственных средств производства, необходимостью продавать свою рабочую силу и бедностью.

Одним словом, капитализм не только сохранился в современной истории, но и явил десятилетия бурного развития, породившие иллюзию его вечности, тождественной «концу истории». Ошибочный характер этих надежд мы осознаем лишь сейчас, когда человечество вновь вступило в эпоху негарантированных исходов, в фазу бифуркации, связанную со сменой устоявшихся моделей социального функционирования.

История XX в. убеждает, что Октябрьская революция в России не была продиктована объективной логикой истории, являясь во многом масштабной флюктуацией, существенно повлиявшей на ее ход. Хотя история не терпит сослагательных наклонений, трудно сомневаться в том, что теоретически Россия могла существовать и развиваться в рамках капиталистической парадигмы, к которой она вернулась в конце XX века. Это не значит, конечно, что отсутствовали какие бы то ни было объективные причины «октябрьского переворота», что он был всецело порожден «злой волей» большевиков и объясняется их властолюбием или корыстными мотивами. Лидеры большевизма вполне искренне считали себя «агентами мировой истории», реализующими объективную цель коммунистической трансформации человечества.

Однако дальнейший ход событий показал ошибочность этих надежд. И дело не только в том, что «загнивающий капитализм» выстоял. Дело в том, что общество, созданное большевиками, едва ли было социалистическим, качественно отличным от предшествующих «антагонистических формаций». Чтобы аргументировать это суждение, мы должны понять, какой именно тип общественного устройства может считаться социалистическим.

Что следует называть социализмом? Существуют две трактовки социализма как формы общественного устройства. В одном случае о социализме говорят, имея в виду общественный строй, сложившийся по преимуществу в странах Северной Европы («скандинавский социализм»). Речь идет об обществе, где сохраняется системообразующая для капитализма рыночная экономика, основанная на частной собственности и ориентированная на производство товаров. Вместе с тем эти основы капитализма сочетаются с государственной политикой социального партнерства, которая основана на перераспределении благ и полномочий, призванном демпфировать социально-экономические противоречия, избежать деструктивных перекосов в образе жизни предпринимателей и рабочих, молодых и пожилых, мужчин и женщин и т.д. Ясно, что такое понимание социализма не соответствовало реалиям СССР и не принималось его создателями, которые отказывались считать «скандинавскую модель» социалистической, рассматривая ее как социал-демократический вариант капитализма.

Согласно «марксистско-ленинской» трактовке социализма, принятой в СССР, в основе этого общественного строя лежит не *перераспределение* общественных благ, а особый способ их *производства*, основанный на общенародной собственности на средства этого производства. В социалистическом обществе, как писал полтора века назад Ф. Энгельс, «могучие производительные силы…должны работать только для общего благосостояния всех в качестве их общей собственности» [Энгельс, 1961: 199].

Создавая модель будущего социалистического общества, К. Маркс и Ф. Энгельс исходили из того, что характерная для него общественная собственность на средства производства уже существовала на ранних этапах человеческой истории, образуя первичную общественную формацию, «первобытный коммунизм». Следствием общественной собственности была система распределения, основанная изначально на «разборных отношениях», когда каждый член коллектива (племени) на основании своей принадлежности к нему имел право на долю общественного продукта.

Нужно сказать, что в современном обществознании вопрос о существовании первобытного коммунизма остается предметом полемики. Некоторые авторитетные ученые не

исключают того, что «иерархия и доминирование, столь характерные для предчеловеческих стад, никогда и не прерывались, что никакого промежуточного периода первобытного коммунализма на самом деле не было» [Геллнер, 1992: 50]. Другие исследователи сомневаются в наличии в ранней первобытности общественной собственности. Так, известный британский этнограф И. Шапера настаивал, что необходимые для жизни пища и вода являлись у бушменов частной собственностью, принадлежавшей человеку, который добыл их. На существовании частной собственности, объектом которой выступала, прежде всего, пища, настаивал и А. Радклифф-Браун.

Не вмешиваясь в профессиональные проблемы этнографии, автор хотел бы напомнить о различии между собственностью на средства производства и собственностью на предметы индивидуального непроизводственного потребления. Это различие имеет принципиальное значение для социальной теории. Лишь первая форма собственности, представленная *производственно-экономическими отношениями*, выступает как инициальный фактор классообразования, важного для типологической характеристики общества. Собственность же на предметы потребления создает всего лишь имущественные отношения между людьми, делящие их не на классы, а на экономические страты сравнительно «богатых» и сравнительно «бедных». Это деление не может являться основой научной типологии обществ, поскольку наличествует повсеместно (за исключением, возможно, ранней первобытности).

Учитывая сказанное, хотел бы напомнить о некогда принятом различении институтов «частной» и «личной» собственности. Некоторые специалисты считают это различение «измышлением» советской политэкономии, но автор так не думает. Объектом частной собственности, имеющей типологическое значение для социальной науки, могут быть вещные и знаково-символические объекты (в рабовладельческих обществах также люди), используемые в процессе общественного производства в качестве компонента производительных сил. Поэтому вряд ли следует называть «частной» собственность на предметы индивидуального непроизводственного потребления, дающую возможность распоряжаться пищей, водой или одеждой. При таком понимании категория «частная собственность» утрачивает свой экономический и социологический смысл, обозначая *вечное и неизменное условие любой и всякой общественной жизни*, исключающее возможность ее научной типологии.

Добавлю к сказанному, что даже этнографы, называющие «частной» собственность на пищу или воду, признают, что в изучаемых ими нецивилизованных обществах «от каждого, кто имеет пищу, ожидают, что он даст тому, у кого ее нет». «Результатом этого обычая, – пишет И. Шапера, – является то, что практически вся добываемая пища поровну распределяется по лагерю», поэтому общественная жизнь первобытных племен «приближается к разновидности коммунизма» (цит. по: [Семенов, 1992: 32]).

Вернемся, однако, к феномену социализма в его постпервобытном понимании. Никто не будет спорить с тем, что мыслители, рассуждавшие об этом типе общественного устройства, считали его экономической основой *общенародную* собственность на средства производства, которую ни в коем случае нельзя путать с собственностью *государственной*. Нельзя не понимать, что *обобществление* средств производства качественно отличается от их *огосударствления*, которое стало экономической основой советского общества. Классики марксизма неоднократно и настойчиво подчеркивали, что само по себе огосударствление средств производства не создает социалистических отношений между людьми. Такое огосударствление может быть лишь первым необходимым шагом на пути подлинного обобществления. Как писал Ф. Энгельс, «первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества – взятие во владение средств производства от имени общества, – является в то же время последним самостоятельным актом его как государства» [Энгельс, 1961: 225]. Вместе с тем, замечал Энгельс, «в последнее время, с тех пор как Бисмарк бросился на путь огосударствления, появился особого рода фальшивый социализм, ...объявляющий социалистическим всякое

огосударствление… Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних, несомненно, должны быть занесены в число основателей социализма. Когда бельгийское государство, из самых обыденных политических и финансовых соображений, само взялось за постройку главных железных дорог; когда Бисмарк без малейшей экономической необходимости превратил в государственную собственность главнейшие прусские железнодорожные линии… все это ни в коем случае не было шагом к социализму, ни прямым, ни косвенным, ни сознательным, ни бессознательным» [Энгельс, 1961: 222].

Огосударствление средств производства становится шагом в создании социалистического строя лишь в том случае, если это огосударствление ведет к обобществлению, к трансформации государственной собственности в собственность общенародную. Без такой трансформации государственная собственность не может считаться альтернативой частной собственности. Об этом писал тот же Ф. Энгельс, утверждавший, что буржуазное государство «какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста… Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки» [Энгельс, 1961: 222–223]. Эти слова Энгельса являются ключом к пониманию фундаментального отличия общественной собственности от любых и всяких форм собственности частной.

Автор полагает, что общественная собственность как социальный институт возникает, только если люди, образующие общество, находятся в одинаковом отношении к ключевым средствам производства, то есть в обществе не остается экономических классов, которые участвуют в производственном процессе, не владея и не распоряжаясь его средствами. Напротив, частная собственность как общественный институт сохраняется до тех пор, пока сохраняются люди (социальные группы), вынужденные продавать (или отдавать) свою рабочую силу владельцам средств производства, даже если эти владельцы представлены не отдельными людьми, а социальными группами и даже социальными институтами, в которых люди исполняют предзаданные социальные роли.

В самом деле, едва ли кто-то будет спорить с тем, что собственность акционерных обществ, состоящих из сотен и тысяч совладельцев, представляет собой *частную* собственность в ее непарцеллярной групповой форме, поскольку использует труд людей, лишенных собственности. Точно так же и государство выступает в качестве интегративного частного собственника, если на принадлежащих ему предприятиях продолжается использование наемного труда людей, вынужденных продавать свою рабочую силу (даже если такое использование учитывает ее рыночную стоимость, избегая неоплаченного присвоения).

В связи со сказанным возникает принципиальной важности вопрос: можно ли утверждать, что в результате огосударствления средств производства, происшедшего в СССР, советские рабочие, крестьяне и «трудовая интеллигенция» стали подлинными, а не номинальными, собственниками средств производства, реальными владельцами, способными распоряжаться предметами, орудиями и продуктами труда в своих экономических интересах, отличных от интересов партийной и государственной бюрократии?

Трезвый ответ на этот вопрос приведет нас к пониманию того, что государственная собственность на средства производства, возникшая в Советском Союзе, лишь именовалась общенародной, не являясь таковой в реальности. В то же время очевидно и то, что государственная собственность в СССР качественно отличалась от буржуазного типа собственности. В Советском Союзе была создана экономика, которая по своим важнейшим параметрам не была капиталистической, ориентированной на рынок и максимизацию прибыли, что, однако, не делает ее экономикой социалистической.

О типологических характеристиках советского общества. Характеризуя советский строй, резко критиковавший его американский историк-социолог К.-А. Виттфогель утверждал: «Попытки оценить феномен коммунистического тоталитаризма как коллективное

руководство и автократию, экономику власти и экономику потребления, самовоспроизводящуюся и самоликвидирующуюся, принесут больше вреда, чем пользы, если мы полагаемся главным образом на опыт полицентричных обществ и пренебрегаем единственно важным прецедентом способной к успешному продолжительному существованию тотальной власти: деспотизмом Востока» [Виттфогель][1].

Принимая такую точку зрения, автор соглашается с мнением, что в СССР – европейской, а не азиатской стране, на промышленной, а не сельскохозяйственной основе – были воссозданы многие черты общественного строя, который Карл Маркс именовал «азиатским способом производства», а современные исследователи называют «политаризмом» [Семенов, 2008], «государственным способом производства» [Васильев, 2011] и т.д. Генезис подобной организации Маркс связывал с природными условиями, определившими особую хозяйственно-экономическую роль государства, без которого не могли быть созданы технические условия общественного производства[2], что привело к отсутствию привычных для Европы форм частной собственности на землю.

Концепция «азиатского способа производства», как известно, спровоцировала целый ряд масштабных дискуссий, которые начались в СССР еще в 1920–1930-е и продолжились в 1960–1970-е гг. Часть обществоведов категорически отрицала и отрицает реальное существование этой формы общественного устройства, рассматривая ее как сложный синтез элементов рабовладения и феодализма.

Выступая против идеи «азиатского способа производства», многие его противники убеждены, будто эта теория противоречит «незыблемому» принципу марксизма, согласно которому дифференциация собственности и связанный с ней классогенез непременно предшествуют разделению властных полномочий, процессам политогенеза и порождают их. Отсюда делают вывод, что государство не может выступать как самовластная экономическая сила, которая владеет и распоряжается средствами производства без соответствующей санкции со стороны господствующего класса. Считается, что государство, не будучи субстанциальной экономической силой, способной к самоподдержанию и саморазвитию, не может рассматриваться не только в качестве доклассового института, но и в качестве самостоятельного класса, на чем настаивают многие сторонники идеи «азиатского способа производства» (в частности К. Виттфогель, рассуждавший о «модели классов в обществе, чьи лидеры являются обладателями деспотической государственной власти и не являются частными собственниками и предпринимателями» [Виттфогель]).

Изложенная точка зрения абсолютизирует один из способов политогенеза, при котором государство действительно возникает как продукт классовых противоречий и действует как агент классового влияния. Но история демонстрирует и иную модель политогенеза, при которой возникновение государства связано с необходимостью властной регуляции «общих дел» – решения жизнеобеспечивающих организационных проблем экзогенного (оборона и завоевание) и эндогенного для группы свойства. Исполнение этой функции создает ролевые и статусные различия между людьми, которые предшествуют классовому разделению и в некоторых случаях порождают его.

---

[1] Ссылки на знаменитый «Восточный деспотизм» (1957 г.) К.-А. Виттфогеля даются по электронному «самиздатовскому» его переводу на русский язык.

[2] Речь шла прежде всего о создании масштабных ирригационных систем, необходимых в климатических и географических условиях Азии. «Элементарная необходимость экономного и совместного использования воды, – писал К. Маркс, – повелительно требовала вмешательства централизующей власти правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации общественных работ» [Маркс, 1957: 132]. На особой роли орошения в азиатских обществах настаивал К. Виттфогель, именовавший эти общества «ирригационными империями» и рассуждавший о «гидравлическом деспотизме». В Советском Союзе роль «ирригационного фактора» сыграла масштабная деятельность государства по индустриализации страны и переустройству основ общественной жизни.

Сторонники «азиатского способа производства» также полемизируют между собой, по-разному понимая его природу. Часть из них настаивает на отсутствии в политарных обществах частной собственности и экономических классов в их марксистском понимании. Автор разделяет другую точку зрения, согласно которой государственная собственность на решающие средства производства представляет собой вид непарцеллярной частной собственности, находящейся в коллективном владении бюрократического аппарата. Последний образует самостоятельный класс, безраздельно господствующий в обществе, использующий методы внеэкономического принуждения к труду, которое является эксплуатацией, даже когда эксплуатируемые, как это было в экстатический период советской истории, не осознают себя таковыми, принося себя в жертву государственным интересам. Характерной чертой политаризма является то, что в этом обществе не власть является функцией собственности, а, напротив, экономический статус людей зависит от их места в системе властных полномочий. Отсутствие парцеллярной частной собственности в этом обществе не препятствует, а способствует худшей из форм эксплуатации – эксплуатации человека государством, что исключает социальное равенство людей, препятствует развитию их индивидуальной свободы, без чего невозможно социалистическое устройство общества.

Конечно, сказанное не означает, будто автор не видит качественных социально-политических и культурных различий между политарным обществом в СССР и «азиатским деспотизмом». Очевидно, что господствующие слои во многих из этих деспотий (за некоторым исключением для конфуцианского Китая) руководствовались в основном своекорыстными интересами, эксплуатируя народные массы в целях личного преуспевания и возвеличивания. Партийно-государственное руководство СССР (исключая поздний этап существования страны) могло искренне верить в идеалы социализма, считая условием их реализации создание мощного государства, способного решить проблемы индустриализации страны и в перспективе обеспечить благосостояние своих граждан. Однако для задач социальной типологии важны не вера людей, сколь бы искренней она ни была, а реальные результаты их деятельности, которые в интересующем нас случае были далеки от исходных намерений.

О причинах неудачи советского эксперимента. Неудача «социалистического строительства» в СССР вызвана многими обстоятельствами. Некоторые обществоведы считают главным из них теоретическую несостоятельность социальной теории Маркса, рассматривая ее как вариант нереализуемой эсхатологической утопии. Автор не считает такой подход справедливым. На самом деле К. Маркс и лидеры российского большевизма имели *очень* разные представления о самой сути социализма и условиях его возникновения. Эти различия эксплицированы в позиции К. Каутского, представителя «классического» марксизма, не принявшего Октябрьскую революцию и объявленного в Советской России ренегатом. Как бы то ни было, Маркс не несет ответственность за социальные эксперименты людей, решивших строить «новое общество» в разрушенной войнами стране и руководствовавшихся мировоззрением, в котором, по образному выражению одного из критиков, «на 20% Маркса приходилось 80% Стеньки Разина».

На самом деле советское общество стагнировало и прекратило в 1991 г. свое существование как раз в полном соответствии с идеей Маркса о «дурных» производственных отношениях, которые не создают должных стимулов к труду, препятствуя тем самым развитию производительных сил общества. Именно это обстоятельство ограничило экономическую эффективность советского общества, которое, несмотря на уже отмеченные высокие мобилизационные возможности (особенно проявившие себя в первые десятилетия советской истории), не смогло обеспечить должный уровень производства, создающего необходимые условия человеческой жизни. Тотальная собственность государства на условия и средства труда, соединенная с бесперспективными попытками его столь же тотального планирования, стали непреодолимым препятствием на пути успешного экономического развития страны. Увы, государство, ликвидировавшее парцеллярную частную собственность, оказалось в итоге плохим предпринимателем, уступавшим частным

предпринимателям по сумме инициатив и эффективности их реализации. Неудивительно, что граждане богатейшей в ресурсном отношении страны, обладавшие качественным образованием и трудоспособностью, были вынуждены в свободное от «космических запусков» время толпиться в очередях за двумя сортами мокрой колбасы, испытывать дефицит жилья и даже туалетной бумаги.

Экономическая неэффективность была, конечно же, не единственной причиной исторической неудачи СССР. Подлинный социализм не мог быть построен государством, которое руководствовалось идеологией социоцентризма, игнорировавшей субъектность своих граждан, всецело подчиняя их интересы произвольно понимаемым интересам страны. Партийное руководство рассматривало ее граждан как «клеточную основу» общества, как «винтики» общественного механизма, обязанные служить государству, жертвуя своими личными интересами. Эффективная в условиях военного кризиса, эта идеология не могла обеспечить долгое и стабильное развитие общества, многих граждан которого приучили жить по указке начальства и считать личную инициативу опасным и наказуемым действием.

Не будучи адептом социалистической идеи, автор уверен, что ее сторонники оказывают ей дурную услугу, называя распад СССР «временной неудачей социалистического эксперимента». Неудачным оказался не социалистический, а политарный строй, выдававший себя за социализм и продемонстрировавший свою недееспособность в условиях современной истории – очень отличных от условий древнего и средневекового Востока, где политарные государства могли существовать тысячелетиями. При этом крах СССР отнюдь не перечеркивает теоретические перспективы *подлинного* социализма, связанного с *реальным обобществлением* средств производства, а не с их *огосударствлением*, со свободным развитием людей, а не с государственным принуждением.

Возможно, идея так понятого социализма еще не может быть реализована в современных условиях, при нынешнем уровне развития производительных сил, при котором рыночная экономика, основанная на частной собственности, все еще сохраняет свою эффективность. Впрочем, ростки возможного социалистического способа производства видны уже сейчас. Одним из индикаторов этой перспективы является тот факт, что в цитадели современного капитализма, в современных США, растет сектор экономики, в котором средства производства являются коллективной собственностью использующих их работников. Речь идет о предприятиях, которые находятся в коллективной собственности трудовых коллективов, что позволяет им принимать совместные решения, реально влияющие на производственный процесс, его экономические условия и социальные следствия.

Именно возможность принимать *самостоятельные* решения, реализовывать свою экономическую субъектность, в том числе *самостоятельно* участвовать в процессах распределения, определяя размер получаемой доли общественного богатства, автор считает прямым следствием владения средствами производства (отличным от косвенных следствий, связанных с процессом редистрибуции произведенного). Этот тип экономики, инкорпорированный в систему буржуазного производства, конечно же, сталкивается с многими трудностями и имеет много ограничений. Но сам факт его существования и расширения свидетельствует о небесперспективности усилий привести характер присвоения в соответствие с общественным характером производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев Л.С. Эволюция общества: Типы общества и их трансформация. М.: КДУ, 2011.

Виттфогель К.А. Деспотизм Востока: Сравнительное исследование тотальной власти. [1957] URL: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml (дата обращения: 21.10.2021).

Геллнер Э. Марксистская книга Бытия // Этнографическое обозрение. 1992. № 2. С. 35–51.

Маркс К. Британское владычество в Индии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 9. М.: Госполитиздат, 1957. С. 130–136.

Семёнов Ю.И. О первобытном коммунизме, марксизме и сущности человека // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 31–46.

Семёнов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М.: Волшебный ключ, 2008.
Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 185–230.

Статья поступила: 08.09.21. Финальная версия: 22.10.21. Принята к публикации: 25.10.21.

WAS SOVIET SOCIETY SOCIALIST?

MOMDZHYAN K.Kh.

Lomonosov Moscow State University, Russia

Karen Kh. MOMDZHYAN, Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of Chair of Social Philosophy and Philosophy of History, Philosophy Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (karm48@mail.ru).

Acknowledgements. This article was prepared within the framework of the activities of the MSU Scientific-Educational School "Preservation of World Cultural-Historical Heritage", with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the CAON, project No. 21-511-93006.

Abstract. The article is devoted to the typological characteristics of the Soviet society, which the author considers as a variant of the "Asian mode of production" that emerged in a European country on an industrial rather than agricultural basis. The author takes the view that the governmentalization of the means of production cannot be considered a step towards socialist construction, if it does not lead to the subsequent socialization of these means. A sign of social ownership is the absence of capable people in society who are forced to sell (give up) their labor power to the owners of the means of production, regardless of whether they are represented by individuals, groups of people, or even social institutions in which people perform pre-determined social roles. In the USSR, the author argues, non-parcellular private property emerged over the conditions, objects, and implements of labor, collectively owned by the party and state elite, who used the labor of people deprived of property and the ability to influence economic and social policy. The fact that the bureaucratic elite does not always seek personal enrichment, and some of the workers did not feel themselves the object of exploitation, does not change the typological characteristics of society. The author examines the objective reasons for the collapse of the USSR, which he considers the collapse of the political and not socialist system, which has a historical perspective and can be implemented on a higher level of technology and technology development than now.

Keywords: capitalism, socialism, communism, Asian mode of production, politarism.

REFERENCES

Engels F. (1961) Socialism: Utopian and Scientific. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 19. Moscow: Gospolitizdat: 185–230. (In Russ.)
Gellner E. (1992) The Marxist Book of Genesis. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 2: 35–51. (In Russ.)
Marx K. (1957) The British Dominion in India. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 9. Moscow: Gospolitizdat: 130–136. (In Russ.)
Semyonov Yu.I. (1992) On Primitive Communism, Marxism and Human Essence. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 3: 31–46. (In Russ.)
Semyonov Yu.I. (2008) *Polytarian ("Asian") Mode of Production: Essence and Place in the History of Mankind and Russia*. Moscow: Volshebniy klyuch. (In Russ.)
Vasiliev L.S. (2011) *Evolution of Society: Types of Society and their Transformation*. Moscow: KDU. (In Russ.)
Wittfogel K.A. [1957] *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power.* URL: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml (accessed 21.10.2021). (In Russ.)

Received: 08.09.21. Final version: 22.10.21. Accepted: 25.10.21.

© 2021 г.

А.И. КОЛГАНОВ

СОВЕТСКИЙ СТРОЙ И СОЮЗ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК: СИНХРОННОСТЬ РАСПАДА НЕ СЛУЧАЙНА

КОЛГАНОВ Андрей Иванович – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; главный научный сотрудник Центра методологических и историко-экономических исследований, Институт экономики РАН, Москва, Россия (onaglo@mail.ru).

***Аннотация**. Автор выдвигает тезис о существенной зависимости распада СССР от гибели советского социально-экономического строя. Отнюдь не отождествляя эти два процесса, автор рассматривает возникновение и гибель советской системы как результат определенных объективных исторических, экономических и социальных предпосылок, не принимая взгляд на этот феномен как на случайное отклонение от закономерностей развития мировой цивилизации. Рассматриваются основания, которые сделали возможным восстановление совместной государственности народов Российской империи, и делается вывод, что это стало возможным лишь в силу своеобразия советской социально-экономической системы. В той мере, в какой советская система могла реализовать заложенную в ней социалистическую тенденцию, в той же мере оказывалась возможной солидарность народов, объединившихся в СССР. А в той мере, в какой эта тенденция подвергалась бюрократической эрозии, накапливался потенциал национализма и последующей дезинтеграции СССР. Разложение советской социально-экономической системы окончательно разрушило и ту основу, на которой строился союз народов СССР.*

***Ключевые слова:** советский строй • социализм • бюрократия • СССР • союз народов • единый хозяйственный комплекс*

DOI: 10.31857/S013216250015314-8

Распад СССР стал событием всемирно-исторического значения, поэтому внимание к исследованию причин этого феномена не ослабевает. В последние годы спектр исследований данного вопроса сместился в геополитическую плоскость, однако, на наш взгляд, главные аспекты этой проблемы связаны с социальными противоречиями исследуемой нами системы. Основной тезис автора заключается в том, что коренная причина распада СССР заключалась в разложении и гибели социально-экономической системы, существовавшей в Советском Союзе (подробнее вопрос о ее природе см.: [Бузгалин и др., 2018]). В то же время было бы совершенно неправомерно ставить знак тождества между этими двумя событиями. Распад СССР, несомненно, был связан и с такими социальными процессами, которые не вытекали прямо из существования советского социально-экономического и политического строя. Тем не менее невозможно понять распад СССР без понимания главного фактора – причин возникновения и гибели советской социально-экономической системы, известной нам под самоназванием «социализм».

Причины победы и упадка российской революции. Революция в России, ставившая своей целью движение к социализму, явилась следствием парадоксального сочетания исторических обстоятельств[1]. В первой четверти XX в. капиталистический мир был поражен глубоким кризисом, следствием которого стал целый ряд войн (прежде всего,

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-010-43007\21.

[1] Общеметодологические рамки изучения этой проблемы обрисованы в последующей статье А.В. Бузгалина.

беспрецедентно разрушительная Первая мировая война) и революционных событий, охвативших страны как ядра капиталистической системы, так и ее периферии. Революции вспыхнули не только в России, но и в Германии, Финляндии, Венгрии, Мексике, Китае. Таким образом, острота противоречий капиталистического развития создала ситуацию, при которой становился возможным революционный выход из капитализма.

В России этот мировой революционный кризис наложился на остроту аграрного вопроса, отягощенного полуфеодальными пережитками [Островский, 2014; Шанин, 1997; Нефедов, 2011], и на кризис раннего этапа развития промышленного капитализма. Стоит напомнить, что ранние этапы промышленного переворота во многих странах Европы (Великобритании, Франции, Германии) тоже ознаменовались острыми конфликтами между рабочими и капиталистами, доходившими до вооруженных выступлений.

Одним из главных факторов, предопределивших переход власти в России в руки пролетарской партии, оказалась не только слабость изжившего себя режима сословной монархии, но и особенности российской буржуазии. Буржуазно-демократическая революция Февраля 1917 г., давшая в руки буржуазии власть, показала полную неспособность последней воспользоваться своим историческим шансом. Выдвинув к управлению государством своих наиболее энергичных и талантливых деятелей, буржуазия потерпела полное банкротство в решении насущных задач развития страны, медля с решением задач буржуазной революции или вообще отодвигая их в сторону. Она не дала стране ни республики (монархия была упразднена, но не заменена республиканскими политическими структурами), ни аграрной реформы, ни демократического мира.

В результате решать задачи буржуазно-демократической революции пришлось классовым противникам буржуазии – стремившейся опереться на пролетариат партии большевиков.

Слабость российской буржуазии дала в руки пролетарской партии власть, но одновременно поставила эту партию перед предельно противоречивой и неимоверно сложной задачей. С точки зрения марксистской теории объективные социально-экономические предпосылки перехода к социализму в России были совершенно недостаточны. Именно поэтому возможность движения к социализму в России большевики связывали с победой мировой или хотя бы европейской революции, которая обеспечила бы поддержку со стороны пролетариата более развитых стран [Ленин, 1970a: 57].

Однако ни мировой, ни европейской революции не удалось широко развернуться, тем более – победить. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии не переросла в социалистическую, последующие попытки такого рода были подавлены в 1919–1923 гг. силами внутренней реакции, а революции в Финляндии (1918) и Венгрии (1918–1919) были разгромлены при помощи иностранной интервенции. Революционные волнения в Италии, Франции, Польше, Болгарии и Словакии не переросли в революции. Российская революция оказалась в ситуации, когда революционный слом капиталистической системы (вместе с докапиталистическими порядками) уже оказывается возможным, но достаточных условий для превращения капиталистической системы в социалистическую еще не имелось.

В этих условиях стратегически обоснованным и одновременно единственно возможным стал курс на переход к новой экономической политике – к формированию переходной социально-экономической системы, где одновременно происходил бы рост и социалистических элементов, и капиталистических, создающих дополнительные материальные предпосылки для последующего движения к социализму. Это была попытка совершить одновременно социалистическую и капиталистическую революции, когда объективных оснований для второй больше, чем для первой. Сама эта попытка была крайне рискованной и не давала верных шансов на успех, так что Ленин всерьез опасался буржуазного перерождения советской власти [Ленин, 1970b: 94]. Более того, нарастание острейших геополитических противоречий, приближение реальной угрозы новой мировой войны, требовало форсировать индустриальное развитие страны в кратчайшие сроки, а решить эту задачу, не затрагивая интересы буржуазных и мелкобуржуазных элементов, было невозможно.

В результате развитие капиталистического и мелкотоварного укладов нэповской экономики оказалось насильственно прервано. Почти на всю экономическую систему страны принудительно «надели» социалистические формы, хотя объективные социально-экономические предпосылки для этого являлись недостаточными даже в сфере так называемых «командных высот» – в крупной промышленности, на транспорте, в отраслях связи и банковской системе. Это была попытка «засунуть» капиталистическую социально-экономическую революцию в оболочку социалистической. Но если капитализм вообще еще не развился из мелкого товарного хозяйства, не преобразовал его, то, следовательно, он еще не создал предпосылок для социализма. И какие же социалистические производственные отношения возможны в условиях, когда даже в послевоенный период в сельском хозяйстве значительная часть продукции производилась ручным трудом в личном подсобном хозяйстве, а в промышленности более половины работников занято тяжелым физическим неквалифицированным трудом? Возможным оказалось по большей части формальное осуществление социалистических отношений, под которыми не лежало адекватной основы.

Главное было даже не в технической отсталости этих отраслей в сравнении с уровнем наиболее развитых капиталистических стран. Главная проблема заключалась в социальных силах, на которые могло бы опереться строительство социализма. Хотя в начале XX в. доля наемных работников в составе населения России была довольно высока (по разным подсчетам от 25 до 40%), фабрично-заводской пролетариат представлял собой незначительное меньшинство населения (около 5–6%) [Воейков, 2004: 101–121]. Но и этот узкий слой обладал недостаточной грамотностью и культурностью, да к тому же подвергся сильному деклассированию в ходе Первой мировой и Гражданской войн.

Колоссальный социальный подъем, вызванный революцией, поднял к активному и сознательному социальному творчеству миллионы людей. Без этого массового движения зримые успехи в экономическом и социальном развитии, которых добился СССР, были бы невозможны. Однако этой массе, несмотря на огромную тягу к знаниям и культуре, не хватило возможностей, чтобы подчинить работу аппарата своего государства своим интересам. В результате государственная бюрократия получила определенную самостоятельность и в острой социально-политической борьбе 1920–1930-х гг. в существенной степени освободилась от контроля снизу. С течением времени эта бюрократия, вобравшая в себя наиболее образованные слои общества, превратилась в ведущую социальную силу советского общества. Тем не менее, поскольку основания ее власти лежали в первоначальном импульсе революционного движения к социализму, она вынуждена была во многом опираться на рядовых «строителей» нового общества и до определенной степени считаться с их интересами. Присутствие в составе бюрократии многочисленных выдвиженцев из пролетарской среды, принадлежащих к коммунистической партии, мало могло исправить положение, поскольку возникло и стало углубляться объективное расхождение интересов между массой рабочих (включая рядовых коммунистов) и теми, кто занял руководящие должности.

Попытки предотвратить или ограничить это расхождение (через инструменты контроля снизу или через ограничение доходов руководящих коммунистов – «партмаксимум») оказались непоследовательными и быстро оказались свернуты под нажимом бюрократии сначала фактически, а в начале 1930-х гг. – и формально.

Так, 8 февраля 1932 г. секретное решение Политбюро окончательно ликвидировало партмаксимум: «Отменить существующую практику ограничения партмаксимумом оплаты коммунистов-специалистов, работающих по специальности как на производстве, так и в управленческих, кооперативно-торговых, планирующих и проектирующих организациях всех отраслей народного хозяйства»[2]. В 1934 г. ликвидировали и Рабоче-крестьянскую инспекцию.

[2] О ставках для коммунистов-хозяйственников и инженерно-технического персонала. Приложение № 2 к п. 9 протокола заседания Политбюро № 87 от 8.II.1932 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 871. Л. 3–4,19–26. Документы советской эпохи. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/Final_s/CPSU00078/DIR0005/IMG0006.JPG (дата обращения: 12.05.2021).

Несмотря на это, инерция импульса социалистической революции сохранялась и в среде коммунистов, образовавших бюрократическую прослойку. Можно отметить самоотверженное, подчас героическое, участие многих из них в решении задач социалистического строительства. Без сохранения коммунистической идейности в среде партийной и советской бюрократии вряд ли можно было бы вообще всерьез говорить о движении по социалистическому пути, пусть неполному и незавершенному.

В то же время следует отметить значительный социалистический потенциал, сохранившийся в рабочей массе, как и у части интеллигенции и государственных служащих. Он проявился в годы первой пятилетки в ряде рабочих инициатив, направленных на создание различных форм участия рабочих в решении экономических вопросов (встречное планирование, хозрасчетные бригады и ряд других) [Лебедева, Шкаратан, 1996: 103–104; Дмитренко, 1973: 204; Восьмой съезд..., 1929: 554; Капустин, 1930: 17; Павлов, 1930: 59; Колганов, 2018: 161–170]. Однако и этот всплеск социального творчества рабочего класса к середине 1930-х гг. оказался задавлен или выхолощен бюрократией [Сталин, 1935/1997: 79–92; Эскин, 1936: 88–89; Колганов, 2018: 314–317].

Провозглашение общественной собственности на средства производства при этом отнюдь не было *полной* фикцией. Советская система вовсе не была *чистым* царством бюрократического произвола, в котором бюрократия занимала бы место нового эксплуататорского класса. Подчас советскую бюрократию изображают в виде коллективного капиталиста [Клифф, 1991], хотя именно капиталистический характер этой бюрократии никак не доказывается. Более вдумчивые исследователи, считая советскую бюрократию эксплуататорским классом, видят ее некапиталистическую природу [Sweezy, 1980], хотя выдвижение концепций, подобных «бюрократическому коллективизму» [Rizzi, 1976], не дает позитивного объяснения социально-экономической природы советской бюрократии. Концепция «неополитарного строя» (или «индустрополитаризма») Ю.И. Семенова содержит попытку такого объяснения, считая государственную собственность в советской системе разновидностью совместной частной собственности бюрократии как эксплуататорского класса [Семенов, 2008: 139–245]. Однако и эта попытка основана на крайне одностороннем взгляде на действительность СССР, оставляя в стороне многочисленные социально-экономические явления, не укладывающиеся в эту схему, и игнорируя противодействующие тенденции, которые свидетельствуют о реальных элементах социализма в советском строе.

Нельзя обойти стороной тот факт, что советская система покоилась не на одностороннем господстве бюрократии, а, по меньшей мере, на реальном компромиссе интересов между рабочим классом и бюрократией. Концентрируя в своих руках функции *распоряжения* собственностью, бюрократия в то же время допускала к функциям *пользования* этой собственностью и *присвоения* значительной части создаваемых ею преимуществ рабочий класс и другие категории трудящихся, сближавшихся с рабочими по своему социальному статусу. В поздний период существования СССР сложилась гомогенность социального статуса большинства трудящихся [Тихонова, 2021: 24]. Для них обеспечивались полная занятость, значительные каналы вертикальной мобильности (через образование, через партийную карьеру и т.д.), а также целый ряд социальных льгот и привилегий, далеко выходивших за рамки тех уступок, которые делались рабочим в капиталистических странах. В интересах большинства граждан СССР было и создание в 1930-е гг. высокого оборонного потенциала, обеспечившего победу в Великой Отечественной войне, предотвратившего истребление граждан СССР и превращение уцелевших в полурабов нацистской Германии.

Принципиальная роль компромисса интересов между рабочими и бюрократией как основы советского строя проявилась в том, что именно постепенное размывание этого социального компромисса стало в последующем главным фактором подрыва советской социально-экономической системы.

Была ли эта система социалистической? Этот вопрос уже долгие десятилетия является предметом жестких дискуссий [Сталин, 1997: 127; Троцкий, 1991; Клифф, 1991; Зиновьев, 2012], анализ всего спектра которых потребовал бы многотомного издания. Ответ автора будет объективно противоречивым постольку, поскольку противоречивой была социально-экономическая основа этой системы. Да, в той мере, в какой она обеспечивала права и интересы трудящегося населения. Нет, в той мере, в какой она отстраняла тружеников от участия в управлении обществом и экономикой, отдавая монополию на принятие всех важнейших решений в руки бюрократии.

Таким образом, в советской системе можно увидеть своеобразное *переходное общество*. Это было общество незавершенного (несостоявшегося) перехода от капитализма и докапиталистических отношений к социализму. Такой характер переходности базировался на переходном типе производительных сил, которые эволюционировали от преобладания массового ручного труда и малоквалифицированного труда при машинах и механизмах к обществу полностью индустриального типа. Но даже то, что можно назвать поздним индустриальным или новым индустриальным обществом, в СССР не успело вполне сложиться к концу 1980-х гг.

Это к тому же было *переходное общество с нелинейной динамикой* – в нем развивались подчас одновременно (как в 1930-е гг.) процессы продвижения к социализму и нарастания власти бюрократии, возникали краткосрочные и по-прежнему противоречивые периоды ускорения НТП и прогресса культуры (1960-е гг.) при одновременном консервировании различных форм социального отчуждения. В нем были созданы новые отношения в сфере культуры [Булавка-Бузгалина, 2018], образования, здравоохранения, науки. Но в конечном итоге оно двигалось не к формированию целостной социалистической системы (и уж тем более не к высшей фазе коммунизма), а к размыванию и выхолащиванию тех элементов социализма, которые все же в ней реально содержались. В конце концов предостережение Л. Троцкого, что бюрократическая каста может в значительной части выступить союзником буржуазного переворота, став заинтересованной в изменении имущественных отношений в свою пользу [Троцкий, 1991: 209–210], вполне сбылось.

Как судьба СССР связана с возникновением и упадком советской системы. Каким же образом такая эволюция, а затем и распад советской социально-экономической системы сказались на союзе советских республик?

Единство народов СССР покоилось не на колониальном захвате и не на геополитическом альянсе, а на единстве социально-экономических интересов, основанном на существовании единого народнохозяйственного комплекса, функционирующего при помощи плановых отношений и на основе реальных элементов общественного присвоения общенародного богатства (единая система доступа к бесплатным благам во всех республиках, единые цены, нормативы труда и его оплаты, и т.д.).

Острота, сложность и запутанность межнациональных противоречий в Российской империи оказались таковы, что падение имперской власти немедленно пробудило процессы активной дезинтеграции на бывшем имперском пространстве. Восстановление союза народов в едином государстве было возможным только на основе такого объединения, которое обеспечивало бы как учет интересов и национального своеобразия всех его участников, так и интересы Союза как целого. В этом принципиальное отличие СССР от любого рода имперских образований [Амин, 2017], сколь бы идеализированную характеристику имперскости не пытались дать современные авторы [Осипов, 2004; Осипов, 2005]. Нарушение принципов добровольности вхождения в Союз (Прибалтика, Закавказье), а вовсе не конституционное право на отделение, закладывало мину под объединение, и именно эти «не-совсем-добровольные» части СССР наиболее активно выступали за выход из Союза в период «перестройки».

В СССР складывалась не только единая система планирования развития экономики, но также единая система кооперации и разделения труда, общесоюзная система производственной и социальной инфраструктуры (единая энергетическая система, единая сеть

железных дорог, единая система нефте- и газопроводов, единая система электросвязи, единая система телевизионного вещания, единая пенсионная система и единая система социальной поддержки). В СССР формировался феномен советской культуры, основанной не на унификации под единый стандарт господствующей нации или на мультикультуралистском безразличии к «чужой» культуре, а на развитии, поддержке и взаимном обогащении культурного многообразия [Булавка, 2008].

В той мере, в какой принципы объединения соблюдались на основе добровольности, равноправия и взаимного уважения, в той мере, в какой они опирались на реальные ростки социализма в экономике, социальной жизни, духовных традициях, в такой мере обеспечивалась и прочность союза народов, находящихся на очень различных уровнях социально-экономического и культурного развития, чьи отношения были отягощены многочисленными конфликтами и обидами, и недавними, и тянущимися далеко в прошлое. В той же мере, в какой в межнациональных отношениях допускался бюрократический произвол, происходили деформация и подрыв основ этого союза, грозящие взорвать этот союз изнутри.

Советский Союз не был империей в том числе и потому, что потенциал имперского объединения народов уже был исчерпан Российской империей к 1917 г., и ее катастрофический распад, начавшийся после Февральской революции, об этом свидетельствует. Основа для нового союза народов, проживающих на территории прежней Российской империи, могла быть только принципиально иной. Аргументом в пользу этого утверждения служит распад Австро-Венгерской и Османской империй, которые не смогли восстановить единство народов, проживавших на их территории. А вот советская система это сделать смогла именно в силу своего качественно нового характера, основывающегося на социалистических материальных основаниях (прежде всего, элементах новых – социалистических – социально-экономических отношений) и ценностях. В истории больше нет подобных примеров восстановления распавшегося союза народов при крахе многонациональных государств.

К сожалению, СССР так и не стал последовательно социалистическим обществом. Поэтому ростки национализма и этнического отчуждения (ксенофобии), объективно возникающие на почве буржуазного и добуржуазного развития, не изживались полностью, а частично воспроизводились. Пока сохранялась прочность советской системы, эти националистические тенденции и межэтнические конфликты редко прорывались открыто, однако подспудно давали себя знать, например, в кадровой политике национальных республик, где явно проводился фаворитизм по отношению к представителям «титульной нации» (напомним, что постепенно сложилась практика, согласно которой высшим руководителем Республики – первым секретарем ЦК – мог быть только представитель «титульной» нации). По мере того как развивалось латентное разложение советской системы, нарастали и проявления национализма. Особенно сильно они давали себя знать там, где вхождение народов в состав Союза было или не вполне добровольным, или не принималось значительным меньшинством населения (Прибалтика, республики Закавказья, Чечня), или там, где совместное проживание народов оказывалось следствием непродуманной переселенческой политики либо перекройки административных границ.

Нарастающий распад советской социально-экономической системы в конце 1980-х гг. не только еще более раздул тлевшие угли национализма, но и создал новые предпосылки для дезинтеграции Союза. Происходило неуклонное замедление темпов экономического развития. Если за 1961–1965 гг. индекс роста национального дохода составил 1,24, то в 1981–1985 гг. – лишь 1,03. Если за 1961–1965 гг. индекс роста основных фондов составил 1,33, то в 1981–1985 гг. – также лишь 1,03. Если за 1961–1965 гг. индекс роста производительности труда составил 1,22, то в 1981–1985 гг. он упал до единицы, то есть рост производительности труда прекратился [Ханин, 1988]. Все это сопровождалось ухудшением качественных экономических показателей, замедлением темпов роста производства потребительских товаров и услуг, падением темпов ввода жилья и т.п. [Ханин, 2008].

Недостатки бюрократического централизма вели к тому, что он оказался не в состоянии справиться с нарастающими проблемами. Происходило ухудшение горно-геологических условий добычи полезных ископаемых, что повлекло рост издержек на их извлечение, потребовавшее сосредоточить на освоении новых месторождений львиную долю инвестиций. В результате сокращались расходы на обновление основных фондов, что влекло за собой недостаточную капиталовооруженность труда и старение основных фондов. Соответственно, замедление демографического роста и притока новых трудовых ресурсов из деревни не компенсировались ростом производительности труда. Неэффективный механизм ориентации на запросы потребителей вместе с замедлением производства товаров и услуг для потребительского рынка вели к обострению дефицита и одновременно к росту нереализованных запасов в торговле. Рост масштабов экономики вел к росту громоздкости бюрократической системы, начавшей распадаться на отдельные замкнутые ведомственные системы, что подрывало преимущества централизованного планирования. Перестали реализовываться крупные научно-технические проекты, служившие главными драйверами технологического прогресса, а стимулы технологического обновления на уровне предприятий оставались недостаточными [Белоусов, 1995: 4–40].

В конце 1980-х гг. на накопление действия этих долговременных факторов наложились события, еще более ухудшившие социально-экономическую ситуацию: падение мировых цен на нефть, расходы, сопряженные с ликвидацией последствий аварии на Чернобыльской АЭС и землетрясения в Спитаке, экономические последствия непродуманной антиалкогольной кампании, крайне неудачные попытки реформирования плановой системы, приведшие к ее расшатыванию [Колганов, 2018: 376].

Нараставшее в 1970–1980-е гг. разочарование значительной массы населения в официально провозглашавшихся (но все менее реализуемых) идеалах социализма сменилось в начале «перестройки», как показали социологические исследования, сначала кратковременным всплеском надежд и активности, а затем массовой утратой доверия к попыткам правящей КПСС реформировать советскую систему [Тощенко, 2021: 7–10]. Тем самым оказались подорваны возможности массового сопротивления радикальным разрушительным проектам преобразования СССР. Одновременно складывались группы, заинтересованные в таком разрушении.

Сначала латентное (в теневой экономике), а затем, в период «перестройки», все более открытое формирование капиталистических производственных отношений создало у возникающего нового господствующего класса заинтересованность в национальном отделении. Новая буржуазия бывших советских республик не без оснований считала более выгодным для себя отгородиться национальными границами от более мощных и влиятельных капиталистических кланов, опиравшихся на крупные российские монополистические группировки, чтобы безраздельно пожинать плоды эксплуатации в «собственной» национальной экономике. При этом значительная часть национального капитала считала более привлекательной перспективу пойти в подчинение капиталу США или Западной Европы ввиду его более высокого экономического и технологического потенциала (впрочем, надежды на этот потенциал позднее для многих обернулись, как минимум, унижением).

Тот факт, что подобное «огораживание» вело к разрыву прежнего народнохозяйственного комплекса и падению эффективности экономики каждой из отделявшихся республик, выступал как «допустимые издержки» для обеспечения частных интересов крупнейших представителей национального капитала. В этом вопросе полную солидарность с ними проявляла и национальная бюрократия, стремившаяся к полному и бесконтрольному господству на национальной территории.

Распространяемый российскими националистами миф, будто распад СССР был предопределен наличием в советской конституции права на отделение, не выдерживает исторической критики. Многонациональные государства живут или распадаются независимо от того, существует ли в их законах пункт о праве на отделение. В Австро-Венгрии или в Османской империи такого пункта не было, но они благополучно распались. Правом на

отделение от Великобритании обладают Англия, Шотландия, Северная Ирландия и Уэльс, но до сих пор они (может быть, за исключением Шотландии) этим правом предпочитают не пользоваться [Partsch, 1982: 64].

Развал советской социально-экономической системы делал сохранение СССР практически невозможным. Однако «развод» между прежними союзными республиками мог бы быть произведен в более цивилизованных формах. К сожалению, из соображений политического карьеризма новое политическое руководство России выступило в конце 1991 г. в числе инициаторов скорейшей ликвидации СССР, нисколько не озаботившись тем, какие это будет иметь последствия для рядовых граждан, которые в одночасье превращались в новых независимых республиках в этнические меньшинства.

Таким образом, новые формы совместного существования народов вполне доказали свою жизнеспособность и прогрессивность с точки зрения создания условий для теснейшего межнационального сотрудничества в целях развития экономики, социальной сферы и культуры всех объединившихся народов. Но история доказала также, что эти новые формы могут быть жизнеспособными, только если под них подведена соответствующая новая социально-экономическая основа в виде социалистических общественных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амин С. Россия: долгий путь от капитализма к социализму. СПб.: ИНИР; М.: Культ. революция, 2017.

Бузгалин А.В., Булавка Л.А., Колганов А.И. СССР: Оптимистическая трагедия. М.: УРСС, 2018.

Булавка Л.А. Феномен советской культуры. М.: Культ. революция, 2008.

Булавка-Бузгалина Л.А. Маркс XXI. Социальный прогресс и его цена: Диалектика отчуждения и разотчуждения // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 5. С. 73–84.

Воейков М.И. Политико-экономические эссе. М.: Наука, 2004.

Восьмой съезд профсоюзов СССР (10–24 декабря 1928 г.): Пленумы и секции. Полный стенографический отчет. М.: ВЦСПС, 1929.

Дмитренко Т.А. Движение за встречный промфинплан // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 204–208.

Зиновьев А. Коммунизм как реальность. Пара беллум. М.: АСТ, 2012.

Капустин А. За встречный промфинплан! // Большевик. 1930. № 15–16. С. 16–25.

Колганов А.И. Путь к социализму: пройденный и непройденный: От Октябрьской революции к тупику перестройки. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2018.

Лебедева Н.Б., Шкаратан О.И. Очерки истории социалистического соревнования. Л.: Лениздат, 1966.

Ленин В.И. X съезд РКП(б). Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта // Полн. собр. соч. Т. 43. М.: Политиздат, 1970a. С. 57–73.

Ленин В.И. XI съезд РКП(б). Политический отчет Центрального комитета РКП(б) 27 марта // Полн. собр. соч. Т. 45. М.: Политиздат, 1970b. С. 69–116.

Нефедов С.А. О благосостоянии населения дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 127–136.

Осипов Ю.М. Гражданское общество, государство и империя // Философия хозяйства. 2004. № 6. С. 283–287.

Осипов Ю.М. Имперское хозяйство // Философия хозяйства. 2005. № 1. С. 267–274.

Островский А.В. Существовал ли системный кризис в России начала XX в.? Критика концепции Б. Миронова // Общественные науки и современность. 2014. № 2. С. 124–138.

Павлов А. Борьба за пятилетку и социалистическая организация труда (окончание) // Большевик. 1930. № 18. С. 56–70.

Семёнов Ю.И. Великая октябрьская рабоче-крестьянская Революция 1917 г. и возникновение неополитаризма в СССР (Россия: что с ней случилось в XX веке) // *Семёнов Ю.И.* Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М.: Волшебный ключ, 2008. С. 149–235.

Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года // *Сталин И.В.* Соч. Т. 14. М.: Писатель, 1997. С. 119–147.

Сталин И.В. Речь на первом Всесоюзном совещании стахановцев // *Сталин И.В.* Соч. Т. 14. М.: Писатель, 1997. С. 79–92.

Тихонова Н.Е. Трансформации социальной структуры российского общества: конец 1980-х – конец 2010-х гг. // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 23–34. DOI: 10.31857/S013216250014308-1.

Тощенко Ж.Т. Была ли рукотворной геополитическая катастрофа СССР? // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 3–13. DOI: 10.31857/S013216250016071-1.
Троцкий Л. Преданная революция. М.: НИИ Культуры, 1991.
Ханин Г.И. Экономический рост в СССР. Альтернативная оценка // Коммунист. 1988. № 7. С. 83–90.
Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. В 2 т. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск: НГТУ, 2008.
Шанин Т. Революция как момент истины: Россия 1905–1907–1917–1922 годы / Пер. с англ. *Е.М. Ковалева*. М.: Весь Мир, 1997.
Эскин М. Основные пути развития социалистических форм труда. Л.: Соц.-экон. изд-во, 1936.
Partsch K.J. Fundamental Principles of Human Rights: Self-determination, Equality and Non-discrimination // The International Dimensions of Human Rights / Ed. by *K. Vasak*. Paris: UNESCO, 1982. P. 61–86.
Rizzi B. L'URSS: collectivisme bureaucratique. La bureaucratisation du monde, 1re éd. 1939. 2e éd. Paris: Editions Champ Libre, 1976.
Sweezy P.M. Post-Revolutionary Society // Monthly Review. 1980. Vol. 32. No. 6. P. 1–13.

Статья поступила: 20.05.21. Финальная версия: 28.09.21. Принята к публикации: 20.10.21.

THE SOVIET SYSTEM AND THE UNION OF SOVIET REPUBLICS: THE SYNCHRONICITY OF THE DECAY IS NOT INCIDENTAL

KOLGANOV A.I.

Lomonosov Moscow State University, Russia; Institute of Economy RAS, Russia

Andrey I. KOLGANOV, Dr. Sci. (Econ.), Head of the Laboratory of Comparative Research of Socio-Economic Systems, Lomonosov Moscow State University; Head Scientist, Center for Methodological and Historical-Economic Research, Institute of Economy RAS, Moscow, Russia (onaglo@mail.ru).

Acknowledgements. The research was funded by RFBR, project No. 21-010-43007\21.

Abstract. The author puts forward a thesis about the significant dependence of the collapse of the USSR on the death of the Soviet socio-economic system. Far from identifying these two processes, the author considers both the emergence and the demise of the Soviet system as the result of certain objective historical, economic and social prerequisites, without taking the view of this phenomenon as a subjective deviation from the laws of world civilization or the "zigzag of history". The article examines the grounds that made it possible to restore the joint statehood of the peoples who inhabited the Russian Empire, and concludes that this became possible only because of the peculiarity of the Soviet socio-economic system. To the extent that the Soviet system could realize the socialist tendency inherent in it, to the extent that the solidarity of the peoples united in the USSR was possible. To the extent that this trend was subjected to bureaucratic erosion, to the extent that the potential for nationalism and the subsequent disintegration of the USSR accumulated. The disintegration of the Soviet socio-economic system finally destroyed the foundation on which the Union of the peoples of the USSR was built.

Keywords: Soviet system, socialism, bureaucracy, USSR, union of peoples, culture, unified economic complex.

REFERENCES

Amin S. (2017) *Russia and the Long Transition from Capitalism to Socialism.* St. Petersburg: INIR; Moscow: Kulturnaya revolyutsiya. (In Russ.)
Bulavka L.A. (2008) *The Phenomenon of Soviet Culture.* Moscow: Kulturnaya revolyutsiya. (In Russ.)
Bulavka-Buzgalina L.A. (2018) Marx XXI: Social Progress and its Price: Dialectics of Alienation and Disalienation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]. No. 5: 73–84. (In Russ.)
Buzgalin A.V., Bulavka L.A., Kolganov A.I. (2018) *USSR: An Optimistic Tragedy.* Moscow: URSS, 2018. (In Russ.)
Dmitrenko T.A. (1973) The Movement for the Counter 'Promfinplan'. *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 8: 204–208. (In Russ.)
Eskin M. (1936) *The Main Ways of Development of Socialist Forms of Labor.* Leningrad: Sots.-ekon. izd-vo. (In Russ.)
Kapustin A. (1930) For the Counter 'Promfinplan'! *Bolshevik*. No. 15–16: 16–25. (In Russ.)

Khanin G.I. (1988) Economic Growth in the USSR: Alternative Assessment. *Kommunist* [Communist]. No. 7: 83–90. (In Russ.)
Khanin G.I. (2008) *The Economic History of Russia in Modern Times.* In 2 vols. Vol. 1. The Economy of the USSR at the End of the 30s – 1987. Novosibirsk: NGTU. (In Russ.)
Kolganov A.I. (2018) *The Path to Socialism: Passed and not Passed. From the October Revolution to the Deadlock of Perestroika.* 2nd ed, revised and supplemented. Moscow: LENAND. (In Russ.)
Lebedeva N.B., Shkaratan O.I. (1966) *Essays on the History of Socialist Competition.* Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)
Lenin V.I. (1970a) The 10th Congress of the RCP(b). Report on the Replacement of the Unfolding with a Natural Tax on March 15. In: Lenin V.I. *Complete Works.* Vol. 43. Moscow: Politizdat: 57–73. (In Russ.)
Lenin V.I. (1970b) The 11th Congress of the RCP(b). Political Report of the Central Committee of the RCP(b) on March 27. In: Lenin V.I. *Complete Works.* Vol. 45. Moscow: Politizdat: 69–116. (In Russ.)
Nefedov S.A. (2011) On the Welfare of the Population in Pre-revolutionary Russia. *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 5: 127–136. (In Russ.)
Osipov Yu.M. (2004) Civil Society, State and Empire. *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of Economy]. No. 6: 283–287. (In Russ.)
Osipov Yu.M. (2005) Imperial Economy. *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of Economy]. No. 1: 267–274. (In Russ.)
Ostrovsky A.V. (2014) Was There a System Crisis in Russia at the Beginning of the 20th Century? Critics of the Concept of Boris Mironov. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 2: 124–138. (In Russ.)
Partsch K.J. (1982) Fundamental Principles of Human Rights: Self-determination, Equality and Non-discrimination. In: Vasak K. (ed.) *The International Dimensions of Human Rights.* Paris: UNESCO: 61–86.
Pavlov A. (1930) The Struggle for the Five-year Plan and the Socialist Organization of Labor (End). *Bolshevik*. Vol. 18: 56–70. (In Russ.)
Rizzi B. (1976) *The USSR: Bureaucratic Collectivism: The Bureaucratization of the World.* 1st ed. 1939. 2nd ed. Paris: Editions Champ Libre. (In Fr.)
Semenov Yu.I. (2008) The Great October Workers 'and Peasants' Revolution of 1917 and the Emergence of Neopolitarism in the USSR (Russia: What Happened to it in the 20th Century). In: Semenov Yu.I. *The Politarian ("Asian") Mode of Production: Essence and Place in the History of Mankind and Russia.* Moscow: Volshebniy klyuch: 149–235. (In Russ.)
Shanin T. (1997) *Revolution as a Moment of Truth: Russia in 1905–1907–1917–1922.* Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
Stalin I.V. (1997) Speech at the First All-Union Meeting of the 'Stakhanovites'. In: Stalin I.V. *Collected Works*. Vol. 14. Moscow: Pisatel': 79–92. (In Russ.)
Stalin I.V. (1997) On the Draft Constitution of the USSR: Report on the Extraordinary at the 8th All-Union Congress of Soviets on November 25, 1936. In: Stalin I.V. *Collected Works.* Vol. 14. Moscow: Pisatel': 119–147. (In Russ.)
Sweezy P.M. (1980) Post-Revolutionary Society. *Monthly Review.* Vo. 32. No. 6: 1–13.
The Eighth Congress of Trade Unions of the USSR (December 10–24, 1928). (1929) Plenums and Sections. Full Verbatim Report. Moscow. (In Russ.)
Tikhonova N.E. (2021) Transformations of the Social Structure of Russian Society in Late 1980s – Late 2010s. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 23–34. DOI: 10.31857/S013216250014308-1. (In Russ.)
Toshchenko Zh.T. (2021) Was the Geopolitical Catastrophe of the USSR Man-Made? *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 3–13. DOI: 10.31857/S013216250016071-1. (In Russ.)
Trotsky L. (1991) *The Revolution Betrayed.* Moscow: NII Kul'tury. (In Russ.)
Voeykov M.I. (2004) *Political and Economic Essays.* Moscow: Nauka. (In Russ.)
Zinoviev A. (2012) *Communism as a Reality. Para Bellum.* Moscow: AST. (In Russ.)

Received: 20.05.21. Final version: 28.09.21. Accepted: 20.10.21.

© 2021 г.

А.В. БУЗГАЛИН

СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ СОЦИАЛИЗМА В XX ВЕКЕ

БУЗГАЛИН Александр Владимирович – доктор экономических наук, директор Научно-образовательного центра современных марксистских исследований, профессор кафедры политической экономии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; профессор, Московский финансово-юридический университет; визит-профессор Хайнаньского и Харбинского педагогических университетов, Москва, Россия (buzgalin@mail.ru).

***Аннотация**. Автор аргументирует позицию, согласно которой главные причины дезинтеграции СССР состоят в уходе с социалистической траектории развития и лежат в социально-экономической и экономико-политической сферах, носят преимущественно объективный характер. На основе использования игнорируемого в настоящее время диалектико-материалистического метода и социально-философских разработок постсоветской школы критического марксизма выделяются противоречия, ставшие основой как прогресса, так и регресса «красной» (коммунистической) линии развития СССР. Эти противоречия позволяют охарактеризовать общественную систему СССР как опережающую мутацию общеисторического тренда генезиса «царства свободы». Доказывается, что социальной основой гибели СССР стало вытеснение социально-творческих начал отношениями (и представляющими их акторами) отчуждения в странах мировой социалистической системы.*

***Ключевые слова:** СССР • социализм • марксизм • диалектико-материалистический метод • постсоветская школа критического марксизма • отчуждение • разотчуждение*

DOI: 10.31857/S013216250015253-1

К постановке проблемы. Тема рождения и ухода с исторической арены СССР уже 30 лет не оставляет равнодушными самый широкий круг исследователей. Предваряя подробное изложение своей позиции, я сформулирую три исходных тезиса.

Первый заключается в том, что *распад СССР и образование на этом пространстве новых государств – то, что в настоящее время часто оценивается как геополитическая катастрофа, – является следствием более глубоких противоречий, имеющих не геополитический, а социально-экономический или даже политико-экономический характер.*

СССР как единое государство развивался в XX в. не как империя, а как союз народов. В этом качестве он мог развиваться только в той мере, в какой в нашей стране существовали и развивались социалистические общественные отношения и институты. Сохранение пространственной целостности страны было возможно лишь путем глубокого реформирования и усиления *социалистических* начал. Включение в неолиберальную глобальную капиталистическую систему могло идти только при условии геополитической дезинтеграции страны, а именно на такое включение была ориентирована национальная «элита», сосредотачивавшая в 1980-х гг. в своих руках основные элементы экономико-политической и идеологической власти.

Материально-технической базой целостности СССР был единый народнохозяйственный комплекс, основанный на общесоюзной системе разделения и кооперации труда, единая система планирования и распределения богатства, единая культура, складывавшаяся на основе своеобразия (а не рыночной или бюрократической унификации) национальных культур. Поэтому в той мере, в какой в Советском Союзе реально складывались отношения социализма, союз крайне разнообразных (по уровню развития производительных сил, исторически сложившихся социально-экономических отношений, политическим

и социокультурным традициям и т.п.) народов был возможен. И напротив, в той мере, в какой скрепами СССР служили отношения бюрократического подчинения, в нем развивались споры дезинтеграции.

Этот тезис аргументирован в предшествующей статье А.И. Колгановым, я же лишь специально подчеркну, что кажущийся исключением пример КНР и Вьетнама лишь подтверждает это правило. В этих странах экономико-политическое разложение номенклатуры, которой принадлежала и принадлежит экономико-политическая власть, не зашло столь далеко, как в советских странах, а среди населения не сформировалась достаточно мощная социальная прослойка, заинтересованная в разрушении, а не реформировании системы. В СССР и странах ЦВЕ такая прослойка сформировалась: ею стали люди, составлявшие не большинство, но примерно 30% населения, – получившие высшее образование, занятые высококвалифицированным трудом, обладающие высоким креативным потенциалом, но отчужденные от возможности его реализации в социально-политической и культурной сферах. Они массово поддержали конструктивные шаги по демократизации и развитию социального творчества – гласность, инициирование производственного и территориального самоуправления и др., характерные для начала «перестройки». На вопрос, почему они оказались в конечном итоге невольными соучастниками разрушения социализма, мы ответим ниже.

Развиваемая многими авторами (в частности, Ж.Т. Тощенко [2021]) позиция, трактующая действия партийно-государственной номенклатуры конца 1980-х гг. как основной фактор распада СССР и указывающая на то, что эти действия шли вразрез как с объективными интересами, так и с субъективными желаниями большинства трудящихся страны, равно как и тезис Е.В. Семенова, что эта номенклатура была ориентирована на включение в западный истэблишмент [Семенов, 2021], адекватно отражают процессы, происходившие в то время. Однако они не отвечают на важнейший вопрос: почему руководство страны, успешно (при всех глубочайших противоречиях) развивавшейся на основе социалистического тренда, качественно изменило свой курс, а большинство населения страны пассивно приняло контрреволюцию, приведшую к глубокому падению качества его жизни? Почему ее приняли и потенциально заинтересованные в демократическом социализме, и субъективно поддерживавшие его, а не полупериферийный капитализм, креативные работники СССР (учителя, врачи, инженеры, ученые)?

Ответ на этот вопрос дает ***второй*** тезис, который мы будем далее аргументировать: *причины рождения и ухода с исторической арены СССР и большинства стран мировой социалистической системы (МСС) имеют одно и то же основание.* Мировые практики движения к качественно новому обществу начались в условиях наличия *в мире* минимально необходимых предпосылок для его рождения. И начались в социальном пространстве-времени наибольшего обострения противоречий этого мира (в Российской империи), а не там, где уровень развития этих предпосылок был на тот момент (начало XX века) максимален. Отсюда – неизбежность слабости и *мутаций* вновь рожденного общества и высокая вероятность его гибели.

Третий тезис заключается в том, что в *таких условиях победы и поражения социалистической линии в истории XX в. вообще и в истории СССР в частности в определяющей степени зависели от соотношения внутренних факторов*: социально-творческих сил, строивших и развивавших социализм, и сил, консервировавших и интенсифицировавших отношения социального отчуждения.

Далее автор будет кратко аргументировать второй и третий тезисы, поскольку первый анализируется в предшествующей статье А.И. Колганова – моего друга и соавтора.

Природа и причины ухода СССР: к систематизации основных подходов. Прежде чем перейти к предмету нашего исследования, укажем на его теоретические основания и кратко охарактеризуем пространство исследований заявленной проблемы. Автор в своем анализе будет опираться на методологию и теорию современного марксизма, в частности, постсоветской школы критического марксизма, что позволит нам выделить не только

Рис. Спектр основных позиций по вопросу о природе СССР

объективные основания ухода СССР, но и социальные силы, пассивно или активно включенные в этот процесс. При этом мы будем исходить из того, что в условиях позднего капитализма типичными являются процессы межклассовой диффузии и внутриклассовой дифференциации (подробнее см.: [Бузгалин, Колганов, 2018; 2019]).

Критерием для выделения основных групп взглядов на уход СССР будет ответ на ключевой вопрос социальной истории – о признании/отрицании общественного прогресса и, в частности, возможности и пути перехода к социализму. Следствием ответа на этот вопрос и становится характеристика места СССР в этом измерении с поправкой на меру догматизации либеральных, марксистских или иных теорий (рис.).

Одним из парадоксов этой систематизации станет то, что авторы крайних взглядов («СССР – империя зла» и «СССР – передовое социалистическое общество») методологически окажутся близки друг к другу. Используя образ одного из моих учителей, профессора Н. Цаголова, мы можем сказать, что авторы этих двух противоположных взглядов сталкиваются в одной точке, но пятясь друг к другу спинами. В пространстве между ними располагается широкий спектр иных взглядов, отраженных на рисунке.

В основе крайне правой позиции лежит тезис о либерально-капиталистической системе как высшей, единственно эффективной и демократичной, а потому последней ступени исторического развития. Наиболее завершенный вид эта позиция приобрела в не самой глубокой, но крайне популярной книге Ф. Фукуямы «Конец истории» [Fukuyama, 1989; 1992].

Промежуточное положение занимают авторы, рассматривающие СССР как явление, закономерно порожденное противоречиями капитализма XX века, но не являющееся социалистическим. Это может быть квалификация социального строя СССР как политарного [Семенов, 2008], государственно-капиталистического [Cliff, 1955; Клифф, 1956] и т.д. С точки зрения этих авторов, политарный строй (или государственный капитализм) в силу своих внутренних противоречий (прежде всего – неэффективности и асоциальности власти бюрократии, оторванной от интересов трудящихся) должен был раньше или позже закончиться трансформацией государственно-капиталистической бюрократии в класс частных собственников капитала.

Далее следует группа авторов, рассматривающих СССР как начальный этап рождения *пост*-капиталистического общества, но обремененного глубокими внутренними противоречиями из-за недостаточности объективных предпосылок для продвижения к коммунизму и наличия негативных политических трендов. Наиболее известный вариант – теория рабочего государства с бюрократическими извращениями Льва Троцкого. В отличие от своих коллег-оппонентов «госкаповцев», Троцкий и его единомышленники отмечали в СССР ряд черт рождающегося социализма, но, соглашаясь с критиками СССР относительно господства бюрократии, намеренной раньше или позже трансформировать свою государственную власть в частную собственность, считали вырождение и гибель такой системы неизбежной, если она не будет трансформирована в социалистическую.

Замыкает наш круг позиция, прямо противоположная либеральной. Это взгляды догматически мыслящих марксистов, утверждающих, что в СССР *было* построено социалистическое общество (раннее или развитое – вариации многообразны), являющееся самым передовым и прогрессивным в мире, а причиной его ухода с исторической арены стал субъективный фактор (предательство отдельных партийно-государственных деятелей, интенсифицированное внешним давлением). Как видим, методологически такая позиция является зеркальным отражением взглядов их либеральных оппонентов.

Всем этим подходам автор противопоставляет, *во-первых*, современный диалектико-исторический метод, акцентирующий противоречия, причем как источник не только *про*гресса, но и *ре*гресса. Последний является следствием неспособности социально-творческого субъекта (общественных сил, творящих историю) разрешать общественные противоречия, создавать экономические, социальные, политические и культурные формы, обеспечивающие познание и общественное действие (революции, реформы и т.п.), адекватное закономерностям прогресса. Такой подход отличает подход автора от большинства современных исследователей, которые просто игнорируют проблемы методологии, реализуя de facto методологию позитивизма или постмодернистские установки (см., напр.: [Деррида, 2000; 2007; Фуко, 2007]) деконструкции «больших нарративов» (в частности, «нарратива» прогресса) и замещая постановку фундаментальных социальных проблем узкотематическими исследованиями.

Во-вторых, автор в данной статье ставит в центр внимания не столько экономические, сколько социально-политические проблемы причин ухода СССР. Акцентируется прежде всего вопрос о социальных акторах, чье действие (или *без*действие) стало причиной того, что имевшиеся минимальные объективные предпосылки развития по социалистической траектории реализовывались на протяжении 70 лет советской истории крайне противоречиво и в конечном счете так и не привели к упрочению новых общественных отношений.

Путь к социализму или красная линия истории: методолого-теоретическая интерпретация. Как легко понять из предшествующих методологических ремарок, автор, развивая современную марксистскую теорию, исходит из того, что 1) социальный прогресс существует и 2) его критерием является свободное гармоничное развитие личности, прогресс человеческих качеств, прежде всего – способности к творческой деятельности (см.: [Момджян, 2016; 2018; Булавка-Бузгалина, 2018б]). Мы исходим также из того, что 3) движение по пути прогресса есть объективная закономерность истории, которая, однако, 4) реализуется историческим субъектом. Этот исторический субъект, в свою очередь, может 5) как содействовать, так и противодействовать социальному прогрессу.

На переломных этапах, характерных для смены общественно-экономических формаций, роль социального актора, творящего историю, максимально велика. Причина проста: в эти – переходные – исторические эпохи, когда старая общественная система еще не исчерпала весь потенциал своего прогрессивного развития, а новая еще не имеет в полной мере развитых предпосылок для своей победы (когда, иными словами, переход к новой общественной системе уже возможен, но еще не необходим), *объективная социально-экономическая детерминация ослаблена.*

Нечто подобное началось в мире в XX в., когда возникли первые минимальные объективные предпосылки генезиса нового общества (социализма), являющегося, в соответствии с классической марксистской теорией, началом развития новой общественной системы – коммунизма, «царства свободы» (подробнее об особенностях перехода к «царству свободы» см.: [Энгельс, 1961: 294–295; Маркс, 1962: 386–387]). Развитая индустрия (то, что в классификации Львова–Глазьева [1986; Глазьев, 2012] относится к 3–4 технологическим укладам), генерирующая процесс реального обобществления, с одной стороны; промышленный пролетариат, соединенный в коллективы не только процессом производства, но и своими классовыми организациями (профсоюзы, социал-демократические и коммунистические партии), – с другой; социалистическая теория и критически-реалистическая культура – с третьей, – таковы минимально необходимые предпосылки для первых попыток свершения социалистически ориентированных реформ и революций.

И они свершаются (в России, Германии, Венгрии, Испании, Китае, Вьетнаме, Кубе, Чили и т.д.), приводя (как и первые буржуазно ориентированные реформы и революции XVI–XVIII вв., начинавшиеся в доиндустриальную эпоху) в большинстве случаев к поражениям, и лишь в редких случаях – к победе. Впрочем, социал-демократические реформы, в отличие от социалистических революций, в XX веке побеждали гораздо чаще.

На этом этапе движение по социалистическому пути становится только возможным; капитализм еще не исчерпал до конца свой потенциал, но развиваться может уже исключительно при условии использования элементов социализма (частичная общедоступность базовых благ, например, среднего образования, перераспределение части прибыли от буржуа к пролетариям, в частности, через прогрессивный подоходный налог и др.). Тем самым, с одной стороны, создаются минимально-необходимые предпосылки для генезиса «царства свободы». Однако, с другой стороны, этих предпосылок недостаточно для окончательной победы новой социальной системы. Это этап, на котором начинается отмирание отношений отчуждения, но оно не может не быть длительным нелинейным интернациональным процессом.

Если мы принимаем такой подход, т.е. *рассматриваем процесс рождения нового общества как интернациональный глобальный сдвиг в истории человечества*, то и сам процесс трансформации приобретает новые характеристики. Соответственно, *социализм может быть охарактеризован не столько как стадия общественно-экономической формации, сколько как процесс перехода от эпохи отчуждения к «царству свободы» (коммунизму)*. Этот переход включает революции и контрреволюции; первые ростки нового общества в отдельных странах и регионах, их отмирание и появление вновь; социальные реформы и контрреформы в капиталистических странах; волны прогресса и спада различных социальных и собственно социалистических движений. *Нелинейность, противоречивость и интернациональность этих сдвигов составляют специфику социализма как процесса рождения нового общества во всемирном масштабе.*

Неразрешенность противоречий мутантного социализма как причина его поражения. Сделанные методолого-теоретические ремарки позволяют поставить вопрос: почему победы социалистических трендов (в первую очередь, создание и торжество СССР и формирование МСС) приходятся на эпоху минимальных предпосылок социализма, а поражения – на период формирования более развитых возможностей движения по пути к «царству свободы»?

Ответ на этот вопрос дает авторская гипотеза, раскрывающая те противоречия «реального социализма» и мирового контекста его развития, которые, с одной стороны, вызвали к жизни этот специфический общественный организм, а с другой – привели к его распаду. Автор исходит из того, что *причины возникновения и распада советской системы были в основе своей одни и те же*. Рассмотрим эту непростую диалектику подробнее.

В сжатом виде суть советской системы может быть выражена категорией **«мутантного социализма»**. Под последним понимается тупиковый вариант общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от капитализма к коммунизму.

Это – общественная система, выходящая за рамки капитализма, но не образующая устойчивой модели, служащей основанием для последующего движения к коммунизму.

Поясним этот тезис. Во-первых, и для XX века, и для сегодняшнего дня остается в силе закономерность: если реальное движение созидания нового общества идет *не* по *объективно необходимому и возможному пути* социального освобождения, а по пути сохранения, а то и возрождения старых (конформизм, патернализм, насилие и т.п.) и генерирования новых (специфически советская бюрократия, дефицит и т.п.) форм отчуждения, то перед нами *мутация движения к «царству свободы»*.

Во-вторых, обращение к термину «мутация» не случайно. Автор в данном случае пошел по не слишком оригинальному пути аналогий с некоторыми разработками в области естественных наук. Категория «мутантный социализм» используется нами для квалификации общественной системы наших стран по аналогии с понятием мутации в эволюционной биологии[1].

Вернемся к специфике СССР. В этом социуме сформировался строй, который мутировал под влиянием неблагоприятных внешних и внутренний условий и приспособился к ним. Он мог жить, расти и даже успешно бороться в условиях индустриально-аграрной России, находящейся в окружении колониальных империй, фашистских держав и т.п. Победа в Великой Отечественной войне – самый яркий пример. Но *в силу тех же самых причин* (мутации «генеральных», стратегических социалистических тенденций) этот «вид» не был адекватен для новых условий генезиса массовой творческой деятельности. Он не мог дать адекватный ответ на вызов обострявшихся глобальных проблем, новых процессов роста благосостояния, социализации и демократизации, развертывавшихся в развитых капиталистических странах во второй половине XX века.

У сложившегося в рамках «социалистической системы» строя *в силу его бюрократической жесткости* оказался крайне узок спектр трансформаций («депо мутаций»), позволяющих эффективно развиваться в условиях быстрых изменений «внешней среды». Этому мутанту были свойственны мощные (хотя и глубинные, подспудные) противоречия: на одном полюсе – раковая опухоль бюрократизма, на другом – собственно социалистические элементы (ростки «живого творчества народа»), содержащие потенциал эволюции в направлении, способном дать адекватный ответ на вызовы конца XX в. В СССР постепенно социалистические тренды оказались задавлены раком бюрократии. В результате мутантный социализм не смог развиваться именно в этих, более благоприятных для генезиса ростков царства свободы, условиях – условиях развертывания НТР, роста роли творческого труда, обострения глобальных проблем и т.п., бросавших все больший вызов миру отчуждения со стороны «общечеловеческих» (т.е. по существу коммунистических) ценностей и норм. Ответить на эти вызовы жесткий мутантный социализм не смог. Как следствие, он захирел («застой») и вполз в кризис («перестройка»).

Когда в дополнение к НТР и креативной революции «мягкая» модель социально ориентированного капитализма сменилась в 1980-е гг. «жесткой» и агрессивной праволиберальной, внутренние проблемы мутантного социализма достигли такой остроты, которая уже не позволяла решить их в рамках сохранения прежнего вида. Тогда и встал выбор: либо кардинальная смена модели (преодоление мутаций старой системы и движение в направлении к «царству свободы»), либо кризис.

Творцы коммунизма и «могильщики» мутантного социализма. Генезис «царства свободы», разворачивающийся в полную силу после политической победы левых сил, по определению сопряжен с одновременным прехождением «царства необходимости». Здесь в полной мере проявляет себя объективная закономерность: всякое становление,

---

[1] Организмы, принадлежащие к определенному виду (в том числе новому, только возникающему), обладают разнообразным набором признаков – «депо мутаций», которые в большей или меньшей степени адекватны «чистому» виду и в зависимости от изменения среды могут стать основой для «естественного отбора», выживания особей с определенным «депо мутаций», для выделения нового вида.

как это справедливо показал еще Гегель [1970], есть единство возникновения и прехождения. Становление социализма в этом отношении не было и не могло быть исключением: все десятилетия его истории были процессом борьбы сил социального отчуждения (эта категория раскрывается в частности в: [Ollman, 1976; Meszaros, 1970; Лапин, 1986]), с одной стороны, и социального освобождения (см.: [Славин, 2013]), разотчуждения (см., напр.: [Булавка, 2007; Булавка-Бузгалина, 2018а] – с другой.

Первые в силу своих экономических и политических интересов стремились законсервировать (а впоследствии реанимировать) отчуждающие институты: рынок, формирующий подчиненного товарному и денежному фетишизму частного человека; капитал, превращающий одних в собственников большей части общественного богатства, а других в наемных работников; бюрократизм, обеспечивающий властным элитам возможность реализовывать свои интересы за счет интересов большинства и подчинять себе большинство, и т.п.

Отношения разотчуждения генерировались социальными силами, чьи интересы, ценности и мотивы поведения в настоящее время «невидимы» исследователю, объективно и субъективно подчиненному отношениям отчуждения. Это – те субъекты «энтузиазма», которые отражались в пространстве искусства, но с трудом фиксировались методами прикладной социологии. Образы этих людей в искусстве хорошо известны старшему поколению, начиная с героев Революции (напомню хотя бы триптих Коржева «Коммунисты») и Гражданской войны (не побоюсь напомнить о хрестоматийных произведениях – фильме «Коммунист» Райзмана и романе «Как закалялась сталь» Островского), продолжаясь в героях и новаторах Великой Отечественной (сошлюсь на академическую работу моего коллеги об энтузиазме тружеников тыла [Колганов, 2020]), энтузиастах покорения Севера (вспомним хотя бы «Два капитана» Каверина) и космоса.

Эта – созидательно-освободительная, социально-творческая – сторона жизнедеятельности советского человека в большей или меньшей степени, пульсируя, постоянно присутствовала в социальных отношениях СССР. И столь же постоянно она находилась в противоречии с социальными силами отчуждения – с частным человеком, конформистом, мещанином, чьи ценности в современном пространстве РФ кажутся «естественными». Принимая сказанное во внимание, рассмотрим расстановку социальных сил в СССР накануне его заката. Если использовать марксистские методолого-теоретические основания для выделения социально-классовой структуры (т.е. объективно детерминированное положение крупных социальных страт в системе производительных сил и производственных отношений), то в послевоенный период наиболее значимыми станут критерии положения в системе общественного разделения труда. По этим критериям легко выделяются рабочие (с особым положением рабочих-аграриев), инженерно-технические работники и другие работники креативных сфер (учителя, врачи, ученые, деятели искусства) и чиновничество.

Что касается детерминации социальной стратификации со стороны производственных отношений, то здесь, вопреки прежним штампам, в последние десятилетия существования СССР отличие в положении колхозников и работников государственного сектора было незначительным. Наиболее значимым становилось другое *деление, обусловленное качественно разными социальными функциями в отношениях распоряжения государственными средствами производства и национальным богатством*. Этот критерий позволяет выделить такой протокласс, как партийно-государственная номенклатура, характеризовавшийся не только особым местом в системе общественного разделения труда (высшие функции государственного управления), но и особым отношением к средствам производства (распоряжение их распределением и использованием), более высоким уровнем дохода и т.п.

Сказанного, однако, недостаточно для объяснения социальных сил, обеспечивавших развитие и, напротив, стремившихся к уходу СССР как социалистического проекта-практики. Для понимания названного деления необходим другой критерий, который автор

предложил выше, опираясь на свидетельства из сферы искусства. Теоретическое основание для этого деления также уже сформулировано: на одном полюсе – с*убъекты, генерирующие и воспроизводящие отчуждение*; на другом – *те, кто его снимает, разотчуждая социальную жизнь*. Данная социально-философская характеристика с теоретической точки зрения наиболее точна, хотя и мало понятна ученым, не работающим с такими категориями, как отчуждение, разотчуждение, социальное творчество, освобождение и т.п.

Социальные акторы, являющиеся олицетворением социального отчуждения, в своей жизнедеятельности воспроизводят ценности, мотивы, образ жизни, формируемый отношениями отчуждения. Так, в условиях рыночной системы, власти капитала и бюрократии, мещанин воспроизводит ценности вещного потребления, накопления денег, пассивного подчинения политико-идеологическим стандартам. Он их воспринимает как «естественные», некритично и конформистски. В условиях СССР мещанин-конформист, с одной стороны, сохранял патриархально-патерналистские, с другой – рыночные стандарты жизнедеятельности. В первом качестве он служил опорой для бюрократии, так что патриархальный конформизм становился основанием для упрочения власти бюрократии и нарастания ее отрыва от интересов большинства членов общества. По мере нарастания этого отрыва патерналистские функции номенклатуры уступали место паразитическим, нарастала ориентация этого слоя на реализацию присущего всякой независимой от контроля снизу бюрократии интереса – обмена власти на собственность и капитал.

По мере нисхождения патерналистских функций номенклатуры у советского мещанина активизировались вторые качества (мелкого буржуа) и патриархально-патерналистская модель поведения трансформировалась в мелкобуржуазную: если бюрократия перестает заботиться о тебе, тебе надо позаботиться о себе самому. Такой мещанин становится опорой стремления бюрократии к трансформации в направлении капитализма. Мещанин, стремящийся к вещному потреблению и частной собственности, и бюрократ, стремящийся стать собственником капитала, становились союзниками в генерировании процессов распада социалистической системы отношений, а вместе с ней и СССР.

Напротив, *субъект социального разотчуждения* в своей деятельности ориентирован на активно-творческое солидарное формирование новой (характерной для «царства свободы») системы производственных отношений, социальных и политических институтов, культуры, образа жизни и т.п. В той мере, в какой у рабочих, учителей, врачей, деятелей науки и искусства формировались ценности и мотивы, ориентированные на развитие отношений солидарности и со-творчества (речь идет об участии в контроле, учете, управлении и других формах гражданской активности, когда общенародные интересы становились личными), в этой мере человек становился социальным творцом, субъектом разотчуждения, энтузиастом. И тогда именно для него, отражая его практики, художники создавали «Марш энтузиастов» (про «страну героев, страну мечтателей, страну ученых»), «Песню о Родине» (где «человек проходит как хозяин…») и другие произведения, выражавшие пусть только одну из сторон жизнедеятельности человека СССР, но вполне реальную.

В *разной* мере, но субъектами отчуждения и разотчуждения были представители *всех* социальных страт советского общества. Более того, по сути дела, в каждом социальном акторе (человеке, семье, коллективе), в каждом социальном институте сочетались *оба* этих начала. Однако мера развития этих начал различалась в разных социальных слоях на различных этапах развития советского общества. Вплоть до конца 1960-х гг. даже номенклатура не была лишена социально-творческих, социалистических интенций. Но прежде всего они активно развивались в рядах креативных работников, ставших массовым социальным слоем по мере продвижения НТР – рабочих-новаторов, «рядовой» советской интеллигенции (инженеров, учителей, врачей, художников, ученых и т.п.); они жили, подчеркну, в инициативах и рабочего класса (особенно – крупных промышленных центров), и массовой интеллигенции. В то же время в среде лиц, занятых преимущественно ручным трудом, особенно в деревне, были более сильны патриархальные тенденции, а в кругу чиновничества всех уровней – мелкобуржуазные.

Трагедия социализма. Подытожим наши размышления и сформулируем выводы, отвечая на вопрос, *что привело к постепенному вытеснению социально-творческих начал отношениями отчуждения в СССР и других странах мировой социалистической системы* (а именно это и стало *социальной основой ухода СССР*). Ответ на этот вопрос, по сути, уже дан при изложении гипотезы мутантного социализма и аргументации тезиса, что причины возникновения СССР как пространства-времени практической реализации коммунистического императива истории суть одни и те же.

В XX в. в мире сложилась система общественного производства, являющаяся минимально необходимым материальным базисом *начала* движения к «царству свободы». Более того, производственные отношения позднего капитализма уже в начале прошлого столетия обнажили свою неспособность обеспечить решение фундаментальных проблем развития человечества, породив Первую мировую войну, фашизм и нацизм, Великую депрессию и т.п. Все это привело к началу *массовых* социально-творческих действий, идущих в направлении социального освобождения. Часть из них увенчалась лишь временным (точнее – *долго*временным) частичным успехом: в СССР и других странах МСС при всех противоречиях удалось создать многие формы будущего общества, причем в наиболее важных для человеческого развития сферах (здравоохранении, образовании, науке, искусстве). Другая часть – социально ориентированное реформирование капитализма – живет и поныне.

Эти предпосылки *могли* привести к закреплению успеха и прогрессивному развитию коммунистических тенденций лишь при условии *идеально выверенных* творческих действий социально-политических сил. В СССР же политические действия оказались сопряжены с чередой как гениально выверенных решений (выделю только два примера – переход к НЭПу и приоритет науки, образования и культуры, особенно ярко проявивший себя в 1960-е гг.), так и преступлений (здесь наиболее страшный пример – массовые репрессии 1930-х). В целом, однако, социалистические тренды развивались в мутантных (от рождения) формах, и к концу XX века, как мы показали выше, эти мутантные формы оказались уже устаревшими. Открылась возможность качественной трансформации советской модели и развития *другой* модели социализма, адекватной новым технологическим и культурным возможностям.

Трагедия социализма, следовательно, состояла в том, что к этому моменту социально-творческие силы советских людей оказались почти полностью исчерпаны, что показала слабость «красной линии» перестройки, начавшейся с в принципе правильной ориентации на живое творчество народа и ускорение социально-экономического развития. Но реализовывать эти цели по большому счету было уже некому. Силы коммунизма оказались исчерпаны противостоянием империализму и фашизму, преступлениями и не-талантливостью лидеров, пришедших на смену «ленинской гвардии». Противоположная сторона – мелко-буржуазный конформизм – уже в 1970-е гг. победил в советском человеке социального творца, что стало массовой социальной базой для трансформации новой генерации номенклатуры из патерналистской в про-буржуазную. Социальные основы для ухода социалистического тренда с исторической арены сложились. Распад СССР стал делом времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бузгалин А.В., Булавка Л.А., Колганов А.И. СССР: Оптимистическая трагедия. М.: УРСС, 2018.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2 т. 5-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2019.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Система производственных отношений и социально-экономическое неравенство: диалектика взаимосвязи // Вопросы политической экономии. 2018. № 1. С. 10–34.

Булавка Л.А. Советская культура: проблема отчуждения // Философские науки. 2007. № 2. С. 125–141.

Булавка-Бузгалина Л.А. Маркс XXI. Социальный прогресс и его цена: Диалектика отчуждения и разотчуждения // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018б. № 5. С. 73–84.

Булавка-Бузгалина Л.А. Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии. 2018а. № 6. С. 167–179. DOI: 10.7868/S0042874418060146.

Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970.

Глазьев С.Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 27–42.
Глазьев С.Ю., Львов Д.С. Теоретические и прикладные аспекты управления // Экономика и математические методы. 1986. № 5. С. 793–804.
Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000.
Деррида Ж. Позиции. М.: Академ. проект, 2007.
Дорога к свободе: Критический марксизм о теории и практике социального освобождения / Под общ. ред. *Б.Ф. Славина*. М.: ЛЕНАНД, 2013.
Клифф Т. Сталинистская Россия: марксистский анализ. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956.
Колганов А.И. Экономическая загадка Победы // Вопросы политической экономии. 2020. № 2(22). С. 21–37. DOI: 10.5281/zenodo.3893432.
Лапин Н.И. Молодой Маркс. 3-е изд., доп. М.: Политиздат, 1986.
Мандел Э. Власть и деньги: Общая теория бюрократии. М.: Эконом. демократия, 1992.
Маркс К. Капитал. Т. 3 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. 2. М.: Госполитиздат, 1962.
Момджян К.Х. Гипотеза общественного прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 36–46.
Момджян К.Х. О возможности и критериях общественного прогресса // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 5. С. 51–57.
Семёнов Е.В. Долгое эхо 1991 года: социальный смысл катастрофы // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 14–21. DOI: 10.31857/S013216250015528-3.
Семёнов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М.: Волшебный ключ, 2008.
Тощенко Ж.Т. Была ли рукотворной геополитическая катастрофа СССР? // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 3–13. DOI: 10.31857/S013216250016071-1.
Троцкий Л.Д. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991.
Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.
Энгельс Ф. Анти-Дюринг // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 1–338.
Cliff T. Stalinist Russia: A Marxist Analysis. 1st ed. London: M. Kidron, 1955.
Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1989. No. 16. P. 3–18.
Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: The Free Press, 1992.
Meszaros I. Marx's Theory of Alienation. London: Merlin Press, 1970.
Ollman B. Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Статья поступила: 20.05.21. Финальная версия: 26.09.21. Принята к публикации: 19.10.21.

SOCIAL FORCES OF VICTORIES AND DEFEATS OF SOCIALISM IN THE 20th CENTURY

BUZGALIN A.V.

Lomonosov Moscow State University, Russia

Alexander V. BUZGALIN, Dr. Sci. (Econ.), Director of the Center for Modern Marxist Studies, Prof., Department of Political Economy, Lomonosov Moscow State University; Head Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation; Visiting Prof., University of Cambridge (Cambridge, UK), Hainan Normal University (Haikou, P.R. China) and Harbin University (Harbin, P.R. China), Moscow, Russia (buzgalin@mail.ru).

Abstract. The author argues that the main reasons for the disintegration of the USSR, mainly objective in nature, are the departure from the socialist trajectory of development, and lie in the socio-economic and economic-political spheres, but not in the field of geopolitics. Based on the use of the currently ignored dialectical-materialist method and the socio-philosophical developments of the post-Soviet school of critical Marxism, the contradictions that became the basis of both progress and regression of the "red" (communist) line of development of the USSR are highlighted. These contradictions make it possible to characterize the social system of the USSR as an advanced mutation

of the general historical trend in the genesis of the "kingdom of freedom". It is shown that the social basis for the USSR dissolution was the displacement of social and creative principles by relations (and the actors representing them) of alienation in the USSR and other countries of the world socialist system.

Keywords: USSR, socialism, Marxism, dialectical-materialist method, post-Soviet school of critical Marxism, alienation, disalienation.

REFERENCES

Bulavka L.A. (2007) Soviet Culture and "Real Socialism": Correlation Socio-Phylosophycal Analysis. *Filosofskiye nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 2: 125–141. (In Russ.)

Bulavka-Buzgalina L.A. (2018a) Disalienation: From Philosophical Abstraction to Sociocultural Practices. *Voprosy Filosofii*. No. 6: 167–179. DOI: 10.7868/S0042874418060146. (In Russ.)

Bulavka-Buzgalina L.A. (2018b) Marx XXI: Social Progress and its Price: Dialectics of Alienation and Disalienation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]. No. 5: 73–84. (In Russ.)

Buzgalin A.V., Bulavka L.A., Kolganov A.I. (2018) *USSR: An Optimistic Tragedy.* Moscow: URSS, 2018. (In Russ.)

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2018) The System of Production Relations and Socio-economic Inequality: The Dialectics of Interrelation. *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 1: 10–34. (In Russ.)

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2019) *Global Capital*: in 2 vols. 5th ed. Moscow: LENAND. (In Russ.)

Cliff T. (1955) *Stalinist Russia: A Marxist analysis*. 1st ed. London: M. Kidron.

Cliff T. (1956) *Stalinist Russia: A Marxist Analysis.* Moscow: Izd-vo inostr. lit-ry. (In Russ.)

Derrida J. (2000) *Of Grammatology.* Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)

Derrida J. (2007) *Positions*. Moscow: Akademicheskiy proekt. (In Russ.)

Engels F. (1961) Anti-Duhring. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 20. Moscow: Gospolitizdat: 1–338. (In Russ.)

Foucault M. (2007) *The Hermeneutics of the Subject: Lectures at the College de France 1981–1982.* St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)

Fukuyama F. (1989) The End of History? *The National Interest.* No. 16: 3–18.

Fukuyama F. (1992) *The End of History and the Last Man.* New York: The Free Press.

Glaz'ev S.Yu. (2012) The Modern Theory of Long Waves in Economic Development. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economics of Contemporary Russia]. No. 2: 27–42. (In Russ.)

Glaz'ev S.Yu., Lvov D.S. (1986) Theoretical and Applied Aspects of Management. *Ekonomika i matematicheskiye metody* [Economics and Mathematical Methods]. No. 5: 793–804. (In Russ.)

Hegel G.V.F. (1970) *Science of Logic.* In 3 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Kolganov A.I. (2020) The Economic Riddle of the Victory. *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems in Political Economy]. No. 2(22): 21–37. DOI: 10.5281/zenodo.3893432. (In Russ.)

Lapin N.I. (1986) *Young Marx.* 3rd ed. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Mandel E. (1992) *Power and Money: A Marxist Theory of Bureaucracy.* Moscow: Ekonomicheskaya demokratiya. (In Russ.)

Marx K. (1962) Capital. Vol. 3. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 25. Part. 2. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)

Meszaros I. (1970) *Marx's Theory of Alienation.* London: Merlin Press.

Momdzhyan K.Kh. (2016) The Hypothesis of Social Progress in Modern Social Theory. *Voprosy Filosofii*. No. 10: 36–46. (In Russ.)

Momdzhyan K.Kh. (2018) On the Possibility and Criteria of Social Progress. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]. No. 5: 51–57. (In Russ.)

Ollman B. (1976) *Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society.* 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.

Semenov E.V. (2021) A Long Echo of 1991: Social Meaning of Country's Disaster. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 14–21. DOI: 10.31857/S013216250015528-3. (In Russ.)

Semenov Yu.I. (2008) *Polytarian ("Asian") Mode of Production: Essence and Place in the History of Mankind and Russia*. Moscow: Volshebniy Klyuch. (In Russ.)

Slavin B.F. (ed.) (2013) *The Road to Freedom: Critical Marxism on the Theory and Practice of Social Liberation*. Moscow: LENAND. (In Russ.)

Toshchenko Zh.T. (2021) Was the Geopolitical Catastrophe of the USSR Man-Made? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 3–13. DOI: 10.31857/S013216250016071-1. (In Russ.)

Trotsky L.D. (1991) *The Revolution Betrayed.* Moscow: NII kultury. (In Russ.)

Received: 20.05.21. Final version: 26.09.21. Accepted: 19.10.21.

© 2021 г.

Ю.В. ЛАТОВ

ФИНАЛ ФАЛЬСТАРТА (О КАТАСТРОФИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1991 г.)

ЛАТОВ Юрий Валерьевич – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия (latov@mail.ru).

***Аннотация**. В событиях 1991 г. есть два аспекта, каждый из которых можно называть как негативной «катастрофой», так и позитивной «революцией»: это – гибель «социалистического эксперимента» и распад «имперского» СССР, причем второе производно от первого. Для объективного понимания значения этих событий их необходимо рассматривать в контексте долгосрочных институциональных социально-экономических изменений (прежде всего – эволюции от индустриального к постиндустриальному обществу) и с учетом современных теорий социологии революций. Такой подход приводит к выводу, что главное содержание событий 1991 г. – произошедшая «сверху» (и потому непоследовательная) объективно прогрессивная «антиноменклатурная» (антиполитарная) революция. Она положила конец советскому строю, который претендовал на презентацию «социализма», но фактически оказался «вторым изданием» так называемого азиатского способа производства и потому, несмотря на многие «мобилизационные» достижения, зашел в тупик. Поскольку экс-советская «номенклатура» смогла в значительной степени сохранить (а в некоторых аспектах даже упрочить) привилегированное положение, это создает общественный запрос на новый цикл революционных событий.*

***Ключевые слова:** гибель СССР • теория социально-экономических систем • «реальный социализм» • постиндустриальное общество • «азиатский способ производства» • политарное общество • социология революции*

DOI: 10.31857/S013216250015525-0

Два аспекта одного распада. В событиях 1991 г. есть два аспекта, каждый из которых можно называть как негативной «катастрофой», так и позитивной «революцией». Сущность обоих этих процессов, несмотря на прошедшие 30 лет, остается дискуссионной. Если либералы последовательно приветствуют и ликвидацию советского строя, и распад СССР, то у их противников отношение к тому, что 30 лет назад разрушалось, более сложное. Для одних главная трагедия – гибель социалистического «эксперимента», а распад СССР – лишь производное от него (эта позиция выражена у марксистов А.В. Бузгалина и А.И. Колганова в данном номере). Для других, наоборот, главное – развал СССР, а отказ от социализма (как антитезы капиталистическому рыночному хозяйству) естественно неизбежен [Тощенко, 2021; Симонян, 2021].

Вопрос, прогрессивен или реакционен распад крупного полиэтнического государства на более мелкие моноэтнические страны, с научной точки зрения не заслуживает обсуждения. При прочих равных крупное государство будет развиваться лучше малого: шире внутренний рынок, больше возможностей разделения труда, сильнее политическая конкуренция за выбор лучших путей развития, богаче возможности взаимодействия культур. Поэтому если полиэтническое государство развивается успешно и внутренние межкультурные различия невелики, то центростремительные тенденции преобладают над центробежными. Пример – современная Великобритания (Англия, Уэльс, Шотландия и Северная Ирландия), которая даже после столетий ассимиляции не-англичан не сильно отличается по полиэтничности (англичане – примерно 75%) от позднего СССР (русские – 50%).

Однако полиэтническая страна, переживающая кризис при сохранении сильных межэтнических различий, обречена на «растаскивание по национальным квартирам». Так было в 1990-е гг. не только с СССР и с Югославией, но даже с более «спокойной» Чехословакией (а в начале XX в. – с Австро-Венгрией и Турцией). Если бы демонтаж советского строя вызвал быстрый подъем экономики, как в КНР 1980-х после реформ Дэн Сяопина, то «растаскивание» можно было бы предотвратить. Но для такого подъема и сейчас мало предпосылок. Кровавые межэтнические конфликты, которые начались уже в последние годы «перестройки», показывают, что сближение народов СССР делало лишь первые шаги и потому не могло устоять в «трудные времена»[1].

Главный теоретический вопрос, от решения которого зависит, по логике формационного анализа, оценка событий начала 1990-х гг., – это определение сущности «реального социализма». Если он являлся общественным строем более высокого порядка, то прекращение «эксперимента» заслуживает осуждения как регресс, пусть даже оно привело к временным успехам (ради «синицы в руке» отказались от «журавля в небе»). А если «реальный социализм» был не выше, а ниже «реального капитализма», то отказ от него прогрессивен, даже если привел к временным провалам (аналогия – переход от античного строя к феодализму после падения в V в. Западной Римской империи).

Автор далее изложит гипотезу, объясняющую смысл событий 1991 г. как пусть *катастрофической*, но все же именно *прогрессивной революции*[2]. Эта гипотеза будет одновременно синтезом взглядов, изложенных в предшествующих статьях в «Социологических исследованиях» о смысле тех событий, и полемикой с ними.

Глобальная «борьба капитализма и социализма» как постиндустриальный сдвиг. Прежде всего, обсуждение событий 1991 г. в терминах противостояния «капитализма» и «социализма» представляется не вполне корректным, поскольку соответствие этих концептов реалиям современной эпохи находится под большим вопросом.

«Капитализмом» принято в марксистской традиции называть общественный строй, основанный на эксплуатации наемных работников собственниками средств производства. Однако, даже если не рассматривать теоретические дискуссии об обоснованности исходной марксовой теории эксплуатации, противопоставление в современных условиях собственников средств производства собственникам рабочей силы вызывает сомнения. Достаточно вспомнить теорию человеческого капитала, согласно которой главным ресурсом становятся не внешние средства производства, а неотделимые от личности «человеческие качества» (знания, навыки, мотивации и др.), так что собственниками главного средства производства выступают сами же наемные работники.

«Социализмом» называли общественный строй, где действуют два класса (рабочие и колхозники) при доминировании общенародной собственности. Однако находить в СССР именно такую биклассовость и общенародную собственность трудно. Отечественные социологи прямо пишут о противостоянии в советском обществе «управляющих» и «управляемых» [Тихонова, 2021], что подтверждает «диссидентские» концепции «номенклатуры» как господствующего класса (напр.: [Восленский, 2005]). А то, что в СССР называли общенародной собственностью, гораздо корректнее называть просто

---

[1] В этой связи выраженные Р.Х. Симоняном сожаления об упущенной возможности подписания в 1989 г. нового союзного договора [Симонян, 2021: 68–70] представляются юридическим фетишизмом: «(не)правильность» оформления соглашений мало мешает их игнорированию при новом раскладе социально-политических сил. Проект нового союзного договора, как хорошо видно из «включенного наблюдения» Р.Х. Симоняна, был значим скорее как попытка партийной элиты национальных республик перехватить в защите «самостийности» инициативу у внепартийных националистов. А интерпретация коренизации руководящих кадров как одного из главных факторов распада СССР [Миронов, 2021] лишь подтверждает иллюзорность «советского народа», который, оказывается, держался лишь на русском «старшем брате».

[2] Развернутое изложение институционального подхода, применяемого для объяснения развития российской цивилизации, дано в: [Нуреев, Латов, 2016]. Этот подход во многом близок к изложенной в данном номере позиции К.Х. Момджяна.

государственной, поскольку народ мало влиял на принятие решений по ее управлению, а сами эти решения не всегда исходили из объективных интересов народа. В результате «социализмом» даже его современные защитники чаще называют не прогрессивный общественный строй, а систему сильной социальной политики («социальное государство»). А когда говорят о сохранении «социализма» в КНР (где социальная защита до сих пор «не очень» сильная), то фактически имеется в виду лишь сильное централизованное управление, монопольно осуществляемое Коммунистической партией.

Поскольку обсуждение «перехода от капитализма к социализму и обратно» затруднено размытостью базовых концептов, целесообразно перейти на понятийный аппарат сформировавшейся во второй половине XX в. теории постиндустриального общества. Хотя она имеет марксистские корни [Латов, 2017], ее формирование и развитие правомерно рассматривать как либеральный «ответ» на марксистский «вызов».

Ведь главное содержание постиндустриального сдвига – переход от доминирования отраслей материальной сферы к главенствующей роли производства нематериальных благ (сферы услуг). К. Маркс еще полтора века назад утверждал, что на смену индустриальному капитализму придет новый общественный строй, который будет «по ту сторону материального производства» [Маркс, 1962: 387]. Марксисты оказались правы и в предсказании объективных тенденций преодоления отчуждения работников от труда, от управления и от собственности. Действительно, если индустрия XIX в. требовала работника-«винтика», способного к однообразным действиям под контролем мастеров и инженеров, то со второй половины XX в. стремительно растет спрос на работника, способного к самоорганизации и самоконтролю на своем рабочем месте.

В то же время марксисты ошибались, надеясь преодолеть отчуждение при помощи огосударствления и втягивания всех работников в государственное управление (когда «каждая кухарка должна научиться управлять государством»). История XX века показала, что сложность управления растет пока быстрее роста уровня образования. Поэтому подавляющая масса работников по-прежнему не может и не хочет включаться в выработку, принятие и реализацию управленческих решений даже на муниципальном уровне, не говоря об общегосударственном[3]. Кроме того, лишь в начале XXI в. появились инструменты «электронного правительства», позволяющие гражданам регулярно и практически без издержек высказываться по вопросам местного и государственного управления. Но даже в самых развитых странах возможность постоянных электронных опросов граждан не спешат превращать в инструмент прямой демократии, правомерно опасаясь доминирования неквалифицированных мнений над квалифицированными. Управление остается делом профессионалов, отчужденных от управляемой массы, что неизбежно порождает бюрократизацию государственной власти.

Под влиянием критики «провалов государства» исследователи постиндустриализма попытались «очистить» марксистскую в своей основе идею социально-экономического прогресса от наивных упований на всемогущество госконтроля. В результате внимание сместилось с вопросов изменения собственности на средства производства к вопросам сдвига власти (управления) под влиянием изменений производственных технологий.

---

[3] В этой связи предложенную Ж.Т. Тощенко [2021: 10] интерпретацию всесоюзного референдума в марте 1991 г. как доказательства твердой воли народов СССР к сохранению его единства легко подвергнуть критике. Да, на этом референдуме 76% его участников посчитали «необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик». Но из всего электората в референдуме приняли участие лишь 80%, в РСФСР показатели были еще ниже (71% поддержавших при явке 75%, т.е. за сохранение СССР высказались 53% граждан). А о «твердости» воли участников референдума свидетельствует то, что когда в декабре того же года было заключено Беловежское соглашение о прекращении существования СССР, это не вызвало *никаких* протестных выступлений. Многого ли стоит мнение, которое гражданин не желает активно отстаивать?

Это смещение внимания исследователей связано еще и с тем, что само понимание собственности как общественного отношения (института) во второй половине XX в. существенно изменилось под влиянием, прежде всего, экономистов-неоинституционалистов. В ортодоксальном марксистском обществоведении отношения собственности трактовались квантовано, поскольку в XIX в. практически неограниченным собственником средств производства действительно чаще всего был конкретный частный предприниматель. Такой подход порождал жесткое противопоставление частной и общественной собственности, из которого логично вытекали призывы к «экспроприации экспроприаторов». Но с середины XX в., по мере развития акционерного бизнеса и различных форм макрорегулирования, распространяется понимание собственности как пучка частичных правомочий. Все это привело к качественной смене во второй половине XX в. точки зрения на обобществление производства. Если значительная часть правомочий (контроль качества товаров и правил конкуренции, экологические ограничения, регулирование отношений наемного работника и нанимателя…) переходит в руки государства и институтов гражданского общества (профсоюзов, экологических организаций…), то вопрос «чья собственность?» теряет былую актуальность, заменяясь вопросом «кто будет управлять?» [Белл, 2004: 457]. Обсуждение эксплуатации труда капиталом вытесняется обсуждением отчуждения работников от труда, собственности и управления. При этом сохраняется базовое, идущее от марксизма, понимание общественного прогресса как борьбы за переход «из царства необходимости в царство свободы».

«Реальный социализм» как «второе издание» политарного общества. Советский «реальный социализм» правомерно рассматривать как попытку сознательного развития общества в сторону постиндустриального идеала, названного «коммунизмом». На уровне общих представлений между ними действительно нет различий: не случайно советскую фантастику о мире будущего («Эре Великого Кольца» И.А. Ефремова или «Мире Полдня» А. и Б. Стругацких) регулярно переиздают и читают в наши дни. Весь вопрос в том, как презентируемый идеал соотносился с живой реальностью.

Защитники «реального социализма» часто цитируют многочисленные мемы, характеризующие *освобождение* личности в СССР: «человек проходит как хозяин», «страна мечтателей, страна ученых», «город-сад» и т.д. Но это – не сама социальная реальность, а ее отражение в сознании талантливых поэтов, которое могло быть и односторонним, и кривым, и даже симулякорным (отражать несуществующий объект). Наконец, есть и альтернативный набор мемов, характеризующих, наоборот, *подавление* личности в советском обществе, – «архипелаг ГУЛАГ», «и если есть те, кто приходят к тебе, найдутся и те, кто придет за тобой». И какой из них ближе к реальности? Не случайно даже на высшем уровне руководства СССР существовало ощущение, выраженное афоризмом Ю. Андропова, что «мы не знаем общества, в котором живем».

Предлагаемое А.В. Бузгалиным (см. его статью в данном номере) понятие «мутантного социализма» удачно тем, что подчеркивает сильное противоречие между тем, чем советское общество *хотело быть*/*казаться*, и тем, чем оно *реально было*. В то же время такое понятие предполагает, что «социализм» все же где-то в начале *был* и лишь затем мутировал во что-то командно-административное, отрицающее (но не полностью) свое социалистическое начало.

Об опасности бюрократического перерождения большевики знали еще *до* того, как пришли к власти. Вспомним хрестоматийное высказывание В.И. Ленина из «Государства и революции» (август 1917 г.): «Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, …заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, против превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры, подробно разобранные К. Марксом и Ф. Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочего; 3) переход немедленный к тому, чтобы все исполняли функции контроля и надзора, чтобы все на время становились “бюрократами” и чтобы поэтому никто не мог стать “бюрократом”» [Ленин, 1969: 86]. Этот

прекраснодушный идеал, отражающий в первую очередь абсолютное отсутствие реального административного опыта хотя бы муниципального уровня, принципиально не мог выдержать столкновения с реальностью.

С высоты современных знаний понятно, что описанный В.И. Лениным метод преодоления отчуждения от власти (фактически ликвидация управления как особой профессии) станет возможным хорошо если к середине XXI века, требуя прозрачности принятия административных решений и высокой квалификации всех граждан. На деле даже производственное самоуправление (через профсоюзы и фабрично-заводские комитеты – в 1950-е гг. нечто похожее будет реализовано в Югославии) продержалось в 1917–1918 гг. лишь несколько месяцев [Шубин, 2017: 207–235]. На более высоких уровнях управления выборный и регулярно сменяемый административный аппарат из рабочих в Советской России даже и не пробовали создавать. В результате филиппики в адрес советской бюрократии, которая руководит народом, но подчиняется не ему, а «начальству», стали постоянным рефреном всей советской истории.

Для обозначения того, чем же фактически был «реальный социализм», предложено много разных терминов, но их суть схожа: получилась институциональная система, которая не выше «реального капитализма», а ниже. Чаще всего вспоминают про предложенный еще К. Марксом концепт «азиатского способа производства» или, в версии экс-марксиста К.-А. Виттфогеля, «восточного деспотизма» [Wittfogel, 1957]. Поскольку эти географически-ориентированные термины не точны и обидно противоречат устоявшейся европейской идентичности россиян, в постсоветские десятилетия обществоведы чаще пишут, характеризуя советский режим, не об азиатском способе производства (как Е.Т. Гайдар [2009: 189–194]), а о политарном обществе [Семенов, 2008], отношениях власти-собственности (Л.С. Васильев, Р.М. Нуреев, Н.М. Плискевич), Х-матрице (С.Г. Кирдина-Чэндлер). Во всех случаях имеется в виду общественный строй, существовавший тысячелетиями в доколониальных не-европейских государствах, основа которого – монополия государства-класса на управление основными средствами производства и классом подданных.

«Опознание» советского общества как *регенерации политарного общества* может показаться идеологизированным наветом, направленным на то, чтобы опорочить советскую попытку «штурмовать небеса». Но если сопоставить «реальный социализм» с другими примерами «второго издания» архаичных социально-экономических систем (например, со «вторым изданием крепостничества» в Восточной Европе XVI–XIX вв., с плантационным рабством в Америке XVIII–XIX вв.), то советский опыт окажется совсем не уникальным. На исторических примерах видно, что регенерация архаичных социально-экономических институтов может давать сильный импульс развитию страны, поскольку эти институты неэффективны в долгосрочном (в масштабе столетий) периоде, но в среднесрочном (в масштабе десятилетий) могут быть результативнее более передовых.

Советский вариант политарного общества в долгосрочном периоде показал неспособность систематически осваивать прорывные технологические инновации. Советские ученые изобретали не хуже западных, но производственное освоение инноваций из-за отсутствия стимулов чаще всего отставало. Не было «конкуренции как процедуры открытия» (удачное определение Ф. фон Хайека), поэтому спонтанный механизм постоянного генерирования соревнующихся инноваций заменялся «ручным управлением».

В то же время эта общественная система превосходила западные страны в способности концентрировать ресурсы на четко определенных направлениях. Поэтому на счету советского режима есть немало явных успехов в мобилизационном развитии, связанных с «большими проектами»: индустриализация, победа в Великой Отечественной, атомный проект, освоение целины, космический проект. Это были, может быть, и пирровы, но все же несомненные победы, некоторые – общечеловеческого значения. Когда же в СССР в 1960-е в основном завершилась первичная индустриализация, то завершилось и время победных «больших проектов».

При «обычном» социально-экономическом развитии, когда у политической элиты нет явных целей, ради которых надо проводить мобилизацию, политарное общество проигрывает рыночному, что и произошло в 1970–1980-е. «Доигрывание партии» могло завершиться, в зависимости от субъективных обстоятельств, не в 1991 г., а годом раньше или десятилетием позже, общего исхода институциональной конкуренции на «глобальной шахматной доске» это не меняло.

«Реальный социализм» как постиндустриальный фальстарт. Если советский «эксперимент» завершился в 1991 г. провалом, значит ли это, что он с самого начала был мертворожденным и ошибочным?

«Реальный социализм» правомерно рассматривать как своего рода фальстарт – движение общества в правильном (постиндустриальном) направлении, но предпринятое до того, как для этого сложились достаточные объективные предпосылки, а потому обреченное на «возвращение к старту». Можно полностью согласиться с А.В. Бузгалиным и А.И. Колгановым, что основанная В.И. Лениным партия объявила начало перехода к новому общественному строю в стране, которая еще не «освоила» предыдущий общественный строй. А дальше умение В.И. Ленина отлично решать тактические задачи привело к стратегическому провалу: коммунистическая партия победила в стране, где строить коммунизм объективно рано. Ведь К. Маркс писал за полвека до этой пирровой победы, что «рабочему классу предстоит не осуществлять какие-либо идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах старого разрушающегося буржуазного общества» [Маркс, 1960: 347]. В Советской же России в 1920-е гг. были действительно социалистическими лишь идеалы при отсутствии не только «элементов нового общества», но даже полноценного рабочего класса.

В этой ситуации резкого разрыва между прокламируемыми идеями социалистической революции и реальной необходимостью управлять «средне-слабой» страной из социалистического идеала для реального воплощения можно было взять в первую очередь идею централизованного управления обществом во имя общественно полезных целей. Она и была взята, огрубленная до государственного управления во имя тех целей, которые считает общественно полезными правящая элита. А это и есть политарное общество, где «государство сильнее, чем общество».

Советский фальстарт является не единственным примером в истории, когда объективно преждевременная реализация прогрессивных намерений заводила в тупик. Пример для сравнения – гуситское движении в Чехии первой половины XV в. как фальстарт Реформации. Как известно, многие идеи Реформации, связанные с демократизацией церкви, были высказаны Яном Гусом и его последователями за столетие до Мартина Лютера, который сам называл себя «гуситом». Чешская пред-Реформация должна была бы быстро закончиться так же, как и сотни других народных восстаний. Однако роль переломного субъективного фактора (как В.И. Ленин в России) в Чехии сыграл великий полководец Ян Жижка, благодаря которому гуситы 15 лет побеждали врагов и даже начали «экспорт революции» в соседние страны. Однако для формирования «протестантской этики как духа капитализма» время еще не настало. В результате победоносные армии гуситов начали вырождаться в сообщества профессиональных воинов-грабителей. Чешский «эксперимент» завершился примерно через 70 лет почти так же, как и советский: сначала радикальные гуситы были перебиты умеренными, потом умеренные гуситы пошли на реставрацию прежних порядков на условиях сохранения части привилегий.

Хотя общую теорию фальстартовых явлений в общественном развитии еще предстоит создать, в первом приближении можно отметить, что для них характерно противоречивое сочетание прогресса и регресса. Смелый поиск новых «правил игры» создает благоприятные условия для появления «анклавов будущего» (новых идей и ценностей, новых организационных структур), окруженных, однако, гораздо более архаичными элементами. Поскольку советский политарный строй сам себя считал реализацией марксистских идей о социализме, то пропагандируемый социальный идеал действительно оставался

социалистическим, диссонируя с реальными правилами жизни. Развитие экономики СССР объективно стимулировало развитие элементов творческого труда и постденежной мотивации к труду. Но до самого финала советского общества постиндустриальные «анклавы», территориальные (включая, например, центры наукоемких технологий типа Арзамаса-16) и институциональные, противоречиво сочетались с незавершенностью в национальном масштабе даже индустриальной модернизации.

Это единство-и-борьба «социализма» и «политаризма» вело к тому, что с течением времени, по мере нарастания тупиковости пути советского развития, регрессивные элементы преобладали над прогрессивными. Закономерно, что именно советская интеллигенция – главная социальная группа, в которой происходило преодоление отчуждения от труда, – в последние годы существования СССР выступала главным актором запроса на радикальные рыночные перемены. Преодоление отчуждения от труда, собственности и управления у советских людей, ограниченных в выборе труда, лишенных собственности и возможностей самоуправления, натолкнулось на предел. Для дальнейшего движения в постиндустриальное общество требовалось вернуться к частной собственности и рынку, чтобы затем диалектически возвыситься над ними, а не механически их разрушать.

Очень многие критики реформ Горбачева и Ельцина/Гайдара признают, что «социалистический эксперимент» надо было завершать, но обвиняют реформаторов в слишком «грубых» действиях. Однако когда критики событий 1991 г. указывают на упущенную возможность плавного демонтажа «реального социализма» (т.е. перехода от административно-командной экономики к рыночной), то они забывают, что такие попытки реально не единожды *были*, но завершались провалом. Они предпринимались и в СССР (НЭП 1920-х гг., косыгинская реформа второй половины 1960-х гг.), и в других странах «социалистического лагеря» (например, в Венгрии после 1956 г.), а югославская версия «реального социализма» изначально основывалась именно на «хозрасчете». Но при сохранении централизованного управления отчужденной от населения «номенклатурой» все попытки расширения самостоятельности предприятий и инициативы отдельных работников неизбежно «спускались на тормозах».

Поэтому переход от командно-административной системы к рыночному хозяйству оказался возможен только через *«антиноменклатурную» революцию* – через качественные изменения политической и экономической систем, предполагающие возвращение доминирования базовых институтов «капитализма» (рынка, частной собственности и конкуренции). Такая революция требовала радикального персонального обновления высшей элиты, коренной перемены идеологии (отказа от советской версии коммунизма как официальной идеологии) и, самое главное, массовой приватизации государственной собственности.

1991-й и другие годы: «революция» или «травма»? Поскольку наиболее важные качественные изменения происходили накануне и после «упразднения» СССР в экономической сфере, то для либеральных экономистов, которые их обосновывали, революционный характер событий 1991 г.[4] был и остается самоочевидным [Гайдар, 2009: 256; Попов, 2016: 435; и др.]. Есть и другие российские обществоведы, называющие гибель советского строя именно революцией (напр., [Летняков, 2018]). Однако у отечественных социологов возобладал иной подход, совпавший с высказанным в 2005 г. тезисом В.В. Путина («распад СССР – крупнейшая геополитическая катастрофа века»), но сформулированный значительно раньше.

---

[4] Обозначение 1991 г. как года революции является, конечно, условностью. Реабилитация и легализация частной собственности и рынка начались еще в СССР, поэтому, например, Г.Х. Попов не без оснований пишет о «революции 1989–1991 гг.». Поскольку приватизация государственной собственности началась в 1992 г., а последней попыткой качественно «изменить курс» были московские события 1993 г. («расстрел Белого дома»), то даты революции корректнее было бы обозначать как 1989–1993 гг.

У истоков «катастрофистского» научного восприятия событий начала 1990-х гг. находится изданное вскоре после завершения ельцинского периода «Современное российское общество» Т.И. Заславской. Интеллектуальный лидер российской социологии, полемизируя с выдвигаемой либеральными экономистами концепцией Великой российской революции 1991–1993 гг., категорически отвергла ее по нескольким основаниям: в стране не произошло радикальной смены элиты, массовые общественные движения не получили большого развития, во время преобразования не решались «проблемы большинства», а масштабы политического насилия были весьма ограничены [Заславская, 2004]. Однако с точки зрения социологии революции (см. обзор в: [Латов, 2021]) такое обоснование вызывает сильные сомнения.

В постсоветском обществоведении сохраняется понимание революции, данное еще в 1960-е С. Хантингтоном: «Революция – это быстрая, фундаментальная и *насильственная* [курсив мой. – *Ю.Л.*], произведенная внутренними силами общества смена господствующих ценностей и мифов общества, его политических институтов, социальной структуры, руководства, правительственной деятельности и политики» [Хантингтон, 2004: 269]). Но в современной зарубежной социологии революций предпочитают данное в 1970-е определение Т. Скочпол с другими акцентами: «Социальные революции – это быстрые, фундаментальные трансформации общественного состояния и классовых структур; и они сопровождаются и частично проводятся через классовые восстания снизу» [Скочпол, 2017: 25]. Как видно, у Скочпол осталось понимание революции как быстрых и фундаментальных изменений, но ушло указание на обязательно насильственный их характер. После развернувшихся в 1980-е гг. «цветных» революций, где вооруженные восстания заменялись массовыми протестными выступлениями безоружных граждан, американский социолог Д. Голдстоун дал новое, еще «более современное определение революции: это попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть» [Голдстоун, 2006: 61]. Таким образом, при определении революции признак наличия насильственных действий заменен антиправительственной мобилизацией протестующих масс. События 1991 г. под определения Скочпол и Голдстоуна отлично подходят, и в западном обществоведении давно высказывалась их трактовка именно как революции [Голдстоун, 2001].

Но российские социологи пошли иным путем. Отвергнув концепт «революции», Т.И. Заславская утверждала, что «в 1990-х в России происходила не революция, а эволюция» – «началась стихийная трансформация общества, которая привела к резкому ослаблению государства и растущей криминализации общества» ([Заславская, 2007: 186]). В качестве главных отличительных особенностей данной трансформации она выделяла следующие признаки: «1) постепенность и относительно мирный характер протекания; 2) направленность на изменение не отдельных частных сторон, а сущностных черт, определяющих социетальный тип общества; 3) принципиальная зависимость хода и результатов процесса от деятельности и поведения… массовых общественных групп; 4) слабая управляемость и предсказуемость процесса, важная роль стихийных факторов развития, непредрешенность его итогов; 5) неизбежность… аномии, обусловленной опережающим разложением старых общественных институтов по сравнению с созданием новых» [Заславская, 2007: 187]. Нетрудно заметить, что признаки «социальной трансформации» совпадают с характеристиками мирной социально-политической революции, как ее описывали не только в западной социологии революции, но даже в советском обществоведении.

Выбранный лидерами отечественной социологии путь отказа от восприятия постмарксистской (представленной Т. Скочпол и Д. Голдстоуном) социологии революции привел к существенным трудностям. Не обращаясь к концепту революционных процессов, российские ученые вынуждены ограничиваться обозначением событий начала 1990-х гг. как травматических [Тощенко, 2020], уходя от анализа, идет ли речь о «болезни» деградирующего общества или о «родовой» травме, сопровождающей рождение любого нового общественного строя.

Кислые плоды незавершенной революции. В то же время у «катастрофистского» восприятия событий начала 1990-х есть объективные основания, поскольку разочарование в плодах постсоветских преобразований стало общим местом почти сразу после их начала. Его разделяют даже последовательные либералы: «выбрав правильный путь, мы не сумели не только более или менее успешно по нему идти, но, в целом, избрали худший – из всех возможных – вариант выхода из социализма» [Попов, 2016: 774]. Поэтому правомерно объединить мнения тех, кто считает события 1991 г. катастрофой, и тех, кто называет их революцией: они были *катастрофической революцией*. Она выполнила свою главную задачу, замену институтов власти-собственности институтами частной собственности, но на самом минимальном уровне и с максимальными социально-экономическими издержками.

Главный провал «антиноменклатурной» революции был виден уже в 1992 г., так что события 1993 г. являлись в значительной степени протестом не против революции 1991 г., а против ее незавершенности. Действительно, с одной стороны, произошло качественное изменение «правил игры»: директивно планируемую экономику сменила рыночная, государственную собственность – частная. Однако, с другой стороны, главенствующая социальная группа мало изменилась: в 1990-е экс-советские «управляющие» составили костяк нового бизнес-класса; в существенной степени сохранилось, а с 2000-х стало вновь усиливаться доминирование (формальное и неформальное) власть имущих над владельцами собственности, что означает частичную реставрацию власти-собственности (см., напр.: [Плискевич, 2008]). Все это создает основу современных протестных настроений, направленных, как и 30 лет назад, в первую очередь против «бюрократов».

Подобная незавершенность даже великих революций вполне обычна. Как известно, Великая французская революция 1789 г. стала началом долгой серии революций 1830–1848–1871 гг., так что создание «нормального капитализма» завершилось во Франции более чем через 80 лет. Вряд ли надо сомневаться, что и Россия «лимит на революции» отнюдь не исчерпала. При этом созданные революцией 1991 г. институты (демократия, рынок, частная собственность) большинством россиян уже легитимизированы, так что «возвращение в СССР» невозможно. Поэтому правомерно рассматривать события начала 1990-х гг. как начало длительного нелинейного революционного процесса с неизбежными приливами и отливами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004.

Восленский М.С. Номенклатура. М.: Захаров, 2005.

Гайдар Е.Т. Власть и собственность. Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 2009.

Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 58–103.

Голдстоун Дж. Теории революции, революции 1989–1991 гг. и траектория развития «новой» России // Вопросы экономики. 2001. № 1. С. 117–123.

Заславская Т.И. Избранное. Т. 2: Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. М.: ЗАО «Изд-во "Экономика"», 2007.

Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.

Латов Ю.В. От «революции» – к «трансформациям» и «переменам»? Развитие дискурсов анализа качественных общественных изменений // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 1. С. 7–22. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7869.

Латов Ю.В. Что находится «по ту сторону материального производства»? Марксистские корни и институциональные ветви постиндустриальных теорий // Историко-экономические исследования. 2017. Т. 18. № 1. С. 7–29. DOI: 10.17150/2308-2588.2017.18(1).7-29.

Ленин В.И. Государство и революция // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М.: Полит. лит-ра, 1969. С. 1–120.

Летняков Д.Э. Антикоммунистическая революция 1991 г.: к демаргинализации термина // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2018. № 4. С. 32–47. DOI: 10.23683/2218-5518.2018.4.3247.

Маркс К., Энгельс Ф. Гражданская война во Франции // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 17. М.: Политиздат, 1960.
Миронов Б.Н. Становление национальных элит как фактор дезинтеграции СССР // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 33–48. DOI: 10.31857/S013216250014306-9.
Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Экономическая история России (опыт институционального анализа). 2-е изд., перераб. М.: КНОРУС, 2016.
Плискевич Н.М. Система «власть-собственность» в современной России // Вопросы экономики. 2008. № 5. С. 119–126.
Попов Г.Х. Рубежи Гавриила Попова. М.: Экономическая газета, 2016.
Семенов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М.: Волшебный ключ, 2008.
Симонян Р.Х. Как можно было сохранить Советский Союз (Балтийский ракурс) // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 62–71. DOI: 10.31857/S013216250014595-7.
Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Ин-т Гайдара, 2017.
Тихонова Н.Е. Трансформации социальной структуры российского общества: конец 1980-х – конец 2010-х гг. // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 22–32. DOI: 10.31857/S013216250014308-1.
Тощенко Ж.Т. Была ли рукотворной геополитическая катастрофа СССР? // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 3–13. DOI: 10.31857/S013216250016071-1.
Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020.
Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
Шубин А.В. Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. СПб.: Питер, 2017.
Wittfogel K.-A. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven: Yale University Press, 1957.

Статья поступила: 16.06.21. Финальная версия: 29.10.21. Принята к публикации: 11.11.21.

FINAL FALSE START (ABOUT THE CATASTROPHIC REVOLUTION OF 1991)

LATOV Yu.V.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Yuri V. LATOV, Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Prof., Russian University of Economics. G.V. Plekhanov, Moscow, Russia (latov@mail.ru).

Abstract. There are two aspects in the events of 1991, each of which can be called both a negative "catastrophe" and a positive "revolution": this is the death of the "socialist experiment" and the collapse of the "imperial" USSR, the latter being a derivative of the former. For an objective understanding of the significance of these events, they must be considered in the context of long-term institutional socio-economic changes (first of all, the evolution from industrial to post-industrial society) and taking into account the modern theories of the sociology of revolutions. This approach leads to the conclusion that the main content of the events of 1991 is an objectively progressive "anti-nomenclature" (anti-political) revolution that took place "from above" (and therefore very inconsistent). It put an end to the Soviet system, which claimed to present "real socialism", but in fact turned out to be the "second edition" of the so-called Asiatic mode of production, and therefore, despite many "mobilization" achievements, it reached a dead end. Since the ex-Soviet "nomenklatura" was able to largely maintain (and in some aspects even strengthen) its privileged position, this creates a public demand for a new cycle of revolutionary events.

Keywords: the death of the USSR, theory of socio-economic systems, "real socialism", post-industrial society, "Asiatic mode of production", political society, sociology of revolution.

REFERENCES

Bell D. (2004) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. Moscow: Academia. (In Russ.)

Gaidar E.T. (2009) *Power and Property. Troubles and Institutions. State and Evolution*. St. Petersburg: Norma. (In Russ.)

Goldstone J. (2001) Theories of Revolution, Revolution 1989–1991, and the Trajectory of Development of "New" Russia. *Voprosy Ekonomiki.* No. 1: 117–123. (In Russ.)

Goldstoun D. (2006) Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory. *Logos*. Vol. 56. No. 5: 58–103. (In Russ.)

Huntington S. (2004) *Political Order in Changing Societies*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)

Latov Yu.V. (2017) What is on the Other Side of Material Production? Marxist Roots and Institutional Branches of Post-industrial Theories. *Istoriko-ekonomicheskiye issledovaniya* [Journal of Economic History and History of Economics]. Vol. 18. No. 1: 7–29. DOI: 10.17150/2308-2588.2017.18(1).7-29. (In Russ.)

Latov Yu.V. (2021) From "Revolution" to "Transformations" and "Changes"? Development of Discourses of Analysis Qualitative Social Change. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 9. No. 1: 7–22. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7869. (In Russ.)

Lenin V.I. (1969) The State and Revolution. In: Lenin V.I. *Complete Works*. 5th ed. Vol. 33. Moscow: Polit. lit-ra. (In Russ.)

Letnyakov D.E. (2018) Anti-Communist Revolution of 1991: Towards a Demarginalization of the Term. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy* [The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research]. No. 4: 32–47. DOI: 10.23683/2218-5518.2018.4.3247. (In Russ.)

Marx K., Engels F. (1960) The Civil War in France. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 17. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Mironov B.N. (2021) Formation of National Elites as a Factor of the USSR Disintegration. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 33–48. DOI: 10.31857/S013216250014306-9. (In Russ.)

Nureev R.M., Latov Yu.V. (2016) *Economic History of Russia (Experience of Institutional Analysis*). 2nd ed. Moscow: KNORUS. (In Russ.)

Pliskevich N.M. (2008) The "Power-property" System in Modern Russia. *Voprosy Ekonomiki.* No. 5: 119–126. (In Russ.)

Popov G.Kh. (2016) *Frontiers of Gabriel Popov.* Moscow: Economicheskaya gazeta. (In Russ.)

Semyonov Y.I. (2008) *Polytarian ("Asian") Mode of Production: Essence and Place in the History of Mankind and Russia*. Moscow: Volshebniy klyuch. (In Russ.)

Shubin A.V. (2017) *Start of the Country of Soviets: The Revolution, October 1917 – March 1918.* St. Petersburg: Piter. (In Russ.)

Simonyan R.Kh. (2021) How the Soviet Union Could be Preserved (Baltic Angle). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 62–71. DOI: 10.31857/S013216250014595-7. (In Russ.)

Skochpol T. (2017) *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China.* Moscow: In-t Gaydara. (In Russ.)

Tikhonova N.E. (2021) Transformations of the Social Structure of Russian Society in Late 1980s – Late 2010s. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 22–32. DOI: 10.31857/S013216250014308-1. (In Russ.)

Toshchenko Zh.T. (2020) *Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (An Experience of Theoretical and Empirical Analysis)*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)

Toshchenko Zh.T. (2021) Was the Geopolitical Catastrophe of the USSR Man-Made? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 3–13. DOI: 10.31857/S013216250016071-1. (In Russ.)

Voslensky M.S. (2005) *Nomenclature*. Moscow: Zakharov. (In Russ.)

Wittfogel K.-A. (1957) *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power.* New Haven: Yale University Press.

Zaslavskaya T.I. (2004) *Contemporary Russian Society: Social Mechanism of Transformation*. Moscow: Delo. (In Russ.)

Zaslavskaya T.I. (2007) *Favorites*. T. 2: Transformational Process in Russia: In Search of a New Methodology. Moscow: Izd-vo "Ekonomika". (In Russ.)

Received: 16.06.21. Final version: 29.10.21. Accepted: 11.11.21.

© 2021 г.

Д.А. ДАВЫДОВ

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОСТКАПИТАЛИЗМА: ОТ «МОДУСА ОБЛАДАНИЯ» К ИНДИВИДУАЛИЗМУ САМОРЕАЛИЗУЮЩИХСЯ ЛИЧНОСТЕЙ?

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия (davydovdmitriy90@gmail.com).

Аннотация*. В статье поднимается вопрос о возможных ценностных основаниях посткапиталистического общества. Критикуются попытки ассоциировать посткапитализм исключительно с ценностями дружбы, сотрудничества, солидарности, добровольной деятельности на благо других и т.д. Избавление от материальной необходимости вело западные общества к углублению индивидуализма и распространению всевозможных практик самовыражения. По мере развития социальных медиа эти практики все чаще выливались в борьбу за привлечение внимания. Сегодня личности можно рассматривать как то, что «производится» (практики «самобрендинга»), конструируется, продвигается и масштабируется. Вместо ожидаемого «коммунизма знаний» и коммунитарных социальных ценностей (А. Горц) мы наблюдаем движение к еще большему индивидуализму, теперь в сфере творчества и самореализации (производства «нематериальных» благ), где удовольствие и престиж ассоциируются с привлечением внимания, с личностной исключительностью и медийным влиянием. Это говорит о том, что предлагаемых некоторыми теоретиками средств (полная автоматизация производства, выплата всем безусловного дохода и т.д.) для реализации эгалитарной версии посткапитализма может оказаться недостаточно.*

Ключевые слова: *посткапитализм • капитализм • постматериализм • социальные ценности • социализм • коммунизм • революция личности • творческая самореализация • социальные медиа • социальная революция*

DOI: 10.31857/S013216250016429-4

Введение. С самого зарождения идеи коммунизма для подавляющего большинства левых социальных теоретиков перспектива посткапитализма ассоциируется с тем, что можно обозначить как *освобождение личности*. Под этим стоит понимать не буквальное «освобождение» какой-то конкретной личности (персоны) от тех или иных сдерживающих факторов, а достижение общественного состояния, когда социальное бытие человека перестанет определяться материальными, вещественными факторами, т.е. когда падет мир товарных фетишей, а на смену отчуждению и коммодификации придут общественные отношения, характеризующиеся *искренностью* и *взаимностью*. Э. Фромм концептуально уловил эту общую для левой теории интуицию, проблематизировав то, что он обозначил как

Автор выражает благодарность рецензентам за ценные замечания и рекомендации, позволившие улучшить качество статьи.

«модус обладания» [Фромм, 2016]. Находиться в «модусе обладания» – значит отдавать предпочтение потреблению, деньгам, физическому наслаждению, богатству. Напротив, «быть» – значит радоваться творчеству, в социальном смысле «трансцендировать», утверждать себя путем активности и проявления своих способностей, таланта, тем самым воплощая богатство человеческих дарований. Соответственно, когда сегодня говорят о посткапитализме, то, как правило, имеют в виду ориентацию на «бытие». Так, левые сторонники идеи *безусловного дохода* видят в гарантированных пособиях для всех нечто «освобождающее» от нужды в повседневных благах, а потому дающее больше возможностей для *творческой самореализации* («дает людям шанс создать себе позиции в нерыночной экономике» [Мейсон, 2016: 387], предоставляет возможность «проводить больше времени за теми делами, которые для нас подлинно важны» [Брегман, 2018: 192]). «В жизни многих людей, – пишут Ф. Ван Парайс и Я. Вандерборхт, – наступает этап, когда наибольший вклад в благосостояние своих близких и человечества в целом они могут внести через различные формы неоплачиваемой деятельности, начиная с волонтерских инициатив в области детского здоровья и заканчивая "Википедией"» [Ван Парайс, Вандерборхт, 2020: 51]. Когда речь заходит об автоматизации производства, перспективе изобилия материальных благ и гипотетическом *посттрудовом* состоянии, то подчеркивается, что посткапиталистический проект «приведет к трансформации субъекта: возникнут условия для массового превращения эгоистичных индивидуумов, созданных капитализмом, в общественные и творческие формы общественного выражения, освобожденные концом труда» [Срничек, Уильямс, 2019: 255]. Короче, налицо имплицитные/эксплицитные отсылки к «модусу бытия»: посткапиталистическое будущее ассоциируется с ценностями творческой активности, со свободной коллективной/совместной деятельностью, с утверждением себя в мире путем созидания общественных благ и т.д. *Свободное проявление «себя»* ставится на первое место в иерархии приоритетов. Главное – убрать материальные преграды на пути к самореализации. Идея минимизации «вынужденного» труда и обеспечения всех гарантированным набором материальных благ при общей установке на достижение *свободы самовыражения* разделяется очень многими авторами. Однако есть в этом тренде нечто уязвимое, что свидетельствует о наивной вере в сам «модус бытия».

Какой-то необходимый элемент в самой логике упускается. Прежде всего это попытка, условно говоря, жестко привязать индивидуализм и отчуждение к капиталистической экономике. Все плохое ассоциируется с «материалистическими ценностями» (т.е. нацеленностью на максимизацию материального благополучия в ущерб нематериальному, духовному и т.д.), а все хорошее – исключительно с такими словами, как «личность», «свобода», «творчество» и т.п. Однако само слово «личность», которое по семантическому наполнению наиболее близко концепту «модус бытия», довольно многозначно и связано с очень разнородными способами социальной активности. Если под «личностью»[1] понимать устойчивую систему социально значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества или общности, то можно выделить два противоположных «модуса бытия», точнее – «модуса самореализации». Во-первых, это *коммунитарный* модус самореализации (к которому, видимо, и апеллировал Фромм), обусловленный социальными ценностями дружбы, со-творчества, стремления к всеобщему благу и т.д. В таком случае личность – это тот, для кого богатство собственного «я» тесно связано с «глубокой погруженностью»

[1] У этого слова множество значений: в первом это отдельный человек как индивидуальность, как субъект отношений и сознательной деятельности; во втором – относительно устойчивая система социально значимых и уникальных индивидуальных черт, характеризующих индивида; в третьем – это индивид, обладающий выдающимися качествами, оказывающий влияние на массы и ход истории; в четвертом – индивид, находящийся в центре общественного внимания вследствие занимаемой социальной позиции и исполнения социальной или профессиональной роли. Думается, резонно также понимать личность как социальный конструкт, существующий в социальном воображаемом. В этом смысле индивид вынужден постоянно «вкладываться» в поддержание выгодного для него образа в представлении других.

в общественную жизнь, с ощущением взаимности и принадлежности. Во-вторых, это *индивидуалистический* модус самореализации, когда социальная активность индивида заключается в утверждении себя в мире путем *поиска отличий от других*, путем *вытеснения* других («я» есть тогда, когда другие отодвинуты на задний план, когда личностный социальный образ заметен, *привлекает внимание*, чем-то отличается, выделяется на фоне остальных и т.п.). Какой из этих двух модусов будет преобладать в гипотетической посткапиталистической ситуации свободы от «внешней необходимости»? Многие концепции посткапитализма утопичны в том плане, что слишком сильно акцентируют внимание на «хороших» аспектах «модуса бытия», игнорируя перспективу всеобщей *конкурентной борьбы за самореализацию*[2]. Это можно объяснить: гораздо проще строить левую утопию, борясь за свободу «от» чего-то (от материальной нужды, например), нежели пытаться понять, к чему эта свобода может вести. Далее я попытаюсь показать, что многие социальные явления в современном обществе указывают на движение к преобладанию именно *индивидуалистического* модуса самореализации, а потому от посткапиталистического будущего стоит ожидать скорее всеобщего отчуждения, нежели «массового превращения эгоистичных индивидуумов, созданных капитализмом, в общественные и творческие формы общественного выражения».

Расширение «модуса самореализации». История личности (как социального феномена) – это история борьбы человеческой индивидуальности с безликими деперсонализирующими силами коллектива и природы. Современное расширение модуса самореализации (личностного модуса) обусловлено рядом факторов. Прежде всего – это улучшение качества жизни: человеческая жизнь перестала быть слишком скоротечной и непредсказуемой. Убогость существования, когда смерть могла поджидать повсюду в любое время (от войны, грабежей, но в большей степени от бесчисленных болезней: чумы, холеры, тифа или обычной простуды), сменилась предсказуемостью и относительным благополучием. В свою очередь прогресс науки и техники, успехи борьбы за права и социальные гарантии предоставили большую свободу, так что человек постепенно переставал быть погруженным в непрерывный изнурительный труд. В жизни людей появлялось все больше времени для своего «я». Там, где раньше были безликие массы, отдельные представители которых быстро «изнашивались» и умирали, теперь появлялись независимые *субъекты*, обладающие базовыми правами, уверенные в завтрашнем дне и стремящиеся к чему-то большему, нежели «в поте лица есть хлеб свой».

В принципе, процессы индивидуализации (см., напр.: [Бауман, 2008]) и приватизации, разрушения Gemeinschaft'a и становления Gesellschaft'a (см.: [Теннис, 2002]) сопровождали переход к Модерну. К примеру, Р. Сеннет описывает процессы «падения публичного человека» в XIX в. как смешение публичного и приватного («высказывание "публичная личность" (personality in public) оказалось оксюмороном; в конечном счете, личность вытеснила из этого словосочетания элемент публичного» [Сеннет, 2002: 295]). Модус самореализации постепенно расширялся. Но по-настоящему поворотным моментом стал переход от так называемого массового (фордистского, индустриального и т.п.) общества к обществу постфордистскому, информационному, постиндустриальному. Эти процессы способствовали ряду «переломных» изменений.

Во-первых, благодаря развитию технологий автоматизации и кастомизации произошел поворот от массовой модели потребления к модели *индивидуализированной*. Серая одинаковость постепенно уходила в прошлое, а утилитарная функция предметов заменялась имиджевой. Потребление все чаще оказывалось средством *самовыражения*. В 1970 г. Э. Тоффлер писал: «Мы достигли диалектического поворотного пункта в технологическом развитии общества. И технология не ограничит нашу индивидуальность, а послужит увеличению нашего выбора и нашей свободы — по возрастающей» [Тоффлер, 2008: 307].

---

[2] Слово «самореализация» так же многозначно, как и слово «личность». Здесь оно будет употребляться в узком значении – как борьба за общественное признание, популярность, утверждение «я» среди остальных и т.п.

Во-вторых, автоматизация производства и рост сферы услуг несколько видоизменили рынок труда, куда вовлекалось все больше женщин, выходивших из деперсонализированного мира домашнего быта в разные сферы, где можно было проявить *себя*. Сфера услуг, в свою очередь, множила области, в которых требовалась не мускульная сила, а *личностные качества*: креативность, доброжелательность, способность работать в команде, проявлять *лидерские* качества и т.п.

В-третьих, многократно возросла роль творческой деятельности в экономике. Поэтому уже в «Постиндустриальном обществе» Д. Белл чуть ли не напрямую ассоциирует постиндустриальные тенденции с посткапитализмом (хотя стоит иметь в виду, что речь идет об отсылке к Р. Дарендорфу, у которого термин «посткапитализм» означает состояние «институционализированного» конфликта между буржуазией и пролетариатом [Dahrendorf, 1959]). Он пишет, что «отличительным признаком новой системы расслоения станет разделение между научными и техническими классами, с одной стороны, и теми, кто останется вне этой категории, – с другой» [Белл, 2004: 151]. В контексте нашей статьи важно отметить: по мере роста значения креативного труда росло и значение индивидуальности, *личности*, так как ученые или креативные инженеры оказывались *незаменимыми*: обладателями *имени* как «вместилища» заслуг и загадочных неповторимых *талантов*. Поэтому, отмечает Э. Тоффлер, «поскольку знания все больше становятся сущностью работы, рабочие места становятся более индивидуализированными, т.е. менее взаимозаменяемыми» [Тоффлер, 2009: 259].

Раз отмеченная «личностная» специфика научного и технического класса будет впоследствии подчеркиваться неоднократно. Д. Брукс, автор бестселлера «Бобо в раю» (2000), рассматривает примечательный синтез, который произошел по мере возрастания роли творческих людей в буржуазной экономике: всегда отвергавшая буржуазно-мещанский образ жизни богема (парижская богема, битники, хиппи и т.п.) постепенно «обуржуазивалась», в то время как капитализм становился отчасти «богемным». Поэтому Брукс и пишет о «бобо» — буржуазной богеме (*bo*urgeois *bo*hemian). Буржуазная богема изменила социальные представления о престиже. Теперь не связи или деньги являются ключевыми факторами престижа, а *нетривиальная личность*: нестандартная жизненная история, творческие компетенции, образованность и легкая «безбашенность», свойственная гениям. Брукс замечает важную вещь: «человека организации поставили с ног на голову. Уайт [Уильям Уайт. – *Прим. Д.Д.*] описывал общественный порядок, в котором превалировали интересы группы. Сегодня на первый план выходит "я"» [Брукс, 2013: 147]. Два года спустя в знаменитой книге «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» Р. Флорида даст похожую характеристику людям, чья основная экономическая роль заключается в «производстве» идей: «Если прежде люди объединялись рамками общественных институтов, формируя групповую идентичность, существенной чертой современной жизни стало создание индивидуальной идентичности. Подобное самоизобретение и переизобретение, часто в манере, отражающей характер нашей креативности, является важнейшим признаком креативного этоса» [Флорида, 2016: 21].

Иными словами, постиндустриальная (постфордистская) волна произвела на свет особую социальную прослойку/страту «обладающих личностью»[3]. Процесс, условно говоря, «массового производства личности» был запущен. Теперь необходимо сместить аналитический фокус: мы не знаем, как разрешатся действующие противоречия капиталистической системы. Возможно, рано или поздно борьба социальных низов за что-то вроде безусловного дохода поспособствует эгалитарному перераспределению рентных потоков, что послужит частичным решением проблемы дефицита материальных благ. Но в любом случае останется то, что выходит за пределы капитализма. Мы не заметили, как

[3] Разумеется, личностью в широком смысле этого слова обладают все. Здесь имеется в виду «обладание» личностью именно как «видимостью-для-других», «заметностью», «известностью», как способность сказать «о себе» что-то оригинальное, выделяющее «себя» среди остальных – «других».

производство материальных благ постепенно вытеснялось почти невидимым с точки зрения рынка производством самой *личности* (или личностей)[4]. Буржуазная богема часто оказывается в проигрыше в рамках «старой буржуазной системы координат», так как результаты интеллектуальной деятельности обычно достаются держателям интеллектуальных рент. Зато многие ее представители оказались на вершине *совершенно новой социальной пирамиды*, где статус определяется не столько богатством, сколько нетривиальными творческими способностями и известностью. Теперь не только материальное богатство является источником наслаждения, зависти и конкуренции, но сама *личность как реализованное в обществе «я»*.

Важно отметить: этот процесс происходит не только на уровне элит. Скорее стоит говорить о складывании чего-то вроде «общества всеобщей самореализации» (общества, в котором самореализация становится наивысшей, почти официально декларируемой ценностью). *Личность с большой буквы «Л» стала объектом желания, и за ее «обретение» ведется непримиримая и постоянная борьба*. Модус самореализации расширяется и становится повсеместным.

Общество «всеобщей самореализации»? В 1977 г. вышла в свет книга американского социолога и политолога Р. Инглхарта «Молчаливая революция» [Inglehart, 1977]. В ней обобщались результаты опросов общественного мнения, которые показали, что молодых и обеспеченных людей в западных демократических обществах меньше беспокоят сугубо материальные проблемы доходов и безопасности, а больше интересуют проблемы гражданских свобод и экологии. Впоследствии гипотеза Р. Инглхарта неоднократно подтверждалась [Inglehart, 1997]: по мере удовлетворения «базовых» материальных потребностей люди чаще обращают внимание на проблемы личностной самореализации, свободы, а также на все те вопросы, которые выходят за пределы «поиска хлеба насущного» (вопросы гендерного равенства, проблемы прав представителей сексуальных меньшинств и т.п.).

Этот рост «личностного» наблюдался практически повсеместно – даже в вопросах веры. Как показал Ч. Тейлор, после Второй мировой войны наступил «Век подлинности», повсюду проникает «упрощенный экспрессивизм»: «...умножается число тренингов, которые обещают вам найти себя, реализовать себя, высвободить свое истинное “я” и т.п.» [Тейлор, 2017: 586]. Примечательно, что религия вовсе не уходит в небытие, скорее – предельно индивидуализируется, становится делом отдельной *личности*: «...все большее число людей принимают то, что раньше считалось неприемлемым, например – полагают себя католиками, не принимая многих ключевых догматов, или сочетают христианство и буддизм, или молятся, не будучи уверенными в том, что веруют <…> [а] многие вовлекаются в сочинение своего собственного личного мировоззрения посредством своего рода “бриколажа”, но широко распространены и некоторые модели, идущие вразрез с традиционными констелляциями» [Тейлор, 2017: 635–636].

Вскоре с «Веком подлинности» и реалиями общества «всеобщей самореализации» столкнулись социальные психологи. Когда Дж. Твенге, известный социальный психолог, исследующая ценностные изменения среди разных поколений, и ее коллеги начали

[4] Автор исходит из посыла – личность является *благом*. Стоит еще раз пояснить, что здесь имеется в виду под «личностью». Можно вспомнить разницу между persona и personalitas. Один этимологический источник указывает на конкретную персону, другой – на ее облик, на то, что находится в представлении других. Поэтому личность – это и то, что представляет собой конкретный человек, его внешность, физиологические данные и т.д., но это одновременно и сконструированные «личностные» образы, циркулирующие в общественном сознании. В таком виде личность вполне может быть благом (не товаром!). «Я» во всех своих ипостасях удовлетворяет огромное количество потребностей: от потребности в самоуважении до самореализации. Я могу просто наслаждаться образом или тем, что меня уважают или правильно воспринимают, и т.п. Конечно, личность может быть и «неблагополучной», но любое благо может быть употреблено во вред при определенных обстоятельствах (подобно тому, как плохой матрац ведет к сколиозу или курение отравляет легкие).

изучать поколение миллениалов (родившиеся примерно с 1981 по 1996 год), то обнаружили поразительный сдвиг в том, как молодые люди осознают себя и свою *личность*. Во многом именно с открытиями коллектива Твенге связаны стереотипы о миллениалах как *поколении нарциссов* (одну из своих книг Твенге и назвала – «Generation Me» [Twenge, 2014] (созвучно как слову «меня/себя» (me), так и слову «миллениал» (millennial)). Тем не менее Твенге не стремилась навешивать ярлыки, а обращалась к результатам масштабных кросстемпоральных исследований. Эти исследования (опросы студентов с 1966 по 2010 г.) показали, что представители поколения «Y» (миллениалы) с большей вероятностью оценивали себя «выше среднего» в таких аспектах, как академические способности, стремление к достижению поставленных целей, лидерство. Они также куда чаще оценивали свой карьерный потенциал как высокий. Этот рост самооценки не был связан с реальными успехами, так как результаты стандартизированных тестов были неизменными [Twenge et al., 2012]. Отмечался также ценностный сдвиг от «внутренних» (intrinsic – чувство сообщества, ощущение морального долга и т.п.) к «внешним» (extrinsic – деньги, власть, *слава*) приоритетам [ibid.]. Это важно отметить сразу: расширение модуса самореализации в его «индивидуалистической» версии ведет вовсе не к всеобщей солидарности, а к росту *отчуждения*. Твенге назвала миллениалов *нарциссами* постольку, поскольку это поколение воспитывалось в «личностном» идеологическом ключе. Детей воспитывали, пытаясь с пеленок разглядеть в них независимую *личность*, имеющую право голоса. В духе гипертрофированного гуманизма эти дети с самых малых лет стремились «найти себя», «верить в себя», «поступать так, как велит им сердце», и т.п. В итоге, когда исследовательская группа Твенге столкнулась с повзрослевшими миллениалами, то повсеместно наблюдала подобную самохарактеристику: «я люблю показывать свое тело»; «мне нравится смотреть на свое тело»; «мне нравится смотреть на себя в зеркале»; «я стану отличным человеком»; «я могу жить свою жизнь так, как я хочу»; «мне нравится, когда меня хвалят» и т.д. Соответственно происходило снижение показателей эмпатии. Как оказалось, миллениалы были склонны выражать меньше озабоченности проблемами других, и их характеризовала меньшая гражданская вовлеченность. Они также гораздо реже отвечали, что доверяют другим, стремятся жертвовать чем-то ради других или заниматься благотворительной деятельностью [ibid.].

Поколенческие изменения в ключевых ценностях, самооценке, приоритетах и т.п. нашли отражение и в культуре. Дж. Твенге в соавторстве с У.К. Кэмпбелл и Б. Джентиле провели исследование встречаемости «индивидуалистических» и «коллективистских» слов в Google Books за 1960–2008 гг. Они выявили, что «индивидуалистические» («независимый», «индивидуальный», «индивидуальность», «уникальный», «уникальность», «самость», «независимость» и т.п.) слова стали встречаться в книгах гораздо чаще (рост от 0,000093% в 1960 до 0,00016% в 2008 г.), чего не скажешь о «коллективистских» словах («коммуна», «община», «общность», «единство», «сообщество», «объединение» т.д.), которые демонстрировали противоположную тенденцию. Причем сами индивидуалистические слова и фразы становились сфокусированными на *неповторимой личности*, т.е. многие из индивидуалистических фраз, особенно те, которые встречались чаще с течением времени, включали в себя слово «я» или подчеркивали *уникальность* и/или *превосходство* [Twenge et al., 2013].

Не только Твенге и ее коллеги пришли к подобным выводам. К примеру, Я.Т. Ульс и П.М. Гринфилд анализировали американские телепередачи для подростков в США (выборка – по две наиболее популярные передачи в году с 1967 по 2007 г.). Исследование опиралось на довольно сложную схему контент-анализа: измерялось то, насколько главный герой жаждал славы или стремился к реализации каких-то других ценностей. Для этого людей (N = 60), знакомых или знакомящихся по мере исследования с теми или иными телевизионными шоу, просили отметить наличие тех или иных устремлений у главных героев. Выяснилось: слава, как крайне индивидуалистическая ценность, была оценена как самая значимая в выпусках шоу 2007 г. по сравнению с пятнадцатым (из шестнадцати) местом в большинстве предыдущих десятилетий. Аналогично становились более частыми

другие «индивидуалистические» сюжеты вроде финансового успеха[5]. Это неудивительно[6], так как сегодня, отмечают авторы, фактически тема *успеха* и *славы* стала *всеобъемлющей*[7] [Uhls, Greenfield, 2011].

Социальные медиа, социальная селебритизация и погоня за славой и вниманием. Сегодня происходит очередной масштабный сдвиг в сторону расширения сферы «производства» личности. Так, социальные медиа создают довольно большую (и увеличивающуюся) прослойку людей, обладающих «сетевой» известностью. С «традиционными» знаменитостями теперь соседствуют разноликие *микроселебрити* (см.: [Senft, 2008; Abidin, 2018]) – люди, знаменитые преимущественно в социальных медиа (соответственно количество подписчиков у микроселебрити должно быть не меньше 100 000). Язык стремительно обогащается, чтобы описать эту расширяющуюся область *влиятельности*[8]: уже говорят не просто о знаменитостях или микрознаменитостях, появляются слова вроде «нанознаменитость» или «наноинфлюенсер» (от *англ*. influence – влиять) (люди с количеством подписчиков в социальных медиа от 1000 до 100 000). Формируются иерархические пирамиды, где на вершине располагаются мегаинфлюенсеры, немного пониже макроинфлюенсеры, а внизу – микро- и наноинфлюенсеры[9] (чем-то это напоминает известные пирамиды феодальных иерархий, только теперь «владеют» не землей, а *вниманием* людей (как своего рода «репостных»)). Социальные медиа также сильно увеличивают количество творческих ниш, куда стекаются почитатели ярких личностей – *блогеров*. Множатся жанры и поджанры: обзоры, стримы (онлайн-трансляции, в том числе игровые), лайф-блоги и т.п. Тематические ниши не знают предела: от серьезных политических блогов до видео в жанре ASMR[10] или мукбанг[11]. Свой зритель находится у, казалось бы, самого странного контента, который никогда бы не появился в традиционных медиа.

Примечательно, что социальные медиа порождают феномен *универсальных лидеров мнений*. Очень многие приобретают инструменты воздействия на мнения и убеждения своих подписчиков-поклонников, при этом оказываясь «хозяевами самих себя», контролирующими свой дискурс, что было непредставимо ранее, когда форматы взаимодействий с публикой ограничивались институциональными рамками мира шоу-бизнеса (многочисленные агенты как посредники, журналисты, медийные боссы, рейтинговые организации, сам «узкий» формат телепередач, фильмов и т.п.). Сегодня любая микрознаменитость имеет возможность 24 часа в сутки непосредственно взаимодействовать со своей аудиторией. Микроселебрити становятся «*универсальными личностями*» – людьми с авторитетным

---

[5] «Достижения» поднялись с десятого до второго места за последние десятилетия, «физическая подготовка» переместилась с шестнадцатого на девятое место. Напротив, коммунитарные ценности со временем уменьшились в относительной важности. Три коммунитарные ценности – чувство общности, традиции и доброжелательность – продемонстрировали резкое снижение с 1967 по 2007 г. А «чувство сообщества» переместилось в 2007 г. на 11 место.

[6] См. подр.: теория социальных изменений и человеческого развития П.М. Гринфилд [Greenfield, 2019], согласно которой, по мере того, как среда обучения движется в сторону высоких технологий, среда повседневной жизни становится все более урбанизированной, уровень образования увеличивается, люди становятся богаче, а психологическое развитие движется в направлении усиления индивидуализма, в то время как традиционные, семейные и общинные ценности размываются.

[7] Типичный пример, который они приводят, – сериал телеканала Disney «Ханна Монтана» (2006 г.): главная героиня этого сериала по имени Майли Стюарт (Майли Сайрус), днем является простой школьницей-подростком, а ночью оказывается известной поп-певицей Ханной Монтаной, скрывая настоящую личность от общественности.

[8] К слову, в социальных науках знаменитости концептуализировались как «новая элита информационного общества» (см.: [Grinin, 2012]), но тогда речь шла о «традиционных» селебрити.

[9] См.: *Kaya I.* Social Media Influencers: Mega, Macro, Micro or Nano // CMSWire. 2018. December 10. URL: https://www.cmswire.com/digital-marketing/social-media-influencers-mega-macro-micro-or-nano/ (дата обращения: 11.08.2021).

[10] Автономная сенсорная меридиональная реакция.

[11] Мокпан (*кор*. 먹방, буквально «трансляция приема пищи», встречаются варианты транскрипции «мокбан» и «мукбанг»).

мнением практически по любым вопросам. Отсюда все более часто встречающиеся кейсы политизации социально-медийных инфлюенсеров в том числе в России. Не стоит удивляться, что звезды и блогеры все активнее фигурируют в сфере политического в той или иной роли (выступление в пользу кандидатов на выборах, комментирование политических новостей, а то и вовсе – успешные/безуспешные попытки занять высшие государственные должности) [Давыдов, 2020].

Свидетельством успеха перестает быть обладание деньгами. *Теперь во многих случаях ключевой «показатель влияния» – это счетчик подписчиков в социальных медиа, а не (только?) банковский счет*. Быть популярным в социальных медиа – значит обладать славой и влиянием, а богатство «приложится» само собой. Начинается погоня за «самореализацией через популярность», соревнование, в котором подписчики, лайки и комментарии становятся «валютой внимания». Сегодня молодежь – это представители поколения Z («зумеры» – родившиеся в 2000–2017 гг.). Произошли ли какие-либо изменения по сравнению с поколением Y? Индивидуализм только углубился, так как поколение Z – это поколение социальных медиа (к примеру, 95% зумеров регулярно смотрят YouTube, а 50% не могут представить себе жизнь без этого[12]), в которых яркие *личности* задают тон всему. Я.Т. Ульс, Э. Згуру и П.М. Гринфилд в 2014 г. опросили в США 315 детей в возрасте 9–15 лет об их предпочтениях применительно к средствам массовой информации, а также об их чаяниях на будущее. Ответы участников о будущих целях были сгруппированы вокруг двух факторов, представляющих индивидуалистические, эгоистические и коллективистские, ориентированные на других стремления. Слава, имидж, деньги и статус были важными составляющими первого; помощь нуждающимся, помощь семье и жизнь рядом с семьей были важными элементами последнего. В итоге выяснилось, что дети, которые часто смотрят телевизор и много времени уделяют социальным сетям, демонстрируют более ярко выраженные индивидуалистические устремления, причем влияние социальных медиа было сильнее влияния телевизора [Uhls et al., 2014]. Согласно исследованию Morning Consult (2019, *N* = 3000, среди которых 1000 представителей поколения Z), 23% взрослых американцев из поколения Z стремятся к славе, в то время как среди миллениалов таковых 15%, а среди представителей поколения X – 8%[13]. Опрос (2019 г.) людей в возрасте 18–34 лет (*N* = 1000), проведенный PSFK и Suzy, показал, что почти половина (46%) «зумеров» говорят, что «самовыражение» для них «очень важно», по сравнению с 37% миллениалов[14]. Похожую картину продемонстрировал опрос Morning Consult (2019 г., *N* = 2000): 12% молодых американцев рассматривают себя как сетевых инфлюенсеров, а 54% стали бы медийной личностью, если бы была возможность. 58% представителей поколения Z отметили, что быть знаменитым в социальных медиа – значит менять мир к лучшему; для 51% это возможность поделиться идеями с большой аудиторией; также для 50% это возможность заработать, а 17% отметили, что их мотивирует достижение славы[15]. Согласно результатам исследования (2017 г.), проведенного изданием The Sun (*N* = 1000), три четверти английских детей говорят, что предпочли бы карьеру в социальных медиа. Один из девяти сказал, что речь идет о славе, и такая же доля жаждала возможности *самовыражения*. Среди самых желанных сфер деятельности – ютубер (34,2 %), блогер/влогер (18,1%), музыкант/

[12] 95% of Gen-Z Use YouTube and Half Can't Live without it // Music Ally. 2017. May 23. URL: https://musically.com/2017/05/23/95-gen-z-use-youtube-half-cant-live-without/ (дата обращения: 11.08.2021).

[13] Understanding Gen Z: How America's Largest, Most Diverse, Best-Educated, and Most Financially Powerful Generation Will Shape the Future // Morning Consult. URL: https://morningconsult.com/form/gen-z-report-download/ (дата обращения: 11.08.2021).

[14] См.: Understanding Your Gen Z Consumer: Insights Into The Next Generation's Values // PSFK. 2019. July 25. URL: https://www.psfk.com/2019/07/consumer-insights-survey-gen-z-playbook.html (дата обращения: 11.08.2021).

[15] The Influencer Report: Engaging Gen Z and Millennials // Morning Consult. 2019. URL: https://morningconsult.com/wp-content/uploads/2019/11/The-Influencer-Report-Engaging-Gen-Z-and-Millennials.pdf (дата обращения: 11.08.2021).

певец (16%), актер (15,7%), режиссер (13,65%), доктор (13,45%)[16]. Эти результаты были подтверждены в 2019 г., когда опрос The Harris Poll (*N* = 3000) детей в США, Великобритании и Китае, посвященный 50-летию высадки американских астронавтов на Луну, показал, что в западных странах дети сегодня больше интересуются YouTube, чем космическими полетами. На вопрос, кем они хотели бы стать, когда вырастут, около 3 из 10 американских и британских детей ответили, что хотят быть ютуберами или блогерами. С меньшей охотой они видят себя учителями, профессиональными спортсменами, музыкантами. Космонавтами хотели бы быть 11%. В Китае все обстоит несколько иначе: там самая желанная профессия – космонавт (56%), ютубером или блогером хотели бы быть 18%[17] (хотя стоит отметить, что и эта цифра – немаленькая[18]).

Сегодня известная фраза Э. Уорхола, что «в будущем каждый будет наслаждаться 15 минутами славы», не столь утопична. Слава, действительно, может прийти легко и внезапно, хоть зачастую совсем не надолго. Скажем, алгоритмы сервиса коротких видео TikTok позволяют почти каждому оказаться в центре внимания многих людей. Более того, происходит нечто вроде «инфляции» славы, сопровождающейся социализацией селебрити и *селебритизацией социального*. В итоге буквально каждый пользователь социальных сетей перенимает многие паттерны поведения, которые раньше были свойственны исключительно звездам. Скажем, алгоритмы социальной сети Facebook настроены так, что пользователей постоянно побуждают гнаться за лайками, репостами и в целом – популярностью. Так, чтобы пользователи могли перемещаться вверх по новостной ленте, они должны получать больше лайков, комментариев, делать больше публикаций, чем *конкурирующие* пользователи. Соответственно *культура селебрити* максимально расширяется: теперь даже человек с небольшим количеством друзей/подписчиков совершает практически те же действия (нацеленные на выгодную самопрезентацию и т.п.), что и знаменитости [Cirucci, 2019]. В этом смысле примечательно исследование Дж. Маврудиса, сотрудника Технологического университета Суинберн (Мельбурн), который буквально *стал* микроселебрити в Instagram (имея больше 27 000 подписчиков), чтобы рассмотреть предмет исследования с самого близкого, «включенного» ракурса (так называемый метод критической автоэтнографии). Он пришел к выводу, что стоит говорить о своеобразном «*труде за славу*» (fame labor). Этот «труд», во-первых, связан с постоянным давлением, которое оказывают на микрознаменитость подписчики (необходимость постоянно оставаться «в тренде», регулярно публиковать фото, угождать вкусам публики и т.п.). А во-вторых, это постоянное *производство личности*. Когда Маврудис спросил 504 своих подписчиков, стремятся ли они к славе, 83% заявили, что активно участвуют в тех же стратегиях «самобрендинга» и наглядности, что и микрознаменитости [Mavroudis, 2019: 90].

Таким образом, «производство» личности становится чуть ли не повсеместным. Мы живем в мире, где слава, авторитет, престиж и наслаждение жизнью во многих случаях определяются *нахождением в центре внимания*. Это мир, в котором яркие и популярные творческие[19] личности будут определять образы будущего.

---

[16] *Dirnhuber J.* Vlog's a Job: Children Turn Backs on Traditional Careers in Favour of Internet Fame, Study Finds // The Sun. 2017. May 22. URL: https://www.thesun.co.uk/news/3617062/children-turn-backs-on-traditional-careers-in-favour-of-internet-fame-study-finds/ (дата обращения: 11.08.2021).

[17] *Berger E.* American Kids would Much Rather be YouTubers than Astronauts // Ars Technica. 2019. July 16. URL: https://arstechnica.com/science/2019/07/american-kids-would-much-rather-be-youtubers-than-astronauts/ (дата обращения: 11.08.2021).

[18] Культурную специфику необходимо учитывать, но стоит также иметь в виду, что Китай по уровню жизни в расчете на человека пока далеко позади западных стран, поэтому многие социальные процессы там могут «отставать». Тем не менее некоторые исследования показывают, что многие характеристики тех или иных поколений на Западе очень похожи на характеристики этих поколений, скажем, в России (см.: [Радаев, 2019]).

[19] Если понимать творчество как создание новых по замыслу культурных или материальных ценностей, то оно не обязательно является предиктором популярности. Однако творчеством может являться и сам процесс, в рамках которого создается (производится) личность (практики создания образов, их продвижения, пиара и т.п.). В этом смысле деятельность, скажем, моделей в Instagram –

Заключение. В этом мире ничего не вечно, и считать капитализм непреходящим было бы крайне опрометчиво. Долгие годы левые идеологи, теоретики и практики всех мастей ожидали наступления посткапиталистической эпохи, в которой будут преодолены известные пороки «экономической общественной формации». В конце концов, эти ожидания оправданы: сегодня можно говорить о том, что планета Земля буквально *раскаляется* от всего негатива, связанного с капиталистической системой. Однако история левой политической мысли – это история поиска революционных субъектов, в которых рано или поздно разочаровывались (от «низовой» борьбы рабочих и крестьян до молодежи, «креативного класса», прекариата и т.п.). И сегодня, когда, казалось бы, противоречия капиталистической мир-системы только растут, вряд ли можно говорить о какой-то реальной перспективе чего-то вроде социалистической мировой революции.

Но что если мы все время, говоря о посткапитализме, смотрели совершенно не в ту сторону? Вполне возможно, что посткапитализм – не светлое коммунистическое будущее. В настоящей статье представлена попытка сместить исследовательский фокус, допустив, что избавление от нужды в базовых материальных благах и «освобождение от труда» не есть условие преодоления отчуждения и конкурентной борьбы. Да, описанные выше тенденции вполне можно осмысливать как пришествие еще одной версии капитализма (и ставить ее в один ряд с когнитивным капитализмом, эстетическим капитализмом, технокапитализмом, суперкапитализмом, глэм-капитализмом и т.п.). Однако трудно поверить, что если вдруг отпадет необходимость в рыночной экономике и всех основных атрибутах капитализма, то отмеченная выше конкурентная борьба за самоутверждение исчезнет, медийные личности откажутся от славы и «нематериальных» благ, даруемых известностью, а также того, что позволяет им «менять мир к лучшему» (по всей видимости, лучше остальных)[20]. Что если посткапиталистическое «нематериальное» (А. Горц) не ограничивается изобильными знаниями и идеями, но включает в себя также находящиеся в социальном воображаемом личности как *блага* (см. сноску выше), потребление которых одним человеком полностью «исключает» других? Раньше авторы левых утопий (к примеру, фантасты вроде А. и Б. Стругацких) рисовали миры, в которых жизнь настолько насыщенна и интересна (покорение космоса, создание грандиозных технологий, шедевров архитектуры и т.д.), что мало кто захочет гнаться за популярностью. По всей видимости, сегодня человечество движется в противоположном направлении. Стоит говорить о наступлении эпохи, в которой борьба за популярность и признание становится практически повсеместной (очень быстро развиваются только гаджеты для потребителей информационного контента). Происходит формирование своеобразного общества «всеобщей самореализации», в котором каждому отводится свое место в новой социальной иерархии, и где на вершине находятся мегапопулярные «лидеры мнений». Все это вряд ли говорит о движении к всеобщей гармонии со-творчества («модус бытия», по Фромму). То, что мы

это тоже своего рода творчество, нацеленное на создание неповторимых образов и практик их публичной «презентации».

[20] Можно привести несколько аргументов в пользу допущения, что рассмотренные выше тенденции затрагивают явления, выходящие за рамки капитализма: 1) личность как благо, существующее в социальном воображаемом, вряд ли может быть товаром, то есть продаваться на рынке; 2) «производство» личности – это то, что неразрывно связано с творческой деятельностью как созиданием нематериальных благ в виде оригинальных идей, концептов, инженерных решений и т.д. (ассоциируемых с конкретной персоной), ценность которых невозможно адекватно измерить с помощью рыночных инструментов; 3) популярность, внимание, слава, признание и т.д. удовлетворяют потребности в признании, самоуважении, самореализации и т.д., что говорит не только об «инструментальной» ценности «обладания» соответствующей «личностью-личиной»; 4) отмеченное расширение сферы производства личности происходит по мере постепенного сжатия сферы материального труда под воздействием процессов автоматизации и роботизации производства; 5) внимание (не площадки по его привлечению) как ключевой ограниченный ресурс в «борьбе за самореализацию» вряд ли можно свободно продавать или покупать на рынке, в отличие от ресурсов буржуазной эпохи (нефть, уголь, электроэнергия и т.п.).

имеем (и видим, судя по ценностным сдвигам), свидетельствует о *растущей конкуренции за самореализацию (которая все чаще понимается именно как достижение выдающегося творческого успеха*[21], *признания, популярности и т.п.)*. И вполне вероятно, что эта конкуренция будет еще только более безжалостной и беспощадной, нежели конкуренция за материальные блага. В конце концов, теперь на кону сама *личность*: и среди возможных жизненных сценариев найдется как эйфория от успеха, так и крах, творческая неудача, *серое небытие, обыденность*. Именно поэтому сегодня говорят о том, что представители поколения Z сильнее подвержены стрессу и депрессии [Twenge, 2017]. Это вполне объяснимо в эпоху, когда каждая личность имеет свой «счетчик успеха» (лайки, репосты, подписчики и т.п.), когда мелькающая в новостных лентах соцсетей красота и сочащаяся красками жизнь контрастирует с неудачами и крахом, скрываемыми от публики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004.
Брегман Р. Утопия для реалистов: Как построить идеальный мир. М.: Альпина Паблишер, 2018.
Брукс Д. Бобо в раю: Откуда берется новая элита. М.: Ад Маргинем, 2013.
Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. Базовый доход: Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: ВШЭ, 2020.
Давыдов Д.А. Революция личности, или Восхождение персоналиата // Полития. 2020. No. 4. С. 68–89. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-68-89.
Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем, 2016.
Радаев В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: ВШЭ, 2019.
Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002.
Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда, М.: Strelka Press, 2019.
Тейлор Ч. Секулярный век. М.: ББИ, 2017.
Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002.
Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2009.
Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2008.
Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
Фромм Э. Иметь или быть? М.: АСТ, 2016.
Abidin C. Internet Celebrity: Understanding Fame Online. Bingley: Emerald Publishing, 2018.
Cirucci A.M. Facebook and Unintentional Celebrification // *Abidin C., Brown M.L.* (eds) Microcelebrity around the Globe: Approaches to Cultures of Internet Fame. Bingley: Emerald Publishing, 2019. P. 33–47.
Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford University Press, 1959.
Greenfield P.M. Linking Social Change and Developmental Change: Shifting Pathways of Human Development // Developmental Psychology. 2019. Vol. 45. No. 2. P. 401–418. DOI: 10.1037/a0014726.
Grinin L.E. Celebrities as a New Elite of Information Society // Social Evolution & History. 2012. Vol. 11. No. 1: 124–153.
Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Princeton: Princeton University Press, 1997.
Inglehart R. The Silent Revolution. Princeton: Princeton University Press, 1977.
Mavroudis J. Fame Labor: A Critical Autoethnography of Australian Digital Influencers // *Abidin C., Brown M.L.* (eds) Microcelebrity around the Globe: Approaches to Cultures of Internet Fame. Bingley: Emerald Publishing, 2019. P. 83–95.
Senft T. Camgirls: Celebrity and Community in the Age of Social Networks (Digital Formations). New York: Peter Lang Publishing, 2008.
Twenge J. Generation Me: Why Today's Young Americans are More Confident, Assertive, Entitled – and More Miserable than Ever Before. New York: Atria Books, 2014.
Twenge J.M. iGen: Why Today's Super-Connected Kids are Growing up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy and Completely Unprepared for Adulthood and What that Means for the Rest of Us. New York: Atria Books, 2017.

[21] Это касается не только рассмотренных выше онлайн-активности и блогинга (уже «впитавших» в себя почти все искусство: от музыки до художественного мастерства), но и таких «серьезных» областей творческой активности, как наука, где налицо повсеместная погоня за количеством публикаций и их цитируемостью (читай – все той же популярностью).

Twenge J.M., Campbell W.K., Freeman E.C. Generational Differences in Young Adults' Life Goals, Concern for Others, and Civic Orientation, 1966–2009 // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 105. No. 5. P. 1045–1062. DOI: 10.1037/a0027408.

Twenge J.M., Campbell W.K., Gentile B. Changes in Pronoun Use in American Books and the Rise of Individualism, 1960–2008 // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2013. Vol. 44. No. 3. P. 406–415. DOI: 10.1177/0022022112455100.

Twenge J.M., Campbell W.K., Gentile B. Generational Increases in Agentic Self-evaluations among American College Students, 1966–2009 // Self and Identity. 2012. Vol. 11. No. 4. P. 409–427. DOI: 10.1080/15298868.2011.576820.

Uhls Y.T., Greenfield P. The Value of Fame: Preadolescent Perceptions of Popular Media and Their Relationship to Future Aspirations // Developmental Psychology. 2011. Vol. 48. No. 2. P. 315–326. DOI: 10.1037/a0026369.

Uhls Y.T., Zgourou E., Greenfield P.M. 21st Century Media, Fame, and other Future Aspirations: A National Survey of 9–15 Year Olds // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2014. Vol. 8. No. 4. Article no. 5. DOI: 10.5817/CP2014-4-5.

Статья поступила: 16.08.21. Принята к публикации: 14.09.21.

THE VALUE FOUNDATIONS OF POST-CAPITALISM: FROM THE "MODE OF HAVING" TO THE INDIVIDUALISM OF SELF-ACTUALIZING PERSONALITIES?

DAVYDOV D.A.

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of RAS, Russia

Dmitry A. DAVYDOV, Cand. Sci. (Polit.), Senior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of RAS, Yekaterinburg, Russia (davydovdmitriy90@gmail.com).

Abstract. The article raises the question of the possible value foundations of a post-capitalist society. The author criticizes attempts to associate post-capitalism exclusively with the values of friendship, cooperation, solidarity, voluntary action for the benefit of others, etc. The article examines how getting rid of material necessity led Western societies to deepen individualism and spread all kinds of self-expression practices. Moreover, with the development of social media, these practices have increasingly spilt over into a struggle to attract attention. Personalities turn into something that is "produced" (practices of "self-branding"), is designed, promoted and scaled. As a result, instead of the expected "communism of knowledge" and the corresponding communitarian social values (A. Gorz), we observe an opposite trend: movement towards even greater individualism, but now in the sphere of creativity and self-realization (production of "intangible" goods), in which pleasure and prestige are associated with attracting attention, with personal exclusivity and media influence. This suggests that, perhaps, the means proposed by some modern theorists (full automation of production, payment of unconditional income to everyone, etc.) may not be enough to implement the egalitarian version of post-capitalism.

Keywords: post-capitalism, capitalism, post-materialism, social values, socialism, communism, personality revolution, creative self-realization, social media, social revolution.

REFERENCES

Abidin C. (2018) *Internet Celebrity: Understanding Fame Online*. Bingley: Emerald Publishing.

Bauman Z. (2008) Liquid Modernity. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)

Bell D. (2004) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. Moscow: Akademia. (In Russ.)

Bregman R. (2018) *Utopia for Realists: How We Can Build the Ideal World*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)

Brooks D. (2013) *Bobos in Paradise: The New Upper Class and How They Got There*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)

Cirucci A.M. (2019) Facebook and Unintentional Celebrification. In: Abidin C., Brown M.L. (eds) *Microcelebrity around the Globe: Approaches to Cultures of Internet Fame*. Bingley: Emerald Publishing: 33–47.

Dahrendorf R. (1959) *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford: Stanford University Press.

Davydov D.A. (2020) Revolution of Personality, or the Rise of the Personaliat. *Politiya* [Politeia]. No. 4: 68–89. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-68-89. (In Russ.)
Florida R. (2016) *The Rise of The Creative Class and How it's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. (In Russ.)
Fromm E. (2016) *To Have or to Be?* Moscow: AST. (In Russ.)
Greenfield P.M. (2019) Linking Social Change and Developmental Change: Shifting Pathways of Human Development. *Developmental Psychology.* Vol. 45. No. 2: 401– 418. DOI: 10.1037/a0014726.
Grinin L.E. (2012) Celebrities as a New Elite of Information Society. *Social Evolution & History.* Vol. 11. No. 1: 124–153.
Inglehart R. (1977) *The Silent Revolution.* Princeton: Princeton University Press.
Inglehart R. (1997) *Modernization and Postmodernization.* Princeton: Princeton University Press.
Mason P. (2016) *Postcapitalism: A Guide to Our Future.* Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
Mavroudis J. (2019) Fame Labor: A Critical Autoethnography of Australian Digital Influencers. In: Abidin C., Brown M.L. (eds) *Microcelebrity around the Globe: Approaches to Cultures of Internet Fame.* Bingley: Emerald Publishing: 83–95.
Radaev V. (2019) *Millennials: How the Russian Society Changes.* Moscow: VShE. (In Russ.)
Senft T. (2008) *Camgirls: Celebrity and Community in the Age of Social Networks (Digital Formations).* New York: Peter Lang Publishing, Inc.
Sennett R. (2002) *The Fall of Public Man.* Moscow: Logos. (In Russ.)
Srnicek N., Williams A. (2019) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World without Work.* Moscow: Strelka Press. (In Russ.)
Taylor Ch. (2017) *A Secular Age.* Moscow: BBI. (In Russ.)
Toffler A. (2008) *Future Shock.* Moscow: AST. (In Russ.)
Toffler A. (2009) *Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21st Century.* Moscow: AST. (In Russ.)
Tönnies F. (2002) *Community and Civil Society: Fundamental Concepts in Pure Sociology.* Moscow: Fond Universitet; Saint Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)
Twenge J. (2014) *Generation Me: Why Today's Young Americans are More Confident, Assertive, Entitled – and More Miserable Than Ever Before*. New York: Atria Books.
Twenge J.M. (2017) *iGen: Why Today's Super-Connected Kids are Growing up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy and Completely Unprepared for Adulthood and What that Means for the Rest of Us*. New York: Atria Books.
Twenge J.M., Campbell W.K., Freeman E.C. (2012) Generational Differences in Young Adults' Life Goals, Concern for Others, and Civic Orientation, 1966–2009. *Journal of Personality and Social Psychology.* Vol. 105. No. 5: 1045–1062. DOI: 10.1037/a0027408.
Twenge J.M., Campbell W.K., Gentile B. (2012) Generational Increases in Agentic Self-evaluations among American College Students, 1966–2009. *Self and Identity.* Vol. 11. No. 4: 409–427. DOI: 10.1080/15298868.2011.576820.
Twenge J.M., Campbell W.K., Gentile B. (2013) Changes in Pronoun Use in American Books and the Rise of Individualism, 1960–2008. *Journal of Cross-Cultural Psychology.* Vol. 44. No. 3: 406–415. DOI: 10.1177/0022022112455100.
Uhls Y.T., Greenfield P. (2011) The Value of Fame: Preadolescent Perceptions of Popular Media and Their Relationship to Future Aspirations. *Developmental Psychology.* Vol. 48. No. 2: 315–326. DOI: 10.1037/a0026369.
Uhls Y.T., Zgourou E., Greenfield P.M. (2014) 21st Century Media, Fame, and Other Future Aspirations: A National Survey of 9–15 Year Olds. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace.* Vol. 8. No. 4. Article no. 5. DOI: 10.5817/CP2014-4-5.
Van Parijs P., Vanderborght Y. (2020) *Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy.* Moscow: VShE. (In Russ.)

Received: 16.08.21. Accepted: 14.09.21.

© 2021 г.

А.В. ШИПИЛОВ

ДИВИДЫ НЕ ИНДИВИДЫ: ЛИЧНОСТЬ ДО И ПОСЛЕ МОДЕРНА

ШИПИЛОВ Андрей Васильевич – доктор культурологии, профессор кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин, Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия (andshipilo@yandex.ru).

Аннотация*. В статье выдвинут тезис, что личность постмодерна отлична от личности модерна и подобна личности премодерна. В отличие от современного социума типа Gesellschaft (общество) досовременный социум в понятиях Ф. Тённиса представляет собой Gemeinschaft – общность/сообщество. В общности индивид растворен в социальном окружении, его самость единосущна трансгенеративной самости группы – семьи, рода, тотема и т.п. Наиболее ярким примером этого является этнографически изученная социальность охотников и собирателей. В соответствии с принципом метаконтраста примитивный индивид, минимально отделенный от внешнего, максимально разделен внутренне: его личность/идентичность плюральна, что находит выражение в факте множественности имен и представлении о множественности душ каждого индивида. В силу этого, последнего следует рассматривать не как индивида, а как дивида. Таковыми можно считать не только архаических фуражеров, но и членов постиндустриального общества. Последние в противоположность цельной индивидуальности модерна согласно ряду социологических теорий и наблюдений не являются индивидуумами, обладая множественной идентичностью. В вытеснении индивидуальности дивидуальностью можно видеть одну из тенденций к обусловленной развитием информационно-коммуникационных технологий реархаизации социальности постмодерна, уподобляющейся тем самым социальности премодерна.*

Ключевые слова: *модерн • премодерн • постмодерн • общество • общность • индивид • дивид*

DOI: 10.31857/S013216250016972-2

Общество, общность, личность. При самоописании общества модерна последнее традиционно противопоставляли обществу премодерна. При самоописании общества постмодерна кажется логичным и эвристичным противопоставить его модерну и уподобить премодерну – архаическая и послесовременная социальность равно контрарны современной и обнаруживают аналогии друг с другом как в том, что касается общества, так и в том, что относится к личности. Для сравнения/различения модерна и премодерна социология располагает набором бинарных типологий, построенных на антитезе общества как единого и общества как целого, среди которых – Gemeinschaft vs Gesellschaft Ф. Тённиса. Если задействовать его теорию, то «общность» или «сообщество», под каковое понятие больше и лучше всего (особенно в отечественном контексте) подходит традиционная сельская община, противопоставляемая «обществу», под которым в первую очередь подразумевается городской социум. Сущностная воля, самость и статус в первом противопоставлены избирательной воле, лицу и контракту во втором. «Теория общности, – писал Ф. Тённис, – исходит из совершенного единства человеческих воль как изначального или естественного состояния», где все индивидуальные воли «связаны друг с другом в силу *происхождения* и родовой принадлежности», соответственно, социальность типа «сообщество» относится прежде всего к семье, а затем расширяется до соседства и содружества (родство, соседство и дружба соответствуют общности крови, места и духа) [Тённис, 2002: 16, 25]. Члены Gemeinschaft связаны между собой сущностно, органически,

жизненно в отличие от членов общества, которые «пребывают не в существенной связи, а в существенной отдаленности друг от друга»; если первые «остаются связанными, несмотря ни на какие разделения», то последние «остаются разделенными, несмотря ни на какие связи». В социуме типа «общество» любой выступает только за себя, а иногда и против всех прочих; здесь «каждый запрещает другому прикасаться и приближаться к себе». Это нормально для индивидов-индивидуалистов, так как «в обществе отсутствует какая бы то ни было деятельность, выводимая из априорного и необходимым образом наличествующего единства и потому – в той мере, в какой она осуществляется при посредстве индивидуума – выражающая через него также волю и дух этого единства, и, следовательно, отсутствует деятельность, которая в той же мере, что и ради него самого, осуществляется и *ради* тех, кто с ним связан» [там же: 63].

Нас здесь интересуют не приписываемые общности и обществу альтруизм и эгоизм соответственно, а коллективизм члена первой и индивидуализм члена второго. Впрочем, последняя пара понятий в обычном словоупотреблении также избыточно нагружена моральными коннотациями, поэтому стоит подобрать какой-нибудь этически нейтральный термин для обобщенной характеристики личности сообщества в ее отличии от личности общества. Думается, для этого можно использовать введенное А. Маслоу понятие «унитивность», под которым американский психолог подразумевал определенное состояние личностного сознания, когда человек становится способен «к одномоментному постижению обеих сторон каждого явления – как его уникальности, так и универсальности» [Маслоу, 1999: 128]. Правда, у Маслоу «унитивным» должно быть восприятие пациента психотерапевтом; в нашем случае имеется в виду, что уникальное и универсальное в состоянии унитивности не отделены друг от друга; это состояние нерасчлененности, неразделенности, недифференцированности, так сказать, «первичной простоты», не «цветущей сложности». Унитивность несет в себе значение единства, уникальность – единичности, и если уникализм/индивидуализм предполагает универсализм, то унитивизм/коллективизм предполагает партикуляризм. В социальности типа «общность» группы друг другу противопоставляются, а индивиды друг другу уподобляются, в социальности типа «общество» – наоборот; иными словами, социальные группы сближаются в плане минимизации агрессивности и приращения толерантности, а коммунитарные индивиды и так [сравнительно] минимально отличаются/отделяются друг от друга. Общность – это единое, общество – это целое, первая гомогенна и сплóшна, второе гетерогенно и структурно; отношение частей к целому – «в», к единому – «из», последнее порождает их, выталкивая/отторгая, первое их упорядочивает, вбирая/принимая.

В социуме-общности индивид в сравнительно минимальной степени стянут в точку, а в сравнительно максимальной – растворен в социальном окружении, его центр тяжести находится не столько в нем, сколько за его пределами. Коммунитарный индивид, в терминологии Дж.Г. Мида, это не столько «I», сколько «Me», его, в терминологии Ч.Х. Кули, «социальное *я*» – это «зеркальное *я*» [Шипилов, 2008: 40, 72]. Индивид настолько не воспринимает себя отдельно от своих социальных ролей, что в ходе психологических исследований неграмотные крестьяне, перед которыми ставилась задача самоописания (обрисовать собственный характер, отличия от других людей и т.п.), часто просто не могли понять, что от них требуется. Они лучше справлялись с характеристикой других людей, чем с автохарактеристикой, а говоря о себе, апеллировали к мнению окружающих и заменяли описание свойств характера описанием форм поведения [Кон, 1978: 127; 1984: 40–41]. Коммунитарный человек развернут вовне и ориентирован на внешнее. Он сам для себя – «он»; личность овнешнена и воспринимает себя не изнутри наружу, а снаружи вовнутрь. Само его имя выражает не столько уникальную индивидуальность личности, сколько принадлежность к семье/роду/общине, так как в именной формуле за личным именем следует родовое или отчество (а то и дедичество), а фамилия обозначает связь с населенным пунктом, приходом, имением, родом занятий, должностью, этнической группой и т.п. В некоторых антропонимах могут быть два личных имени и две фамилии – по отцу и матери (иногда и

больше). Смысл здесь в том, что конкретное лицо мыслится воплощением рода: гентильные структуры выступают множественными единствами, воспринимаются как односущностные и единосущные, их трансгенеративные звенья повторяются друг в друге так, что когда потомки отправляются к предкам, предки воскресают в потомках. (Точнее, речь не о воскресении, а о чередующемся через поколение выявлении одной и той же сущности: именно так – через поколение – часто передаются личные имена.) С этим связаны и практики кровной мести, и представления о [божественном] наказании потомков за грехи предков; с другой стороны, подвиги отцов сообщают знатность/благородство детям, и наоборот, деяния потомков приносят честь и славу предкам.

В России единосущие рода и до Петра I, и после его модернизационных преобразований выражалось в том, что когда возвышалось лицо, возвышался и весь род (имеется в виду дворянский), а когда первое понижалось, понижался и последний; род предстает единым настолько, что все его члены отправляются в ссылку вместе с провинившимся или, наоборот, все попадают в фавор вместе с выслужившимся, причем сыновья могут получать чины, ордена и титулы за заслуги отцов, матери – за сыновей, братья – за других братьев и т.п. [Шипилов, 2003: 265–266]. Дворянское общество, таким образом, даже светское и высшее, больше напоминало собой тённисовскую «общину»; если же посмотреть на общность, наиболее содержательным примером которой выступает крестьянский «мир» (община), здесь мы встречаем еще более ярко выраженный унитивизм во всех сферах жизни. У крестьянина семья и хозяйство тождественны, неделимая ни в каком отношении семейно-хозяйственная единица – двор является в полном смысле слова атомом крестьянского социума. Семья здесь не столько система, сколько организм, и внутрисемейные различия есть различия тождественного. Крестьянская семья – неразложимое единство; каждый ее член и все они, вместе взятые, существуют не сами по себе, не как самостоятельные индивиды, а как отдельные (но не отделенные) выражения или проявления этого единства. Крестьянская идентичность предикативна – определение и самоопределение крестьянина реализуется в терминах принадлежности; он не «сам», а «чей». Эта прилагательная субъективность определяется прежде всего семьей, двором: каждое лицо выступает в качестве представителя семейного дворохозяйства. Оно его даже не столько представляет, сколько непосредственно является последним, точнее, неким выступом, выпуклостью на его поверхности. Морфологически это больше всего напоминает амебу с ее ложноножками: член семьи может быть уподоблен псевдоподии – временному цитоплазматическому выросту одноклеточного организма, с помощью которых последние питаются и передвигаются. Это не нечто отдельное – это то же самое; отличие псевдоподии от остальной протоплазмы не содержательное, а функциональное, обусловленное не внутренней структурой, а внешней средой. Так и крестьянская семья есть гомогенная сплошность, выпускающая во внешнюю социальную среду отростки – «отдельных» членов. Индивид и семья практически тождественны, характеристики второй есть характеристики первого, и наоборот. Так выглядит ситуация в социуме типа Gemeinschaft, если в качестве такового рассматривать наиболее культурно-хронологически нам близкую русскую крестьянскую общину [Шипилов, 2016: 11–13].

Неиндивидуированная индивидуальность архаики. Так или иначе, последняя здесь действительно пример, а не предмет [исследования]; хотя крестьянская община долго сохраняет в себе характерные черты архаики, имеет смысл взглянуть на гораздо дольше просуществовавшую и в этом плане естественно-нормативную до-, вне- или минимально земледельческую социальность охотников и собирателей (фуражеров), и именно на то, как соотносятся в ней индивид и группа, личность и общество. Соотносятся они с трудом, так как отношение существует между различным, а тут доминирует тождество – фуражер как индивид еще в большей степени, чем позднейший крестьянин, растворен в социальной, а частью еще в природной среде. Точнее, он не растворен (уже), а не кристаллизован (еще) – в той или иной степени; индивид здесь не атом, а континуум, не корпускула, а волна, не монада, а складка. В более привычной терминологии, представитель

условно (и собственно) первобытного общества есть именно представитель общества, репрезентант группы. Он не субъект, а функция, не вещь, а отношение: так, у меланезийцев do kamo – «настоящий человек», «живой», отмечает И.С. Кон, «существует исключительно в своих общественных отношениях, каждое из которых – это определенная роль, вне которых индивид – ничто, пустота» [Кон, 1978: 119].

В примитивных обществах степень группового единства столь высока, что индивиды лишены единичности и единственности, их сущность/самость диффузно пропитывает и сама пропитана самостями соплеменников/современников и предков/потомков. «На ранних стадиях социального развития "Я" не имеет самодовлеющего значения и ценности, потому что индивид интегрирован в общине не как ее автономный член, а как частица органического целого, немыслимая отдельно от него, – пишет И.С. Кон. – Эта включенность была одновременно *синхронической* (судьба человека неотделима от судьбы его сородичей, соплеменников, товарищей по возрастной группе) и *диахронической* (он чувствует себя частицей многих поколений предков, начиная с родителей и кончая мифическими родоначальниками племени)» [Кон, 1984: 44]. Люди, конечно, отличают себя друг от друга, но эти отличия не качественные, а количественные: чтобы мыслить себя и/или другого уникальным индивидуумом, нужно иметь абстрактно-всеобщее понятие «человека» (степень индивидуализма прямо пропорциональная степени универсализма). На это архаическое сознание неспособно, поэтому индивид предстает не носителем, а совокупностью свойств [Кон, 1978: 126–127].

Примитивный человек собой не рождается, а становится, причем далеко не сразу, приобретая индивидуальность через социализацию путем одной или нескольких последовательных инициаций. С другой стороны, факт рождения еще не означает, что ты – человек: отнесение к этой категории не мгновенное и не автоматическое. Суданские догоны рассматривали новорожденного как живую рыбу, замбийские ламба считали младенца подобным воде и не признавали его человеком в течение лунного месяца после рождения, а трансваальские венды, так же говорившие о только что появившемся на свет: «он еще не человек, он – вода», не признавали ребенка человеком и относили его к категории вещей вплоть до момента появления зубов. Обретение начально-базовой индивидуальности, понимаемой как душа и выражаемой через номинацию (наречение именем), могло потребовать специальных процедур, как у эквадорских хиваро, и затянуться до пяти-шестилетнего возраста, как у колумбийских кубео и северных якутов [История..., 1988: 271–272].

Но по обретении самости последняя несла в себе не столько то, что отличало индивида от других, сколько то, что его с ними отождествляло. Рождение могло рассматриваться как перевоплощение, когда сущность/дух предка или первопредка входили в новую оболочку, так что различие было практически нумерическим, тогда как тождество фактически сущностным. Человек ощущал себя не самостоятельной, самосущной, самодостаточной личностью, а одним из выражений социального единого. Стержневым концептом самосознания являлась идея единосущия членов группы, которая сначала даже не промысливалась и не закреплялась в формальных институциях культуры, а непосредственно чувствовалась и проживалась. Между ребенком, родителями и родичами здесь нет существенных, сущностных, субстанциональных различий, что позволяет, например, боливийским индейцам бороро отцу в случае болезни сына принимать лекарства за последнего, обеспечивая таким образом его выздоровление [Леви-Брюль, 1930: 168]. В свою очередь, наследник замещает умершего родителя, на него переходят его права и обязанности в общественной жизни, что сопровождается передачей имени, «тени» и т.п. Человек не мыслится отдельным от общины и выступает даже не столько ее представителем, сколько ее конкретным воплощением/проявлением.

Индивид при этом отождествляется не только с родом, но и с тотемом. Тотемизм, лучше всего сохранившийся у австралийских аборигенов как древнейшая или одна из самых ранних форм религиозных представлений и в то же время форм социальной организации, предполагает диахронную односущностность группы, так что коллективизм здесь не только

трансперсонален, но и трансгенеративен. «Тотемические предки считаются вечно воплощающимися в своих живых "потомках", т.е. в членах тотемической группы, – указывает С.А. Токарев. – Особенно развито это поверье у аранда, у которых оно повлияло даже на филиацию тотемического имени: в отличие от обычной наследственной передачи последнего, у аранда каждый человек получает тотемическое имя того из мифических предков, который будто бы оплодотворил его мать и через нее в нем воплотился. Все люди, согласно этому поверью, – живые воплощения тотемических предков» [Токарев, 1990: 74]. С другой стороны, последние сами могут быть воплощениями первых: пигмеи бамбути верили не только в происхождение своих родов от тотемов, но и в то, что душа человека после смерти воплощается в тотемическое животное [Токарев, 1990: 78]. В этом плане становится понятным, что член первобытной общины рассматривался как животное тотемного вида, а животное тотемного вида – как член общины, так что тотемных животных хоронили как людей [История, 1983: 389–391, 396]. Однако тотемическая унитивность не только диахронна, но и синхронна: одновременное тождество различного не представляет проблемы для первобытного «пралогического», по Л. Леви-Брюлю, мышления, игнорирующего противоречие. Французский автор подчеркивает, что тотем – это не нечто отдельное от человека, а прямое и непосредственное его тождество с ним, так что между членами тотемной группы происходит «общение, в котором сливаются живой индивид, предок, перевоплотившийся в нем, и растительный или животный вид, являющийся тотемом данной местности. Для нашего мышления здесь обязательно имеются налицо три отдельных реальности, как бы тесно ни было родство между ними. Для пралогического же мышления индивид, предок и тотем образуют нечто единое, не теряя вместе с тем своей тройственности» [Леви-Брюль, 1930: 59]. Помимо прочего, тотемизм предполагает не только единодушие, но и своего рода единотелие. «С возникновением тотемизма человек, родившийся в группе, начал считаться принадлежащим к ней в силу того, что у него был тот же тотем, что и у остальных членов группы, в силу того, что он имел ту же самую плоть и кровь, был одного "мяса" с ними, – указывает Ю.И. Семенов. – И теперь от членов других праобщин его отличало не просто реальное вхождение в иную группу, а наличие у него иного тотема, иной плоти и крови» [Семенов, 1989: 251].

Раздельный неделимый. Существует закономерность системного порядка, именуемая принципом метаконтраста, содержание которого заключается в обратной пропорциональности внутренних и внешних различий. Чем меньше нечто отличается от иного, тем больше оно отличается от себя, и чем больше оно является иным, тем меньше оно является собой. Соответственно, если примитивный индивид минимально отделен от внешнего – социальной среды, то он максимально разделен внутренне – как индивидуальность/личность/самость. «Я-концепция» архаики характеризуется тем, что «Я» предстает рассредоточенным и множественным. Личность здесь не субстанция, а сборка, и разбирается она легче, чем собирается. «Африканская личность», по Л.В. Тома, есть структурно-хронически плюральная множественность элементов, каждый из которых сравнительно автономен, а некоторые в субъектном и/или темпоральном отношениях вообще локализованы вне нее. Самость жителей африканских тропиков принципиально плюралистична: сенегальские диола считают, что человек состоит из тела, души и мысли; нигерийские йоруба монтируют человека из тела «ара», дыхания жизни «эми», двойника «оджиджи», разума «ори», воли «окон» и нескольких других элементов/сил, размещающихся в разных частях тела; само (сану) Буркина-Фасо насчитывают в структуре человека девять элементов, автономных и имеющих разное происхождение (тело – от матери, кровь – от отца и т.п.). Рождение в этом плане выглядит сборкой, смерть – разборкой, когда разные компоненты в начале сходятся воедино, а в конце расходятся в разные стороны [Кон, 1984: 40–41].

Соответственно, в течение жизни человек множествен, много- и разносущностен, что выражается в том, что у него не одно, а несколько имен, не одна, а несколько душ. Для архаического сознания имя – не условно-формальный маркер, а неотъемлемая часть личности, на чем основана разнообразная номинативная магия, оперирующая/манипулирующая

именами людей, духов, богов и пр. для вхождения в контакт и/или установления контроля над ними. Как указывает Л. Леви-Брюль, «имя, в глазах первобытных людей, служит не только для того, чтобы назвать человека. Имя – это составная часть человека, оно обладает его свойствами. Если завладевают именем, то распоряжаются и самим человеком. Выдать имя человека – значит выдать его самого» [Леви-Брюль, 2002: 166]. В свою очередь, М.И. Шахнович замечает, что в санскрите термин «nama» обозначал не только имя/слово, но и предмет/существо, соответственно, «познать что-либо – это дать ему имя, что значит – овладеть им» [Шахнович, 1971: 35]. Отсутствие личного имени означает отсутствие личности: у африканских конго младенец до получения имени рассматривался как гусеница или куколка бабочки и только после наречения становился человеком; в ряде архаических обществ не только маленькие дети, но и взрослые женщины и рабы не имели личных имен, обозначаясь через родственное положение или по имени владельца, чем выражался отказ в праве на индивидуальность [Кон, 1984: 43; История..., 1988: 273]. В этом контексте понятно, что если имен у человека несколько, то и личностей/идентичностей несколько; а имен у условно-первобытных людей часто действительно несколько, имеются явные и тайные, при достижении определенного возраста и определенных событиях они меняются, что означает полное обновление индивида [Кон, 1978: 137]. У йоруба одно имя давалось человеку по обстоятельствам рождения, другое – по родовой принадлежности, третье – по принадлежности к семье вождя и т.д.; у квакиютль одно имя давалось в возрасте четырех дней, другое – по достижении года; у тлинкитов имя с материнской стороны давалось сразу после рождения, с отцовской стороны – значительно позднее, во время поминок какого-нибудь родственника со стороны отца [История..., 1988: 273]. У австралийцев шербург каждый индивид имел три имени – одно по тотемическому месту носителя, два других – производные от отцовского тотема; также по три личных имени было у вик-мункан и тиви [Леви-Стросс, 2008: 369, 374, 394].

Еще показательнее ситуация, когда у индивида несколько душ, различающихся типологически, функционально, локализацией в пределах и за пределами тела, и т.д. Следы этого многодушия/разнодушия отмечаются в ранних (и не только) цивилизациях. Здесь можно вспомнить аристотелевскую теорию вегетативной/растительной, соматической/телесной и ноотической/разумной души, греческое же выделение анимы, анимуса, пневмы, псюхе и нуса, римские дух, тень и маны, китайские хунь, по, лин, гуй, шэнь, египетские ба, акх, ка, кнаба [Тайлор, 1989: 216–217; Мифы…, 1994: 414]. Но еще более характерны материалы по народам и племенам менее высокого уровня развития, в том числе по фуражерам. Так, у якутов человек обладал тремя душами – тын, кут и сюр; у бирманских каренов выделялись души ла, кела и тхах; также три души имели альфуры Целебеса. У гилякских шаманов, канадских индейцев низовий реки Фрейзер, нигерийских ибо, индийских кондов, индейцев гидатса и дакота насчитывалось по четыре души, у алтайцев – по шесть, у суматранских батаков и малайских даяков – по семь, у малийских догонов – восемь, у мексиканских индейцев целталь – семнадцать и т.д. При этом некоторые души из того или иного их набора постоянно пребывают вне человека – в слоне, кабане, леопарде, рыбе, черепахе, и если ранят или убивают это животное, то ранение или смерть происходят с человеком, а когда гибнет последний, печальный конец постигает и первое [Фрэзер, 1986: 175, 640, 645; Токарев, 1990: 289; Дескола, 2012: 162].

Таким образом, ранний/примитивный человек выглядит не индивидуированной понятием души субстанцией, а суммой взаимосвязанных, но в то же время вполне самостоятельных сущностей. Ф. Дескола отмечает, что «некоторые народы не считают, что тело может являть собой абсолютную границу личности, поскольку эта личность разбита у них на множество конститутивных единиц, часть из которых заключена (или детерминирована) в человеческих элементах окружающего мира, а часть – в нечеловеческих» [Дескола, 2012: 158]. В связи с этим М. Стратерн предложила квалифицировать личность изучавшихся ею меланезийцев «не как индивидуальность, а как “дивидуальность”, то есть существо, в первую очередь определяемое своей позицией и отношениями во всей системе»

[Дескола, 2012: 159]. Т.Х. Эриксен, констатируя, что «в западном обществе личность обычно воспринимается как уникальный индивид, цельный и неделимый», указывает, что в других обществах это не так, поэтому относительно тех же меланезийцев имеет смысл «вместо термина "индивиды" использовать применительно к этим людям термин "дивиды", поскольку на самом деле они делимы и создаются за счет своих связей с другими личностями» [Эриксен, 2014: 38–39]. Представляется, что подобное противопоставление дивидов индивидам эвристично для сравнительного анализа не только западной и незападных культур, но и при сравнении обществ современного, досовременного и послесовременного.

Неприличная личность. При таком сравнении становится очевидным, что премодерн и постмодерн, вместе отличаясь от модерна, уподобляются друг другу, – в данном случае в том, что касается индивида. Современный/западный индивид индивидуализировался не вдруг: интроспективизация личности с перенесением психологического центра тяжести на цельное внутреннее «Я» заняла несколько столетий от Ренессанса до романтизма, так что во французском языке слово individualisation («индивидуализация») появилось только в начале XIX в., а individualisme («индивидуализм») – в 1830-х гг. [Кон, 1984: 109]. Так или иначе, в XIX–XX вв. сформировалась европейская эгоцентрическая концепция личности, определяющая индивида через его уникальность, цельность и неделимость, что было закреплено аксиологически. Как пишет И.С. Кон, в западной цивилизации стало нормой рассматривать «индивидуальное "Я" в качестве важнейшей моральной и социальной ценности»; «Европейская культурная традиция, утверждающая человека автономным субъектом деятельности, подчеркивает главным образом единство, цельность, тождественность "Я" во всех его проявлениях; раздробленность, множественность образов "Я" воспринимается здесь как нечто болезненное, ненормальное» [Кон, 1978: 138, 142].

Однако этой традиции, кажется, приходит конец; ей на смену спешит новая нормальность, аналогом которой является не просто старая, а древняя и дольше всего существовавшая нормальность фуражеров. Ситуация, предшествовавшая историческому «открытию личности», эквивалентна ситуации, последующей за «закрытием личности», – наше время в этом плане выглядит осевым наоборот, так как вместо стягивания, концентрации и оформления морально-рациональной личности происходит деморфинг, диффузия и дисперсия последней. О конце человека, смерти автора, смерти субъекта и т.п. начали писать еще с 1960-х гг., но мы не будем углубляться в специфический дискурс постмодернистской философии, так как нас интересует не совсем то, о чем рассуждали М. Барт, М. Фуко, Ж. Делёз и др. Нас интересует точка зрения, ставшая в современной социологической литературе фактически мейнстримной, согласно которой в цифровом/сетевом обществе индивид утрачивает свою неделимость и начинает дивидуализироваться, плюрализироваться и мультиплицироваться. Идеи о производно-плюральном характере индивида высказывались и раньше – например, П.А. Сорокин в «Системе социологии» утверждал: «То, что мы считаем нашим единым "я", при ближайшем анализе оказывается "мозаичным я", составленным из ряда различных кусочков, ряда различных "я", сменяющих друг друга и часто антагонизирующих между собой» [Сорокин, 1993: 565]. Но у него речь шла о нелогичности и непредсказуемости поведения индивида, чьи социальные роли, определяемые взаимодействиями разных коллективных единств, противоречат друг другу; сам индивид гетерогенен в смысле хронологической последовательности состояний, а не одновременной сущностной плюральности.

К последнему приходит Б. Латур, замечающий, что «вера в бесспорное существование индивидов чрезвычайно укоренена, по крайней мере, у нас на Западе, и люди твердо убеждены, что хотя абстракции вроде структуры, контекста или общества и следует критиковать, эго трогать нельзя». Французский социолог трогает эго твердой рукой: «Не надо представлять себе человека "целиком", наделенным интенциональностью, делающим рациональные расчеты, чувствующим ответственность за свои грехи или сокрушающимся о своей смертной душе. Вы понимаете, чтобы получить "завершенных"

человеческих акторов, вы должны собрать их из множества последовательных слоев, каждый из которых эмпирически отличается от следующего. <…> Но как же я, эго? Разве я – в глубинах своего сердца, извилинах своего мозга, внутреннем святилище своей души – не "индивидуальность"? Конечно, да, но лишь пока меня индивидуализируют, спиритуализируют, интериоризируют». Субъекта субъективируют социальные психоморфы-плагины, но он может быть компетентным актором и без этого – дискретно или вовсе в качестве «родового не-существа» [Латур, 2014: 278, 296–297]. Д. Ло также считает, что «у нас нет единственных идентичностей», и что «политические союзы, зависящие от единственных идентичностей, обычно контрпродуктивны в европейско-американском регионе, в котором большинство людей лучше всего понимать как обладающих множественными, смещающимися и частично соединенными идентичностями» [Ло, 2015: 136].

Другие авторы подходят к проблеме более конкретно. Д. Урри замечает, что в нынешнем цифровом обществе «индивиды все сильнее существуют вне своих личных тел и оставляют все больше следов в информационном пространстве. Личность размазывается или делается мобильной как цепочка следов» [Урри, 2012: 145]. П. Мейсон пишет о том, что работники нового типа, характерного для позднего флексибельного капитализма, проявляют склонность «к развитию множества идентичностей как в реальной жизни, так и в Интернете»: «У рабочего кейнсианской эпохи была одна личность: на работе, в местном баре, в социальном клубе, на футбольном поле он был одним и тем же человеком. Сетевой индивид создает более сложную реальность: он живет параллельными жизнями на работе, во множестве фрагментированных субкультур и в интернете» [Мейсон, 2016: 271]. Ю.Н. Харари спокойно констатирует, что «люди – не индивидуумы, у них нет единого неделимого "я"», и воодушевленно провозглашает: «мы должны будем отказаться от идеи, что люди – личности и у каждого человека есть свободная воля, которая решает, что хорошо, что плохо и в чем состоит смысл жизни. И тогда люди перестанут быть автономными сущностями, которые руководствуются мифами, сочиняемыми нашим комментирующим "я"» [Харари, 2018: 395, 402].

Наконец, А. Бард и Я. Зодерквист рисуют несколько эпатажную утопию сетевого общества, которое будут контролировать «нетократы», чьей отличительной способностью является стремление к выходу за пределы собственного ego. Индивидуальность в этом обществе не то что немодна – она есть род социальной стигмы, свидетельствующей о неуспешности; быть личностью неприлично, это удел отсталой, манипулируемой и эксплуатируемой массы, тогда как аристократы-нетократы стремятся к прогрессивно-престижной дробно-множественной идентичности. «Старомодный индивидуализм и приверженность своему "я" – теперь атрибуты низшего класса, – утверждают соавторы. – Неспособность выйти за пределы своего "я" и его желаний означает, что низший класс так и останется низшим. <…> Каждый, кто продолжает "верить в себя", есть, по определению, беспомощный неудачник в обществе, в котором правят нетократы. <…> Нетократов не интересует самореализация и поиск своего истинного "я". В их глазах все это – вздор и предрассудки. Они не верят и не намерены верить в то, что представляется им пережитком прошлого. Взамен они жаждут холить и лелеять свою способность к одновременному и своевременному действию и совершенствоваться в искусстве постоянного развития множества параллельных самостей. <…> Цельность будет восприниматься как достойное жалости свидетельство немощи, а не идеал. Шизофреническая, калейдоскопическая личность, напротив, становится достойным подражания примером, поскольку она функциональна» [Бард, Зодерквист, 2004: 121, 203].

С такого рода манифестом, конечно, можно не соглашаться (с момента издания «Nätokraterna» прошло более двадцати лет, но сетевые администраторы до сих пор не захватили власти над миром и вряд ли это произойдет в обозримом будущем). Тем не менее размышления о «человеке делимом» представляются достаточно интересными. Дивид сменяет индивида – это еще не факт, но уже тенденция, один из азимутов, следуя по которому, мы движемся в будущее, все более уподобляющееся прошлому.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бард А., Зодерквист Я. Netократия: Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: СШЭ в СПб., 2004.
Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: НЛО, 2012.
История первобытного общества: Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М.: Наука, 1983.
История первобытного общества: Эпоха классообразования. М.: Наука, 1988.
Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
Кон И.С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978.
Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ВШЭ, 2014.
Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.: Атеист, 1930.
Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб.: Европейский Дом, 2002.
Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академ. проект, 2008.
Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Ин-т Гайдара, 2015.
Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1999.
Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2-х т. Т. 1. М.: Российская энциклопедия, 1994.
Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. М.: Мысль, 1989.
Сорокин П.А. Система социологии. Т. 2. М.: Наука, 1993.
Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989.
Тённис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. М.: Фонд Университет; СПб.: Владимир Даль, 2002.
Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990.
Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012.
Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1986.
Харари Ю.Н. Homo Deus: Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2018.
Шахнович М.И. Первобытная мифология и философия. Л.: Наука, 1971.
Шипилов А.В. Диалектика социума: Опыт построения структурно-эволюционной модели социокультурного континуума. Воронеж: ЦЧКИ, 2003.
Шипилов А.В. «Свои», «чужие» и другие. М.: Прогресс-Традиция, 2008.
Шипилов А.В. Труд и быт российского крестьянства первой половины XVIII века. Воронеж: ВГПУ, 2016.
Эриксен Т.Х. Что такое антропология? М.: ВШЭ, 2014.

Статья поступила: 23.06.21. Финальная версия: 29.09.21. Принята к публикации: 30.09.21.

DIVIDUALS ARE NOT INDIVIDUALS: PERSONALITY BEFORE AND AFTER MODERNITY

SHIPILOV A.V.

Voronezh State Pedagogical University, Russia

Andrey V. SHIPILOV, Dr. Sci. (Culturol.), Prof., Department of Philosophy, Economics, Social and Humanitarian Disciplines, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia (andshipilo@yandex.ru).

Abstract. The article discusses the issue of the dominant personality type and identity in premodern, modern and post-modern societies. The thesis is put forward that the personality of the postmodernity is different from the personality of the modernity and is similar to the personality of the premodernity. In contrast to the modern society of the Gesellschaft type – society, the premodern society as conceptualized by F. Tönnies is Gemeinschaft – community, the integral characteristic of which is unitiveness – undifferentiation. In a community, the individual is dissolved in a social environment, his/her self is consubstantial with the transgenerative self of the group – family, clan, totem, etc. The most striking example of this is the longest history of hunter-gatherer sociality. At the same time, in accordance with the principle of metacontrast, a primitive individual, minimally separated from the external, is maximally divided internally: his personality/identity is plural, which finds its expression in the fact of a plurality of names and the idea of a plurality of souls of each individual. Therefore, he/she should be viewed not as an individual, but as a dividual. These include not only archaic foragers, but also members of the post-industrial/network/information society. They, in contrast to the integral

individuality of modernity, according to a number of sociological theories and observations, are not individuals and have multiple identities. The displacement of individuality by dividuality can be thought of as a tendency to re-archaization of postmodern sociality, due to the development of information and communication technologies, which makes its sociality similar to premodernity.

Keywords: modern, premodern, postmodern, society, community, individual, dividual.

REFERENCES

Bard A., Soderqvist J. (2004) *Netocracy: The New Power Elite and Life After Capitalism*. St. Petersburg: SShE v SPb. (In Russ.)
Descola Ph. (2012) *Beyond Nature and Culture*. Moscow: NLO. (In Russ.)
Eriksen T.H. (2014) *What Is Anthropology?* Moscow: VShE. (In Russ.)
Frazer J.G. (1986) *The Golden Bough: A Study in Magic and Religion*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
Harari Yu.N. (2018) *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow*. Moscow: Sinbad. (In Russ.)
Kon I.S. (1978) *Discovery of "Self"*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
Kon I.S. (1984) *In Search of Oneself: Personality and its Self-Consciousness*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
Latour B. (2014) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
Law J. (2015) *After Method: Mess in Social Science Research*. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)
Lévi-Strauss C. (2008) *Totemism. The Savage Mind*. Moscow: Akadem. Proekt. (In Russ.)
Lévy-Bruhl L. (1930) *Primitive Thinking*. Moscow: Ateist. (In Russ.)
Lévy-Bruhl L. (2002) *Primitive Mentality*. St. Petersburg: Evropeiskiy Dom. (In Russ.)
Maslow A. (1999) *The Farther Reaches of Human Nature*. St. Petersburg: Evraziya. (In Russ.)
Mason P. (2016) *Postcapitalism: A Guide to Our Future*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia: in 2 vols. Vol. 1. (1994) Moscow: Rossiyskaya entsiklopediya. (In Russ.)
Semenov Yu.I. (1989) *At the Dawn of Human History*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
Shakhnovich M.I. (1971) *Primitive Mythology and Philosophy*. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
Shipilov A.V. (2003) *Dialectics of Society: The Experience of Building a Structural-Evolutionary Model of the Sociocultural Continuum*. Voronezh: TSCHKI. (In Russ.)
Shipilov A.V. (2008) *"Ours", "Strangers" and Others*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)
Shipilov A.V. (2016) *Labor and Life of the Russian Peasantry in the First Half of the 18th Century*. Voronezh: VSPU. (In Russ.)
Sorokin P.A. (1993) *The System of Sociology*. Vol. 2. Moscow: Nauka. (In Russ.)
The History of Primitive Society: General Issues. Anthroposociogenesis Problems. (1983) Moscow: Nauka. (In Russ.)
The History of Primitive Society: The Era of Class Formation. (1988) Moscow: Nauka. (In Russ.)
Tokarev S.A. (1990) *Early Forms of Religion*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
Tönnies F. (2002) *Community and Civil Society: Fundamental Concepts in Pure Sociology*. Moscow: Fond Universitet; St. Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)
Tylor E.B. (1989) *Primitive Culture*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
Urry J. (2012) *Mobilities*. Moscow: Praxis. (In Russ.)

Received: 23.06.21. Final version: 29.09.21. Accepted: 30.09.21

© 2021 г.

И.П. ПОПОВА

ФОРМИРОВАНИЕ КАРЬЕРНОГО СТАРТА В НАУКЕ: ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ И СОЦИАЛЬНОГО КОНТЕКСТА

ПОПОВА Ирина Петровна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (irina_popova@list.ru).

***Аннотация**. Рассматривается влияние семьи и социального контекста на формирование старта научной карьеры в связи с проблематикой воспроизводства профессиональных групп в сфере науки и технологий. Анализ опирается на социально-конструкционистскую методологию. На данных нарративно-структурированных биографических интервью с учеными естественнонаучных дисциплин сравнивается влияние социального контекста и семьи на успешный карьерный старт представителей различных поколений в 1970–1980-е, 1980–1990-е и 1990–2000-е гг. Показана эволюция этого процесса от определенной согласованности и независимости к росту значимости поддержки семьи в кризисных условиях, ее реконструирующей функции в отношении статуса сферы научной деятельности.*

***Ключевые слова:** профессиональная карьера • наука и технологии • молодые ученые • карьерный старт • социальный конструкционизм*

DOI: 10.31857/S013216250017245-2

Постановка проблемы. Раннее вступление в поле профессиональной деятельности, требующей высокого уровня квалификации и знаний, – такой как наука, – важно и для формирования успешной карьеры ученого, и для воспроизводства этой социально-профессиональной группы в целом. Зависимость этого процесса от различных обстоятельств делает его особым объектом социального конструирования среды, согласованно связывающей факторы макро- и микроуровня. Специфика связана с кризисным характером воспроизводства профессиональной группы ученых, прежде всего фактической утратой в 1990–2000-е гг. среднего поколения и нарушением преемственности. Проблема привлечения в российскую науку молодых ученых обсуждается на протяжении многих лет (см., напр.: [Аблажей, 2010; Ащеулова, Душина, 2012; Винокурова, 2016; Иванченко, 2020]).

В ходе авторского проекта, посвященного исследованию профессиональной карьеры в сфере науки и технологий, проявились особенности и различия в начальных этапах научной карьеры ученых естественнонаучных дисциплин разных поколений с точки зрения влияния на них факторов среды. Это наблюдение стало шагом к уточнению представлений о многоуровневом характере инфраструктуры карьеры в сфере научной деятельности (см.: [Попова, 2017]), реального соотношения и взаимодействия различных уровней, от национальной научной политики и состояния общественной атмосферы в отношении этой деятельности до уровня семьи.

Полученные данные дали возможность сформулировать исследовательский вопрос: каковы особенности влияния социального и семейного контекстов на формирование

раннего карьерного старта[1] в сфере науки и технологий в сравнительной поколенческой перспективе; как это происходит в различных условиях и что оказывается определяющим в воспроизводстве профессиональных групп в этой сфере – «внешняя» сторона, формирующая институты и структуры («условия») той или иной степени доступности, или индивидуальный характер раскрытия и воспитания талантов и мотивации через семью? Анализ опирался на оценки самих ученых в их рассказах о своей профессиональной биографии.

Методологические подходы к исследованию. Проблематика воспроизводства профессиональных групп в условиях изменений сферы научной деятельности привлекает внимание к вопросам конструирования ее среды как определенной целостности, способствующей формированию новых поколений ученых. Одно из направлений, рассматривающих эти процессы, – исследования карьеры, где в целом отмечается внимание к контекстуализации [Попова, 2020: 25–26]. В них для раскрытия влияния социального контекста часто используют методологию социального конструкционизма. Это весьма разнородное направление, имеющее специфику в различных дисциплинах (см., напр.: [Лекторский, Труфанова, 2019; Подвойский, 2020]); его версии рассматриваются в качестве метатеоретических походов в построении теории карьеры [Patton, McMahon, 2014], при этом их отличием от эпистемологии конструктивизма признается определяющая роль социальных процессов и взаимодействия в конструировании «социальных и психологических миров», социальная, а не индивидуальная направленность [Young, Collin, 2004: 375–376]. Соответственно, связь карьеры и контекста рассматривается через исследование практик взаимодействия индивида с окружением на протяжении определенного времени как способов воспроизведения или же трансформации существующих структур [Cohen et al., 2004]. В нашем исследовании приемлема точка зрения на контекст карьеры как на условия, которые окружают индивида по степени доступности и непосредственности воздействия (уровни его происхождения, работы, общества и культуры в границах страны и пределах глобального мира, которые описываются как «модель луковицы» (см.: [Mayrhofer et al., 2007: 216–217])). Исследователи научной карьеры подчеркивают особую значимость факторов контекста, связанных с властью и идеологией, которые влияют на легитимацию определенных моделей карьеры [Cohen et al., 2004; Cohen, Duberley, 2015]). Возможность рассматривать длительный исторический и культурный контекст формирования карьеры, начиная с детства, важна для социологической рефлексии карьерного старта. В таких исследованиях контекстуализм означает процесс формирования карьеры через раскрытие способностей ребенка путем вовлечения в профессиональные, образовательные и досуговые мероприятия, под влиянием значимых отношений и социальных условий (см.: [Patton, McMahon, 2014: 170]).

Взгляд на формирование профессиональных групп через процессы конструирования карьеры возвращает к мысли, которая прозвучала в давнем комментарии к дискуссии (в рамках противоречий таксономического подхода) об их конструируемой природе, о том, что источники социального конструирования профессий/профессиональных групп находятся «как внутри самой профессии, так и внутри внешних организаций, которые заинтересованы в профессии» [Hall, 1978: 126]. С точки зрения практики формирования профессиональных групп речь идет о различных сторонах среды профессиональной деятельности, например, ее статуса как части профессионального проекта [Мансуров, Юрченко, 2009: 41].

Специфика контекста самой сферы научной деятельности связана с подходами, в которых конструирование часто – основная метафора в анализе. Эта сфера в нашей стране рассматривается как объект системного проектирования под влиянием идей А.А. Богданова о науке при социализме, что многие ученые сегодня склонны расценивать

[1] Карьерный старт – период жизни, когда было определено общее направление профессионального развития в сфере науки и технологий, включая специальную подготовку (дополнительное школьное образование) и подготовку к поступлению в вуз.

как идеи социального конструктивизма/конструкционизма [Лекторский, Труфанова, 2019; Пирожкова, 2020]. В советское время научно-техническое развитие в духе этих подходов создало широкую базу массовой профессии, связанной с научными исследованиями [Kojevnikov, 2015]; резкое изменение факторов власти и идеологии в 1990-х гг. привело к глубокому кризису в ней. В современных условиях исследователи склонны говорить о конструировании технонауки как основной тенденции, радикально меняющей модели профессиональной научной деятельности [Кошевец, Фролов, 2020].

Ценной для понимания конструирования карьер является возможность интерпретации ограничений и ресурсов социального пространства, внешнего контекста в качественных исследованиях [Cohen et al., 2004], в нарративном анализе [Chudzikowski et al., 2020]. Последний рассматривается как определенная версия социально-конструктивистских подходов, влияющая на «революционное» развитие методологии качественных исследований (см.: [Герген, 2016]). Рассказ о профессиональной карьере – всегда особенно глубоко рефлексируемая история становления личности в обществе, взаимоотношений с ним. Это индивидуальное восприятие событий, имеющее смысл только в этом контексте, и задача анализа – попытаться схватить эту целостность, не нарушая смыслообразующие структуры жизненного опыта [Ярская-Смирнова, 1997], способ организации рассказа, с собственными критериями значимости [Рождественская, 2010: 13], оценки истории с определенных социальных позиций современности [Пузанова, Троцук, 2003].

С этой точки зрения анализ биографических версий событий рассказчика дает возможность понять логику их интерпретации для осмысления своей карьеры [Cohen et al., 2004; Ribeiro, 2015], включая возможности сравнения значимости тех или иных факторов в формировании карьерного старта. Влияние семьи имеет особый смысл при принятии карьерных решений (см., напр.: [Cohen, Duberley, 2015: 194]). Его анализ дает более объемную картину развертывающихся во времени межличностных и социоструктурных взаимосвязей, помогая схватить «динамику воспроизводства и исторической трансформации» [Bertaux, Delcroix, 71–74]. В нашем исследовании внимание уделялось тем периодам индивидуальной истории жизни, когда роль членов семьи приобретает особое значение, – при определении жизненного и профессионального пути. Этой задаче соответствовал метод исследования – мягко структурированные глубинные интервью (или биографическо-нарративные полуструктурированные, см.: [Wengraf, 2001; Cardenal, 2015]). Учитывалась возможность объединения стратегий внимания к субъективной логике рассказа о событиях своей жизни и их интерпретации с детализацией их контекста.

Такие интервью, сочетающие две части (свободный рассказ, инициированный одним вопросом, и уточнение интервьюером деталей), были проведены автором с сотрудниками научных учреждений естественнонаучного профиля в России и за рубежом, имеющими ученую степень, в 2018–2019 гг. ($N = 40$)[2]. Анализ имел целью выявление образцов влияния семьи и социального контекста на формирование выбора профессии, их особенностей на различных исторических этапах с позиций самих информантов. Он включал два этапа: на первом для обобщения представлений о социальном и семейном контексте использовался тематический анализ всех интервью, точнее фрагментов, относившихся к начальному периоду карьеры (до поступления в вуз), в которых были упомянуты люди, события, институты, так или иначе повлиявшие на выбор профессиональной сферы деятельности. Далее анализировались отдельные истории, в которых карьерный старт относился к трем историческим периодам: 1970–1980-е гг. (на момент интервью 50-летние), 1980–1990-е гг. (40-летние) и 1990–2000-е гг. (30-летние). Эти периоды в воспроизводстве профессиональной группы научных работников отличаются в целом следующими чертами: 1970–1980-е гг. –

[2] Выборка ориентировалась на достижение примерно равных пропорций по полу и возрасту (группы до 40, от 40 до 60 и старше 60 лет), а также по месту занятости на момент интервью в российском или зарубежном исследовательском институте. Респонденты подбирались целенаправленно и с использованием метода «снежного кома». Часть интервью с учеными проводилась по скайпу.

формирование институциональных оснований научной карьеры в связи с воспроизводственными структурами ее регулирования, полностью контролируемыми государством; 1980-е гг. – попытки трансформации этого механизма для более эффективной связи с производством; с начала 1990-х гг. – резкое изменение условий организации науки и труда научных работников, которое характеризовалось кризисом фундаментальной науки и массовым исходом из этой сферы деятельности[3], новыми формами воспроизводства, мобильности, адаптации и выживания. Отбирались случаи (по два для каждого периода), в которых нарративная рефлексия по поводу первоначального выбора профессиональной траектории особенно ярко проявлялась. Для уточнения представлений о способах влияния семьи один из анализируемых случаев включал определенную степень профессиональной преемственности.

Социальный и семейный контекст в карьерном старте. Контекст карьеры в общем виде можно понимать как ресурсы их конструирования и условия, в которых они реализуются. Представления о социальном контексте и оценки его влияния на карьерный старт исходили из понимания важности тех структур, факторов, которые были включены в ближайшее окружение информанта и непосредственно определяли его выбор. Упоминания о таких структурах можно объединить в две крупные категории. Одна из них связана со структурами *образования*: дошкольные центры по интересам (кружки, секции); преподавание в школе (талантливые учителя), школьное образование, в том числе дополнительное (спецшколы, кружки по предметам), внешкольное образование (центры детского творчества, научные центры, дворцы пионеров и школьников), внешкольная подготовка при вузах (олимпиады, курсы, заочные или очные, при вузах); репетиторство. Особое значение придавалось роли учителей, в большинстве случаев именно они упоминались в первую очередь в рассказе о выборе профессии: «*У нас были совершенно удивительные учителя… Самое трудное время, 45–47 годы. Поэтому в школе я был уже подготовлен к этому делу*» (м., физик, 89); «*Последние годы… у нас были очень хорошие преподаватели, я только вот смог кое-что понять уже в последние эти годы*» (м., биолог, 73 года). Школа, организация школьного образования остается основой для большинства. Особую роль в рассказах играют внешкольные научно-образовательные центры, кружки, в основном в крупных городах или наукоградах: «*В этом кружке, в этих экспедициях я получила первый опыт... И в каком-то смысле отсчитываю свою научную карьеру от первой экспедиции… после моего 8-го класса*» (ж., биолог, 32 года). Упоминания об олимпиадах и конкурсах чаще всего значимы для ранней карьеры, формирующейся в средних и малых городах.

Вторая категория включала упоминания *роли общества*: атмосфера по отношению к науке, доступность информации о поступлении в вузы, средства массовой информации (научно-популярные издания). Они не столь часто встречаются в рассказах, не всегда четко выделены, но чрезвычайно важны для понимания общей атмосферы, помогающей в первоначальном выборе или, напротив, затрудняющей его: «…*это целеполагание и мотивация в смысле ценностной ориентации людей, т.е. ценностная ориентация общества 70-х годов… это были высокие идеалы… стремление к познанию как высшей ценности. И вот это сыграло, может быть, даже самую главную роль… просто сейчас я понимаю, что помимо… технической возможности доступа… к соответствующей информации, техническим вещам, очень важна была вот эта ценностная такая ориентация*» (м., физик, 50 лет).

Карьерная траектория ученого, которая вплетается в его биографию со школьных и даже дошкольных лет, всегда уникальна. Влияние ближайшего окружения, семьи чаще всего осознается как приоритетное и целенаправленное с детства на раннее выявление интереса и способностей, которые составляют ее основу, на формирование достижительной мотивации в отношении этого интереса.

---

[3] Численность исследователей в сфере науки сократилась с начала 1990-х более чем в два раза: 804,0 тыс. в 1992 г., 425,9 тыс. в 2000, 368,9 тыс. в 2010, 347,9 в 2018 (Россия в цифрах. Крат. стат. сб./ Росстат. М., 2020. С. 442).

Поддержка семьи в этом могла быть *эмоциональной* – через принятие, одобрение интереса ребенка/подростка и поощрение его склонностей, даже если это было далеко от сферы деятельности родителей (в таких случаях она ценилась особенно высоко); *организационной* – через активный поиск практических способов реализации способностей ребенка и поступления в соответствующий вуз; *профессиональной* – если кто-то в семье работал в той же или близкой к выбранной сфере, – которая заключалась в более глубоком освоении мира предполагаемой профессии.

В реальности все виды поддержки могут так или иначе присутствовать в рассказах, но в зависимости от ситуации на передний план выдвигается наиболее важная с точки зрения решающего влияния на формирование карьерного старта. Так, первоначальный выбор – следовать ли своему интересу в той или иной отрасли науки – поддерживается по-разному в семьях с различным отношением к профессиональной преемственности. В далеких от науки – это скорее эмоциональная поддержка выбора, который не всегда кажется рациональным, поскольку не основан на общей истории семьи, ее профессиональных ресурсах. В семьях, в которых есть родственники, связанные с выбираемой сферой деятельности, это использование «внутреннего знания» об устройстве профессии, ее структуре, аспектах и деталях, которые не очевидны и неизвестны непосвященному. Тип профессиональной поддержки важен как «экономия усилий», направление их в нужное русло: «*…были какие-то непонятные моменты, когда* ***можно было родителей спросить, это дает огромную уверенность****. Те, у кого, например, нет никого в семье, кто занимается наукой, они начинают учиться – у них нет такой уверенности… Какие-то ситуации возникают, им приходится* ***самим понимать, как все устроено, вот этот мир-то***» (ж., физик, 50 лет).

Важным аспектом влияния семьи можно считать **реконструкцию социальной ценности статуса научной деятельности**. Семья чаще всего становится ближайшей средой, где такие представления поддерживаются, несмотря на снижение престижа профессии в более широком социальном окружении. В особенности это касается периода 1990-х гг., с новыми ценностями и иерархией престижа, диктуемыми социальной обстановкой: «*…тогда было понятно, что биология в целом очень непопулярное направление. Тогда были юристы, менеджеры… Хотя мои родители, например, моя бабушка, поддержали, – все-таки они понимали, что надо идти по интересу, нежели по каким-то финансовым направлениям*» (м., биолог, 40 лет).

Соотношение семейной и институциональной поддержки оценивается по-разному не только исходя из специфики семейной ситуации, но и с точки зрения быстро меняющихся условий. Именно поэтому эти различия значимы и приобретают особый смысл. Лучше понять его помогает анализ отдельных случаев, в которых карьерный старт формировался в различные периоды и в различных по степени близости к будущей сфере профессиональной деятельности семьях.

А) ***1970–1980-е гг.*** Выше уже упоминалась конструируемая основа научно-технической составляющей социального контекста того времени. Первая из анализируемых историй в этом разделе А-1[4] раскрывает это определяющее влияние через описание атмосферы в обществе, различных институциональных стимулов для выбора занятия научной деятельностью. Свой рассказ о профессиональном выборе информант начинает с описания общей ситуации как способствующей широкому вовлечению молодых людей, практически независимо от места проживания и отношения к научной среде. Приведем достаточно большой его фрагмент, иллюстрирующий эту оценку. «*Семья… гуманитарная, родители преподавали в музыкально-педагогическом училище Д.* …Никаких естественнонаучных родственников не было…. никаких таких … семейных корней, что касается именно естественнонаучного выбора, не было. … Но как, в общем, мы все помним, в Советском Союзе в те годы* ***необязательно было иметь какие-то семейные корни для того, чтобы заинтересоваться естественными науками****. Было* ***огромное количество побуждающих к этому***

[4] М., 50 лет, физик, работает за рубежом.

механизмов, начиная от популяризации науки через телевидение, радио, популярные журналы *– огромное количество их было. Начиная от "Науки и жизни" – … была подписка "Науки и жизни" за шестидесятые-семидесятые годы, … и на даче я маленьким ребенком перебирал все эти журналы, ну и так далее… Да, ну и естественно, конечно, …очень сильный элемент романтики, связанный с естественными науками … ну достаточно вспомнить фильмы – "Девять дней одного года", "Укрощение огня", например… Или там "Иду на грозу" Гранина… Их было много – таких фильмов и книг. …Атмосфера была такая, и возможности были такие, что если какой-то интерес у ребенка существовал, в той или иной области, например, в физико-математической, то развить этот интерес не составляло никакого труда. Что и произошло! То есть – не было человека, который меня к этому бы подталкивал*».

Элементы социального контекста предстают как важная поддержка, оказанная вовремя: учителя, кружки в школе, заочное обучение на курсах в МГУ и, наконец, поступление в этот вуз. Поддержка семьи воспринимается как вторичная, «фоновая», но не менее важная основа выбора. «*Я хотел поступить в МГУ, наверное, где-то с седьмого класса школы, это было уже оформленным таким желанием.* ***Отец меня очень поддерживал во всем этом деле.*** *И это крайне было важным в семье, потому что вообще это универсальное такое свойство… в семье, допустим, растет ребенок, у него там дедушки, бабушки, тети, дяди и так далее, как-то они смотрят на то, что из него происходит, и вот они не обязательно дают какие-то советы, но они могут, ну, косвенно как-то выражать свое отношение к тому, чем ребенок увлекается, что он хочет делать и так далее. …****Из всей семьи отец невероятную роль сыграл вот этой сильнейшей поддержкой желания***».

На этом фоне профессиональный выбор в семьях с преемственностью выглядит как часть этой атмосферы (обстановка в наукоградах, активные профессиональные сообщества в них, которые становились близким примером для подражания) и опора в профессиональном развитии в другом рассказе А-2[5]: «*Мои* ***родители оба физики****… П* – это городок по сути молодой, созданный вокруг строившегося в шестидесятые годы ускорителя протонного, в то время он самым мощным в мире был… Из-за того, что родители физики, и друзья физики, вообще в этом городке много было моих сверстников тоже из семей физиков, и в классе, и вообще – друзей во дворе и так далее, – то это как бы существенное влияние оказало. И если называть* ***самое существенное, что повлияло на мой выбор, поскольку другие варианты тоже в голове были, – это то, что я видел друзей моих родителей, собственно коллег друзей, и видел, что это действительно умные, образованные, приятные в общении люди****. И в первую очередь повлияли на мой выбор именно личные качества тех, кто работают в этой области*».

Раннее введение в научную среду оказывает решающее влияние, серьезная институциональная поддержка выглядит в рассказе уже вторичной: «*…во вторую очередь, конечно, повлияло то, что учеба в школе по разным предметам мне нравилась и удавалась… 9-й класс – уже да, определенность была. Я на* ***олимпиады*** *ездил и по физике, и по математике… в старших классах я ходил в* ***кружок по физике и математике****, занятия вели ребята, обычно студенты Физтеха, или уже аспиранты, которые уже, по сути, начинали работать в П*. И еще я решал задачи заочные в физико-математической школе тоже при Физтехе, а при МГУ я решал задачи заочной… это при механико-математическом факультете*».

Таким образом, характеристика этого периода – определяющее влияние социального контекста. Семейный при этом представляется важным его следствием, адекватным отражением макросреды. В целом можно отметить их баланс, поддержку друг друга: в одном случае – на первом плане социальный контекст, который влечет за собой поддержку семьи, в другом – семейный, который прочно поддержан социальным.

Б) ***1980–1990-е гг.*** Заметной тенденцией рассказов о первоначальном выборе становится акцент на роли родителей, семьи, которая по сути часто предстает организацией

[5] М., 52 года, физик, работает в России.

коммуникаций с институтами. В одном из них (Б-1[6]) эта роль заключалась в поиске нужной информации, учреждений, путей поступления в вуз. Решающий характер этой поддержки подчеркивается с самого начала: «*…**мои родители никакого отношения к физике и математике не имеют**. Просто в какой-то момент мне…в классе седьмом или восьмом стала интересна вся эта наука, физика как таковая, наверно. Я так помню. **И каким-то образом у меня мама нашла эту школу.** <…> Просто на момент седьмого-восьмого класса… пошла речь о том, что если поступать куда-то, то хорошо обучиться в какой-то спецшколе, профильной. **Так вот нашелся интернат. Я даже не знаю каким образом. Ну как обычно – через кого-то, кто-то где-то что-то слышал.** Ну вот, физфак. Ну а **дальше как-то оно само по себе, честно говоря, шло***». Родители организовали и репетиторство в целях подготовки к поступлению: «*…мне было четырнадцать лет, кого я там найду. <…> Я думаю, что мне просто **повезло очень с родителями, в том плане, что если я говорила, что мне что-то интересно, то мне помогали найти, где этим заняться***». Такой способ организации профессионального старта, зависящий во многом от усилий семьи, представляется обычным и необходимым, принятым в данной сфере деятельности во всех современных обществах: «*…чтобы поступить в какую-то специальную школу <…> **никогда знания обычной школы недостаточно**. Это, вот я смотрю, в любой стране так. Здесь* [в Австралии] *то же самое. Смотрю на своих детей – всегда нужно искать **кого-то, курсы, подготовки, что угодно**. Но готовиться отдельно*».

Другой случай (Б-2[7]) представляет интерес как образец семейного проекта домашнего воспитания, приведшего к выбору через многостороннее, широкое приобщение ребенка к культуре. И начат он был, по утверждению самого информанта, до школы: «*Я оцениваю начало своего профессионального пути – это как раз **детство, детский садик**, когда отец привил мне интерес к… науке, которой я занимаюсь… Это первое. И очень поддерживала мой интерес к науке моя **бабушка – она… занималась именно моим образованием.** Мама была совсем молодой, она работала, а бабушка меня постоянно таскала на различные лекции общества "Знание", и не только, на различные научные выставки, притаскивала, покупала книжки… я ничего не понимал, но смотрел картинки. Поэтому если бы вот **отец меня в научную среду не интродуцировал, а бабушка не поддержала, наверное, ничего не было бы***». Информант подчеркивает отстраненность семьи от той сферы, которую он выбрал, по сути, под ее влиянием, хотя можно говорить о причастности к научно-технической интеллигенции в целом («*все – моя бабушка, мама и папа – это... инженеры. К научной среде они в общем-то не имели отношения, к научным кругам*»). Важный момент здесь – сознательная реконструкция статуса научной деятельности как престижной, несмотря на изменившуюся обстановку в обществе и более благоприятные перспективы других профессий.

Не менее важным предстает социальный контекст, и прежде всего дополнительное внешкольное образование, начиная с младших классов (5-й класс), которое определяется как поворотный момент в выборе профессиональной траектории. «*Это вот в общем-то ключевой момент, я считаю. Потому что я в итоге оказался на биологическом факультете. …я пришел в науку исключительно через **дополнительное образование**. …когда я уже был во Дворце пионеров, я оказывался в университете. Например, мы писали **детские исследовательские работы**, а рецензентами этих работ были люди из университета… соответственно, благодаря этому я посмотрел университет изнутри. Аудитории, главные коридоры и так далее. И, конечно, мне захотелось там учиться. То есть у меня уже зрел интерес к биологии, и я увидел университет. Когда эти три вещи совпали, у меня сомнений не было – я поступал на биофак*». Важен момент, связанный с обстановкой этого периода, – неоплачиваемая, волонтерская работа профессионалов для занятий со школьниками: «*…преподаватели,*

---

[6] Ж., биофизик, 40 лет, работает за рубежом.
[7] М., биолог, 40 лет, работает в России.

студенты вели занятия у школьников совершенно на бесплатной основе, просто потому что и те и другие любили биологию».

Можно заметить, что влияние социального контекста по-прежнему существенно. И хотя уже проявляется инерционность действия институтов, их роль по-прежнему активна. Роль семьи значительна, и во многом она удерживает значимость ценностей научной деятельности.

В) ***1990–2000-е гг.*** Истории, выбранные для сравнительного анализа, в основном концентрируются на роли семьи, по большей части организационной и финансовой. Поддержка структур социального контекста в рассказах «отдаляется», ее достижение становится главной задачей усилий семьи. Это хорошо видно в одной из историй (В-1[8]), где роль родителей, прежде всего отца, в построении профессиональной траектории трудно переоценить. Особенно представляя ограниченные условия малого города, «*который был основан в 1980-е гг., …родители, как инженеры, участвовали в наладке и обслуживании городка… городок небольшой, где-то 2–3 тысячи человек, и одна школа… Потом* ***родители предложили ездить на воскресные курсы в физматлицей*** [областного центра], *…очень сильный в плане образования… Потом, после олимпиады в 8-м классе по физике, областной, мне предложили перейти на полную форму обучения в лицее, что я и сделал, то есть с середины 8-го класса учился уже в К** [областной центр]. <…> *И* ***мы с отцом снимали квартиру, сначала первые полгода мы жили втроем на съемной квартире, потом отец получил общежитие от завода****… На выходные…тут час на автобусе, – домой ездили… Два года мы жили с отцом уже в другом общежитии вдвоем. …через два года я сам поступил на физический факультет МГУ имени Ломоносова*». Краткий рассказ об основных вехах этой траектории передает всю сложность усилий родителей, без которых она вряд ли была согласованной и успешной. По крайней мере, он оставляет впечатление, что ее инициаторами и основными организаторами были именно они: «…*мне нравилась сначала математика … потом физика в 7-м классе появляется,… задачки решать, олимпиады, получалось… и…* ***когда родители предложили*** [продолжить обучение в областном городе], ***я подумал, почему бы нет***». Социальный контекст включает олимпиады, спецшколу, но их использование было инициативой семьи, что подчеркивается в рассказе: «*Мы съездили на областную олимпиаду, …и там получил диплом второй степени. …нам было предложено перейти на очную форму обучения. … Это 8 класс – это 2002 год. … Да, ну т****ам были финансовые вопросы,*** *…****я как ребенок их просто не знал***».

В другой истории (В-2[9]) инициатива и помощь семьи в выборе научной карьеры также оцениваются как решающие. «*Мои родители <…> оба по образованию инженеры, выпускники МАИ. Примерно на заре девяностых они подались в предпринимательство, чем, в общем, занимаются сейчас. <…> Сколько я себя помню, родители уже… занимались бизнесом, поэтому семья достаточно обеспеченная всегда была. Наверное, где-то в районе класса восьмого-девятого …я понял, что больше всего, наверное, хотел бы заниматься наукой. А родители всегда мне говорили, что… одна из вещей, которых им всегда в жизни не хватало, которую они бы хотели дать мне, это возможность делать карьеру и поприще, не оглядываясь или минимально оглядываясь на какие-то бытовые обстоятельства. Поэтому они* ***всегда меня поощряли… не особо учитывать денежный вопрос в выборе карьеры.*** *Потому что, конечно, если бы я его учитывал,* ***я вряд ли выбирал бы карьеру ученого***».

Как и в предыдущем случае, условия доступа к профессиональному образованию предстают дифференцированными и труднодоступными, прежде всего из-за различий в подготовке. В качестве основного фильтра при поступлении в рассказе выступают олимпиады («*проводился такой* ***предварительный отбор абитуриентов на олимпиадах, которые фактически представляли собой что-то вроде вступительных экзаменов****, но видимо, посложнее*»). Позже, в процессе учебы, неравные условия в подготовке давали о себе

[8] М., 30 лет, физик, работает в России.
[9] М., 32 года, биофизик, работает за рубежом.

знать, заставляя прилагать серьезные дополнительные усилия для их устранения: «*Учитывая, что* ***я учился во вполне обычной школе, … всю высшую математику, общую физику мне нужно было учить с нуля****… в то время как у нас было много ребят из продвинутых школ, для которых это было повторение изученного*».

В обеих историях примечательно отсутствие влияния общей ценностно-ориентирующей социальной атмосферы. Их герои не проявляют собственного выбора как ценностного; они – люди другого контекста, в котором сфера научной деятельности не является столь важной и ценностно окрашенной, как, очевидно, для их родителей, которые, скорее всего, воспитаны другой обстановкой и атмосферой. Можно заключить, что для поколения 30-летних происходит замещение семьей функций многих институтов. Очевидна сильная поддержка родителей, которая оказывается решающей в карьерном старте их детей. Заметим, что часто это – представители поколения 50-летних, которые вынужденно совершили так называемую «внутреннюю эмиграцию» из сферы научно-технической деятельности.

Выводы. Исследование фиксирует сходство и различия в формировании начального этапа карьерных стратегий в сфере естественнонаучной деятельности у представителей разных поколений. Сходство в том, что его успешность зависит от влияния поддержки семьи и социальных структур (средняя школа, дополнительное школьное образование, подготовка в вуз и т.д.). При этом профессиональная преемственность не является решающим фактором этой успешности, хотя и способствует более глубокому пониманию внутреннего устройства профессиональной деятельности, области знания, ее возможностей и ограничений.

Что касается различий, то они определяются изменениями социального контекста в зависимости, прежде всего, от научной политики и общих условий, столь разных для трех поколений. Для ситуации 1970–1980-х гг. характерна преобладающая роль социального контекста на разных уровнях: от школы и школьных учителей до дополнительных курсов в вузах, их доступность, а также общая атмосфера разделяемых социальных ценностей. Инерционность этой модели продолжает поддерживать ее принципы, несмотря на явные изменения, разрушающие институциональную поддержку, – как кажется, благодаря этой сохраняющей свое влияние ценностной основе. На первый план выходят усилия семьи, связанные с организацией условий реализации профессионального выбора.

Обобщая, можно зафиксировать тенденцию эволюции образцов влияния социального и семейного контекстов в биографических нарративах ученых о начале их научной карьерной траектории в направлении от их согласованности, при определенной независимости, к росту значимости поддержки семьи. Учитывая сложность, нестабильность и кризисность состояния сферы науки, можно говорить о повышении внимания при конструировании научной политики к роли семьи в установлении связи со структурами социального контекста. По сути, это роль социального демпфера в период кризиса, которая компенсирует потери в системности институциональной поддержки науки. Так, исследование показывает, что отголоски атмосферы престижа и ценности научного труда, научных знаний для общества, созданной в 1970-е гг., способствуют реконструирующей функции: профессиональные траектории ученых нового поколения опираются на активную помощь старших членов их семей, выросших в ней. Достижение нового баланса – вопрос возможностей поддержки на разных этапах карьерного старта молодых людей в науке через ослабление неравенств, внимание к талантам, поддержание профессиональных ценностей интеллектуального труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аблажей А.М. Поколения в науке: опыт эмпирического анализа // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 2. С. 47–56.

Ащеулова Н.А., Душина С.А. Академическая карьера молодого ученого в России // Инновации. 2012. № 7(165). С. 60–68.

Винокурова Н.А. Молодежь в науке: мотивации, взгляды, жизненные стратегии // Народонаселение. 2016. № 4(74). С. 113–122.

Герген К.Дж. Социальная конструкция в контексте / Пер. с англ. *А.А. Киселева, Ю.С. Вовк*. Харьков: Гум. центр, 2016.

Иванченко О.С. Молодые ученые в России и проблемы их профессионализации в научно-исследовательском дискурсе // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 6. С. 99–110. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.6.7.

Кошовец О.Б., Фролов И.Э. «Прекрасный новый мир»: о трансформации науки в технонауку // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 1. С. 20–31. DOI: 10.5840/eps20205712.

Лекторский В.А., Труфанова Е.О. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке // Человек. 2019. Т. 30. № 1. С. 102–124. DOI: 10.31857/S023620070003025-4.

Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий. история, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 36–46.

Пирожкова С.В. Наука как культурный феномен и социокультурный проект // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 5. С. 425–433. DOI: 10.31857/S0869587320050096.

Подвойский Д.Г. Лабиринтами Матрицы: осваивая социальный конструкционизм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 60–92. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1644.

Попова И.П. Исследования карьеры: ресурсы междисциплинарности в социологической перспективе // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 18–30. DOI: 10.31857/S013216250013019-3.

Попова И.П. Профессиональная карьера в сфере науки и технологий – к проблеме устойчивости // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 124–134. DOI: 10.7868/S0132162517120133.

Пузанова Ж.В., Троцук И.В. Нарративный анализ: понятие или метафора? // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2003. № 17. С. 56–82.

Рождественская Е.Ю. Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 30. С. 5–26.

Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–61.

Bertaux D., Delcroix C. Case Histories of Families and Social Processes. Enriching Sociology // The Turn to Biographical Methods in Social Science. Comparative Issues and Examples / Ed. by *P. Chamberlayne, J. Bornat, T. Wengraf.* London: Routledge, 2000. P. 71–89.

Cardenal E. Biografía y relato en el análisis sociológico: La aportación de la escuela BNIM (Biographic Narrative Interpretive Method) // Revista Española de Investigaciones Sociológicas. 2016. No. 155. P. 55–89. DOI: 10.5477/cis/reis.155.55.

Chudzikowski K., Gustafsson S., Tams S. Constructing Alignment for Sustainable Careers: Insights from the Career Narratives of Management Consultants // Journal of Vocational Behavior. 2020. Vol. 117. Article no. 103312. DOI: 10.1016/j.jvb.2019.05.009.

Cohen L., Duberley J., Mallon M. Social Constructionism in the Study of Career: Accessing the Parts that Other Approaches Cannot Reach // Journal of Vocational Behavior. 2004. Vol. 64. No. 3. P. 407–422. DOI: 10.1016/j.jvb.2003.12.007.

Cohen L., Duberley J. Three Faces of Context and their Implications for Career: A Study of Public Sector Careers Cut Short // Journal of Vocational Behavior. 2015. Vol. 91. P. 189–202. DOI: 10.1016/j.jvb.2015.10.006.

Hall R. The Social Construction of the Professions // Sociology of Work and Occupations. 1979. Vol. 6. No. 1. P. 124–126. DOI: 10.1177/009392857961006.

Kojevnicov A. The Phenomenon of Soviet Science // Osiris. 2008. Vol. 23. No. 1: 115–135. DOI: 10.1086/591871.

Mayrhofer W., Meyer M., Steyrer J. Contextual Issues in the Study of Careers // Gunz H., Peiperl M. (eds) Handbook of Career Studies. Los Angeles, CA: SAGE, 2007. P. 215–241.

Patton W., McMahon M. Career Development and Systems Theory: Connecting Theory and Practice. 3rd ed. Rotterdam; Boston; Taipei: Sense Publishers, 2014.

Ribeiro M.A. Contemporary Patterns of Career Construction of a Group of Urban Workers in São Paulo (Brazil) // Journal of Vocational Behavior. 2015. Vol. 88. P. 19–27. DOI: 10.1016/j.jvb.2015.02.008.

Wengraf T. Qualitative Research Interviewing: Biographic Narrative and Semistructured Methods. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001.

Young R.A., Collin A. Introduction: Constructivism and Social Constructionism in the Career Field // Journal of Vocational Behavior. 2004. Vol. 64. No. 3. P. 373–388. DOI: 10.1016/j.jvb.2003.12.005.

Статья поступила: 13.10.21. Принята к публикации: 19.11.21.

FORMATION OF A CAREER START IN SCIENCE: THE INFLUENCE OF FAMILY AND SOCIAL CONTEXT

POPOVA I.P.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Irina P. POPOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (irina_popova@list.ru).

Abstract. The influence of family and social context on the formation of the scientific career start as a problem of professional groups reproduction in the field of science and technology is considered. The analysis is based on a socio-constructivist methodological perspective in career research. Based on the data of narrative-structured biographical interviews with researchers of scientific institutions of natural science disciplines, the models of mutual influence of the social context and the family during the formation of an early scientific career in the 1970s–1980s, 1980s–1990s and 1990s–2000s are compared. Conclusions are drawn about their evolution from a certain consistency and independence to an increase in the importance of family support in crisis conditions, its reconstructive function in relation to the status of science and scientific activity.

Keywords: professional career, science and technology, young scientists, career start, social constructionism.

REFERENCES

Ablazhej A.M. (2010) Generations in Science: The Experience of Empirical Analysis. *Sociologiya nauki i tekhnologij* [Sociology of Science and Technology]. Vol. 1. No. 2: 47–56. (In Russ.)

Ashcheulova N.A., Dushina S.A. (2012) Academic Career of a Young Scientist in Russia. *Innovatsii* [Innovations]. No. 7(165): 60–68. (In Russ.)

Bertaux D., Delcroix C. (2000) Case Histories of Families and Social Processes: Enriching Sociology. In: Chamberlayne P., Bornat J., Wengraf T. (eds) *The Turn to Biographical Methods in Social Science: Comparative Issues and Examples*. London: Routledge: 71–89.

Cardenal E. (2016) Biography and Story in Sociological Analysis. The Contribution of the BNIM (Biographic-Narrative Interpretive Method) School. *Revista Española de Investigaciones Sociológicas* [Spanish Journal of Sociological Research]. No. 155: 55–89. DOI: 10.5477/cis/reis.155.55. (In Span.)

Chudzikowski K., Gustafsson S., Tams S. (2020) Constructing Alignment for Sustainable Careers: Insights from the Career Narratives of Management Consultants. *Journal of Vocational Behavior.* Vol. 117: 103312: 1–13. DOI: 10.1016/j.jvb.2019.05.009.

Cohen L., Duberley J., Mallon M. (2004) Social Constructionism in the Study of Career: Accessing the Parts that Other Approaches Cannot Reach. *Journal of Vocational Behavior.* Vol. 64. No. 3: 407–422. DOI: 10.1016/j.jvb.2003.12.007.

Cohen L., Duberley J. (2015) Three Faces of Context and Their Implications for Career: A Study of Public Sector Careers Cut Short. *Journal of Vocational Behavior.* Vol. 91: 189–202. DOI: 10.1016/j.jvb.2015.10.006.

Gergen K.J. (2016) *Social Construction in Context.* Kharkiv: Gumanitarniy tsentr. (In Russ.)

Hall R. (1979) The Social Construction of the Professions. *Sociology of Work and Occupations*. Vol. 6. No. 1: 124–126. DOI: 10.1177/009392857961006.

Iarskaya-Smirnova E.R. (1997) Narrative Analysis in Sociology. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal]. No. 3: 38–61. (In Russ.)

Ivanchenko O.S. (2020) Young Scientists in Russia and the Problems of their Professionalization in the Research Discourse. *Gumanitarij Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. Vol. 9. No. 6: 99–110. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.6.7. (In Russ.)

Kojevnicov A. (2008) The Phenomenon of Soviet Science. *Osiris*. Vol. 23. No. 1: 115–135. DOI: 10.1086/591871.

Koshovets O.V., Frolov I.E. (2020) Brave New World: On Science Transformation into Technoscience. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 57. No. 1: 20–31. DOI: 10.5840/eps20205712. (In Russ.)

Lektorsky V.A., Trufanova E.O. (2019) Constructivism in Epistemology and in Human Sciences. *Chelovek* [Human Being]. Vol. 30. No. 1: 102–124. DOI: 10.31857/S023620070003025-4. (In Russ.)

Mansurov V.A., Yurchenko O.V. (2009) Sociology of Professions: History, Methodology and Practice of Research. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 36–45. (In Russ.)

Mayrhofer W., Meyer M., Steyrer J. (2007) Contextual Issues in the Study of Careers. In: Gunz H., Peiperl M. (eds) *Handbook of Career Studies*. Los Angeles, CA: SAGE: 215–241.

Patton W., McMahon M. (2014) *Career Development and Systems Theory: Connecting Theory and Practice.* 3rd ed. Rotterdam; Boston; Taipei: Sense Publishers.

Pirozhkova S.V. (2020) Science as a Cultural Phenomenon and Socio-cultural Project. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 90. No. 5: 425–433. DOI: 10.31857/S0869587320050096. (In Russ.)

Podvoyskiy D.G. (2020) In the Labyrinth of the Matrix: Learning Social Constructionism. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4: 60–92. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1644. (In Russ.)

Popova I.P. (2017) Professional Career in Science and Technology: On Sustainability Problem. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 124–134. DOI: 10.7868/S0132162517120133. (In Russ.)

Popova I.P. (2020) Career Studies: Resources of Interdisciplinarity in a Sociological Perspective. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 18–30. DOI: 10.31857/S013216250013019-3. (In Russ.)

Puzanova ZH.V., Trotsuk I.V. (2003) Narrative Analysis: The Concept or the Metaphor? *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskie modeli* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Models]. No. 17: 56–82. (In Russ.)

Ribeiro M.A. (2015) Contemporary Patterns of Career Construction of a Group of Urban Workers in São Paulo (Brazil). *Journal of Vocational Behavior.* Vol. 88: 19–27. DOI: 10.1016/j.jvb.2015.02.008.

Rozhdestvenskaya E.Yu. (2010) Narrative Identity in Autobiographical Interview. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskie modeli* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Models]. No. 30: 5–26. (In Russ.)

Vinokurova N.A. (2016) Youth in Science: Motivations, Views, Life Strategies. *Narodonaselenie* [Population]. No. 4(74): 113–122. (In Russ.)

Wengraf T. (2001) *Qualitative Research Interviewing: Biographic Narrative and Semistructured Methods.* Thousand Oaks, CA: Sage.

Young R.A., Collin A. (2004) Introduction: Constructivism and Social Constructionism in the Career Field. *Journal of Vocational Behavior.* Vol. 64. No. 3: 373–388. DOI: 10.1016/j.jvb.2003.12.005.

Received: 13.10.21. Accepted: 19.11.21.

© 2021 г.

С. ВОЙТОВИЧ, М. ТУПА, П. СРОВНАЛИКОВА

ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ ТРУДОВОЙ ЭМИГРАЦИИ ВРАЧЕЙ И МЕДИЦИНСКИХ СЕСТЕР (НА ПРИМЕРЕ СЛОВАКИИ)

ВОЙТОВИЧ Сергей – доктор социологических наук, доцент (sergej.vojtovic@tnuni.sk); *ТУПА Магдалена – кандидат социальных наук, старший преподаватель* (magdalena.tupa@tnuni.sk); *СРОВНАЛИКОВА Павлина – кандидат экономических наук, старший преподаватель* (paulina.srovnalikova@tnuni.sk). *Все – факультет социально-экономических отношений, Университет им. Александра Дубчека в Тренчине, Тренчин, Словакия.*

Аннотация*. Статья посвящена анализу мотивов трудовой миграции врачей и медсестер за рубеж и определению ее последствий для кадрового обеспечения здравоохранения и оказания адекватной медицинской помощи. Главная цель исследования – определить факторы, которые влияют на мотивы трудовой эмиграции врачей и медсестер. Анализируется состояние кадрового обеспечения системы здравоохранения, тенденции и масштабы трудовой эмиграции врачей и медсестер, определяются те из традиционных, так называемых отталкивающих, факторов, которые влияют на мотивы их эмиграции. Используются статистические данные национальных и международных организаций, результаты эмпирического исследования факторов трудовой эмиграции врачей и медсестер Словакии, проведенных авторами. С помощью факторного анализа, которого определяется сила влияния отдельных факторов на мотивы трудовой эмиграции указанных категорий медицинских работников.*

Ключевые слова: *здравоохранение • эмиграция • кадровое обеспечение • медицинская помощь • факторы эмиграции • врачи • медсестры*

DOI: 10.31857/S013216250017139-5

Введение. Международная миграция медицинских работников влияет на кадровое обеспечение здравоохранения и на качество предоставления медицинских услуг. Особенно это верно для тех стран, где нехватка медицинских работников решается путем трудоустройства иммигрантов [Atte, 2020]. Тенденции в эмиграции медицинских работников, сформировавшиеся в Словакии после вступления в ЕС, нарушили устойчивость кадрового обеспечения здравоохранения и тем самым оказание адекватной медицинской помощи. Это подтверждается событиями, связанными с пандемией COVID-19. Во время ее кульминации на рубеже 2020–2021 гг. для работы в больницах из-за острой нехватки врачей и медсестер были приглашены медработники из Польши, Румынии и Дании. Естественно, пандемия повлияла на миграционные потоки медицинских работников и обострила проблемы трудовой миграции в Европе [Martin, 2021]. Поэтому страны и сообщества после ее окончания должны быть готовы к возобновлению миграционных потоков в предыдущих масштабах [Chamie, 2020: 231].

Что касается миграционных потоков в России, то по сравнению с такими странами Центральной Европы, как Польша, Словакия, Чехия, Венгрия, Румыния и др., они существенно отличаются. Названные страны, как правило, имеют отрицательное сальдо миграции, потому что трудоустройство граждан этих стран в Западной Европе осуществляется без ограничений. Трудоустройство в странах Западной и Центральной Европы граждан других восточноевропейских стран, включая Россию, усложнено административными ограничениями, поэтому эмиграция там превышает иммиграцию. Помимо этого, Россия имеет еще одну отличительную особенность – она является привлекательным объектом трудоустройства для граждан большинства стран бывших республик СССР. Поэтому сальдо миграции в России длительное время остается положительным. Осуществленные

прогнозы развития миграционных процессов в России еще с 1990-х гг. оказались очень близкими к реальным [Shevtsova, 1992]. В соответствии с этими прогнозами пик эмиграции в России должен был быть достигнут в 1993–1994 гг. (1–1,5 млн человек в год), а в течение последующих двух-трех лет снизиться наполовину (от 500 до 600 тыс. человек в год) и затем постепенно снижаться. До 2010 г. количество эмигрантов насчитывалось менее 100 тыс., но в последующие годы увеличивалось. В 2017 г. их количество возросло до 377 тыс., в то время как количество иммигрантов с 2010 по 2017 г. возросло со 191 до 589 тыс. В результате положительное сальдо миграции на протяжении десяти лет с 2008 по 2017 г. оставалось на уровне от 200 до 300 тыс. [Chudinovskikh, 2018: 4]. А как свидетельствуют исследования различных авторов, закономерности миграции медицинских работников существенно не отличаются от всеобщих миграционных процессов.

В своем исследовании мы исходим из ситуации в сфере экономики, которая сформировалась после мирового финансового кризиса. Стабилизация экономического роста в европейских странах сопровождалась созданием новых рабочих мест и сокращением безработицы. В результате этого на рынках труда многих западноевропейских стран ощущалась нехватка рабочей силы, в том числе в сфере здравоохранения. Большинство этих стран испытывали хронический недостаток медицинских работников [Skills..., 2020; Kovacheva, 2019] под влиянием процессов старения и количественного роста населения, повышения качества жизни и других факторов. Статистические данные стран ОЭСР свидетельствуют о повышении занятости в этой сфере в среднем на 12–15% [Zdravie, 2016]. В то же время различия в расходах на оказание медицинской помощи и значительная дифференциация в заработных платах в сфере здравоохранения вызвали миграцию медицинских работников из стран Центральной и Восточной в Западную Европу.

Предпосылки исследования трудовой эмиграции врачей и медицинских сестер основываются на экономических и социальных изменениях в европейских странах за последние два десятилетия и на объяснении этих проблем в контексте демографических тенденций, повышения качества жизни и процессов в сфере здравоохранения [Hardy, 2016]. Дефицит врачей и медсестер в отраслях здравоохранения большинства стран мира стал предметом научных исследований уже более двух десятилетий назад. Это подтверждается исследованием, предоставляющим обзор глобальной нехватки работников здравоохранения (которую с 2002 г. называют глобальным кризисом) и обсуждением инициатив Международной ассоциации медсестер (ICN), объединяющей более 13 млн членов национальных ассоциаций в 129 странах мира [Oulton, 2006].

Проблемы с нехваткой персонала связаны с тем, что здравоохранение в этот период было одной из наиболее быстрорастущих отраслей мировой экономики. В результате рынки труда в сфере здравоохранения стали международными и глобальными. Этому способствовали процессы старения населения и рост спроса на оказание медицинской помощи. Национальные отрасли здравоохранения и правительства вовремя не отреагировали на происходящие изменения. Это повлияло на увеличение масштабов международной миграции медицинских работников, которая открывала большие возможности в сфере бизнеса как для частного, так и для государственного сектора и также для предпринимательской деятельности широкого круга агентств, учреждений, предпринимателей, регулирующих органов и т.п. [Kingma, 2008]. Это означает, что государственные и частные учреждения отреагировали на последствия названных процессов, а не на их источник. Иными словами, «лечились» симптомы болезни, но не ее причины.

Логическим продолжением подобной реакции правительств многих стран на нехватку работников здравоохранения становится восприятие этой проблемы в свете глобальной конкуренции за них. Управление миграционными процессами и его нормативно-правовое обеспечение представляются эффективным инструментом этой конкуренции. По этой причине интерес академических и профессиональных сообществ был сосредоточен в основном на изучении нормативно-правовых аспектов международной миграции медицинских работников. В странах ЕС разрабатывается категоризация врачей-мигрантов и типология

мигрантов-профессионалов в сфере здравоохранения в зависимости от средств к существованию, ориентации на карьеру, опыта и т.п. [Humphries, 2015].

Международная миграция медицинских работников считается проблемой общественного здравоохранения. США, Великобритания, Австралия и Канада – основные получатели медицинских мигрантов, что отрицательно сказывается на здравоохранении в развивающихся странах [Bradby, 2014]. Нехватка кадров в сфере здравоохранения – серьезная проблема и для большинства европейских стран. Исследование, проведенное в рамках проекта Европейской комиссии по укреплению здоровья PROMeTHEUS, обнаружило пробелы в знаниях о количестве, тенденциях, последствиях и реакциях политик на эту ситуацию в странах Средней и Западной Европы [Wismar et al., 2011].

Нехватка медицинских работников в Западной Европе частично решалась их наймом из Центральной и Восточной Европы. Расширение Европейского союза в 2004 и 2007 гг. и маркетинговые практики в здравоохранении повлияли на рост мобильности работников и привели к существенной трансформации этого сектора во всей Европе. Увеличение потока миграции медицинских работников в страны Западной Европы происходит в основном из-за более высокой заработной платы, лучших условий труда и общественного признания. Источники этих потоков – в основном жители таких стран Центральной и Восточной Европы, как Венгрия, Латвия, Польша, Румыния и Словакия [Hardy, 2014]. Помимо опасений по поводу социального демпинга, потеря человеческого капитала и последующее неблагоприятное воздействие на оказание медицинской помощи населению создают новые проблемы для отраслей здравоохранения в этих странах. Миграция медицинских работников из них не только оказывает отрицательное влияние на их экономическое и социальное развитие, но и подрывает конституционные принципы оказания медицинской помощи, становится угрозой безопасности некоторых национальных систем здравоохранения [Watson, 2011].

Миграция медицинских работников понимается как аспект неравномерного глобального развития, что приводит к ее интерпретации в исследованиях в ракурсе справедливого международного перераспределения работников здравоохранения, с целью создания справедливых условий в области общественного здравоохранения и оказания медицинской помощи [Bradby, 2014]. В этом случае используется радикальная риторика для объяснения нехватки квалифицированного медицинского персонала, например, указание на то, что «эта ситуация была вызвана неотложными событиями богатых стран, похищавших квалифицированных медицинских работников в бедных странах» [там же: 580]. По мнению Р. Лабонте, социологические теории медицины предполагают, что международный маркетинг при трудоустройстве врачей является ключевым механизмом, определяющим неравномерность глобального распределения медицинского персонала [Labonte, 2018: 5]. Таким образом, научные исследования направлены на оценку роли неолиберальной политики в области здравоохранения и на поиск эффективных мер, которые бы могли обеспечить справедливые условия оказания медицинской помощи гражданам всех стран.

Цель и методология исследования основываются на изучении состояния и тенденций трудовой эмиграции медицинских работников, которые сформировались до возникновения пандемии COVID-19. Предыдущие исследования эмиграционных потоков рабочей силы за границу, как правило, сосредоточивали внимание на таких факторах эмиграции, как безработица или низкая заработная плата в странах происхождения. Полученные результаты переносили на иные наблюдаемые закономерности миграционных потоков и на другие категории работников, что часто выглядело правдоподобным с формальной точки зрения, однако не соответствовало реальности [Mýtna Kureková, Žilinčíková, 2016; Żuk et al., 2019]. Например, не только в Словакии, но и в других странах происхождения эмиграции безработица в здравоохранении отсутствовала. К тому же в некоторых исследованиях отмечалось, что оплата труда врачей не является определяющей в формировании их эмиграционных настроений [Martin, 2018; Zwysen, 2018]. Именно эти обстоятельства стали главными в определении цели нашего исследования – выяснить, какие из совокупности выталкивающих факторов влияют на мотивы трудовой эмиграции врачей и медсестер.

Для ее достижения используются доступные статистические данные международных баз данных ОЭСР, Управления статистики Словакии и других стран. Некоторые из наших выводов основаны на анализе опросов, отчетов и исследований медицинской палаты, палаты медсестер Словакии и Министерства здравоохранения. Статистические данные о миграции работников здравоохранения содержатся в источниках ОЭСР под названием «здоровье» и «медицинская статистика» за соответствующие годы. Более подробная информация публикуется с задержкой до двух лет. Временные ряды, которые мы используем для нашего статистического анализа, обрабатываются ОЭСР в интервале с 2000 по 2016 или по 2017 и 2018 гг. В исследовании также используются данные министерств здравоохранения зарубежных стран и статистических ежегодников.

Проблемой измерения интенсивности и масштабов миграции медицинских работников является отсутствие обширных и точных статистических данных. В большинстве стран ЕС отсутствуют достоверные данные о количестве работников здравоохранения, уехавших работать за границу. Мы использовали некоторые данные, зарегистрированные министерствами здравоохранения отдельных стран до 2013 г. на основании заявления о выдаче свидетельства об эквивалентности образовании для трудоустройства за рубежом. В связи с тем, что с 2013 г. существует система автоматического признания образования между странами Европейского союза, эта статистика больше не ведется. Для получения дополнительной информации мы обращались в медицинские палаты отдельных европейских стран с просьбой предоставить данные о количестве зарегистрированных врачей и медсестер из Словакии.

Основным источником необходимой информации о субъективных аспектах эмиграции медицинских работников были данные эмпирического опроса, проведенного авторами, сотрудниками факультета социально-экономических отношений Университета им. Александра Дубчека в Тренчине. В процессе реализации опроса мы случайным способом выбрали врачей и медсестер, которые работали в медицинских учреждениях за границей не менее одного года. Исследовательская выборка врачей насчитывала 375 человек, максимальная погрешность выборки составляла 4,95%. Выборка медсестер составила 488 человек, максимальная ошибка выборки – 4,43%. Небольшая часть медсестер в выборке – вернувшиеся в Словакию после работы в течение одного года в зарубежном медицинском учреждении. Сбор данных проходил в течение полутора лет, начиная с мая 2018 г. Распространение и сбор анкет осуществлялись через Интернет или в печатной форме. С респондентами мы связывались через национальные и зарубежные сообщества, объединяющие работников здравоохранения, на международных конференциях, а также через социальные сети. Целью опроса было выяснить причины и мотивы отъезда врачей и медсестер на работу за границу, их планы на будущее в смысле постоянной эмиграции, реэмиграции или возвратной миграции. Условием отбора респондентов была работа в здравоохранительном учреждении за рубежом не менее одного года.

В анкете использовались ответы респондентов на закрытый вопрос, в какой степени отдельные аспекты работы врачей и медсестер в больницах повлияли на их мотивы эмиграции (по пятибалльной шкале от 1 до 5: совсем не повлияли и повлияли в наибольшей степени). Рассчитанные индексы оценки влияния отдельных аспектов работы на мотивы эмиграции респондентов обработаны с помощью факторного анализа, в процессе которого мы выделили основные факторы, отражающие мотивы эмиграции, и определили маркерные переменные, которые насыщают основной фактор. Надежность используемого метода мы проверяли вычислением коэффициента альфа Кронбаха (α).

Тенденции в эмиграции врачей и медсестер. Интенсивность и масштабы эмиграционных потоков врачей и медсестер влияют прежде всего на состояние кадрового обеспечения здравоохранения. Согласно данным ОЭСР, на 1000 жителей в Словакии приходится 3,4 врача, в то время как средний показатель по ОЭСР составляет 3,1, а в странах Европейского союза – 3,5 врача [OECD, 2019]. Это означает, что по количеству врачей Словакия превышает средний показатель по странам ОЭСР и находится приблизительно

на уровне показателей стран ЕС. При более внимательном рассмотрении обнаруживается, что возрастной состав профессиональной группы врачей свидетельствует о растущей угрозе кадрового обеспечения здравоохранения. Пенсионный возраст в Словакии в период с 2000 по 2018 г. колебался в диапазоне от 60 до 62 лет. Перед вступлением Словакии в ЕС в 2004 г. количество врачей в возрасте 60 и больше лет составляло 8,5%. Ситуация в корне изменилась после вступления Словакии в ЕС, когда эта дола увеличилась до 25%. В то же время количество врачей на одну тысячу жителей, не достигших пенсионного возраста, составляет 2,57, что значительно ниже среднего показателя в странах ОЭСР и ЕС [OECD, 2019].

Анализ возрастной структуры профессиональной группы врачей свидетельствует также о существенном снижении их количества в возрастной категории до 29 лет – с 3139 в 2000 г. до 2093 в 2016 г. В основном это выпускники медицинских вузов со стажем работы от одного года до четырех лет. Сокращение их количества не связано со снижением интереса к изучению медицины. Согласно статистике, количество выпускников медицинских вузов из года в год увеличивалось, но количество врачей, зарегистрированных Медицинской палатой в возрастной категории 20–29 лет, оставалось на постоянном уровне [Národné..., 2019]. Это означает, что определенная часть выпускников вузов находила работу за рубежом. В результате состав врачей медицинских учреждений не пополнялся выпускниками вузов в той мере, в какой сокращался в связи с их эмиграцией и уходом старших категорий врачей на пенсию.

Подобные изменения происходят в отношении медсестер. Что касается количества медсестер на одну тысячу населения, мы видим отрицательную тенденцию в этих показателях в Словакии по сравнению с другими странами. В 2000 г. в стране насчитывалось 7,4 медсестры на одну тысячу населения, а в 2016 г. их количество снизилось до 5,7. В 2000 г. значение этого показателя было сопоставимым в Словакии, Чехии и Австрии. В 2016 г. в Словакии он снизился на 23%, в то время как в Чехии повысился на 6,6%, а в Австрии – на 11% [OECD, 2019].

Если подробнее посмотреть на возрастную структуру медсестер, обнаруживается, что ситуация вызывает тревогу, поскольку будет быстро ухудшаться в ближайшем будущем. Уже сегодня более 9% медсестер, которые работают в системе здравоохранения, находятся в пенсионном возрасте. В 2017 г. в медицинских учреждениях Словакии работало 30 732 медсестры, из них почти 2700 были в пенсионном возрасте, т.е. на 1000 жителей приходится 5,15 медсестры в трудоспособном возрасте. Сильнее всего сокращается группа медсестер в возрасте от 20 до 29 лет и от 30 до 39 лет. Их количество с 2004 г. снизилось на две трети в первой возрастной категории и на одну треть во второй [Národné..., 2019].

Существенное сокращение количества медсестер в младших возрастных категориях не может быть объяснено падением интереса к обучению по специальности «медсестра». Всеобщее сокращение населения в младших возрастных категориях в определенной мере влияет на количество учащихся в средних и высших учебных заведениях. Однако медицинские учебные заведения являются исключением. Количество студентов в средних и высших медицинских учебных заведениях в эти годы не снижалось. Поэтому основной причиной оттока медсестер в младшем возрасте из отрасли можно объяснить их трудоустройством за рубежом. Наиболее значительное снижение количества медсестер произошло в период с 2004 по 2006 г. – на 2449 человек. А в период с 1 мая 2004 г., после вступления Словакии в ЕС, по 30 апреля 2017 г. Министерство здравоохранения Словакии зарегистрировало 3741 заявление на подтверждение эквивалентности образования, необходимое для трудоустройства за рубежом. Странами назначения для трудоустройства словацких медсестер являются прежде всего Австрия (40,9%), Чешская Республика, Великобритания и Германия [ibid.].

Из вышеизложенного следует, что, несмотря на старение населения в стране, неблагоприятные показатели состояния его здоровья, которые подтверждают необходимость наращивания кадрового, материального, организационного и т.п. потенциала здравоохранения,

количество медсестер, как и других медицинских работников, долгие годы остается неадекватным потребностям сектора. Это служит ярким примером того, как в действительности реализуется одна из четырех свобод рыночного хозяйства – свободное перемещение рабочей силы, которое распространилось на страны Средней и Восточной Европы. После вступления Словакии в ЕС, даже в переходный период, наблюдается значительный отток высококвалифицированной рабочей силы за рубеж не только в сфере здравоохранения, но и в других отраслях народного хозяйства. Предоставляя определенные льготы, страны назначения получают недостающую рабочую силу в отдельных профессиях и отраслях хозяйства. Как мы уже подчеркивали, нехватка медицинских работников характерна практически для всех стран Западной Европы. Поэтому трудоустройство работников здравоохранения в любой европейской стране было и остается формальным актом.

Факторы трудовой эмиграции врачей и медсестер. Определить точное количество врачей и медсестер, которые работают за границей, очень проблематично, потому что отсутствует какой-либо учет выезжающих. Одним из источников такой информации еще недавно была Словацкая медицинская палата, которая получала заявления на подтверждение дипломов о медицинском образовании для трудоустройства за рубежом. В настоящее время это требование отменено. Другим источником подобной информации являются медицинские палаты соответствующих стран, которые регистрируют всех врачей, оказывающих медицинскую помощь на основании лицензии. Обратившись в избранные медицинские палаты стран ЕС, мы получили соответствующие данные и подсчитали, что в этих странах работают 4302 врача из Словакии (табл. 1). ОЭСР располагает данными о количестве врачей, которые с дипломом конкретной страны работают в других странах. Согласно этой статистике, со словацким медицинским дипломом в иных странах работают 4350 врачей [OECD, 2019], это свидетельствует о том, что к ним принадлежит определенное количество граждан других стран, которые получили диплом в Словакии.

Таблица 1

Количество врачей – граждан Словакии, работающих в странах Европы, *2018 г.*

Чехия	Германия	Англия	Австрия	Швеция	Ирландия	Норвегия	Польша	Словения	Венгрия	Всего
2295	1198	343	254	112	46	39	11	2	2	4302

Источник: данные получены авторами на основании обращения в медицинские палаты Чехии, Германии, Англии, Австрии, Швеции, Ирландии, Норвегии, Польши, Словении и Венгрии.

Что заставляет врачей уезжать из страны в поисках работы после окончания образования или после нескольких лет работы в учреждении здравоохранения? Какие факторы их вынуждают искать работу за рубежом и какие факторы привлекают в иных странах и одновременно ослабляют их желание вернуться домой? Чтобы ответить на эти вопросы, в 2018–2019 гг. мы провели эмпирическое исследование среди словацких врачей и медсестер, которые в то время работали в учреждениях здравоохранения за рубежом. Возраст респондентов колебался от 28 до 47 лет.

На основе результатов исследования проведен факторный анализ и получены четыре фактора, которые описывают мотивы врачей уехать работать за границу. Дисперсия этих факторов составляет 95,2% (p = 3,769) (табл. 2).

Фактор 1 характеризует развитие человеческих ресурсов. Он составляет следующие переменные: а) самостоятельное управление дополнительным образованием, б) доступ к самостоятельному выполнению профессиональной практической деятельности, связанной с диагностикой заболеваний и лечением людей, в) улучшение языковых навыков. Указатель значимости переменных в этом факторе (вращение VARIMAX) варьируется на уровне от 0,572 для первой до 0,181 для третьей переменной.

Таблица 2

Исходные характеристические числа и рассчитанные показатели квадратичных нагрузок факторов эмиграции врачей

Фактор	Исходные характеристические числа			Рассчитанные показатели квадратичных нагрузок		
	сумма	дисперсия (%)	кумулятивная дисперсия (%)	сумма	дисперсия (%)	кумулятивная дисперсия (%)
1	1,744	43,600	43,600	1,579	39,475	39,475
2	1,058	26,450	70,050	1,160	29,000	68,475
3	1,017	25,425	95,475	1,030	26,725	95,2
4	0,183	4,570	100,00			

Фактор 2 характеризует экономические ценности и состоит из следующих переменных: г) уровень заработной платы, д) расходы государства на здравоохранение. Значимость этих переменных в факторе варьируется на уровне от 0,416 для первой до 0,230 для второй переменной.

Фактор 3 определяется как условия труда на рабочем месте и включает следующие переменные: е) материальное оснащение рабочего места, ж) техническое оснащение, з) отношения с руководителями и коллегами на рабочем месте. Указатель значимости переменных в этом факторе варьируется на уровне от 0,408 для первой до 0,107 для третьей.

Фактор 4 мы назвали социальным. Его наполняют следующие переменные: и) социальный статус врача в обществе, к) система здравоохранения и ее значение, л) семья, родственники и друзья. Значимость этих переменных в факторе варьируется соответственно на уровне от 0,288 до 0,116.

Внутреннюю согласованность отдельных переменных, т.е. показатель их надежности, мы определили путем расчета коэффициента альфа Кронбаха (табл. 3). Его значения свидетельствуют, что внутренняя согласованность переменных, составляющих указанные факторы, приемлема. Это означает, что основным мотивом, влияющим на решение врачей уехать на работу за границу, является отсутствие возможности по окончании вуза во время работы в медицинском учреждении самостоятельно управлять своим дальнейшим образованием и повышением квалификации. Под этим понимается обязательное прохождение аттестаций, на основании которых врачи получают доступ к самостоятельному выполнению профессиональной практической деятельности, связанной с диагностикой заболеваний и лечением людей. Этот вывод противоречит общепринятому в профессиональных сообществах, в массмедиа и даже в научных исследованиях представлению, что главным мотивом трудовой эмиграции врачей являются экономические факторы [Reichová et al., 2006; Mýtna Kureková, Žilinčíková, 2016]. Как показывают результаты наших исследований, экономические факторы для врачей относительно второстепенны в иерархии их мотивов поиска работы за границей, так же как условия труда и социальные факторы.

Таблица 3

Значения коэффициента альфа Кронбаха (α) факторов эмиграции врачей

Фактор	Развитие человеческих ресурсов	Экономический	Условия труда	Социальный
Значение коэффициента альфа (α)	0,891	0,742	0,711	0,503

Второстепенная роль экономических факторов связана с тем, что образование и повышение квалификации, под которыми понимается прохождение аттестаций, является законным условием доступа к самостоятельному выполнению профессиональной практической

деятельности врача и одновременно условием существенного повышения заработной платы. Однако сам процесс прохождения аттестаций после обязательной отработки двух лет по окончании вуза не регулируется правовыми нормами и зависит от субъективного решения руководства. Для некоторых аттестация может начаться после двух лет работы, а для некоторых – после пяти или десяти лет.

В отношении медсестер результаты нашего исследования свидетельствуют, что их мотивы выезда на работу за границу отличаются от мотивов врачей. Используя факторный анализ, мы получили три фактора, которые отражают мотивы выезда на работу за границу медсестер. Первый фактор объясняет 74% дисперсии данных (табл. 4). Дисперсия этих факторов составляет 95,2% (p = 3,769).

Таблица 4

Исходные характеристические числа и рассчитанные показатели квадратичных нагрузок факторов эмиграции медсестер

Фактор	Исходные характеристические числа			Рассчитанные показатели квадратичных нагрузок		
	сумма	дисперсия (%)	кумулятивная дисперсия (%)	сумма	дисперсия (%)	кумулятивная дисперсия (%)
1	2,224	74,144	74,144	2,224	74,144	74,144
2	0,418	13,94	88,084			
3	0,357	11,916	100,000			

Фактор 1 характеризует экономические ценности и включает маркерные переменные: а) уровень заработной платы, б) социальная помощь государства (детские пособия, социальное обеспечение и др.), в) объем государственных инвестиций в здравоохранение. Значимость этих переменных в факторе варьируется на уровне от 0,691 для первой до 0,385 для третьей переменной.

Фактор 2 представляет собой условия труда на рабочем месте и включает маркерные переменные: г) материальное оснащение рабочего места, д) техническое оснащение рабочего места, е) количество пациентов на одну медсестру. Указатель значимости этих переменных в факторе варьируется соответственно на уровне от 0,487 до 0,236.

Фактор 3 – повышение квалификации – включает маркерные переменные: ж) возможность дальнейшего образования и повышения квалификации, з) доступ к практическому выполнению профессиональной деятельности, связанной с этой профессией, и) улучшение языковых навыков. Значимость этих переменных в факторе варьируется соответственно на уровне от 0,416 до 0,153.

Внутреннюю непротиворечивость отдельных факторов как показатель их надежности мы проверили с помощью расчета коэффициента альфа Кронбаха (табл. 5). Рассчитанные значения коэффициента свидетельствуют, что внутренняя согласованность переменных, составляющих указанные факторы, является приемлемой. Эти данные показывают, что в иерархии мотивов эмиграции медсестер доминируют экономические факторы и наименее значимо повышение квалификации. Показатель коэффициента социального фактора – за границами значимости.

Таблица 5

Значения коэффициента альфа Кронбаха (α) факторов эмиграции медсестер

Фактор	Экономический	Условия труда на рабочем месте	Повышение квалификации
Значение коэффициента альфа (α)	0,824	0,722	0,758

Маловероятно, что описанные выше факторы в близком будущем станут менее актуальными и значимыми. Изменение этой ситуации требует проведения существенных мер по реформированию системы здравоохранения, которая бы устранила влияние названных факторов на эмиграционные решения врачей и медсестер. В случае врачей, вмешательство в маркерные переменные главного фактора их эмиграции с точки зрения временных затрат и инвестиций не является столь сложным. Напротив, влияние на маркерные переменные экономического фактора эмиграции медсестер с точки зрения как временной перспективы для разработки и осуществления определенных реформенных преобразований, так и объема инвестиций требует значительно больших затрат. В то же время необходимо подчеркнуть, что эмиграционные решения врачей и медсестер зависят не только от доминирующего фактора. Как правило, окончательное решение об эмиграции основано на синергетическом эффекте силы влияния всех факторов, о чем свидетельствуют значения коэффициента альфа. А это означает, что и в близком будущем устойчивость кадрового обеспечения системы здравоохранения и, следовательно, оказание адекватной медицинской помощи населению по-прежнему будут находиться под угрозой.

Заключение. Исследуемые факторы трудовой эмиграции врачей и медсестер являются масштабными и сложными, особенно с точки зрения определения меры возможного влияния на них с целью снижения их воздействия на негативные аспекты миграционных процессов. Во-первых, значения коэффициентов альфа факторов эмиграции врачей практически не отличаются. Исключением является социальный фактор, четвертый в иерархии значимости. Во-вторых, не наблюдается существенных отличий в показателях значимости главных переменных отдельных факторов, за исключением переменной «социальный статус врача в обществе», одной из составных частей социального фактора. Несколько отличная закономерность наблюдается в показателях значения коэффициентов альфа и в значимости главных переменных факторов эмиграции медицинских сестер. Значения как коэффициентов альфа всех факторов, так и показателя значимости главных переменных этих факторов эмиграции медицинских сестер между собой отличаются очень мало. Эти закономерности существенно осложняют не только исследование процессов эмиграции медицинских работников, но и разработку и планирование эффективных мероприятий их регуляции в интересах как стран, принимающих мигрантов, стран источников мигрантов, так и самих эмигрантов. Это объясняется тем, что исследуемые факторы отражают не только личные интересы самих эмигрантов, но и широкий спектр процессов, связанных с функционированием общества и самой системы здравоохранения. Для снижения интенсивности и масштабов эмиграции врачей и медсестер недостаточно определить и обосновать ее факторы. Вместе с тем их нельзя рассматривать и как совокупность технических переменных, которые однозначно определяют эмиграционные мотивы врачей и медсестер, поскольку отражают более широкий спектр связей и проблем в различных сферах общества. Кроме того, созревание конкретных решений об эмиграции сопровождается влиянием средств массовой информации, социальных сетей, других информационных потоков, которые «смещают» силу влияния главных факторов и тем самым повышают или снижают их воздействие на решения о трудовой эмиграции врачей и медицинских сестер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

Národné centrum zdravotníckych informácií [National Center for Health Information]. (2020) In: Zdravotnícke ročenky [Medical Yearbooks]. URL: http://www.nczisk.sk/Statisticke_vystupy/Publikacie_statisticke_prehlady/Zdravotnicke_rocenky/Pages/Archiv.aspx (accessed 20.02.2021). (In Slovak.)

Reichová D., Hanzelová E., Kostolná Z. (2006) *Sprístupnenie trhov práce vo vybraných krajinách EÚ a vývojové trendy na trhu práce v SR*. Výskumná úloha č. 2118 [Access to Labour Markets in Selected EU Countries and Development Trends on the Labour Market in Slovakia. Research task no. 2118]. Bratislava: Inštitút pre výskum práce a rodiny, 2006. URL: http://www.ceit.sk/IVPR/images/IVPR/vyskum/2006/Reichova/Spristupnenie_TP.pdf (accessed 13.05.2021). (In Skovak.)

Zdravie a zdravotníctvo na Slovensku v Európskom porovnaní v roku 2016 (Analýzy a komentáre založené na údajoch správy OECD: Health at a Glance: Europe 2016) [Health and Healthcare in Slovakia in comparison with Europe in 2016 (Analyzes and Comments Based on OECD Report Data: Health at a Glance: Europe 2016)]. (2016) URL: http://cpldz.sk/wp-content/uploads/2017/01/OECD-anal%C3%BDza-zdravia-2016-final-1.pdf (accessed 23.11.2020). (In Skovak.)

Atte F. (2020) The Moral Challenges of Health Care Providers Brain Drain Phenomenon. *Clinical Ethics*. Vol. 16. No. 2: 67–73. DOI: 10.1177/1477750920946614.

Bradby H. (2014) International Medical Migration: A Critical Conceptual Review of the Global Movements of Doctors and Nurses. *Health*. Vol. 18. No. 6: 580–596. DOI: 10.1177/1363459314524803.

Chamie J. (2020) International Migration amid a World in Crisis. *Journal on Migration and Human Security.* Vol. 8. No. 3: 230–245. DOI: 10.1177/2331502420948796.

Chander R., Murugesan M., Ritish D. et al. (2020) Addressing the Mental Health Concerns of Migrant Workers during the COVID-19 Pandemic: An Experiential Account. *International Journal of Social Psychiatry.* Vol. 67. No. 7: 826–829. DOI: 10.1177/0020764020937736.

Hardy J., Shelley S., Calveley M., Kubisa J., Zahn R. (2016) Scaling the Mobility of Health Workers in an Enlarged Europe: An Open Political-economy Perspective. *European Urban and Regional Studies*. Vol. 23. No. 4: 798–815. DOI: 10.1177/0969776414551100.

Hardy J., Calveley M., Kubisa J., Shelley S. (2014) Labour Strategies, Cross-border Solidarity and the Mobility of Health Workers: Evidence from Five New Member States. *European Journal of Industrial Relations*. Vol. 21. No. 4: 315–333. DOI: 10.1177/0959680114553159.

Humphries N., McAleese S., Tyrrell E. et al. (2015) Applying a Typology of Health Worker Migration to non-EU Migrant Doctors in Ireland. *Human Resources for Health.* Vol. 13. Article no. 52. DOI: 10.1186/s12960-015-0042-2.

Kingma M. (2008) Nurse Migration and the Global Health Care Economy. *Policy, Politics & Nursing Practice*. Vol. 9. No. 4: 328–333. DOI: 10.1177/1527154408327920.

Kovacheva V., Grewe M. (2019) *Migrant Workers in the German Health-care Sector.* Hamburg Institute of International Economics (HWWI). URL: http://www.imabe.org/index.php?id=2267 (accessed 13.01.2021).

Mýtna Kureková L., Žilinčíková Z. (2016) *What is the Value of Foreign Work Experience of Young Return Migrants in Slovakia? Analysing Online CV Data in Slovakia*. Bonn: Institute for the Study of Labor. URL: http://papers.ssrn.com/abstract=2776926 (accessed 14.12.2020).

Labonté R. (2018) From Émigré Health Workers to Medical Tourists: When Migration Challenges Health Systems. *European Journal of Public Health.* Vol. 28. No. 1. Article ID: cky044.008. DOI: 10.1093/eurpub/cky044.008.

Martin F. (2018) Recession and Migration: A New Era for Labor Migration? *International Migration Review.* Vol. 43. No. 3: 671–691. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2009.00781.x.

Martin S., Bergmann J. (2021) (Im)mobility in the Age of COVID-19. *International Migration Review.* Vol. 55. No. 3: 660–687. DOI: 10.1177/0197918320984104.

OECD. (2019) *Health Statistics*. URL: http://www.oecd.org/health/health-data.htm (accessed 23.11.2020).

Oulton J.A. (2006) The Global Nursing Shortage: An Overview of Issues and Actions. *Policy, Politics & Nursing Practice*. Vol. 7. No. 3: 34–39. DOI: 10.1177/1527154406293968.

Shevtsova L. (1992) Part I: Central and Eastern Europe: The Twin Specters of Mass Unwanted Migration and Mass Involuntary Migration: Post-Soviet Emigration Today and Tomorrow. *International Migration Review.* Vol. 26. No. 2: 241–257. DOI: 10.1177/019791839202600203.

Skills for Care. (2020) *The State of the Adult Social Care Sector and Workforce in England: October 2020*. URL: https://www.skillsforcare.org.uk/adult-social-care-workforce-data/Workforce-intelligence/documents/State-of-the-adult-social-care-sector/The-state-of-the-adult-social-care-sector-and-workforce-2020.pdf (accessed 18.03.2021).

Chudinovskikh O. (2018) Statistics on International Migration in Russia: The Current Situation // *United Nations Economic Commission for Europe: Conference of European Statisticians*, Geneva, Switzerland, 24–26 October 2018. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.10/2018/mtg1/RUS_Chudinovskikh_ENG.pdf (accessed 13.09.2021).

Watson R. (2011) European Health Ministers Focus on Migration of Health Workers. *British Medical Journal*. Vol. 342. Article no. d2347. DOI: 10.1136/bmj.d2347.

Wismar M., Maier C.B., Glinos I.A., Dussault G., Figueras J. (eds) (2011) *Health Professional Mobility and Health Systems: Evidence from 17 European Countries*. URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0017/152324/Health-Professional-Mobility-Health-Systems.pdf (accessed 28.06.2021).

Żuk P., Żuk P., Lisiewicz-Jakubaszko J. (2019) Labour Migration of Doctors and Nurses and the Impact on the Quality of Health Care in Eastern European Countries: The Case of Poland. *The Economic and Labour Relations Review.* Vol. 30. No. 2: 307–320. DOI: 10.1177/1035304619847335.

Zwysen W. (2018) Different Patterns of Labor Market Integration by Migration Motivation in Europe: The Role of Host Country Human Capital. *International Migration Review*. Vol. 53. No. 1: 59–89. DOI: 10.1177/0197918318767929.

Статья поступила: 07.10.21. Финальная версия: 16.11.21. Принята к публикации: 17.11.21.

LABOR EMIGRATION TRENDS AND FACTORS OF DOCTORS AND NURSES (the Case of Slovakia)

VOJTOVIČ S.*, TUPA M.*, SROVNALIKOVA P.*

**University of Alexander Dubček in Trenčín, Slovakia*

Sergej VOJTOVIČ, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (sergej.vojtovic@tnuni.sk); *Magdalena TUPA, Cand. Sci. (Social.), Senior Lecturer* (magdalena.tupa@tnuni.sk); *Paulina SROVNALIKOVA, Cand. Sci. (Econ.), Senior Lecturer* (paulina.srovnalikova@tnuni.sk). *All – Faculty of Social and Economic Relations, University of Alexander Dubček in Trenčín, Trenčín, Slovakia.*

Acknowledgements. Grant from the Slovak Research and Development Agency No. APVV-19-0579.

Abstract. The scope and quality of provided healthcare have in recent decades progressively struggled with meeting the population's needs driven by the aging processes of the population and the subsequent deterioration of their health. The cause behind this situation is, among other things, the lack of medical staff due to their emigration to work abroad. Based on this, the main goal of our research was to define the factors that affect the motives and plans for the emigration for work of physicians and nurses. To achieve this goal, an analysis of trends, intensity and extent of labour and interim migration is carried out. The lack of staff in healthcare facilities is explained and the factors of labour emigration of doctors and nurses are defined. At the same time, the strength of the influence of individual factors on the motives of labour emigration of the named categories of health workers is determined. We consider these findings to be the main scientific contribution to the study of the issue. Nevertheless, a practical solution to this problem requires knowledge of its other contexts, especially the mechanisms of shaping emigration decisions in the context of the current family, work and social climate. In conclusion, it is argued that only extensive and thorough knowledge of these processes can guarantee the creation and implementation of adequate measures in order to ensure that healthcare facilities have adequate staffing and are therefore able to provide adequate healthcare.

Keywords: healthcare, emigration, emigration factors, staffing, medical care, physicians, nurses.

Received: 07.10.21. Final version: 16.11.21. Accepted: 17.11.21.

© 2021 г.

Т.Г. НЕФЕДОВА, Л.М. БАСКИН, Н.Е. ПОКРОВСКИЙ

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОСТРАНСТВА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ БЛИЖНЕГО СЕВЕРА (кейс Мантуровского района Костромской области)

НЕФЕДОВА Татьяна Григорьевна – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН (trene12@igras.ru); *БАСКИН Леонид Миронович – доктор биологических наук, главный научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции* (baskinlm@mail.ru); *ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН* (npokrovsky@hse.ru). *Все – Москва, Россия.*

Аннотация*. На основе концепции «клеточной глобализации» анализируются социально-экономические процессы на Ближнем Севере России, прежде всего в Костромской области. С использованием статистического анализа и полевых исследований авторы прослеживают эволюцию и современное состояние поселенческой и хозяйственной структуры сел удаленного муниципального района и устанавливают определенные закономерности в формировании схем миграционных центробежных и центростремительных потоков. Методика анализа социальных и хозяйственных изменений, доведенная до фиксации состояния сельских домохозяйств (в том числе с помощью использования квадрокоптеров), позволяет обоснованно судить о формировании новой социальной структуры традиционных сельских социумов с растущим сегментом городских дачников.*

Ключевые слова: *«клеточная глобализация» • дезурбанизация • сельские территории • урбанизация • центростремительная и центробежная миграция • поселенческая структура «малых территорий» • дачная миграция*

DOI: 10.31857/S013216250016852-0

«Клеточная глобализация»: теоретические позиции. Исследуя структуру России территориально, надо учитывать, что все социальные процессы в большей или меньшей степени соотносятся с пространством и территориями, проецируются на них. Огромные территории страны – это ресурс развития социумов, но одновременно существуют и проблемы растянутости коммуникаций, передвижения и пр.

Тема пространственного масштабирования социальных процессов заняла важное место в теориях, моделирующих глобализационные процессы конца XX в. вплоть до наших дней. Глобализация проникает в клеточные структуры общества, образуя то, что получило название «клеточной глобализации» [Покровский, Нефедова, 2013]. Речь о том, что

Материалы собраны в «Угорском проекте» Сообщества профессиональных социологов», в частности, в рамках проекта РНФ № 19-18-00562 (разделы 1, 2, 7, авторы Н.Е. Покровский и Л.М. Баскин), а также проекта РНФ № 19-17-00174 на базе ИГ РАН (разделы 3, 4, 5, 6, автор Т.Г. Нефедова). В подготовке эмпирических материалов принимали участие Л.И. Гуляева и А.А. Сумерников.

большие глобализационные орбиты, охватывающие мир, конгруэнтно воспроизводят себя на микроуровне – в малых социумах, в микросообществах, на малых территориях, которые, казалось бы, дистанцированы от мировых центров. Это касается таких компонентов глобализации, как доступность пространственного движения (миграции с насиженных мест), мобильность, в том числе возвратная, индивидуализация временных траекторий, ориентация на горизонтальные сети общения и взаимодействия, доминирование рыночно-денежных отношений, поглощение локальных культур глобальными брендами («макдональдизация»), гибридизация ценностных ориентаций и форм интеллектуальной деятельности, погружение в инфокоммуникации и др. В низовых социумах начинается своеобразная адаптации к новой модели жизнеустройства [Ritzer, 2004].

Таким образом, социальные исследования на микро- и макроуровнях до известной степени оперируют схожими теоретическими и методологическими концептами, взаимодополняя друг друга. Из этого следует, что социологический анализ макроглобализации позволяет найти ключ к интерпретации микропроцессов и явлений на низовом уровне. Жизнь сельских сообществ раскрывает под этим углом зрения не только свою сложность и многомерность, но в известной мере позволяет по-новому оценить и модель планетарной глобализации. Микроанализ выявляет важные детали, нюансы, конфликты и опасности, которые часто теряются или уходят на второй план. Именно концепция сочетания микро- и макроглобализационного анализа легла в основу исследовательской концепции междисциплинарного Угорского проекта, изучающего с начала 2000-х гг. социумы в регионе Ближнего Севера России. В настоящей статье на примере муниципального района Костромской области показано изменение пространства сельских территорий и формирование их новой социальной структуры с растущим сегментом городских дачников.

Территория, материалы и методы исследования. Кейс-стади. Костромская область, хотя и входит в Центральный федеральный округ, относится к Северному Нечерноземью. Ее природные особенности – отсутствие существенных запасов полезных ископаемых, климат, почвы, растительность – обусловили низкий ресурсный потенциал. Земледельческое освоение здесь было очаговым или шло по долинам рек и всегда сочеталось с использованием лесных ресурсов. Несмотря на благоприятную историческую обстановку – на территории области практически не было военных действий, для нее характерно быстрое сокращение населения за пределами областного центра. При этом область остается с отчасти архаичной экономикой. Все это определяет выбор Костромской области как наиболее подходящего полигона для изучения эволюции локальных сельских территорий Ближнего Севера в свете российских и глобальных процессов. Именно здесь отчетливо проявляются традиционализм населения и ярче проявляются успехи и провалы управляющих страной сил. Объединение поселений ради экономии средств на инфраструктуру, сокращение медицинского и социального обслуживания зримо отражаются на оттоке сельского населения.

Для исследований был выбран Мантуровский район (ныне городской округ Мантурово), расположенный в 260 км к востоку от Костромы и в 550 км от Москвы. Условия Мантуровского района значительно более суровы, чем на юго-западе области, – ниже зимние температуры, дольше сохраняется снежный покров, выше заболоченность. На территории, занимающей 4,5% площади Костромской области, живет лишь 2,5% ее сельского населения. Это типичный периферийный район, настоящая российская лесная глубинка. Депопуляция сельского населения опережала в нем сжатие хозяйственной деятельности. Плотность сельского населения – 2,3 человека на кв. км – одна из самых низких в области, и почти все население сосредоточено в узкой полосе вдоль реки Унжи.

Однако район оказался весьма привлекательным для «дачников» – тех, кто купил здесь опустевшие сельские дома и приезжает на лето, лишь немногие из них стали местными жителями (при сохранении регистрации и жилья в городах). Так экологический потенциал территории, еще недавно измеряемый, в основном, условиями для сельского хозяйства и запасами леса, пригодного для вырубки, сейчас стал оцениваться с точки зрения

чистоты территории, красоты природы, обилия охотничьих ресурсов и рыбы, грибов и ягод [Баскин, Барышева, 2014]. Даже сокращение сельского населения и увеличение числа малых деревень привлекают дачников, ищущих покоя от многолюдства больших городов.

Исследование опиралось на сочетание разных методов. Анализ изменения расселения на локальном уровне основывался на статистических данных переписи населения 1907 г. Кологривского уезда по населенным пунктам, а также на данных о населении, зарегистрированном по месту жительства, полученных в начале 1990-х и 2018–2020-х гг. непосредственно в администрациях сельских поселений в процессе экспедиционных обследований. Для анализа характера использования домов, а также динамики размещения хозяйственных объектов и социальной инфраструктуры использовались полевые исследования деревень с 2006 г. в рамках Угорского проекта Сообщества профессиональных социологов. Исследование дополнялось использованием дистанционных методов: дешифрирования данных камер квадрокоптеров в сочетании с подворным обходом населенных пунктов. Это позволило провести сплошную оценку характера состояния деревень и выявить основные этапы эволюции хозяйственной и социальной структур. На основе изучения архивов г. Мантурово и документов сельсоветов с помощью местной жительницы Л.И. Гуляевой восстановлена история трансформации хозяйственных и социальных объектов за период 1960–2020 гг. В 2019 г. было проведено визуальное обследование 40 деревень, расположенных к юго-западу от г. Мантурово, с целью определения современного состояния домов и их вторичного использования дачниками, выделяя приезжающих на летние месяцы из крупных городов, в том числе из Москвы, и тех, кто переселился в г. Мантурово, но использует родные дома и участки для отдыха и огородничества.

История освоения и эволюция хозяйственной структуры Мантуровского района Костромской области. Заселение этих лесных земель русскими переселенцами происходило с запада от Новгорода Великого в VIII–XII вв. Позже сюда направлялось население с юго-востока, спасаясь от набегов татаро-монголов. В состав Московского княжества территория вошла в конце XV в.

Под пашни и луга приходилось расчищать лес. Преобладали деревни-малодворки, а земледелие долго оставалось экстенсивным и подсечно-огневым, нацеленным на самообеспечение. Основные заработки были связаны с лесоразработками. Вдоль Унжи возникали лесные ярмарки, а лес сплавляли по реке к Нижнему Новгороду. Значительная часть населения занималась также валяльным, надомным льноткацким и другими промыслами. Было распространено отходничество в другие регионы на заработки [Между домом..., 2016]. Экономический подъем фиксируется здесь во второй половине XIX в. в результате инвестиций лесопромышленников из крупных центров и из-за границы [Торопов, 2012].

Мощный толчок развитию района дала железная дорога, которая прошла через Мантурово на Вятку (Киров) в 1906 г. И хотя деревня Мантурово впервые упоминается в 1617 г., к началу XX в. в ней жили всего 170 человек. Наличие железнодорожной станции стимулировало переработку леса, сплавляемого по Унже. В 1915 г. в Мантурово был построен фанерный завод, один из крупнейших в России в начале века. Войдя в группу предприятий фанерной промышленности фирмы «Свеза-лес», он до сих пор является градообразующим предприятием города. Максимальная численность населения районного центра Мантурово в 1979 г. была 22,5 тыс. С тех пор она уменьшилась до 15,5 тыс. в 2020 г.

Земли к юго-западу от Мантурово, где проводились исследования, мало плодородны. Здесь наблюдалось особенно активное отходничество в начале XX в., поскольку крестьяне не могли себя прокормить на земле и нужны были дополнительные заработки. Несмотря на это, коллективизация стимулировала расширение посевных площадей, в том числе осушая болота. Однако урожайности культур были низкими, колхозы убыточными. Проблемы решались периодическими укрупнениями хозяйств: в 1930-х, конце 1940-х, в 1960-х, в 1980-х гг. В 1930-х г. в районе было 90 колхозов, сейчас сохранилось четыре сельскохозяйственных предприятия, бывших колхозов, причем два из них вошли в состав региональных агрохолдингиов. Площади под зерновыми культурами с середины XX в. по 1990 г.

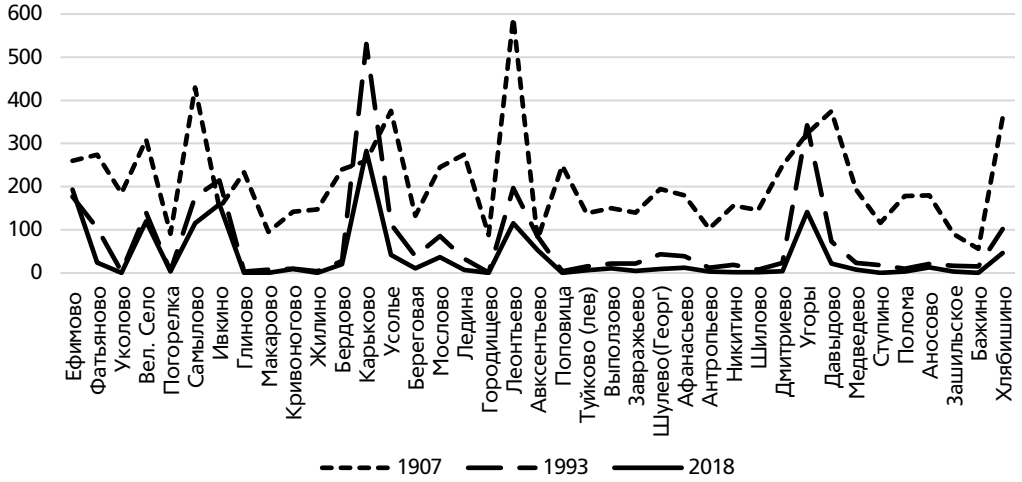

Рис. 1. Население в селах и деревнях (*чел.*) в полосе освоения вдоль реки Унжа на юго-запад от г. Мантурово с 1907 по 2018 г.

уменьшились в два раза, с 1990 по 2018 – еще в 2,5 раза. Лесоразработки тоже сжались к железной и автомобильной дорогам, удаленные лесовозные дороги заброшены. В районе много «серых» лесорубов. Не только они, но и крупные фирмы, заготавливающие лес недалеко от трассы Кострома–Киров, оставляют замусоренные пожароопасные вырубки и разбитые лесовозные дороги[1].

Основные детерминанты поляризации поселенческой структуры на локальном уровне в XX–XXI вв. В начале XX в. территория к юго-западу от г. Мантурово, длиной около 40 км была плотно заселена, а земли между рекой Унжа и автодорогой были почти полностью распаханы. Сельское население начало таять здесь сразу после революции, но особенно быстро после 1930-х гг. Рис. 1 показывает, как плотно заселенная полоса превратилась в отдельные населенные очаги. В начале XX в. она включала более четырех десятков деревень, из которых сохранили население лишь 28, в том числе 8 деревень имеют менее 5 жителей. Число жизнеспособных сельских населенных пунктов сократилось вдвое, численность населения в 5 раз. В 1907 г. вдоль этой полосы во всех деревнях жили 8 тысяч человек, к 1990-м гг. осталось 2,5 тысячи, в 2018 г. – 1,5 тыс. жителей.

В начале XX в. самым крупным населенным пунктом было село Леонтьево. С ухудшением положения сельского хозяйства к концу советского периода больше всего населения концентрировал лесопромышленный поселок Карьково, который остается крупнейшим в этой полосе (хотя и теряющим население). Население пространственно сжималось к локальным центрам, оставляя между ними пустоты, особенно обширные на удалении от Мантурово.

Убыль населения происходила особенно интенсивно в советское время, главным образом благодаря миграциям в города. Размер населенного пункта к 1990-м гг. почти полностью определялся динамикой населения в 1907–1993 гг. – коэффициент корреляции 0,89 (табл.). Ккорр современного числа жителей с советской динамикой почти тот же (0,88). А с постсоветской – он ниже (0,51). Иначе говоря, современное расселение – в основном продукт депопуляции советского времени, которая, помимо активной урбанизации, во многом была связана и с укрупнением колхозов и стягиванием населения в более крупные населенные пункты. После короткой кризисной дезурбанизационной паузы начала 1990-х гг. миграции в города продолжились [Нефедова, Трейвиш, 2017],

[1] *Козлова Н.* Аренда лесов больно ударяет по интересам местного населения // Российская газета – Федеральный выпуск. 2021. 10 октября. № 232(8583).

Таблица

Коэффициенты корреляции между показателями размера населенных пунктов (НП) и динамики населения в XX и XXI вв.

Показатели	Размер НП			Динамика населения	
	1907	1993	2018	1993 к 1907	2018 к 1993
Размер НП 1907	X				
Размер НП 1993	0,44	X			
Размер НП 2018	0,39	**0,94**	X		
Динамика населения 1993 к 1907	0,1	**0,89**	**0,88**	X	
Динамика населения 2018 к 1993	0	0,29	0,51	0,5	X
Расстояние до Мантурово	–0,08	–0,15	–0,3	–0,19	–0,52

а динамика стала сильнее зависеть от расстояния до областного центра. Более явно стал сказываться географический фактор удаленности населенного пункта от города.

Местная молодежь после окончания средней школы в значительной степени ориентирована на города. Опросы местных жителей с помощью студентов в 2008, 2014, 2017 гг. показывали, что более чем в трех четвертях домохозяйств дети или другие ближайшие родственники уже живут в городах, в том числе в Мантурово, Костроме, Москве [Нефедова, 2008; Pokrovsky, Nefedova, 2017]. Помимо общих трендов урбанизации, масштабы отъезда населения, особенно молодого, связаны со сжатием мест приложения труда.

Эволюция хозяйственной и социальной структуры. Несмотря на сложность природных условий, в начале 1960-х гг. на этой сравнительно небольшой территории функционировали 96 сельскохозяйственных объектов, разбросанных по 25 деревням в рамках 4 колхозов, в том числе 47 ферм и 25 конюшен. Из-за недостатка техники и сложности вспашки весной заболоченных почв лошади и в середине XX в. служили главной тягловой силой в колхозах. Было несколько зернотоков, ветеринарных пунктов, мельница, маслозавод, отправлявший продукцию даже на экспорт. В 1980-х гг. осталось 3 колхоза, а число сельскохозяйственных объектов уменьшилось до 57 (рис. 2). В пригороде Мантурово была построена птицефабрика, просуществовавшая до 2010-х гг. В 2020 г. осталось одно активно работающее предприятие в Леонтьево, ставшее подразделением агрохолдинга «Кострома-молоко» (с центром управления в Костроме). В нем построена новая ферма, обновлено поголовье: к характерной костромской породе добавлены более продуктивная голштинская. Это один из основных поставщиков молока на Мантуровский маслосырзавод. Муниципальное сельскохозяйственное предприятие «Победа» недалеко от Мантурово закрылось, поскольку у района не было средств для его содержания.

В наиболее удаленном предприятии «Свобода» с центром в Угорах в середине 1990-х гг. еще оставалось около 100 работников. Затем большая часть по возрасту ушла на пенсию, а смены не было. Молодежь в деревне не остается. Из-за длительного отрицательного социального отбора проблемы алкоголизма среднего поколения остры. Немногочисленное непьющее население предпочитает мизерным зарплатам в колхозе временные подработки у дачников. Сильно сократившееся поголовье скота перевели в центр поселения Угоры, а колхоз превратился в малое предприятие своего председателя с большими долгами. И хотя в нем числится два десятка человек на случай экстраординарных работ, фактически все делает сам председатель с двумя-тремя надежными работниками.

Три попытки организовать приезжими в 2000-х гг. в этой полосе расселения фермерские животноводческие хозяйства закончились неудачно. Несмотря на энтузиазм двух горожан и одного приезжего из Средней Азии, желающих заниматься разведением скота и даже овощеводством, пробить без связей чиновничьи барьеры для получения кредитов и даже земли (несмотря на обилие заброшенных полей вокруг) оказалось невозможно [Ойкумена..., 2016].

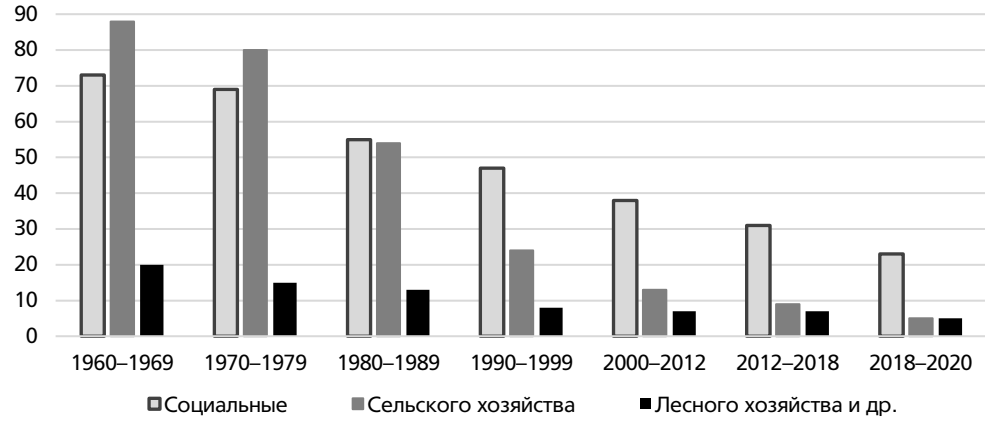

Рис. 2. Изменение числа социальных и хозяйственных объектов с 1960 по 2020 гг.

Лесное хозяйство было более успешным, хотя инфраструктура тоже сжалась (рис. 2). До 1990-х гг. практиковался сплав древесины по реке Унжа, работали сплавные конторы, пилорамы. К 2020 г. осталось три пилорамы. Занятость на лесозаготовках, а также на фанерном заводе в городе Мантурово остается одним из основных способов официального заработка населения. Все прочие объекты хозяйственной деятельности – кузницы, три кирпичных завода, а также обслуживание судоходства по Унже – исчезли. Зато появились новые виды занятости, связанные с обслуживанием таежной станции и отделения заповедника. Если в 1960-х гг. центров наибольшей концентрации хозяйственных объектов было 12, причем наиболее мощные были в селах Угоры и Леонтьево, то к концу советского периоды их осталось шесть, а в настоящее время почти все свелось к селу Леонтьево.

Главная занятость населения в настоящее время остается на социальных и торговых объектах, хотя их число также уменьшилось с 65 в 1960-х до 20 в 2020 г. (рис. 2). Наиболее пострадали школы. На 40 деревень в 1960-х гг. приходилось 8 начальных, 4 средние школы и 3 детских сада. Начальные школы закрылись в 1990-х гг., к 2020 г. осталась одна школа в селе Леонтьево. Рейсового транспорта между деревнями нет. Деревни разбросаны в полосе длиной 40 км и шириной 2–4 км, школьному автобусу требуется до 1,5 часов, чтобы собрать всех детей в школу и после уроков развезти обратно. К тому же младшие школьники ждут окончания занятий старших, чтобы уехать на школьном автобусе в свою деревню. Такая система не устроила многих родителей, что подтолкнуло их к отъезду.

Закрылась в 2000-х гг. больница в Леонтьево, осталось на всю территорию 5 медпунктов. Из 10 клубов сохранились 4, столько же почтовых отделений. Из 12 магазинов, которые обслуживали эту территорию, на все 40 км осталось два магазина и автолавка, доезжающая раз или два в неделю далеко не до всех деревень. Закрылись столовые, пекарни, спортзалы. Жизнь потихоньку уходит из этих территорий.

Благодаря тому, что сельскохозяйственным центром стало Леонтьево, село усилило функции социального обслуживания всей территории, почти сравнявшись с Карьково – бывшим лесопромышленным поселком, сконцентрировавшим к концу советского времени почти 20% населения (рис. 3). Хуже ситуация в Самыловском центре, несмотря на его незначительную удаленность от Мантурово и размещение в нем Отдела по развитию сельских территорий. Здесь сказывается эффект пригородной тени муниципального центра [Burger et al., 2015], который перехватывает социальные функции. Люди предпочитают ездить в город, ослабляя тем самым развитие ближайших территорий. И хотя в Мантурово в последние годы появляется все больше торговых предприятий, в том числе благодаря спросу летнего дачного населения округа, сам город слишком мал для того, чтобы оказывать заметное влияние на экономического развитие ближайших территорий [Нефедова,

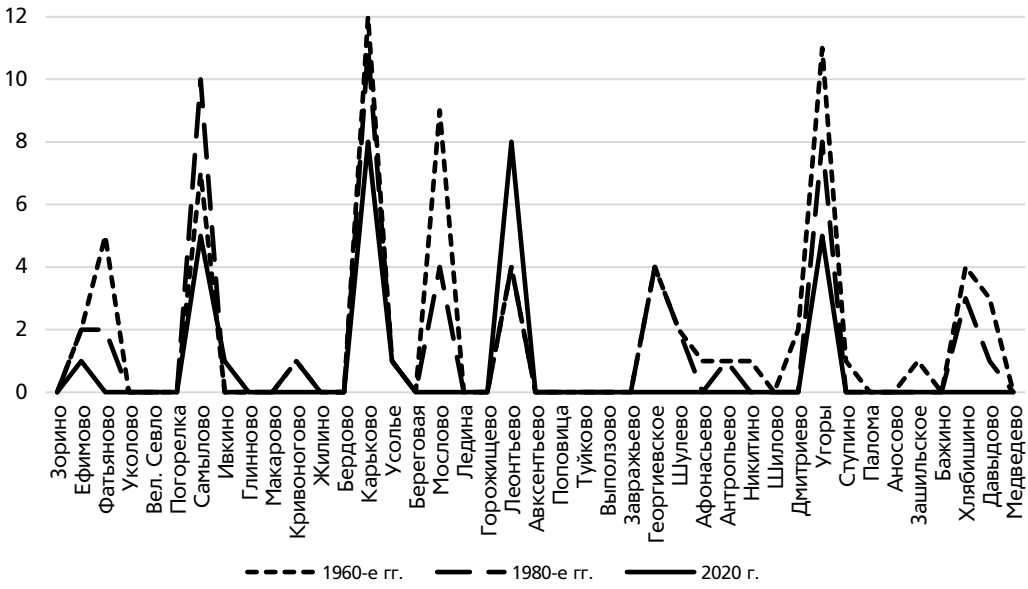

Рис. 3. Изменение числа социальных объектов во второй половине XX – начале XXI в.

Медведев, 2020]. Самая сложная ситуация в наиболее удаленном бывшем Угорском поселении, особенно после закрытия школы. Содержать штат учителей и старинное каменное здание ради нескольких учеников слишком накладно, а иных вариантов обучения не предусмотрено, хотя оказавшиеся без работы учителя, живущие в той же деревне, вполне могли бы обучать младших школьников на месте с периодическими проверками знаний в школе.

Сезонная дезурбанизация как перспектива развития удаленных от городов сельских территорий. Для всей рассматриваемой территории характерна гораздо большая устойчивость домов (добротных, построенных в начале или середине XX в.), по сравнению с динамикой населения. Средний размер домохозяйств уменьшился с 5 человек в начале XX в. до 1,8 в начале XXI в. При этом, чем дальше от Мантурово, тем больше необитаемых домов (рис. 4). Часть домов разрушена, но многие сохранившиеся дома время от времени посещаются уехавшими хозяевами, которые готовы продать их. Все это создает жилой фонд для вторичного освоения территории горожанами-дачниками.

Почти в каждой деревне есть дачники из разных городов, которые живут здесь от нескольких недель до нескольких месяцев. Однако выявить реальное их число крайне сложно, так как с середины 2000-х гг. местные и муниципальные администрации не ведут учет сделок с недвижимостью. К 2010-м гг. регистрационная служба полностью перешла в федеральное подчинение, предоставляя регионам лишь агрегированную информацию. Временную регистрацию оформляет малая доля дачников. До образования в 2018 г. единого Мантуровского городского округа и особенно до 2012 г., когда были объединены Леонтьевское и Угорское поселения, информация о постоянных и временных жителях хранилась в администрации сельских поселений, которые вели учет сделок купли-продажи домов и участков. Сейчас локальной власти нет, а администрации округа не до чуждых им дачников.

Тем не менее покупка деревенских домов горожанами для летнего отдыха – весьма распространенная практика в этих живописных местах. В небольших деревнях летом число горожан превышает численность местных жителей. Дачники редко строят новый дом, а предпочитают облагораживать типичные для Русского Ближнего Севера бревенчатые дома на высоких подклетях. Среди них преобладают москвичи среднего и старшего возраста, в основном среднего достатка и творческих профессий. Дачники, несмотря на постоянное взаимодействие в своей деревне с местными жителями, все-таки представляют

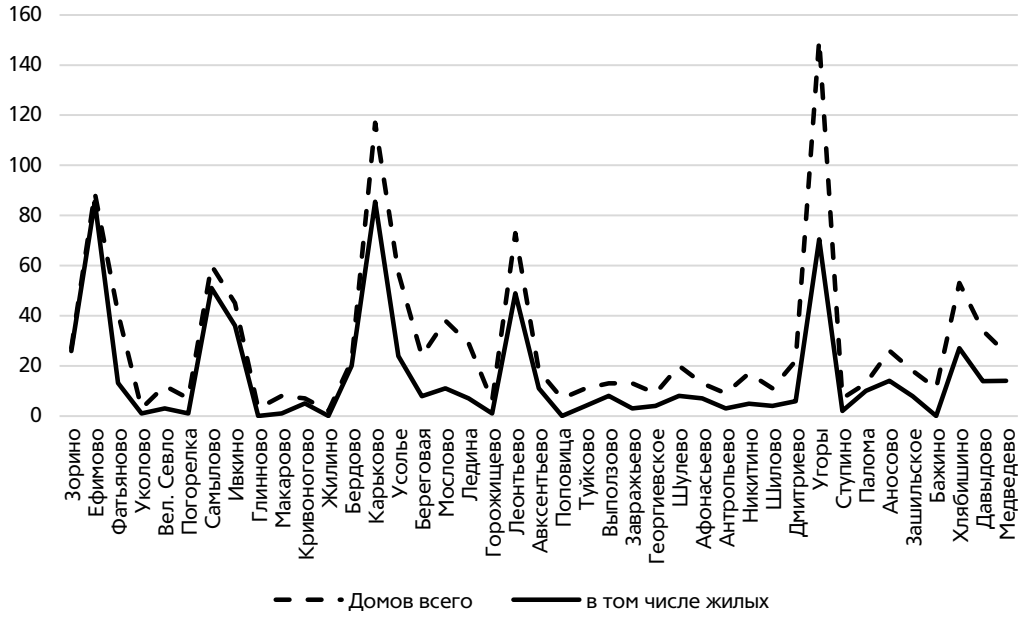

Рис. 4. Количество домов, в том числе обитаемых, в населенных пунктах в 2020 г.

собой чуждое ей сообщество и активнее общаются с дачниками в соседних деревнях, даже расположенных за несколько километров, формируя собственные сетевые структуры. Главным для дачников остается тесная связь с природой, река, лес, обустройство деревенского дома и больших полудиких участков вокруг, чтение и приятное общение, что позволяет хотя бы временно освободиться от суеты городских забот.

Коэффициент корреляции доли дач в деревнях с современными размерами деревень, равный –0,28, не очень значим, но все же отражает явную тенденцию: чем меньше деревня, тем больше в ней доля дачников. Примерно те же значения (–0,31) он имеет с показателем потерь сельского населения с 1907 г. Относительно низкая, хотя и отрицательная степень взаимосвязанности этих показателей объясняется тем, что нежилые дома в малых деревнях часто находятся в плачевном состоянии и требуют больших вложений.

Гораздо более явная связь дачного использования прослеживается со степенью удаленности от районного центра (рис. 5) и с расстоянием от деревни до реки Унжи. Постоянно обитаемых домов в настоящее время больше всего в пригородном Самыловском поселении в 10–18 км от Мантурово. Дачников там мало, как и нежилых домов, пригодных под дачи. Зато мало и развалин. В Леонтьевском поселении, растянувшемся на расстояние от 19-го до 30-го км, нежилых и дачных домов больше, хотя много и непригодных для жизни домов. Наиболее велика относительная доля дач в самом удаленном бывшем Угорском поселении, где, как и в Леонтьевском, еще есть потенциал дальнейшего дачного освоения.

Несмотря на то что горожане живут в деревнях от двух недель до 4–5 месяцев в году, их роль в сохранении не только жилых домов (следовательно, и сети расселения), но и жизнеспособности сельской местности, велика. Они стали главными работодателями местных жителей (ремонт домов, постройки, покос травы, покупка ягод и рыбы, продуктов личного подсобного хозяйства, присмотр за домами зимой и т.п.). Работоспособные жители нарасхват, сезонных заработков у горожан им хватает, чтобы прожить зиму. А дачники заинтересованы в том, чтобы жители в деревне были, так как существует опасность разорения домов зимой. Наличие общих интересов стимулирует более обеспеченных горожан вкладываться в ремонт грунтовых дорог до деревень, их обустройство и т.п. Покупательский спрос дачников стимулирует не только местную торговлю, а значит, и рабочие места, но

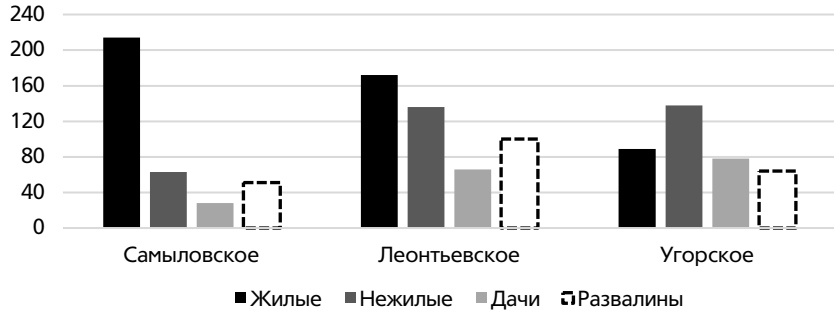

Рис. 5. Число жилых и нежилых домов, домов, приобретенных дачниками, и развалин в деревнях бывших сельских поселений по мере удаления от районного центра Мантурово

и ее активизацию в Мантурово. Есть примеры инвестиций дачников в сельское хозяйство местных жителей, правда, не всегда удачных [Аверкиева, Нефедова, 2016], и даже своеобразный симбиоз дачников, вкладывающихся в покупку скота, и колхозов, предоставляющих пустующие помещения и выращивающие корма. Именно горожане, «прикипевшие» к своим вторым домам, становятся в таких местах основным стимулом развития сельской местности, в том числе поиска нетривиальных (рекреационных, образовательных) путей ее сохранения и развития.

Заключение. Детальное изучение социальных индикаторов, разбросанных по так называемым малым территориям внегородской России, позволяет методом научной экстраполяции подниматься на уровень макрообобщений, касающихся базовых трендов современного развития социумов. Многолетние исследования трансформации социально-хозяйственных структур на локальной территории и взаимодействия местных сообществ и пришлого населения наглядно подтверждают смену парадигм развития многих сельских территорий. Особенно это касается Центра России, находящегося под сильным влиянием Москвы, даже в таких удаленных районах, как периферия Костромской области. На глазах ослабевает до полного аннигилирования поселенческая наполненность традиционных населенных пунктов (сел и деревень). Заброшенные деревни с минимумом постоянных жителей или вовсе без них, разрушенные и сгнившие крестьянские дома, заросшие подлеском поля и брошенные фермы стали неотъемлемой частью местных ландшафтов. Этот распад исторически сложившейся территориальной структуры начался еще в советский период в процессе активной урбанизации и центростремительной миграции в растущие города и лишь усилился в постсоветское время. На этом фоне постепенно, но устойчиво набирает свою динамику противоположный процесс центробежной миграции из больших городов, создающий, хотя и сезонно, в опустевших деревнях новые поселенческие кластеры. Центробежная миграция вследствие пандемии COVID-19 ярко заявила о себе в 2020–2021 гг. [Покровский и др., 2020]. И хотя после первого шока вирусной опасности летом 2020 г. с наступлением холодов из удаленных сельских районов, в отличие от пригородов крупных центров, наблюдался отток горожан [Махрова, Нефедова, 2021], каналы выхода населения из городов были проложены.

Все эти явления, существенно влияющие на жизнь сельских социумов на Ближнем Севере и в других регионах России, создают сложную картину динамических миграционных процессов и вносят на повестку дня научного прогнозирования важнейший вопрос: есть ли и будет ли вообще жизнь вне города в регионах Нечерноземья? Можно ли считать современную продолжающуюся урбанизацию в России процессом, уходящим в будущее? Или дезурбанизация (контрурбанизация, рурализация, обратная миграция, центробежная миграция), пусть сначала и временная, будет постепенно расширяться от пригородов все дальше на периферию, в том числе и опираясь на современное дачное использование пустеющих домов, отыгрывая у города его приоритеты? Ясно одно – для оживления

уходящей жизни удаленных сельских территорий с потерей человеческого потенциала и социальной и хозяйственной инфраструктуры, как было показано на примере локальной территории в Костромской области, только энтузиазма горожан недостаточно. Нужна поддержка на региональном и муниципальном уровнях редких инициатив по организации частного сельского хозяйства, рекреационных и прочих обслуживающих предприятий, независимо от того, исходят они от местного или городского населения. Необходима поддержка дорожной, бытовой и социальной инфраструктуры, включая и отвечающий современным требованиям Интернет, в местах, сохраняющих население и популярных у дачников. Социальные нормативы должны брать в расчет не только постоянное, но и сезонное население, которое при улучшении условий жизни готово оставаться на более длительный срок. А это и сохранение жилых домов и деревень, и рабочие места для местных жителей и стимулы для развития личного подсобного и фермерского хозяйства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверкиева К.В., Нефедова Т.Г. Дачная «колонизация» российской глубинки: Пример Костромской области // Мир России. 2016. Т. 25. № 1. С. 103–128.

Баскин Л.М., Барышева С.Л. Биоразнообразие, социальный капитал и потенциал развития Ближнего Севера России // Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения / Под ред. *Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой.* М.: Логос, 2014. С. 306–353.

Махрова А.Г., Нефедова Т.Г. Сможет ли пандемия COVID-19 стимулировать субурбанизацию в Центральной России? // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2021. № 4. С. 104–115.

Между домом и ... домом: Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. *Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой.* М.: Новый хронограф, 2016.

Нефедова Т.Г. Российская глубинка глазами ее обитателей // Угорский проект: экология и люди ближнего Севера / Ред. *Н.Е. Покровский.* М.: СОПСО, 2008. С. 98–120.

Нефедова Т.Г., Медведев А.А. Сжатие освоенного пространства в Центральной России: динамика населения и использование земель в сельской местности // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2020. Т. 84. № 5. С. 645–659. DOI: 10.31857/S258755662005012X.

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? // Региональные исследования. 2017. № 2(56). С. 12–23.

Ойкумена Ближнего Севера России / Ред. *Н.Е. Покровский, Т.Г. Нефедова.* М.: Универ. книга, 2016.

Покровский Н.Е., Макшанчикова А.Ю., Никишин Е.А. Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 54–64. DOI: 10.31857/S013216250010726-1.

Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. «Клеточная глобализация» и тенденции в сельских сообществах Ближнего Севера России // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 13–35.

Торопов С.Н. История православных приходов Мантуровской земли. Кострома: ДиАр, 2012.

Burger M.J. et al. Borrowed Size, Agglomeration Shadows and Cultural Amenities in North-West Europe // European Planning Studies. 2015. Vol. 23. No. 6. P. 1090–1109. DOI: 10.1080/09654313.2014.905002.

Pokrovsky N.E., Nefedova T.G. Terra Incognita of the Russian Near North: Counter-urbanization in Today's Russia and the Formation of Dacha Communities // European Countryside. Vol. 10. No. 4. С. 673–692. DOI: 10.2478/euco-2018-0037.

Ritzer G. The Globalization of Nothing. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2004.

Статья поступила: 14.09.21. Финальная версия: 25.10.21. Принята к публикации: 18.11.21.

EVOLUTION OF SOCIO-ECONOMIC SPACE IN THE LOCAL RURAL AREAS IN THE NEAR NORTH (Case of the Manturovsky District of the Kostroma Region)

NEFEDOVA T.G.*, BASKIN L.M., POKROVSKY N.E.***, ******

**Institute of Geography RAS, Russia; **A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution RAS, Russia; ***National Research University Higher School of Economics, Russia; ****Institute of Sociology of FCTAS RAS; Russia*

Tatyana G. NEFEDOVA, Dr. Sci. (Geogr.), Chief Researcher, Institute of Geography RAS (trene12@igras.ru); *Leonid M. BASKIN, Dr. Sci. (Bio.), Chief Researcher, A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution RAS* (baskinlm@mail.ru); *Nikita E. POKROVSKY, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Chair of General Sociology, National Research University Higher School of Economics; Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS* (npokrovsky@hse.ru). *All – Moscow, Russia.*

Acknowledgements. Materials for article were collected by the authors on the research program of the Society of Professional Sociologists (SoPSo) in 2006–2019, as well as by L.M. Baskin, L.I. Gulyaeva, and A.A. Sumernikov within the framework of the Russian Science Foundation (RSF) project No. 19-18-00562. Sections 1, 2, and 7 were written by N.E. Pokrovsky and L.M. Baskin within the framework of RSF Project No. 19-18-00562; sections 3, 4, 5, and 6 were written by T.G. Nefedova within the framework of RSF Project No. 19-17-00174.

Abstract. The article deals with various theoretical and applied aspects of "cellular globalisation" in its application to the analysis of social processes taking place in the areas of the Near North of Russia and, in particular, in the Kostroma region. Using theoretical conceptualization, statistical analysis and field research, the authors trace the development and current status of the settlement structure of villages and hamlets in the Manturovo district of the Kostroma region and discover certain regularities in the emergence of patterns of centrifugal and centripetal migration. The methodology of social analysis used to study the current state of rural households (including the use of quadcopters) makes it possible to adequately assess the formation of a new social structure of traditional rural settlements with a growing segment of urban dacha residents. Special attention is paid to the dynamics of urban population growth and the emergence of de-urbanization clusters.

Keywords: "cellular globalization", rural socium(s), urbanization and de-urbanization, centripetal and centrifugal migration, formation of the modern settlement structure of "small territories", dacha migration, clusters of urban residents outside the city.

REFERENCES

Averkieva K.V., Nefedova T.G. (2016) Dachas and the Colonization of Rural Areas by Urban Citizensin Russia: The Case of the Kostroma Region. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 25. No. 1: 103–128. (In Russ.)

Baskin L.M., Barysheva S.L. (2014) Biodiversity, Social Capital and Development Potential of the Russian Near North. In: Pokrovsky N.E., Nefedova T.G. (eds) *Potential of the Near North: Economy, Ecology, Rural Settlements.* Moscow: Logos: 306–353. (In Russ.)

Nefedova T.G., Averkieva K.V., Makhrova A.G. (eds) (2016) *Between the Home and... Home. Return Spatial Mobility of Population in Russia.* Moscow: Noviy khronograph. (In Russ.)

Burger M.J. et al. (2015) Borrowed Size, Agglomeration Shadows and Cultural Amenities in North-West Europe. *European Planning Studies*. Vol. 23. No. 6: 1090–1109. DOI: 10.1080/09654313.2014.905002.

Makhrova A.G., Nefedova T.G. (2021) Can the COVID-19 Pandemic Inspire Suburbanization in Central Russia? *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografia* [Moscow University Bulletin. Series 5, Geography]. No. 4: 104–115. (In Russ.)

Nefedova T.G. (2008) Russian Hinterland Through the Eyes of its Inhabitants. In: Pokrovsky N.E. (ed.) *Ugorsky Project: Ecology and People of the Near North.* Moscow: SoPSo: 98–120. (In Russ.)

Nefedova T.G., Medvedev A.A. (2020) Shrinkage of Active Space in Central Russia: Population Dynamics and Land Use in Countryside. *Izvestiya RAN (Akad. Nauk SSSR). Seriya Geograficheskaya.* Vol. 84. No. 5: 645–659. DOI: 10.31857/S258755662005012X. (In Russ.)

Nefedova T.G., Treyvish A.I. (2017) The Transformation of Settlement in Modern Russia: Urbanization or De-urbanization? *Regionalnie issledovania* [Regional Studies]. No. 2(56): 12–23. (In Russ.)

Pokrovsky N.E., Makshanchikova A.Yu., Nikishin E.A. (2020) Reverse Migration in Pandemic Crisis: Russia's Out-of-Town Spaces as an Adaptation Resource. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 54–64. DOI: 10.31857/S013216250010726-1. (In Russ.)

Pokrovsky N.E., Nefedova T.G. (2013) "Cellular Globalization" and Trends in Rural Communities of the Near North of Russia. *Sotsiologocheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 13–35. (In Russ.)

Pokrovsky N.E., Nefedova T.G. (2018) Terra Incognita of the Russian Near North: Counter-Urbanization in Today's Russia and the Formation of Dacha Communities. *European Countryside.* Vol. 10. No. 4: 673–692. DOI: 10.2478/euco-2018-0037.

Ritzer G. (2004) *The Globalization of Nothing.* Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.

Pokrovsky N.E., Nefedova T.G. (eds) (2016) *The Oikumen of the Near North of Russia.* Moscow: University Book. (In Russ.)

Toropov S.N. (2012) *History of Orthodox Parishes of Manturovo Land.* Kostroma: DiAr.

Received: 14.09.21. Final version: 25.10.21. Accepted: 18.11.21.

© 2021 г.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ

В 2021 г. на круглом столе в честь 90-летия Н.И. Лапина были подведены итоги 30-летнего выполнения Программы социокультурных исследований Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН (ЦИСИ)[1]. ЦИСИ инициировал проект, который определил на несколько десятилетий направление исследований в рамках этой Программы и стал источником ценной эмпирической информации о жизни общества. Это был всероссийский мониторинг «Ценности и интересы населения России», первый этап которого был проведен в 1990 г., когда Россия была еще в составе Советского Союза. С тех пор состоялось семь волн, каждые 4–5 лет. Инструментарий первой волны разрабатывался с участием ведущих российских специалистов, среди которых Г.М. Денисовский, А.Г. Здравомыслов, П.М. Козырева, В.В. Колбановский, Н.Ф. Наумова, В.А. Ядов. В последующем работа над инструментарием велась Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой[2]. В течение всех лет исследований его содержание претерпевало изменения в связи с актуализацией тех или иных проблем в жизни общества, но сохранялись базовые вопросы, что давало возможность прослеживать динамику процессов. Преследовалась цель – не фиксация сиюминутных проблем, настроения общества и политической конъюнктуры, а выявление устойчивых тенденций трансформации российского общества, их восприятие людьми, а также, по возможности, путей решения основных проблем в интересах населения. Эта цель формулировалась на основе социокультурного подхода, в котором интегрируются три измерения человеческого бытия: человек в его взаимодействии с обществом, характер культуры, тип социальности (Н.И. Лапин). Каждое измерение фундаментально, не сводится к другим и не выводится из них, но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческих сообществ.

Мониторинг «Ценности и интересы населения России» носил комплексный характер. Разработаны несколько методик: для изучения стратификации общества, выделения среднего класса и материальных страт, уровня и качества жизни, социального самочувствия и благополучия, направлений профессиональной мобильности, мобильности в условиях смешанной экономики, структуры ценностей населения, состояния политической системы в контексте прав и свобод человека, измерения человеческого и социального капиталов, инновационного поведения населения и др.

На протяжении 30 лет исследования зафиксированы три этапа трансформации России. На ***первом этапе*** (1990-е гг.) изменения отличались остроконфликтным характером, дестабилизировалась структура населения, более 50% населения по своему материальному

---

[1] Круглый стол «30 лет исследований социокультурной эволюции России и ее регионов: результаты, перспективы» состоялся в мае 2021 г. В его работе приняли участие более 75 человек из 9 регионов России.

[2] Полевое исследование 1990 г. провели студенты и аспиранты социологического факультета МГУ под руководством Б.Г. Григорьева, в 1994 и 1998 гг. полевые работы были выполнены Центром социального прогнозирования и маркетинга (директор Ф.Э. Шереги). Четыре последних «поля» (2002, 2006, 2010, 2015 гг.) провел Институт сравнительных социальных исследований (директор В.Г. Андреенков). Мониторинг финансово поддерживали российские научные фонды – РГНФ и РФФИ.

положению оказалось на грани либо за гранью выживания. Начал формироваться средний класс (выделенный по материальному уровню жизни, образованию и самоидентификации), но к началу 2000-х гг. он составлял менее 15% населения с доминированием нижнего, нестабильного по своему положению слоя в его составе. Верхний средний слой образовывался преимущественно в частном секторе экономики и на акционерных предприятиях. В связи с формированием многоукладной экономики изменились профессиональные предпочтения людей, особенно молодежи, которая стремилась работать в частном секторе и в отраслях облуживания. Старшие возрастные группы слабо адаптировались к рынку труда, оставались невостребованными на предприятиях новых форм собственности. Возраст стал существенным фактором занятости и материальной дифференциации населения.

Исследования показали, что в 1990-е гг. сохранялось базовое ядро ценностей, среди которых доминировали порядок, семья, общение. Но к концу этого периода наблюдалась постепенная либерализация структуры ценностей, стала складываться ценностная поддержка, культурная легитимация процессов трансформации, формирующейся рыночной экономики, деятельности малых и средних предпринимателей. В то же время сохранялись традиционалистские компоненты. Было зафиксировано острое противостояние в сознании населения ценности свободы человека и его безопасности. Оно усугублялось растущей вседозволенностью, ведущей к нарушению законов и общественного порядка. До четверти населения поддерживали ценности вседозволенности, порожденные состоянием хаоса первого десятилетия реформ. При этом более 95% граждан волновали рост преступности, незащищенность от многих угроз, так же как и отсутствие равенства всех перед законом и судом. Эти оценки подкреплялись низким доверием граждан к правоохранительным институтам. По сравнению с 1990 г. уровень доверия граждан к суду, прокуратуре и милиции к началу 2000-х гг. стал в 1,5–2 раза ниже.

Вместе с тем три волны мониторинга на первом этапе показали, что в начале нулевых годов стали расти удовлетворенность части россиян своей жизнью и уверенность в будущем. Люди освобождались от патерналистских ожиданий, становились более самостоятельными в решении своих жизненных проблем, особенно те, кто связывал жизнь с предпринимательством и работой в акционерных и частных компаниях. Складывалось расслоение по материальному достатку, которое далее воспроизводилось и усугублялось.

Следующие три волны мониторинга, проведенные на ***втором этапе***, в нулевые годы, показали стабилизацию новых структур и процессов. Структура занятости в отраслях хозяйства говорила о снижении уровня экономического развития страны, о закреплении за ней статуса индустриального общества со значительными элементами доиндустриальной и небольшим объемом постиндустриальной экономики. Самый большой слой (до 40%) составляли адаптированные к экономическим условиям работники, в основном занятые физическим трудом, обладающие востребованной в тот период квалификацией, но в большинстве небольшими ресурсами для повышения социального положения и участия в модернизации экономики. Около 50% населения имели довольно высокое образование, были профессионалами в своем деле. Они уже могли стать социальной базой экономической модернизации, были приверженцами демократических установок и либеральных ценностей. Эти слои позитивно оценивали свое будущее, у них закреплялись рыночные стереотипы и положительное отношение к преобразованиям в России. К сожалению, многим их надеждам не было суждено сбыться.

В обществе увеличилось число сторонников свободы, достигнув в 2010 г. трети населения; в среднем классе этот показатель был выше. Одновременно запрос к государству на обеспечение личной безопасности выдвигали около 50% населения; примерно таков показатель и в среднем классе. В обществе еще была надежда, что можно совместить свободу и безопасность, если государство будет эффективно исполнять свои функции.

Данные ***третьего этапа*** (2010-е гг.) показали (это зафиксировала и 7-я волна мониторинга в 2015 г.), что данная проблема не может быть удовлетворительно решена в

существующих условиях. Страна стояла перед дилеммой: стагнация социального порядка или его модернизация? Была выбрана модернизация с усилением государственного регулирования. Наряду с воспроизводством социокультурных контрастов и рисков для населения, осуществлялась постепенная модернизация общества как следствие плюрализма форм собственности и воздействия процессов глобализации. Но темпы модернизации были не столь значимыми, как торможение социально-экономического развития. Опрос 2015 г. показал, что продолжилась стагнация социальных структур и отношений. Сформировалось и устойчиво сохранялось в течение 15 лет деление населения на две примерно равные части: с относительно высоким уровнем доходов и с доходами на уровне выживания. Это стало результатом отсутствия позитивных сдвигов в экономике и низких темпов создания высокотехнологичных, хорошо оплачиваемых рабочих мест. Состояние социальной стратификации характеризовалось нисходящей социальной мобильностью лиц, имеющих образование не выше среднего специального. Высшее образование остается в обществе главным ресурсом, который обеспечивает довольно высокий социальный статус и доход, но в последние годы все меньше защищает от безработицы и способствует стабильному заработку, вытесняя население в группы фрилансеров и прекариев.

К 2015 г. доля среднего класса уменьшилась по сравнению с 2010 и стала даже ниже, чем в 2006 г., составив 20% от численности населения. При этом средний класс стал более уверенным в себе, чаще выбирая активные стратегии сохранения или улучшения своего материального положения, чем другие слои общества. Его представители меньше рассчитывают на помощь государства и чаще высказываются за самостоятельность, против вмешательства государства в деятельность частного сектора. В их менталитете устойчиво сохраняются и постепенно укрепляются ценности самостоятельности, автономности, свободы. Но заметим, что по многим проблемам развития общества средний класс имеет близкие позиции со всем обществом, в частности по наличию у него социального капитала, по доверию к другим людям, к государственным институтам, в том числе по низкому доверию к политическим партиям, к полиции и т.д. Центральная проблема внутреннего развития России состоит в отсутствии в течение длительного времени роста среднего класса и ограниченном влиянии на развитие общества. Опрос показал, что незащищенность от бедности остается в обществе на критическом уровне (60%), хотя несколько снижаются оценки незащищенности населения от преступности, произвола чиновников и правоохранительных органов. Впервые в опросе 2015 г. поставлен вопрос о введении дифференциации подоходного налога на физических лиц. Большинство поддержали эту идею, но высказались за умеренную дифференциацию этого налога.

В последней волне мониторинга впервые зафиксировано существенное падение популярности базовых либеральных ценностей (жизнь, независимость, свобода, инициативность). Их поддержка непрерывно повышалась с 1990 г., но в 2015 г. она заметно снизилась. Начался рост сторонников авторитарной вседозволенности, теперь это новый устойчивый тренд, который может существенно повлиять на укрепление традиционных для России авторитарных форм правления, совокупность которых образует российско-азиатский этатизм. Знаковым стал регресс в обеспечении права на равенство граждан перед законом, снизилась самооценка самостоятельности граждан при решении проблем своей жизнедеятельности по сравнению с их зависимостью от общероссийской власти. Таким образом, седьмая волна мониторинга продемонстрировала попятное движение по либеральной траектории, укрепление в сознании людей ценности авторитаризма, который поддерживается, прежде всего, низкоресурсными группами населения.

Параллельно с проведением всероссийского мониторинга в ЦИСИ ИФ РАН вызревала идея дифференцированного изучения российских регионов как составных элементов большого российского общества, существенно отличающихся по экономическим и социокультурным характеристикам. Стало очевидным, что знать Россию – это, прежде всего, знать регионы страны, и Центр с энтузиазмом приступил к разработке методологии исследования регионов с опорой на всероссийскую и региональную статистику и эмпирические исследования.

К 2005 г., моменту реального начала работы над программой «Социокультурные портреты регионов», уже был накоплен существенный теоретический и методологический задел[3] для изучения России и ее регионов, опубликованы статьи и монографии о кризисном, переходном состоянии российского общества, которые послужили стартовой площадкой для разработки комплексной Программы изучения регионов. К 2005 г. была создана первая типовая методика «Социокультурный портрет региона России»[4], в которой обоснованы основные направления сбора информации. Именно в этот период стал складываться межрегиональный научный коллектив.

В 2005 г. в Институте философии РАН проведена первая конференция с обсуждением проекта Типовой программы и инструментария в целом, ставших на целые пять лет руководством к сбору эмпирического материала для анализа социокультурного развития регионов. Специалисты проводили по ней исследования, обсуждали результаты на ежегодных конференциях в 14 региональных центрах. Централизованное методологическое сопровождение исследований осуществлял ЦИСИ Института философии РАН, методические требования к опросу разрабатывали С. Туманов и А. Ионов, а технические проверки и прием массивов данных В. Прохода и И. Зеленев (все – сотрудники МГУ им. М.В. Ломоносова). Накопленный уникальный научный и методический опыт дал возможность исследователям в регионах соотносить местные, региональные данные с материалами всероссийского мониторинга. Кроме того, единый инструментарий позволял сравнивать регионы между собой, проводить перекрестный анализ каждому коллективу самостоятельно. По результатам исследований выпущены более 10 монографий и полторы сотни статей в региональных и центральных журналах.

Весомым результатом пяти лет работы стала коллективная монография[5], проанализировавшая специфику социокультурного развития нескольких регионов европейской части России, Урала и Западной Сибири на фоне общероссийского социокультурного пространства. Убедительно показано, что во всех регионах за постсоветский период произошла деиндустриализация экономики, Россия значительно отстала от развитых стран в развитии информационных технологий, сократился объем научных исследований, усилились тенденции автократизма и бюрократизации общественной жизни и связей, глубоко проросли метастазы коррупции. Под ударом оказались качественные параметры жизни значительной части населения, стал реальностью длительный тренд нарастающей депопуляции и высокой смертности населения в трудоспособных возрастах. Среди острых проблем отмечена архаизация социально-профессиональной структуры населения, возврат к моделям самообеспечения взамен разделения труда. Удалось выявить и позитивные тенденции постепенного восстановления в некоторых регионах производственной сферы и начавшегося с 2000-х гг. экономического роста. В результате повысился уровень жизни части населения, произошло становление новых моделей поведения и трудовых мотиваций, имплицитно присущих наиболее образованным и молодым слоям общества. Исследования показали, что формирующийся средний класс с относительно высоким качеством жизни и ориентациями на позитивные практики – потенциальная база для инновационного курса в развитии России. Но оказалось, что его удельный вес в населении регионов существенно различается. В большинстве регионов значительна доля бедного населения, не располагающего ресурсами для изменения своего положения.

К 2010 г. в Программе активно участвовали 25 регионов из всех федеральных округов, кроме Дальневосточного. Некоторые региональные исследования перешли в режим мониторинга. Методический результат пяти лет работы состоял в том, что были созданы

---

[3] Региональные исследования по Программе осуществлены во многом благодаря финансовой поддержке РГНФ, позже РФФИ.

[4] Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы / Под ред. *Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой*. М.: ИФ РАН, 2006.

[5] Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Сост. и общ. ред. *Н.И. Лапин, Л.А. Беляева*. М.: ACADEMIA, 2009.

стандартизированные базы данных в регионах, позволяющие проводить сравнительные процедуры, которые активно использовали участники проекта при взаимном обмене информацией и сравнении своих регионов с данными всероссийского мониторинга.

Стало очевидным, что регионы существенно различаются между собой по уровню и качеству жизни, наличию бедного населения, миграционным настроениям, социальному самочувствию и т.д. Для объяснения такой разнородности требовалось надежное, непротиворечивое объяснение. И оно было получено на следующем этапе проекта, когда основное внимание было уделено классификации регионов по уровням модернизации с акцентом на социокультурные составляющие. Для исследования регионов российского общества в соотнесении с процессами модернизации 130 стран мира Н.И. Лапиным была адаптирована методика китайского ученого Хе Чуаньци[6]. Участники Программы получили сопоставимые с мировыми данные о состоянии модернизированности всех регионов страны. В решении этой задачи незаменимую роль сыграл ФГБУН ВолНЦ РАН (Вологда), сотрудники которого по методологии ЦИСИ создали информационно-аналитическую компьютерную программу «Модернизация».

Сопоставление данных информационной системы «Модернизация» показало, что в 2010 г. большинство регионов России (65) находилось на стадии первичной (индустриальной) модернизации (причем несколько территорий в самом ее начале), 18 регионов вступили во вторичную модернизацию, в их составе только три региона оказались на активном этапе ее развития. В целом же Россия в 2010 г. относилась к странам перехода к информационной стадии модернизации, занимая 29-е место среди 130 стран мира. По результатам исследования подготовлена коллективная монография[7]. Показано, что наличие развитого человеческого капитала, создание инновационных институтов, общих социокультурных условий не имеют активного влияния на модернизацию в России. Возможно, причина этого – в их имитационной, не органичной для нашего общества природе. С другой стороны, согласно данным исследования, влияние уровня модернизированности региона на его социокультурное развитие небезусловно и непрямолинейно. Существует определенный «временной лаг» между достигнутыми уровнями модернизации и социокультурными характеристиками общества и отдельного региона. В каждом из регионов существует проблема хронотипологии социальных общностей, когда современное развитие происходит на основе и с включением социокультурных условий и институтов предшествующих этапов жизни общности. Это противоречие оказывает воздействие на успехи социокультурной модернизации и на качество жизни населения, уровень его материальной дифференциации, социально-политической толерантности.

В этой работе продемонстрирована невысокая социокультурная эффективность модернизации России вследствие ее несбалансированности. Ее индикаторами были: остающаяся низкой продолжительность жизни (по сравнению с европейскими странами), ухудшение здоровья населения, депопуляция, сокращение трудовых ресурсов при плохом использовании культурного потенциала населения, глубокое материальное расслоение, стагнация численности среднего класса, высокий уровень тревожности в обществе, низкий уровень социальной консолидации и социального доверия, коррупция и криминогенность. Кроме того, стала очевидной необходимость при разработке стратегий модернизации соотносить темпы и формы модернизации с конфессиональным и этнокультурным своеобразием, культурно-историческим опытом региона, использовать креативный потенциал, но при этом не утратить традиции и образцы, составляющие культурное достояние региона и всей страны. Результатом анализа стала констатация догоняющего сценария модернизации, характерного для развивающихся стран. Он предполагает сырьевую ориентированность экономики, наращивание инвестиций при слабости инновационных

---

[6] Обзорный доклад о модернизации в Китае (2001–2010) / Пер. с англ. под общ. ред. *Н.И. Лапина*; предисл. *Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян*. М.: Весь Мир, 2011.

[7] Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Сост., общ. ред.: *Н.И. Лапин, Л.А. Беляева*. М.: Academia, 2013.

процессов и сниженной роли науки и собственных технологических нововведений. Выводом стало предостережение о потерях в человеческом и культурном потенциале, в энергии воплощения новых идей и разработок, в целом в жизнеспособности общества.

Итогом исследований модернизационных процессов в регионах стала разработка их Атласа, который представил систему классификации всех регионов и федеральных округов России по уровню модернизации и обоснование новой государственной стратегии, интегрирующей население России в целостную цивилизацию[8]. Кроме того, показано усугубление неравномерности регионального развития: власти больше ресурсов направляют в более развитые территории и сектора, снижая качество жизни и численность населения в отстающих регионах.

Новым результатом стало сравнительное изучение ценностей населения страны и регионов, социального самочувствия и адаптационных стратегий. Исследования Центра и региональных коллективов показали, с одной стороны, высокое единство структуры базовых ценностей населения большинства регионов и в европейской, и в азиатской частях Российской Федерации, а с другой – их значимую этнокультурно-конфессиональную дифференциацию, дополняемую особенностями гражданско-общественной культуры. Эти характеристики населения важны при формировании стратегий развития регионов.

Работы по Программе планируется продолжать при кураторстве Вологодского научного центра РАН и поддержке исследовательского комитета РОС «Социокультурная компаративистика регионов России». Подготовка нового фундаментального исследования уже идет. В 2019–2020 гг. обновлены данные для расчетов индексов модернизации российских регионов в информационной системе «Модернизация». Их анализ показал, что интегрированный индекс модернизации (ИИМ) в разрезе федеральных округов РФ существенно вырос за период измерений. Процесс модернизированности стал более сбалансированным, что прослеживается на показателях федеральных округов (если в 2000 г. шесть из восьми округов имели низкий уровень сбалансированности модернизации, то в 2017 г. уже у пяти – высокий и выше среднего)[9].

В этот же период исследовательская группа Н.И. Лапина и В.А. Ильина разработала методологию инструментария для обозначения и сопоставления не только абсолютных размеров неравенств доходов, но и неравенства относительной доли доходов разных страт населения в совокупной величине доходов всего населения страны. Новый инструментарий – семейство центильных коэффициентов неравенств доходных весов макрострат населения – показал, что «экстремальные неравенства продолжают расти в большинстве российских регионов и дифференцированно представлены в их контрастных кластерах»[10]. В 2020 г. база данных «Семейство центильных коэффициентов неравенств доходов макрострат населения» получила государственную регистрацию. Инструментарий центильных коэффициентов использован для изучения структуры доходных весов в 2000–2019 гг. трех макрострат населения (малообеспеченные, обеспеченные, богатые) всех федеральных округов и двух городов федерального значения (Москва и Санкт-Петербург).

Проблема неравенства – одна из основных линий планируемой 10-томной библиотеки «Регионы новой России: к повышению благосостояния и консолидации населения». В ее центре такие проблемы, как благосостояние, консолидация населения на всех уровнях (в регионе, между регионами и между федеральными округами). Предполагаемый анализ

---

[8] Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. *Н.И. Лапин*; редкол.: *Н.И. Лапин* (пред.), *Л.А. Беляева, Н.А. Касавина*. М.: Весь Мир, 2016.

[9] *Шабунова А.А.* Модернизационная асимметрия российских территорий: общество и социокультурная динамика // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сборник докладов VI всерос. социологического конгресса, г. Тюмень, 14–16 октября 2020 г. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 3943–3958.

[10] *Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В.* Экстремальные неравенства и социальное государство (часть I) // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 4–17.

широкого культурно-исторического, цивилизационного контекста включает задачи изучения состояния социального потенциала населения и разработки способов его капитализации, повышения обеспеченности регионов источниками экономических ресурсов, позволяющими преодолеть дотационность и бюрократическую коррупциогенность, травмогенность общегражданской культуры чиновников и населения, путем совершенствования инвестиционной, инновационной, налоговой, пенсионной систем и методов управления на региональных и федеральном уровнях.

Л.А. БЕЛЯЕВА, А.А. ШАБУНОВА, Е.А. КОГАЙ

БЕЛЯЕВА Людмила Александровна, д. социол. н., вед. науч. сотр., Институт философии РАН, Москва (bela46@mail.ru); *ШАБУНОВА Александра Анатольевна, д. экон. н., доц., директор Вологодского научного центра РАН, Вологда* (aas@volnc.ru); *КОГАЙ Евгения Анатольевна, д. филос. н., зав. кафедрой социологии Курского государственного университета, Курск* (eakogay@mail.ru). *Все – Россия.*

DOI: 10.31857/S013216250016860-9

SOCIO-CULTURAL EVOLUTION OF POST-SOVIET RUSSIA AND ITS REGIONS: A REVIEW RESEARCH RESULTS

Lyudmila A. BELYAEVA, Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Institute of Philosophy of RAS, Moscow (bela46@mail.ru); *Alexandra A. SHABUNOVA, Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Director of the Vologda Scientific Center of RAS, Vologda* (aas@volnc.ru); *Evgeniya A. KOGAY, Dr. Sci. (Philos.), Head of the Department of Sociology, Kursk State University, Kursk* (eakogay@mail.ru). *All – Russia.*

© 2021 г.

ПОЧЕМУ НЕ СТАЛО СССР: УРОКИ ДЛЯ СОЦИАЛИЗМА БУДУЩЕГО

Научно-образовательный Центр современных марксистских исследований (НОЦ СМИ) философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова совместно с Домом Плеханова Российской национальной библиотеки (РНБ) и Фондом Розы Люксембург 22 августа 2021 г. провели международную научную конференцию, посвященную 30-летию распада СССР. Ее цель – адекватное отражение широкого спектра позиций ученых, характеризующих природу и причины ухода с исторической арены советской социальной системы. В мероприятии приняли участие исследователи из 14 стран мира, включая страны постсоветского пространства, Латинской Америки, США, Канаду, Австралию, Китай, представителей Западной и Восточной Европы. С российской стороны участвовали представители МГУ, СПбГУ, Института социологии ФНИСЦ РАН, Института экономики РАН, Института философии РАН, ИМЭМО РАН и ряд других. Открыли конференцию генеральный директор РНБ **В.Т. Гронский** и руководитель НОЦ СМИ проф. **А.В. Бузгалин**.

Интересный обзор представили проф. **Д. Котц** (Ун-т Массачусетса в Амхерсте, США) и проф. **Д. Лэйн** (Эммануэль колледж Кембриджского ун-та, Великобритания). В их докладах прозвучал очень важный аспект, связывающий исследования проблем Советского Союза западными учеными, с одной стороны, и современного опыта постсоветского развития – с другой. В частности, Д. Лэйн отметил, что распад Советского Союза снова стал актуальной проблемой для западных авторов и большинство из них стоит на неолиберальных позициях, показывая, что возникновение советской модели экономики и общественной организации было исторической флуктуацией. Но при этом существует широкий спектр неортодоксальных исследователей, для которых прежде всего встает вопрос о природе и возможных уроках этого общества, здесь большинство критически мыслящих ученых и Западной Европы, и США сходятся на том, что в СССР были значимые достижения, особенно в области создания и распределения на основах общедоступности таких благ, как образование, здравоохранение, искусство, жилье и многое другое. Эту же позицию, но развивая ее до более конкретных причин распада Советского Союза, представил Д. Котц. Он подчеркнул, что в последнее десятилетие существования СССР его правящая номенклатура существенно трансформировалась, и ее ключевым интересом стало замещение привилегий и бюрократического контроля правом на частную собственность и капитал. В качестве уроков для будущего Д. Котц указал на возможность и целесообразность продвижения по социалистической траектории, но при условии последовательного демократического – даже более демократического, чем на современном Западе, – развития политической системы и, как следствие, предотвращения трансформации управляющих структур в правящий класс.

Эти вопросы были развиты в докладе проф. **К.Х. Момджяна** (МГУ, Москва), подчеркнувшего, что при всех симпатиях к реальным достижениям Советского Союза следует признать, что эта система не может быть названа социалистической, если под социализмом иметь в виду качественно новые общественные отношения, опирающиеся на коллективное присвоение средств производства и результатов труда, социальное равенство, практическое участие граждан в решении социальных, политических и экономических вопросов и другие важнейшие атрибуты социалистической системы. К.Х. Момджян заметил, что эта несоциалистическая природа СССР стала основой саморазрушения этой системы и фундаментальной причиной его ухода с исторической арены.

Обзор конференции подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, проект № 21-010-43007\21.

В отличие от проф. К.Х. Момджяна, чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко** показал, что для разрушения Советского Союза не было экономических оснований и, по данным исследований, большинство граждан страны выступали за его сохранение, это касалось, в первую очередь, работников материального производства. Так, согласно исследованиям конца советского периода под руководством докладчика, большинство опрошенных считали необходимыми демократизацию и существенное реформирование сложившейся в СССР экономической, социальной и политической системы, однако сохранение демократического социализма и его развитие многие полагали наиболее перспективным путем. Эта же тема обсуждалась на второй сессии пленарного заседания, где **Р. Кларк** (журнал «Международная критическая мысль» (ICT), Австралия) подчеркнул, что СССР был общественным организмом, возникшим в результате ранней социалистической революции, имевшим в силу этого минимальные предпосылки для своего развития, что неизбежно повлекло крайнюю левую деформацию этой системы.

В докладах проф. **Л.А. Булавки-Бузгалиной** (МГУ, Москва) и проф. **С.М. Михаила** (Ун-т Аристотеля в Салониках, Греция) подчеркивалось, что Советский Союз был и в историческом смысле остается началом движения к качественно новой эпохе, которую К. Маркс называл «царством свободы» и которую в СССР называли «коммунизмом». Достижения советской культуры как всемирной докладчик рассматривает как создание коммунизма в идеальной сфере. Завершила свой доклад Л.А. Булавка-Бузгалина афористично: «Если в СССР мы построили культуру как коммунизм, то наша задача теперь построить коммунизм как культуру». Эта же линия, но с бóльшим политическим акцентом и анализом политических противоречий, в частности, трагедий сталинских и последующих деформаций процесса демократического строительства качественно нового общества, была продолжена в докладе С.М. Михаила.

И.Г. Абрамсон (Союз ученых Санкт-Петербурга, СПб.) показал наличие внутренних глубоких противоречий в социально-экономической системе СССР, связанных с отчуждением трудящихся от экономической и политической власти и в этом смысле – от собственности, а проф. **А.И. Колганов** (МГУ, Москва) отметил, что СССР надо рассматривать как часть всемирного социалистического проекта, в котором важное значение имела международная социально-политическая и экономическая конфронтация, что обусловило создание новых общественных отношений в Советском Союзе.

В некотором смысле оппонентом А.И. Колганова выступил **В. Такудис** (Институт труда INE-GSEE, Греция), который высказал сомнения в политико-экономических причинах ухода Советского Союза и вернулся к ранее поднятой теме, акцентировавшей субъективные факторы негативной роли М.С. Горбачева и большинства других руководителей Коммунистической партии страны того периода.

В отличие от этой позиции проф. **М.И. Воейков** (ИЭ РАН, Москва), проф. **К.А. Хубиев** (МГУ, Москва) и проф. **Д.Б. Эпштейн** (СПбИЦ РАН) главный акцент сделали на социально-экономических противоречиях советской системы. Так, проф. М.И. Воейков подчеркнул, что СССР решал задачи, характерные именно для капиталистической системы: индустриализация, урбанизация и т.д., при этом Советский Союз был социальной капиталистической системой. Проф. К.А. Хубиев заметил, что советская система имела ряд важнейших достижений именно в качестве системы социалистической. Это касалось и планирования, и ряда преимуществ в общественной собственности, в частности, в ее государственной форме. Но вырождение бюрократической верхушки страны докладчик расценил как важнейший компонент и причину ухода этой системы. Этот же управленческий парадокс развала СССР как надстройки, которая обыграла базис, раскрыл в своем докладе проф. **С.А. Толкачев** (ФУ, Москва), тогда как проф. Д.Б. Эпштейн отметил, что для последних лет СССР не была характерна прямолинейно понимаемая траектория ухода от интересов общенародного, общегосударственного развития со стороны бюрократии и перехода к ориентации на превращение государственной власти в частную собственность.

Проф. **Чэнь Хун**, асп. **Гань Сяоцзюань** (Хайнаньский педагогический университет, Китай) и проф. **В.В. Калашников** (СПбГУ, СПб.) в своих докладах представили обзор взглядов на причины распада СССР с историко-библиографической точки зрения. Китайские коллеги отметили, что в Китае ключевые причины распада СССР большая часть исследователей связывает с кризисом внутри правящей структуры и отрывом руководства КП от интересов социалистического строительства, а также с отказом от пути постепенной трансформации к активно использующей рыночные начала модели социализма, т.е. нереализацией того пути, который успешно проходит Китай.

Продолжением дискуссии стала постановка вопроса о влиянии внешнего фактора на распад СССР, который отмечают многие российские и зарубежные исследователи. Проф. **В.Н. Шевченко** (ИФ РАН, Москва) обратил внимание на информационные взаимодействия СССР с западным миром в 1950–1980-е гг. и показал, что воздействие зарубежного информационного потока, направленного на разрушение Советского Союза, играло если не определяющую, то весьма значительную роль.

В докладе **Н.А. Косолапова** (ИМЭМО РАН, Москва) было подчеркнуто, что уход СССР можно рассматривать как намеренное самоуничтожение системы, но в то же время основа возникших проблем была связана с тем, что путь возможного революционного реформирования системы не был реализован, и эта линия часто звучала в других докладах.

Т.И. Филимонова (Дом Плеханова РНБ, СПб.) раскрыла роль политических структур в формировании развития распада Советского Союза. КПСС как политическая партия была необычным образованием, она была партией в «великом историческом смысле» (К. Маркс), и этот смысл состоял в том, что данная политическая организация была, с одной стороны, реальным авангардом процессов созидания качественно нового общества в нашей стране, с другой – противоречия и негативные тренды внутри организации оказались важнейшим фактором распада Советского Союза.

Социально-экономические аспекты распада СССР были подняты в докладах профессоров **И.А. Благих** (Ун-т ИТМО, СПб.), **Т. Крауса** (Будапештский ун-т, Венгрия), **Б.Л. Дуранкева** (Высшая школа финансов и страхования, Болгария), **Р.Т. Зяблюк** (МосГУ, Москва), **А.А. Куренышева** (РГСУ, Москва). Большинство исследователей в данном случае сошлись на том, что развитие СССР имело, прежде всего, экономические достижения, и главные негативные процессы в стране скорее связаны с политико-идеологическими деформациями, ставшими значимыми в конце последнего десятилетия существования страны.

В третий день конференция была продолжена работой двух международных семинаров. Первый был сосредоточен на основной теме конференции. Доклад **Г.А. Маслова** (ИЭ РАН, МГУ, Москва) был посвящен проблемам НТП и НТР, проблемам и возможностям их развития в условиях общественного строя, существовавшего в СССР. Возможностям развития социалистической системы на базе развитых индустриальных технологий с учетом опыта модернизации СССР посвятил свое выступление **А.И. Михайлов** (МГУ, Москва). Оценке противоречивых попыток развивать рыночные отношения в опыте СССР посвятили доклады **Р.Э. Абдулов** (МФЮА, Москва) и **Р.С. Осин** (Ун-т «Синергия», Москва).

Второй международный семинар «Цифровой проект будущего СССР как альтернатива всем другим глобальным проектам» (модератор проф. **Е.Н. Ведута** (МГУ, Москва)) был посвящен специфической, но принципиально важной теме – роли кибернетики в развитии плановой экономики вообще и возможностям использования накопленного в СССР опыта математического моделирования экономики, кибернетических систем для создания так называемого «экономического робота», который будет обеспечивать эффективное, лишенное субъективизма планирование, что стало еще более возможным в XXI в. с появлением Интернета, суперкомпьютеров и других достижений в области информационных технологий.

Обобщая итоги конференции, следует отметить, что одним из важнейших ее аспектов стало обсуждение «уроков» ухода СССР для будущего развития. Реальный социализм в СССР стал началом развития мирового социалистического проекта. Также существенное внимание уделялось потенциалу демократического планирования как основе развития

будущего социализма. Особо подчеркивалось, что общедоступное, качественное образование, здравоохранение и т.д., основанные на активном использовании самоуправления, творческих коллективов и роли государства как ассистента и модератора, но не бюрократического диктатора в этих сферах, может стать важной основой социализма будущего. Реальное включение трудящихся в управление на всех уровнях экономики может стать основанием эффективного развития общественной собственности, где государственная форма будет оставаться именно формой, но не детерминировать бюрократически отчужденный от трудящихся характер отношения присвоения и распоряжения общественным имуществом.

Важнейшие аспекты для будущего были выделены в связи с изменениями социальной структуры, которые сейчас происходят. Существенные изменения технологий и содержания труда – с одной стороны, общественных отношений – с другой, в условиях XXI в. создают новые предпосылки для развития социализации и продвижения по социалистической траектории, и эти предпосылки докладчики связывали с субъектами творческой деятельности, в особенности с теми, кто занят в общественном секторе.

Обсуждение оказалось весьма плодотворным в формулировке потенциала, который содержится в реальных достижениях советской системы, в технологической, социальной, экономической, культурной, образовательной, научной областях, которые могут быть использованы (исключительно критически, применительно к условиям XXI в.) и в практиках нашей страны.

О.В. БАРАШКОВА, Е.С. ЗОТОВА

БАРАШКОВА Ольга Владимировна, к. экон. н., ст. науч. сотр. (olga_barashkova@mail.ru); *ЗОТОВА Елена Серафимовна, к. экон. н., вед. науч. сотр.* (eszotova@mail.ru). *Обе – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.*

DOI: 10.31857/S013216250017137-3

WHY THE USSR DID NOT BECOME: LESSONS FOR SOCIALISM OF THE FUTURE

Olga V. BARASHKOVA, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher (olga_barashkova@mail.ru); *Elena S. ZOTOVA, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher* (eszotova@mail.ru). *Both – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.*

© 2021 г.

НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ САЯНО-АЛТАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

23–24 сентября 2021 г. в Абакане состоялась VIII Международная конференция, в работе которой приняли участие ученые из Монголии, Японии, Узбекистана, Турции, Азербайджана, Белоруссии, Финляндии и 20 российских регионов.

В приветственном слове глава Хакасии **В.О. Коновалов** обратил внимание, что 2021 г. в Республике Хакасия объявлен Годом хакасского эпоса, а конференция проводится в целях поддержки и развития нематериального культурного наследия, привлечения внимания к социокультурным проблемам не только хакасского народа, но народов Саяно-Алтайского региона и сопредельных территорий. Председатель Верховного Совета РХ **В.Н. Штыгашев** указал, что Хакасия не случайно выбрана площадкой для проведения международной конференции: в августе 1721 г. (триста лет назад) в долине р. Уйбат Д.Г. Мессершмидт обнаружил памятник древнетюркской письменности.

Дискуссию на пленарной сессии начал доклад проф. **И.Л. Кызласова** (ИА РАН, Москва), обративший внимание участников конференции на необходимости продолжать исследования в Хакасско-Минусинской котловине, которая остается древнейшим культурным центром не только республики, России, но и всего человечества. **В.Е. Майногашева** (ХНИИЯЛиИ, Абакан) подчеркнула, что хакасский героический эпос является неотъемлемой частью культурного и духовного наследия народа. По мнению докладчика, сегодня немногочисленные хакасские сказители продолжают сохранять и передавать этническую память, традиции и основы нравственности современным поколениям.

На конференции была организована работа пяти секций. В секционных выступлениях ученые акцентировали внимание на актуальных проблемах изучения и сохранения культуры, родных языков народов Саяно-Алтайского региона и сопредельных территорий, наследия народов России и СНГ в современном культурном пространстве, вопросах этнокультурного и социально-экономического развития российских регионов, регионов Сибири и Дальнего Востока, результатах фундаментальных и прикладных исследований социологов, филологов, экономистов, историков. Так, проф. **Ю.В. Попков** (ИФиП СО РАН, Новосибирск) акцентировал внимание участников на неоднозначных последствиях глобализации, которая провоцирует в современном мире реальные вызовы и угрозы, к числу которых относится пандемия COVID-19. Докладчик обосновал идею, что сегодня традиционная культура, существующая в виде неотрадиционализма и проявляющаяся в расширении этнокультурного разнообразия, может противодействовать этим угрозам.

В своем выступлении **Е.С. Кованова** (КалмГУ им. Б.Б. Городовикова, Элиста) акцентировала внимание на необходимости решении демографических проблем, усугубившихся не только распространением пандемии коронавирусной инфекции в российских регионах, но последствиями, которые проявил COVID-19. Исследования, проведенные в Республиках Калмыкия и Бурятия, позволили выявить влияние пандемии на показатели рождаемости, смертности, брачности, разводимости, миграции. В указанных республиках, по сравнению с российскими регионами, выявлено значительное превышение числа заражений коронавирусом и, соответственно, смертей, снижение рождаемости. Одновременно зафиксировано повышение числа зарегистрированных браков и устойчивый миграционный отток населения. Миграционные процессы в Республике Тува осветил в своем докладе **Т.М. Ойдуп** (ТИКОПР СО РАН, Кызыл). Социологические исследования приграничных сообществ тувино-монгольской границы показали, что каждый десятый житель Тувы готов переехать в столицу Монголии и приграничные с Тувой аймаки (Увз, Завхан), но большинство жителей республики (80%), несмотря на сложное экономическое положение в целом в регионе, низкий жизненный уровень, высокую безработицу, выбирают для трудовой миграции населенные пункты Сибирского Федерального округа. **Н.В. Бадмаев** (КНЦ РАН,

Элиста) обратил внимание на миграцию сельской молодежи Калмыкии в Москву, Санкт-Петербург и районы Крайнего Севера. Это обусловлено сложным социально-экономическим положением республики, разбалансированностью республиканского рынка труда, инфраструктурными проблемами сельского хозяйства. По данным социологических исследований, миграция в мегаполисы оказывается для большинства респондентов невозвратной, а в районы Крайнего Севера – в основном временной, при этом некоторые не планируют возвращаться в Калмыкию.

Ю.М. Аксютин (ХакГУ им. Н.Ф. Катанова, Абакан) поделился опытом исследования межэтнических и межконфессиональных отношений, складывающихся между жителями Тувы и Хакасии. Проведенные исследования выявили высокую религиозность жителей данных республик, которая, по мнению докладчика, может выступать фактором конфликтогенности, поскольку между жителями, исповедующими христианство, буддизм, шаманизм и неверующими на протяжении длительной истории возникают противоречия.

Одновременно с секционными заседаниями в рамках международного симпозиума состоялся круглый стол, два мастер-класса, работала творческая лаборатория, где обсуждались практики реализации научно-исследовательских и творческих проектов (по хакасской культуре, декоративно-прикладному искусству, хакасским ремеслам).

В рамках форума был проведен полевой семинар с выездом участников на культурно-исторический объект – Большой Салбыкский курган (V–IV вв. до н. э.), который позволил ознакомиться с современным опытом хакасских ученых в проведении научных исследований, а также с вызовами глобальных изменений, негативно влияющих на локальных культуры Алтая и сопредельных территорий.

Н.Г. ХАЙРУЛЛИНА, И.Н. ТРОШКИНА

ХАЙРУЛЛИНА Нурсафа Гафуровна, д. социол. н., проф. Тюменского индустриального университета, Тюмень, Россия (nutsafa@inbox.ru); *ТРОШКИНА Ирина Николаевна, к. философ. н., зав. сектором экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия* (i.troschkina2012@yandex.ru).

DOI: 10.31857/S013216250017548-5

PEOPLES AND CULTURES OF SAYANO-ALTAI AND ADJOINING TERRITORIES

Nursafa G. KHAIRULLINA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia (nursafa@inbox.ru); *Irina N. TROSHKINA, Cand. Sci. (Philos.), Khakass Research Institute of the Language, Literature and History, Abakan, Russia* (i.troschkina2012@yandex.ru).

© 2021 г.

Давыдов Д.А. ПОСТКАПИТАЛИЗМ И РОЖДЕНИЕ ПЕРСОНАЛИАТА. М.: РИПОЛ классик, 2021. 336 с.

Недавно вышедшая монография Д. Давыдова, без сомнения, является исследованием, которое привлечет внимание читателей, неравнодушных к будущему современных обществ и перспективам левой идеи. Основное содержание авторской концепции в следующем. Трансформация современных обществ идет по направлению к посткапитализму, что отмечается многими авторами[1]. «На фоне углубляющихся противоречий капиталистической мир-системы прорисовываются образы зарождающегося посткапиталистического будущего. Многое свидетельствует о том, что капиталистический способ производства находится в системном ("сущностном") кризисе» (с. 9)[2]. Но зарождающийся посткапитализм – не начальная стадия марксового коммунизма. Это – инвариант классово-антагонистического общества (мы бы сказали, вариант общества, находящегося, по Марксу, все еще в рамках человеческой предыстории). Такой неортодоксальный взгляд требует обоснования. Поэтому первый раздел книги Давыдова («Что такое социальная революция?») «представляет собой попытку скептического взгляда на ряд догм и "аксиом" в интеллектуальном дискурсе о посткапитализме», для чего «необходимо полностью сменить теоретическую оптику» (с. 18). Согласно автору, посткапиталистическая трансформация – это «синтез элит», характеризующийся появлением нового господствующего класса (персоналиат) и новым классовым расслоением (персоналиат/имперсоналиат). Во втором разделе («Персоналиат») речь идет о процессах, свидетельствующих о возвышении персоналиата как в перспективе нового господствующего класса. Показывается, что это возвышение связано с появлением нового преобладающего источника потребительных ценностей (творчество) и со сдвигом от акцента на производстве материальных благ к производству личности. В результате капитал постепенно теряет значение, большую важность обретает стратегический ресурс – внимание. Растет политическое влияние расширяющейся прослойки – тех, кто способен привлекать к своей яркой (эпатажной) личности максимум общественного внимания и извлекать из этого выгоды (с. 22–23). В третьем разделе («Историческое перепутье») раскрывается неоднозначность посткапиталистической общественной трансформации. Показывается, как «в мире, где не искоренены страдания и конкурентная борьба, любой новый источник потребительных ценностей рано или поздно превращается в то, что обусловливает *новые формы господства*» (с. 111).

По мере изложения концепции Давыдов решает ряд теоретических вопросов. Ради обоснования своего взгляда на характер трансформации капитализма он пересматривает теорию общественных формаций. Формации отличаются друг от друга в зависимости от главного источника потребительных ценностей (природа, контроль над природными процессами, труд, творчество). К революционному способу смены формаций Давыдов относится скептически, особенно к неизбежности пролетарской революции (с. 80). Формации сменяются в результате «синтеза элит», а не революций, потому что «именно у

---

[1] Обзор данной проблематики см., напр.: *Кондрашов П.Н.* Посткапитализм как новая общественная inter/trans-формация // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 150–159.

[2] В круглых скобках указываются страницы рецензируемой книги.

элит накапливаются необходимые ресурсы, которые постепенно перетекают туда, где возникают и зарождаются новые способы производства и производственные отношения» (с. 101). Автор акцентирует внимание на том, как возросла политическая роль разного рода знаменитостей («селебрити») за последние годы. Раньше аристократия и буржуазные политики нуждались в денежных мешках, теперь денежные мешки нуждаются в личностях для воспроизводства буржуазных отношений (с. 139). Как докапиталистическая формация (условный феодализм) постепенно сменилась капитализмом по мере увеличения роли буржуазии и ее «синтеза» с аристократией, так и в наше время происходят похожие изменения в социальной структуре обществ. «Буржуазная богема» создает порядок, «где статус определяется не столько богатством, сколько нетривиальными творческими способностями и известностью. Теперь уже не только материальное богатство является источником наслаждения, зависти и конкуренции, но и сама личность как реализованное в обществе "Я"» (с. 193). «Мы уже живем в мире, – утверждает Давыдов, – где слава, авторитет, престиж и наслаждение жизнью все чаще определяются нахождением в центре внимания» (с. 208). Творчество, однако, не служит панацеей от социальных проблем, «общество всеобщей самореализации» будет, согласно автору, обществом жесточайшей конкуренции. Популярная личность нуждается в обезличивании остальных и тем самым эксплуатирует их. «Присвоение и кража личности – формы посткапиталистической эксплуатации» (с. 230). Мы движемся к посткапитализму, в котором «освобождение от труда» ведет не к предполагавшемуся всестороннему развитию личности как гармоничной части коллектива, покоряющего «царство необходимости», а к повсеместной «звездной лихорадке», селебритизации, борьбе за «обладание» популярной личностью (вернее, за признание, превращение личности в «бренд», значимый ресурс и т.п.), за свою личную долю общественного внимания (с. 253). Наличие Интернета, Фейсбука, Тиктока и т.п. не делает всех равными, хотя и порождает ожидания – и сопутствующие им разочарования. Описание Давыдовым «классового угнетения в системе личностных координат» заставляет задуматься: следует ли желающим светлого будущего делать ставку на «личность»?

Немалое внимание уделено характеру социализма в СССР в контексте теории общественных формаций. Он описывается как строй, существующий, несмотря ни на что, в рамках капиталистической общественной формации. «Сущность производственных отношений в СССР мало чем отличалась от таковой в США или Европе: имели место эксплуатация труда, денежные отношения, экономическая конкуренция между отдельными производственными единицами и т.п.» (с. 51). Разумеется, имела место и проблематика личности – как феномена, характерного для обществ, не сумевших выбраться из «предыстории» человечества. Давыдов показывает, что «личность», несмотря на реверансы строителей «реального социализма» в ее сторону, противоречиво сочетается с социализмом и коммунизмом. Утверждается, что советский социализм рухнул в значительной мере потому, что «не смог совладать с личностью»; СССР «уничтожила личность,… для которой самовыражение стало дороже равенства» (с. 223).

Как догадался читатель, ключевая для этой работы – проблематика личности. Анализируя дискурс Давыдова о личности, не нужно делать скоропалительных выводов. В ряде случаев можно принять промежуточные результаты исследования за окончательные, хотя ретроспективно они оказываются рабочими моментами.

По ходу чтения возникают резонные вопросы. Например, о «***единой капиталистической формации*** (включающей в себя все исторические формы "социализма" и "капитализма")» (с. 76). Оправданно ли называть единую формацию современности капиталистической? Ведь автор не называет предшествующую ей формацию феодальной. Здесь, возможно, мы сталкиваемся со следствием того, что в рамках теории общественных формаций эта проблематика разрабатывалась не столь интенсивно, как феодальная или «азиатского способа производства». Далее, Давыдов стремится преуменьшить ***роль революций в становлении капитализма*** (на примере Великой Французской революции). Автор, с нашей точки зрения, отступает от объективности, чтоб отмежеваться от советского

марксизма, который такую роль преувеличивал. Но, следует заметить, советские марксисты, анализируя великие буржуазные революции, особенно Французскую, обычно вели речь об идеологическом и политическом оформлении уже существующих капиталистических отношений, политическом устранении препятствий на пути существующего капитализма, а не о становлении капитализма как социальной революции.

Также выглядит односторонним авторское представление о движущей силе смены общественных формаций как «***синтезе элит***». Последний, несомненно, имеет место, но что происходит с другими сторонами процесса? Общество не состоит из одних элит; специфика общественной формации определяется *отношениями* между господствующими (пусть сколь угодно «синтезированными») социальными группами и угнетенными, эксплуатируемыми. Формально автор отдает дань борьбе социальных низов, замечая, что она есть «важнейший исторический процесс, предохраняющий человечество от скатывания в дикость и создающий предпосылки для выстраивания более эгалитарных институциональных форм общества» (с. 84). Однако в изложении Д. Давыдова не относящиеся к элитам классы и сословия выглядят не более чем фоном деятельности элит, их негативными отражениями, своего рода, недоэлитами. К примеру, имперсоналиат у него – в сущности, такой же персоналиат – с резко ограниченными возможностями. К тому же за обоими этими классами – будущее, но не настоящее. В настоящем низшие социальные страты он описывает как распавшийся на множество групп «с крайне различными мировоззрениями» (с. 83) рабочий класс. Каким образом из этого царства распада возникает имперсоналиат, происходит ли какой-то аналогичный «синтезу элит» синтез «масс» – непонятно. Справедливости ради заметим, что повод к такому описанию угнетенных классов (прежде всего, пролетариев) дает сам Маркс, у которого социальное бытие пролетариата часто описывается в категориях, отрицающих подлинность, человечность, полноценность вообще. В этом смысле «фундаментальное подсознательное» левых, над которым иронизирует Давыдов, довлеет над ним самим; авторская теоретическая оптика воспроизводит ортодоксально-марксистский подход.

Не всегда убедительна аргументация автора путем отсылок к ***примерам из истории***. Он замечает, что многие «пробуржуазные» изменения происходили без каких-либо революционных потрясений: просто из осознания государственными агентами необходимости реформ для поддержания военной мощи. Реформы Штейна и Гарденберга в Пруссии, отмена крепостного права в Российской империи – примеры многих подобных мероприятий (с. 91). Оппоненты могли бы возразить, что в случае Пруссии революционные потрясения были в соседней Франции, а реформы Штейна и Гарденберга были реакцией на поражения, которые революционная Франция нанесла Пруссии. Примерно то же самое относится к российским реформам, которые стали результатом поражения в Крымской войне от стран, переживших не одну и не две революции. Иными словами, у истока такого рода реформ «вообще без каких-либо революционных потрясений» всегда обнаруживается революция – если не своя, так чужая.

Самые, на наш взгляд, интересные, хотя и небесспорные, размышления Д. Давыдова посвящены проблематике личности. Из некоторых высказываний можно заключить, что в них присутствуют представления о двух типах личности: одна – старого типа, привязанная к материальным благам, а другая – более современная, от этих благ в значительной мере отстраненная, сама себя воспринимающая как самодостаточное благо (с. 120). «Погоня за материальными благами уступает место погоне за личностью и личностным» (с. 123). Такая личность, даже если формируется на материальной основе, является в лучшем случае «проекцией материального», ибо существует только в коллективном воображении, и т.д. (с. 116). Эти представления о личности посткапиталистического будущего ассоциируются с некоторыми современными тенденциями, выраженными в прогнозе ВЭФ на 2030 г.: «Вы ничего не будете иметь – и вы будете счастливы». Но не является ли она тем самым марксовым пролетарием, которому объективно нечего терять, ибо ему ничего материального уже не принадлежит – кроме «личности»? Раньше, да и сейчас, личность

в значительной мере вырастала из материального окружения, определявшего ее возможности. Эпоха социального государства на Западе и в СССР, очевидно, была временем не настолько развитого капитализма, чтобы личность, которую он взращивал, могла освободиться (почти) полностью от материальных подпорок. Еще не настало время идеального марксова пролетария, который будет убежден, что его личность и есть самое важное, самое ценное общественное благо, самый дефицитный ресурс и т.д. Точней – *его будут в этом убеждать*. Ибо невозможно отделаться от впечатления, что эта якобы пресытившаяся материальными благами «личность» является не более чем пустышкой, которую подсовывают большинству – ибо не собираются его культивировать как сообщество целостных людей, личностей, фундированных материально, а не являющихся только «проекциями материального». Мемы времен пандемии COVID-19 подчеркнули всю разницу между личностями из тех, кого Давыдов называет персоналиатом, и обычными людьми, которые «одинаково» страдают от самоизоляции: одни – плескаясь в собственном бассейне, другие – поедая доширак в съемной квартирке. Личность посткапиталистического будущего в описании Давыдова напоминает христианскую душу, которая после смерти пребывает в раю или аду в ожидании Страшного суда, но на суд является в новом теле. Это указывает на ее неполноценность и несамодостаточность, несмотря на то, что она в человеке вроде бы как является самым важным компонентом. Христиане верят, что после Страшного суда Бог даст заслужившим спасение Новые небеса и Новую жизнь – новое тело и, таким образом, возродит их полноценными людьми, только более совершенными, чем прежде. Подобным образом и марксист мог бы сказать о совершенном человеке коммунистического будущего.

Но посткапитализм – не коммунизм и не христианский рай. Это, своего рода, загробная жизнь капитализма, в которой нет и не может быть места совершенному человеку будущего, но зато есть место «личностям» – феноменам эпохи эксплуатации и неравенства в разных его видах, обреченных на социальный рай или ад. Посткапиталистическая «личность», вне зависимости от того, в социальном раю или социальном аду она пребывает, несет на себе печать несамодостаточности, отчуждения. Маркс и Энгельс заметили, что в буржуазном обществе отчуждены и буржуа, и пролетарий, но буржуа чувствует себя в самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, а пролетарий – уничтоженным[3]. В посткапитализме по Давыдову – картина примерно такая же: представители персоналиата, которые купаются в лучах славы и, по определению, должны чувствовать относительно большую удовлетворенность, чем уступающие им масштабом личности из имперсоналиата, страдают от психических расстройств, тревоги за будущее, страха утратить положение и т.д.

Давыдов не доходит в своем противопоставлении личности материальному до абсурда. Он сознает, что «личность – ничто без материальных подпорок» (с. 157). Итоговым выводом его работы является признание необходимости «критики личности», как до того и наряду с нею – критики капитала, осуществленной Марксом и Энгельсом (с. 311), и, добавим, критики труда, осуществленной молодым Марксом.

Но вернемся к авторской концепции. Фантазии многих сегодняшних левацких мыслителей на тему близящегося посттрудового общества Д. Давыдов описывает как ложное сознание персоналиата, искренне верящего, что если в надвигающемся обществе всеобщей самореализации ему будет хорошо, то хорошо будет и всем остальным. Он иронически замечает, что, в то время как представители персоналиата грезят об обществе без труда, многие другие в условиях ускоряющейся автоматизации производства оказываются «лишними» и пополняют ряды прекариата, занятого «дерьмовой работой» (с. 234). Капитализм, конечно, «сжимается» (с. 261), но лучше ли от этого простым людям? Нет – отвечает автор, – в наступающем будущем люди в большинстве будут несчастливы.

---

[3] С. 39, *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2 изд. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1955.

Но возможен ли другой путь и другое будущее? Ответу на этот вопрос посвящена последняя часть книги, не менее достойная внимания, чем предыдущие. Автор критически анализирует типичную для современного левого интеллектального мейнстрима левую (анти-)утопию акселерационизма, изложенную в «Манифесте акселерационизма» Н. Срничека и А. Уильямса[4]. Соглашаясь с акселерационистами в ряде частных случаев, Давыдов считает их позицию воплощением воззрений персоналиата. Поэтому, пытаясь обрисовать альтернативу посткапитализму и акселерационистскому его реформированию, автор делает упор на отказ от свойственной персоналиату недооценки значения труда. Он не разделяет мнения, согласно которому отмена труда в пользу «творчества» однозначно прогрессивна. Проблема, по его мнению, в том, что Н. Срничек и А. Уильямс описывают кризис «общества труда» как кризис труда в целом. Они задаются вопросом: как труд можно минимизировать, как освободить людей от ряда кажущихся бессмысленными усилий, от «дерьмовой работы»? «Однако, – считает Д. Давыдов, – на все это можно посмотреть с совершенно другого ракурса. Что, если общество переживает катастрофическую нехватку человеческих усилий, человеческого труда? Причем речь может идти о нехватке именно общественно необходимого труда.., не свободной деятельности добровольцев, а "дисциплинированного" труда (подчиняющегося определенным нормативам, дисциплине, вертикальной организации) во благо всего человечества» (с. 279–280). Исходя из этого, автор рисует картину общества, где масса якобы «лишних людей» перестают быть таковыми, как только осознается необходимость в их труде на ниве образования, воспитания, здравоохранения и еще в ряде областей, которые в условиях неолиберального капитализма подвергаются неоправданной оптимизации. Этот путь также подразумевает творчество, но «творчество совсем другого характера – нацеленное не столько на производство личности, сколько на преобразование материального и социального мира. Источником наслаждений здесь оказывается уже не яркая индивидуальность, представленная публике, а сам процесс преобразовательной деятельности» (с. 306). Результатом такого творчества станет гораздо более здоровое общество, состоящее из более полноценных людей, чем ущербные «личности» современности и грядущей эпохи «всеобщей самореализации». Трудно отделаться от вопроса: не является ли описываемая Д. Давыдовым альтернатива формационной разновидностью «общества всеобщей самореализации», подобной «социализму» как вечному утопическому и временами «реальному» спутнику капитализма? Именно такой вывод напрашивается, исходя из предшествующих разделов его работы. Впрочем, ответ на данный вопрос – задача отдельного исследования.

Завершая краткий разбор книги «Посткапитализм и рождение персоналиата», мы должны отдать должное смелому замыслу автора. Задавшись вопросом о будущем, он поставил перед собой нетривиальную и, возможно, настоятельнее других требующую решения теоретическую задачу: проскользнуть между Сциллой утопических фантазий на тему близящегося «посттрудового общества» и Харибдой соблазнительных, но малополезных ретрометафор на тему «нового средневековья» и «неофеодализма»[5]. И если ход мысли Д. Давыдова с нашей точки зрения оказался не во всех отношениях неуязвимым для критики, то, следует заметить, даже Одиссею не удалось без потерь провести свой корабль в аналогичной ситуации.

Л.Г. ФИШМАН

---

[4] *Срничек Н., Уильямс А.* Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019.

[5] *Дин Дж.* Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. № 6(133). С. 85–116.

ФИШМАН Леонид Гершевич – доктор полититических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия (lfishman@yandex.ru).

DOI: 10.31857/S013216250016835-1

Davydov D.A. (2021) POST-CAPITALISM AND THE BIRTH OF A PERSONALIST. Moscow: RIPOL klassik. Reviewed by L.G. Fishman

Leonid G. FISHMAN, Dr. Sci. (Polit.), Prof. of Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law of UrB RAS, Ekaterinburg, Russia (lfishman@yandex.ru).

© 2021 г.

Кравченко С.А. СОЦИОЛОГИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ: учеб. для вузов. М.: Юрайт, 2021. 236 с.

Цифровизация стала одной из важнейших черт современного мира. Глубоким представляется ее воздействие на повседневность и культуру. Влияние пандемии COVID-19 интенсифицирует «оцифровку» все большего числа аспектов человеческой жизни. Однако теоретическое осмысление этого феномена содержит огромное число пробелов. Еще не оформился концептуальный аппарат, позволяющий анализировать процессы цифровизации. В современной социологии появился раздел под названием «цифровая социология» (или «социология Интернета»), он фокусируется в основном на цифровых медиа и исследовании киберпространства, в то время как цифровизация представляет собой значительно более широкий и многоаспектный процесс. Иными словами, ощущается потребность в дальнейшей теоретической проработке социологии цифровизации как глобального явления. В этом смысле рецензируемый учебник представляет особый интерес.

В основе учебника – авторский подход, основанный на гуманистически ориентированной цифровизации и предлагающий студентам не столько перечень социологических теорий, сколько анализ ключевых проблем и рисков цифровизации. Его автор – крупный российский социолог, специалист в области нелинейной культурной динамики, социологии уязвимостей и социологии постмодерна. Однако в учебнике затрагивается широкий круг тем, не ограниченный анализом рисков и опасностей, но рассматривающий процессы цифровизации и в более широких контекстах – научно-технологическом, экономическом, культурном.

Руководящими принципами, определяющими специфику авторской подачи информации, являются: во-первых, изложение материала «через призму альтернативных подходов к социологии»; во-вторых, «гуманистическая теория сложности» и связанный с нею «гуманистический цифровой поворот»; в-третьих, учет вызовов «современной динамики социума, цифровых технологий и природы» (с. 9). Исходя из этих позиций, 13 представленных в учебнике тем можно разделить на три взаимодополняющие категории.

К первой относятся темы, в большей степени касающиеся методологических аспектов: это становление «социо-цифро-природной» реальности, анализ социологии цифровизации как новой отраслевой дисциплины, а также изучение вопроса об альтернативных сценариях будущего. Ко второй категории можно отнести темы, освещающие гуманистический (в широком смысле этого слова) аспект цифровизации: становление цифровой

рациональности, цифровые метаморфозы, роль «цифрового тела» в контексте человеческого капитала, цифровизация и общественное сознание, новые модели потребления, влияние цифровизации на повседневную жизнь. Наконец, третья категория охватывает темы, связанные с вызовами цифровизации: речь здесь идет о «цифровом» аспекте национальной безопасности России, о гибридных макро- и микрорисках цифровизации, новых формах уязвимости, меняющейся роли научного знания.

Несомненным достоинством учебника можно считать прежде всего то, что столь широкий круг тем не приводит к фрагментации излагаемой информации, а, напротив, последовательно контекстуализируется автором с помощью обращения к идее гуманистического цифрового поворота, пронизывающей все главы. Такой подход выделяет его из общей массы учебных пособий за счет любопытной попытки соединить авторскую позицию с исследованием общих проблем социологии. Особо отметим внимание автора к наследию русской социологической мысли и использованию ее наработок в качестве элементов «гуманистического цифрового поворота» – тем самым осуществляется примечательная попытка синтеза истории и современности, своего рода обновления классики. Так, например, в учебнике неоднократно упоминаются П. Сорокин и его теория культурной динамики, отталкиваясь от которой автор предлагает оценивать возникающие в ходе цифровизации уязвимости, в то же время подчеркивая: «сложными уязвимостями можно управлять» (с. 65). Именно в проработке этой мысли автор видит один из наиболее значимых вкладов Сорокина в социологию, особенно актуальный в условиях цифровизации.

С.А. Кравченко не забывает о перебрасывании «мостика» из прошлого в настоящее, учитывая зарубежные теории и авторов, внесших вклад в понимание цифровизации как социологического феномена. В контексте рисков и угроз цифровизации в учебнике освещаются и обсуждаются разные теории, в том числе З. Баумана, М. Фуко, У. Бека. М. Вебер вписывается автором в актуальный контекст за счет увязки его типологии рациональности с возникновением в современном обществе «цифровой рациональности» (с. 102).

Для лучшего закрепления и проработки материала каждый раздел книги снабжен не только соответствующим списком литературы, но и темами к обсуждению, что позволит бакалаврам и магистрам (а учебник рассчитан в первую очередь на них) поучаствовать в полемике и критически осмыслить усвоенные знания. Хочется отметить, что ощущается некоторый недостаток примеров, анализа кейсов и исследований, которые бы иллюстрировали основные положения глав. Например, раздел о потреблении в цифровую эпоху содержит анализ «цифровизации еды» как фактора потребительской экономики (с. 152–156), другим разделам тоже не помешали бы аналогичные кейсы.

В целом учебник производит впечатление комплексной и концептуализированной работы. Автору удалось не только охватить широкий спектр тем, но и выдержать баланс между классическими и современными теориями, а также предложить своего рода «пролегомены» к гуманистической парадигме цифровизации, синтезирующей зарубежные и российские подходы.

Д.В. СОКОЛОВ

СОКОЛОВ Дмитрий Васильевич, науч. сотр., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (d.v.sokolov.1985@yandex.ru).

DOI: 10.31857/S013216250017447-4

***Kravchenko S.A.* (2021) SOCIOLOGY OF DIGITALIZATION. Moscow: Yurait. 236 p. Reviewed by D.V. Sokolov**

Dmitry V. SOKOLOV, Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (d.v.sokolov.1985@yandex.ru).

Письмо в редакцию

© 2021 г.

О САМОРЕФЛЕКСИИ «КРУПНЕЙШЕЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ XX ВЕКА»

«Крупнейшей геополитической катастрофой XX века» президент России В.В. Путин назвал случившийся 30 лет назад развал Советского Союза. Его причинами стали очень разные факторы. По нашему мнению, очень большую роль сыграл затянувшийся процесс саморефлексии – осознания того, что дальше страна «на одном энтузиазме» развиваться не может, а как и в каком направлении следует идти – неизвестно. Это относилось как к народу, так и к власти.

Американские исследователи потенциала прочности социального строя СССР утверждали, что экономических ресурсов хватит до середины XXI в. Действительно, целенаправленная реорганизация экономики и перевод ее на интенсивный путь развития при сохранении духовной преемственности могли предотвратить распад прежде устойчивых социальных структур. Однако главной особенностью кризиса начала 1990-х гг. стало разрушающее, экстремально-критическое воздействие власти, приведшее к массовому деструктивному в социально-политическом плане поведению, чреватому не только разрушением социального строя, но и саморазрушением общества. Главные противоречия общества – между авторитарно-административным руководством и демократизацией, между централизованностью управления и инициативой масс – оставались без решения. В борьбе за власть руководство СССР утратило не только смысл преобразований, но и способность управлять, противостоять разрушительным силам. Возникла угроза «культурной смерти» и распада не только СССР, но и России. Особенно болезненно, как личную трагедию, до сих пор переживает развал СССР интеллигенция.

Основанием оценки событий, приведших к развалу СССР, служит рефлексивная реконструкция сознательной деятельности, которой изначально присущи экзистенциальная дихотомичность личности, разделение ее сущности на требования норм и морали, с одной стороны, а также ценности и побуждения, не всегда совпадающие с разумом и совестью, – с другой. Недостаточно знания рыночных механизмов подъема экономики, необходимо также владение способами практического решения вопросов на рефлексивном уровне, в котором нормативно-ценностные структуры выступают главным фактором.

В настоящее время приобретают высокую злободневность проблемы саморефлексии – систематического внутреннего поиска собственной социокультурной модели развития. Саморефлексия как духовно-практический компонент сознания, выражающийся в смысложизненном, социокультурном самоопределении и самовоспроизводстве, как способ обретения идентичности в мире, может служить теоретико-методологической базой и объяснения деструктурации СССР. Она связана с рефлексивной социологией – системно-целостным представлением предмета, включающим самопонимание, конструирование своего «Я» в структуре социального взаимодействия, и направленным на открытие закономерных связей внутренне-духовного и внешне-функционального. Она обеспечивает более высокий, антиномичный уровень теоретизирования, способный фиксировать знание в контексте культуры, выходить за рамки узкой праксеологии в область гуманитарного, антисциентистского познания нового интегрально-дифференциального типа.

Если рефлексия – мышление о мышлении, то саморефлексия – это мышление о своем мышлении. Саморефлексия как методологическая основа социальной практики анализирует

вариативность, многозначность и дихотомичность процессов для выработки проектов поступательного развития общества. Всякий акт научной саморефлексии – акт субъекта социальных действий, формирующего общество, конституирующего социальные структуры и их функции, осознающего себя и смысловой деятельности. В то же время С. Кьеркегор выделяет негативную рефлексию – такое опосредование социальности, которое ведет к альтернативным, отчужденным или деструктивным формам жизнедеятельности. Это – негативное по отношению к обществу самоопределение, выражающееся в иррациональности и в разложении человечности, в асоциальной направленности деятельности.

Именно такая рефлексия возобладала во властных структурах СССР рубежа 1980–1990-х гг. и в постсоветских обществах, где человеческая потребность в социальной опоре для развития своих индивидуальных способностей под влиянием культуры Запада трансформировалась в потребительские, «ловкаческие» и иные деструктивные формы жизнедеятельности. Разрушение прежних связей – как в институционально-функциональном, так и в коммуникативном плане – создало почву для дезинтеграции и дезориентации значительной части этнокультурных, региональных и профессиональных слоев в отсутствие институтов, способных регулировать деятельность субъектов. Сменившая их формально-рациональная коммуникация и коммерциализация гуманитарных сфер жизни (медицины, образования, искусства, по своей природе направленных на духовное и физическое оздоровление) привели к появлению различных социальных движений, преследующих своекорыстные цели, пагубно влияющих на сознание людей. Нужны были действительно крепкие духовные устои, чтобы противостоять этим тенденциям, выработать свои подлинные предметные и духовные основы бытия. Нагляднее всего деструктивность проявилась в политической борьбе, когда задействовались только формально-рациональные формы сознания без опоры на нравственно-этические и духовные основы бытия.

Рефлексивный подход позволяет включить важные характеристики в объяснение ограниченности мышления, его антиномичности. От соединения внутренне-сущностного с функциями социальной системы зависит сохранение и развитие общества в целом. Соединяется не одинаковое, а индивидуально-различное, обретающее свои функции в общем процессе социального взаимодействия. Если бы 30 лет назад интеграционные усилия происходили на базе множественной идентичности национальных республик, входивших в состав СССР, то распада страны возможно было бы избежать. Например, прибалтийские республики хотели модернизировать экономические отношения на базе учета вклада каждой республики в ВВП, иными словами, ввести хозрасчет при оценке результатов труда. Тем самым они нашли рыночные пути воплощения одного из главных принципов социализма (от каждого по способностям, каждому – по труду), в то время как в стране царили уравниловка и бесхозяйственность. Именно это отсутствие реальных стимулов труда привело к застою в советской экономике и породило иждивенчество.

Поиски своего пути развития продолжаются по сей день. После тяжелого периода проб и ошибок, осознания несостоятельности потребительской модели западного общества, идеи социализма опять приобретают своих сторонников, причем не только среди старшего поколения, но и среди молодежи, и не только на постсоветском пространстве, но и на Западе.

Руководство союзных республик также сыграло свою роль в развале СССР. В то время оно представляло собой «административные машины», которые получали распоряжения от Госплана из Москвы. Это тормозило развитие экономики и не давало возможность своевременно решать возникающие проблемы. В условиях ослабления власти центра они стремились захватить ресурсы, отвечать за которые не собирались. Все беды – появившуюся нищету, беспризорность, растущую преступность – объясняли наследием СССР. В этих государствах установились авторитарные режимы, сосредоточившие в своих руках большую часть государственной собственности и власть. Завоевания социализма оказались сведены к нулю, и это определило дальнейшее, инерционное и/или ретроградное, развитие постсоветских республик, прикрываемое декларациями о демократии, свободе и независимости.

Проблемы интеграции в наше время переходят в плоскость духовного взаимодействия, выработки новых ментальных средств жизнедеятельности на качественно новом рефлексивном уровне. Слепое следование западным образцам, в которых доминируют потребительская модель и функционалистская трактовка человека, ведет к вырождению нации, к девальвации истинных ценностей и норм жизни. Нельзя не согласиться с тем, что «нужна большая вдохновляющая идея, которая могла бы создать пространство глобальной коммуникации и культурных взаимодействий»[1]. Эта идея очень проста и понятна – бережное отношение к человеку и к природе, любовь к Отечеству, развитие культуры народа.

Но нужна не просто идея, а выработка концепции гармоничного развития общества и природы, определение оптимального соотношения системы ценностей человека и целей устойчивого развития. На практике ее воплощение означает соединение технологически-функциональной основы с решением вопросов духовно-нравственного и ценностно-нормативного роста личности, создание условий для самореализации. Ввиду этого возникает проблема духовного обновления, утверждения социальных идей на новом уровне научно-технического прогресса.

Вхождение культурной самобытности в общецивилизационные процессы происходит как осознание себя, своего места и назначения в новых условиях, овладения умением действовать и достигать поставленных целей. Тем самым общество обретает субъектность. Для постсоветских обществ обретение субъектности – экзистенциальная проблема, от решения которой зависит само существование новых государств. Сохранение многообразия мыслительных средств не противоречит общим тенденциям, а является способом культивации новых отношений, индивидуальным вкладом в развитие общества. Устанавливая субъективную логику, диспозиции личностей и типы рациональности, исследовательская логика саморефлексии определяет направление сдвига – в сторону понимания своей исторической функции, места и смысла деятельности, или в сторону неприятия, критического отношения, заставляющего искать альтернативные способы изменения действительности. Вследствие этого, возрождая найденное в СССР, верное и ценное, следует идти дальше по пути интеграции и поиска национальных стратегий социально ориентированного развития.

Р.Т. УБАЙДУЛЛАЕВА

УБАЙДУЛЛАЕВА Раиса Турсуновна – доктор социологических наук, профессор Национального университета Узбекистана, Ташкент, Узбекистан (u.raisa@mail.ru).

DOI: 123456

AUTO-REFLECTION OF THE "LARGEST GEOPOLITICS' TRAGEDY OF 20th CENTURY"

UBAYDULLAEVA R.T.

National University of Uzbekistan, Uzbekistan

Raisa T. UBAIDULLAEVA, Dr. Sci. (Socol.), Prof., National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan (u.raisa@mail.ru).

[1] *Квасова И.И.* Глобализация и идентичность в современном обществе // Вестник РУДН. 2002. № 1. С. 71.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

(2021. Т. 27)

№ 3. *Черкашина Т.Ю.* Сведения о доходах и имуществе российских региональных политиков: пилотаж и оценка качества административных данных; *Шмерлина И.А.* «Интерсубъективность»: становление социально-феноменологического понятия; *Мозговая А.В.* Адаптация к средовым изменениям: риски социальных и технологических нововведений; *Гаврилюк Т.В.* Рабочий класс в сервисной сфере: постановка проблемы и актуальный социологический дискурс; *Амбарова П.А.* Трансфер человеческого капитала учащейся молодежи в системе российского образования; *Зборовский Г.Е., Шаброва Н.В.* Сообщество родителей школьников как субъект гражданского общества (на материалах исследования в российском мегаполисе); *Малинкин А.Н.* К истории отечественной социологии 1920–1930-х гг.: советский марксизм vs «социология знания»; *Докука С.В.* Социальное окружение и академическая успеваемость: обзор исследований, использующих стохастическое акторно-ориентированное моделирование.

МИР РОССИИ: СОЦИОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ

(2021. Т. 30)

№ 4. *Шейман И.М. и др.* Диспансеризация населения: ожидания и реальность; *Темницкий А.Л.* Мотивационная структура профессиональной деятельности медицинских работников России; *Тев Д.Б.* Члены Совета Федерации: карьера до вхождения в должность и после прекращения полномочий; *Колесник Н.В.* «Я противник режима, но всегда работаю на "Единую Россию"», или О политтехнологическом сообществе в современной России; *Левин С.Н. и др.* Субъекты квазипубличного взаимодействия в регионе ресурсного типа: взгляд изнутри; *Шмидт М.А.* Шеринг-экономика и социальный капитал: фиктивные ожидания социальности в Банке времени; *Дивисенко К.С., Винер Б.Е.* Периодизация советской и постсоветской этнологии на материалах тематики диссертаций (1934–2016).

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

(2021. Т. 24)

№ 3. *Головин Н.* «Необычный мыслитель и его необычное сочинение»: к публикации на русском языке рецензий немецкого социолога Л. фон Визе на «Социальную и культурную динамику» П.А. Сорокина; *фон Визе Л.* Идеациональное и чувственное искусство: к учению П. Сорокина о флуктуациях его форм (пер. с нем. Н.А. Головина); *фон Визе Л.* Идеациональная и чувственная культура: к учению П. Сорокина о динамике социальной жизни (пер. с нем. Н.А. Головина); *Григорьева К.* Мигранты как «лица, подверженные идеологии терроризма». Институциональный анализ российского кейса секьюритизации миграции; *Летняков Д.* Массовые миграции и трансформация исторической памяти принимающих сообществ: случай Великобритании; *Гаврилюк Т.* Культурные практики, нормы и предпочтения российской рабочей молодежи как составляющие ее классового габитуса; *Колесник Н.* Избирательные кампании и гражданский активизм в условиях цифровой геймификации; *Веркеев А.* Неравенство в восприятии (у)личной безопасности в России; *Костина С., Бритвина И.* Теоретические подходы и современные направления исследований феномена гендерной идентичности; *Розов Н.* Обновление социальных порядков в антропогенезе – ключ к объяснению происхождения языка.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

(2021. Т. 20)

№ 3. *Соколов М.* Наука как церемониальный обмен: теория пространств внимания, академического статуса и символической борьбы; *Пресняков И.* Что делают социальные ученые в ситуации «политеизма ценностей»? Или еще немного о веберовском «призвании»; *Майборода А. и др.* Государство для молодежи или молодежь для государства: дискурсы молодежной

политики в странах Евросоюза и России; *Коротаев А. и др.* О некоторых социально-демографических факторах интенсивности антиправительственных демонстраций: доля молодежи в населении, урбанизация и протесты; *Рикёр П.* Практический разум (пер. с франц. А. Бреуса); *Матвеенко В.* Обновление традиции в политической мысли Японии раннего Нового времени: конфуцианская категория Дао и вопрос об истоках социального порядка в теории Огю Сорая; *Мирошниченко М.* Жизнь, не принадлежащая себе: триада «ребенок – родитель – врач» и феноменология в паллиативной помощи детям; *Волкова Д.* Человеко-метры, потребители, «правильные» и «неправильные» жители: репрезентация горожанина в дискурсе о новых жилых районах Москвы; *Галкин К.* Сборки старения в различных средах: применение материальной оптики; *Попов Е.* Онтологический анализ исследований ланкастерской ветви акторно-сетевой теории: от восприятия к объекту; *Резаев А., Трегубова Н.* От социологии к новой социальной аналитике: кризис социологии и проблема искусственного интеллекта.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

(2021. Т. 9)

№ 3. *Аброскин А.С., Аброскина Н.А.* Проблемы информационного обеспечения социальной помощи населению в период пандемии COVID-19; *Гужавина Т.А.* Доверие в пандемию: сохранить нельзя изменить. А что чувствует регион? (на примере Вологодской области); *Караханова Т.М. и др.* Рабочая и студенческая молодежь: ценности повседневной жизни, бюджет времени; *Гурко Т.А.* Динамика благополучия отцов и матерей, имеющих несовершеннолетних детей; *Дорофеева З.Е.* Распределение ролей в высокоресурсных многодетных семьях; *Богданов В.С.* Результаты мониторинга процесса информатизации в ходе социально-цифровой трансформации регионального управления; *Кулагина Е.В.* Социальное обеспечение лиц с инвалидностью в государствах благосостояния: охват помощью и антикризисное регулирование. Часть 1; *Чернов В.В., Передня Д.Г.* Пословица как индикатор нормативного поведения офицеров Вооруженных сил России; *Атанасова А.А., Мозговая А.В.* Личностные особенности и социальное самочувствие предпринимателей как ресурс адаптации к изменениям; *Позднякова М.Е., Брюно В.В.* Особенности употребления алкоголя женщинами горожанками с различным социально-профессиональным статусом; *Голенкова З.Т. и др.* Трансформация регионального социально-профессионального пространства (на примере Республики Тыва); *Подлесная М.А.* Малый город в условиях формирования агломераций: шанс выжить или удар модернизации?; *Найденко В.Н.* Оценка деятельности российских государственных и общественных институтов в этноконфликтной сфере; *Жаворонков А.В., Воронина Н.С.* Отношение к иммигрантам в массовом сознании европейцев (на примере вторичного анализа данных ESS–2016 г.). Часть 2; *Толмачева А.Ю.* Социальная интеграция мигрантов из стран Средней Азии и других постсоветских государств (сравнительный анализ).

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ

(2021. Т. 12)

№ 3. *Данилов А.Н.* Развитие современного социума: место культуры в выборе будущего; *Беляева Л.А.* Цивилизационная гетерогенность России. Собственность в поле цивилизационного развития; *Руткевич Е.Д.* (Не)религиозное разнообразие и соотношение религиозного, духовного и светского в сознании современного человека; *Зубок Ю.А. и др.* Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования; *Шуклина Е.А.* Самооценка образовательной успешности как институциональный феномен: социологический анализ эффективности и внутрисистемных противоречий; *Большакова О.А., Караханова Т.М.* Бюджет времени студенческой молодежи и ее адаптация к учебной деятельности; *Бессокирная Г.П.* Социальная адаптация младшего и старшего поколений рабочих в современной России; *Сампиев И.М.* Региональный университет как социальный институт (на примере Ингушского государственного университета); *Ойдуп Т.М., Кылгыдай А.Ч.* Выпускники школ как основа человеческого капитала региона (на примере Республики Тыва); *Воронин Г.Л.* Смертность как социальная проблема: 2001–2017 гг.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

(2021)

№ 4. *Князева Е.В.* Response rate – показатель качества опроса или методическая проблема? Как мы считали достижимость респондентов в комбинированном исследовании; *Жучкова С.В. и др.* Имеет ли метод индикаторной переменной преимущества перед анализом полных наблюдений при обработке пропусков в категориальных регрессорах?; *Багина Я.А. и др.* «Один в поле не воин» или «третий лишний»? Тандемные интервью в качественном исследовании; *Чернозуб О.Л.* Двухкомпонентная модель поведения человека: может ли социология чему-то научить маркетинг?; *Вершина В.С. и др.* Этюд о барбершопах в России: кейс связи микро- и макроуровней в качественном исследовании; *Тихонова Н.Е.* Ресурсообеспеченность массовых слоев населения страны: состояние и динамика в 2008–2020 гг.; *Карева Д.Е., Кузина О.Е.* Динамика пенсионных стратегий и пенсионного поведения россиян в 2005–2020 гг.; *Чой В.И.* Восприятие южнокорейцами и россиянами культуры стран-партнеров; *Шабунова А.А. и др.* Доверие и социальное неравенство: российский кейс; *Тыканова Е.В., Тенишева К.А.* Восприятие беспорядка и социальный контроль в новых жилых массивах: опыт социологического исследования; *Киреева Н.С.* Предпочтения пользователей сервисов совместного пользования (шеринга) вещей: результаты исследования статистики поисковых запросов; *Адельфинский А.С.* Причины бегового бума 2010-х: кейс-стади крупнейшего марафона России; *Барсукова С.Ю. и др.* Мотивы участия молодежи в избирательных кампаниях; *Нартова Н.А., Фатехов А.М.* Переход во взрослость российских миллениалов: на пути от получения образования к обретению ответственности и потере оптимизма?; *Максименко А.А. и др.* Фаббинг: особенности аддиктивного поведения молодежи; *Чудинов С.И. и др.* Сетевая организация скулшутеров в социальной сети «ВКонтакте» на примере фанатского сообщества «керченского стрелка»; *Акимова О.Е. и др.* Привлекательность российских территорий: оценка мнений центениалов; *Казенин К.И., Стародубровская И.В.* Дагестанские мигранты в Астрахани: опыт исследования интеграции; *Латова Н.В.* Миграционные установки и предпочтения российских специалистов в контексте концепции человеческого капитала; *Пешкова В.М.* Транснациональное детство. Часть I: постановка вопроса и обзор основных теоретико-методологических подходов; *Колесник Н.В.* Гендерное (не)равенство в политической власти российских регионов; *Макаренцева А.О. и др.* (Не)желание иметь детей в зеркале опросов населения.

№ 5. *Логунова О.С., Лебедев П.А.* Я-Ты-Он-Она – мы селебрити страна!; *Логунова О.С., Лебедев П.А.* Digital-селебрити: трансформация теоретических подходов; *Ефанов А.А.* Деконструкция образа инфлюенсера в современном медиапространстве; *Мерзлякова В.Н.* Celebrity culture в системе современных культурных индустрий: особенности производства публичности в структуре новых медиа; *Рождественская Е.Ю.* Интервьюируя элиту и селебрити: сравнительный анализ возможностей и ограничений; *Молотов К.И. и др.* Способы конструирования экспертной позиции в YouTube: видео популярных блогеров-историков о сталинских репрессиях; *Колпинец Е.В.* Значение аффективного труда в культуре интернет-селебрити; *Фоминых И.Г., Петров К.Е.* Супруги губернаторов и их стратегии саморепрезентации: знаменитости или домохозяйки?; *Ривера Д.В., Ривера Ш.В.* Силовики и демократия по-прежнему несовместимы? Анализ данных Исследования российских элит 2016 года; *Лесневский Д.А., Рекун И.Г.* Рыночный опыт создания платформы для анализа аккаунтов блогеров и их аудитории; *Лемешевский Д., Грунин Л.Р.* Оценка объема рынка рекламных Instagram-размещений в РФ; *Черный В.А., Вебер В.В.* Авторские платформы – главный тренд в развитии социальных сетей; *Сорокин П.С., Зыкова А.В.* «Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в XXI веке: обзор и интерпретация международного опыта; *Страхов А.П.* Факторы успеха антикоррупционной политики в постсоциалистических странах; *Чернозуб О.Л.* Двухкомпонентная модель поведения человека. Потребители тоже люди; *Архипова А.С. и др.* Этнография протеста: кто и почему вышел на улицы в январе – апреле 2021?; *Карцева М.А.* Занятость и здоровье «сэндвич-поколения» в России: эмпирический анализ; *Долженко С.Б. и др.* Деятельность профессиональных экспертных сообществ: особенности мотивации участников и оценка их вовлеченности; *Исупова О.Г. и др.* Ковидный ресентимент в социальных сетях: репертуар мотивированных суждений; *Шомова С.А.* Мем-летописец: репрезентация новостной повестки дня пандемии в меметическом контенте Рунета; *Варшавер Е.А. и др.* Факторы и механизмы складывания мест резидентной концентрации мигрантов вокруг рынков; *Пешкова В.М.* Транснациональное детство. Часть II: место и роль детей в миграции из Средней Азии в Россию; *Харизма Б. и др.* Влияние Программы оперативной помощи школам на показатель перехода из начальной в младшую среднюю школу в Индонезии; *Штейнберг И.Е.* Метод «длинного стола» в качественных полевых социологических исследованиях.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

(2021. Т. 22)

№ 4. *Павлюткин И.В.* Как возникает общность в браке: логика взаимности в нарративах жен из многодетных семей; *Флигстин Н., Фогел С.* Политическая экономия после неолиберализма; *Попова Е.В.* Воображение, неопределенность и бизнес-стратегии российских компаний в сфере медицинской техники; *Жихаревич Д.М.* Венчурный капитализм, финансирование высоких технологий и инновационная политика государства: социологический анализ американского опыта (1940–2010-е гг.); *Серебренников Д.Е., Кузьмина Ю.В.* Полевые эксперименты и модель причинно-следственного вывода Дональда Рубина: обзор актуальных исследований; *Жихаревич Д.М., Хумарян Д.Г.* Пересобрать капитализм: экономическая социология и ее «политическое бессознательное». О статье Н. Флигстина и С. Фогела «Политическая экономия после неолиберализма».

№ 5. *Верников А.В., Курышева А.А.* Показное потребление в долг: на примере легковых автомобилей; *Крэри Д.* 24/7: Поздний капитализм и цели сна; *Волкова Н.А.* Правила городского зонирования: правовая изменчивая техника; *Гришанина А.В. и др.* Качественный донор: критерии отбора доноров гамет в российском поле вспомогательных репродуктивных технологий; *Макаров Е.С., Тихомиров Д.А.* Проблема определения сущности денег в современной экономической социологии: между государством и доверием.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(2021)

№ 5. *Трофимова И.Н.* Российская образовательная политика и конфликты интересов в сфере инноваций; *Неклесса А.И.* Цивилизация как процесс: мультиплицированные субъекты Постмодерна; *Семененко И.С. и др.* Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации; *Алексеева Т.А. и др.* Дилеммы современной теории политических элит: что дальше?; *Габдрахманова Г.Ф.* Дискурсивное конструирование идентичности в Посланиях региональному парламенту. Кейс Республики Татарстан; *Латов Ю.В.* Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга).

№ 6. *Энтин М.Л. и др.* Императивы перехода на новую модель социально-экономического развития; *Бардин А.Л.* Цифровые разрывы в современном мегаполисе: политическое измерение; *Кольцова О.Ю. и др.* Освещение выборов в Казахстане и Украине российскими СМИ; *Артамонова Ю.Д., Демчук В.А.* Современная персонализация политики: новые подходы к анализу; *Тихонова Н.Е.* Динамика представлений россиян о соотношении интересов индивида и государства: эмпирический анализ; *Мельников К.В.* Клиентелизм и неформальные сети региональных элит в России: опыт сетевого анализа на примере Свердловской области.

ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

(2021. Т. 19)

№ 3. *Антонова В.К. и др.* Креативный эффект, инвестиции и инклюзия как норма жизни: установки HR-менеджеров России в отношении инклюзивного трудоустройства; *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Социальные гарантии и льготы по месту работы: нестабильность и неутешительная динамика; *Крупец Я.Н. и др.* «Если ты маленький, ты никому не нужен»: молодые креативные предприниматели Санкт-Петербурга и их отношения с государством; *Пушкарева Н.Л., Мицюк Н.А.* Зарождение биополитической модели контроля рождаемости в XIX – начале XX в.; *Мухарямова Л.М. и др.* Аутизм в России: противоречивое поле диагностики и статистики; *Дорофеева О.Е. и др.* Дискурсивные границы территории родительства: анализ кейса «плохой матери» в социальных медиа; *Миронова А.А.* Международный опыт организации родственного ухода за пожилыми людьми; *Хришкевич Т.Г., Антонова Л.В.* «Счастье исключает старость»? Образы старения в современном европейском кинематографе; *Ола Б.Э.* Сравнительный анализ тенденций и распространенности насилия со стороны интимного партнера в отношении женщин в трех западноафриканских странах; *Шахзади К. и др.* Самоубийства и социальная политика в регионе Гилгит-Балтистан: что пошло не так?; *Кичеров М.Н., Гильтман М.А.* Инвестиции в неформальное образование: проблемы измерения отдачи и разработки рекомендаций для социальной политики; *Долгов А.Ю.* Генетика и геномная медицина в исследовательских перспективах социальных наук.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

(2021. Т. 12)

№ 3. *Юсупова Т.И., Смагина Г.И.* Историк науки в контексте эпохи: историограф Академии наук Юдифь Хаимовна Копелевич; *Некрылов С.А., Степнов А.О.* Конфликты в сообществе Императорского Томского университета: к вопросу об основаниях конфликтов в университетах Российской империи конца XIX – начала XX в.; *Ермацанс И.А., Болотский И.Ю.* Объект природы как «источник» социальной истории науки; *Никифорова Н.В.* «Места знания»: пространственный поворот в исследованиях науки, технологий и общества; *Евдокименкова Ю.Б., Соболева Н.О.* Личная библиотека А.Е. Чичибабина как отражение профессиональных интересов и коммуникаций ученого; *Шеремет Е.П.* Мораль ученых и научный этос: ревизия концепций и новый подход; *Ефимова Г.З.* Обособленный творец или командный игрок: индивидуальные и коллективные стратегии научно-исследовательской деятельности; *Еременко Т.В.* Актуальные вопросы формирования академической этики студентов в процессе работы с информацией: по материалам экспертного опроса; *Сергеева О.В.* Разработка исследовательской компьютерной игры: как новая онтология помогает решать методологические проблемы социолога; *Николина Н.В.* Метафора «конструирование» в социальных исследованиях науки: классификация и интерпретация.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

(2021)

№ 4. *Зенков А.Р., Удовенко И.П.* Человеческий капитал в условиях нового технологического уклада: траектории формирования и развития; *Пантыкина М.И.* Соматические права человека в современных условиях технологической трансформации телесного бытия; *Титов В.Н.* Возможности и ограничения социально-экономической адаптации в условиях коронакризиса; *Назаров М.М., Ковалев П.А.* Пандемия и долгосрочная динамика медиапотребления; *Оленченко В.А.* Страны Прибалтики в Евросоюзе: основные характеристики членства и антироссийская ориентация; *Четверикова А.С.* Россия и Вишеградские страны: особенности взаимодействия; *Симонова М.В.* Ключевые коммуникативные стратегии создания образа иммигранта в медийном дискурсе Испании (на материале газеты El País); *Воротникова Т.А.* Левые в Перу: долгий путь наверх; *Атанесян А.В., Челпанова Д.Д.* Фактор влияния постпротестных политических элит Армении на армяно-российские взаимоотношения: проблемы, возможности и риски; *Дискин И.Е.* Нация и легитимность.

№ 5. *Ершов М.В. и др.* О некоторых аспектах воздействия валютного курса на социально-экономические процессы; *Евстафьев Д.Г., Цыганова Л.А.* Социокультурные отношения и коммуникации в постпандемическом мире: глобальный разворот или ситуативный кризис постмодерна; *Давыдов Д.А.* Меритократия и ее враги: есть ли альтернатива «тирании заслуг»?; *Мухаметов Р.С.* Влияние величины избирательных округов на гендерный состав муниципального депутатского корпуса; *Эндрюшко А.А.* Транснациональные практики мигрантов из постсоветских государств в России; *Тимофеев П.П., Хорольская М.В.* Сравнительный анализ подходов Германии и Франции к отношениям с Россией.

LABORATORIUM: ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(2021. Т. 13)

№ 2. *Бредникова О., Богданова Е.* Переосмысляя соседство; *Громашева О.* Гибридное соседствование в действии: случай Кудрово, Россия; *Чернышева Л., Гизатуллина Э.* «ВКонтакте» с соседями: черты и практики гибридного соседствования в большом жилом комплексе Санкт-Петербурга; *Богданова Е.* Коллективная стратегия решения проблем ЖКХ в условиях «старого соседства» в российском мегаполисе. Можно ли песок растворить в воде?; *Бредникова О.* «Я с соседями совсем не общаюсь…»: соседствование как рутинное взаимодействие; *Куприянов П.* Ретрососедство: конструирование сообществ в музейно-краеведческих проектах; *Богданова Е. и др.* Как понимать и как исследовать соседство?; *Бердышева Е., Недиков Д.* Соблазнительные фасады рынка каннабиноидов в российском даркнете: конструирование качества как ключ к социальной нормализации спроса; *Скоблик К.* Стратегии препятствия оправданию в районных судах присяжных: реформа присяжных в России через социологию Лумана; *Руднева Е.* Дискурс российских СМИ о психоневрологических интернатах; *Финкельштейн И.* Правила принятия терапевтических решений хроническими больными.

ИНТЕРАКЦИЯ. ИНТЕРВЬЮ. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (INTER)

(2021. Т. 13)

№ 3. *Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л.* Три режима гендерного гражданства: опыт восприятия социальной политики российскими женщинами трех поколений; *Муравьева М.Г.* «Я и моя семья категорически против этого закона»: гендерное гражданство и домашнее насилие в современной России; *Здравомыслова Е.А.* Позднесоветская социология о старости и гендере: были открытия; *Юкина И.И.* На пути к женскому гражданству в России: 1860-е – 1917 год; *Гуляев П.Р. и др.* «Это всего лишь шутка!» Что такое обидная шутка для подростков?; *Котельников М.П.* Алкоголь и опыт выстраивания идентичности: анализ биографического интервью.

ЖУРНАЛ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. СОЦИОЛОГИЯ (МИНСК)

(2021)

№ 2. *Евелькин Г.М.* Кризис и общество: социальное реагирование и направления снижения конфликтогенности в социуме; *Щербин В.К.* Методы моделирования социально-экономических явлений: семиотический и цепочечный анализ; *Ванькевич А.И.* Категории философии в исследовании социальных отношений форм собственности; *Антонович И.И.* Критерии демократии и политическая реальность США; *Мацевич-Духан И.Я.* «Креативный поворот» в европейской социальной теории; *Волнистая М.Г.* Методология институциональных изменений университетского образования; *Данилов А.Н.* Метафизика Владимира Миронова и трансформация университетского образования; *Шкурова Е.В., Бурак Т.В.* Исследование повседневных практик: анализ практик религиозного путешествия в белорусском обществе; *Артёменко-Мельянцова Е.К.* Трансформация семейных ценностей белорусов в отражении СМИ (на примере журнала «Работніца і сялянка»).

№ 3. *Поплавский Т., Богуш Т.А.* Восточноевропейский и прибалтийский контекст трансформационных процессов; *Михайловский В.С.* Три проблемы неомарксизма, или Что необходимо знать при использовании неомарксистского подхода; *Смирнов В.Э.* Номенклатура как социальный институт советского общества (к дискуссии в журнале «Социологические исследования»); *Неделевская И.Г.* Социальная топология науки в национальном и транснациональном контекстах: случай социальных наук; *Белов А.А., Борейко С.А.* Уровень воспроизводства научных работников высшей квалификации в Республике Беларусь и перспективы его повышения; *Мартинович В.А.* Средства коммуникации новых религиозных движений в Республике Беларусь; *Титаренко Л.Г., Карапетян Р.В.* Уровень овладения цифровыми технологиями в трудовой сфере: опыт эмпирического исследования в Минске и Санкт-Петербурге; *Симхович В.А., Наумов Д.И.* Социальный оптимизм как эпифеномен субъективной оценки качества жизни белорусского студенчества; *Шавердо Т.М.* Объяснительный потенциал категории «хронотоп» в исследовании социального.

Подготовила А. ГОВОРОВА

CURRENT SOCIOLOGY

(2021. Т. 69)

№ 5. *Хайят А.* Исламофобия и французская наука; *Карильо Я.* Расовая установка и формирование состояния окружающей среды; *Цзю Мань.* Конструирование беженца: сравнение освещения сирийского кризиса беженцев в газетах Англии и Канады; *Доусон М., Карриган М.* Локальная и глобальная идентификация фемицида: понимать пользу и доступность мотивов и индикаторов, связанных с гендером/полом; *Уорд П.* Используя «локальное знание»: трудовые практики под покровом успешных проектов помощи – кейс Иордании; *Ильостало Х., Адкинс Л.* Экономия на политике: трудовая реформа в модусе стратегического менеджмента; *Мигель Кармо Р., д'Авелар М.М.* Груз времени и опыт незанятости: повседневность и виды на будущее; *Лангус М., фон Шеве К.* Оценка на финансовых рынках: калькуляция эмоций и эмоциональные калькуляции.

№ 6. *Дризен А. и др.* Религия и бытовой космополитизм в среде религиозной и нерелигиозной городской молодежи; *Сундберг М.* Различия вторичных адаптаций среди монахов и монахинь; *Амброзини М. и др.* Как религия формирует интеграцию иммигрантов. Кейс христианских церквей мигрантов в Италии; *Шефер Р.Р.* Та же работа, та же стоимость? Борьба наемных

домработниц и домохозяек за права в Уругвае и Парагвае; *Паре М.* Устойчивый цикл протеста: кейс-стади сдерживаемого политического объединения; *Тень-Тунь Ян и др.* Механизмы формирования доверия в различающихся условиях политической идентичности: эксперимент среди избирателей Тайваня; *Кортез А.* Клодомиро Альмейда и Роджер Векеманс: напряжение между автономией и политическими приверженностями при институционализации социологии в Чили, 1957–1973; *Барри К.* Политическая социология времен протеста.

№ 7. *Дахер-Нашиф С.* Колониальный менеджмент смерти: быть или не быть мертвым в Палестине; *Чен Ю.* Как удаленный национализм формирует предпочтение «мы» у первого поколения тайваньских американцев; *Эби Г. и др.* Образцы паттернов отношений поддержки и конфликта в личных сетях и воспринимаемый стресс; *Лахад К., Мэй В.* Сдерживание и скрытые семейные отношения: рефлексия о роли тети как морально нагруженной категории; *Хенце-Педерсен С.* Дети не на месте? Обсуждая места детей с обочины; *Майванг М.Л.* От дождя как риска к дождю как ресурсу: профессиональные и организационные перемены в менеджменте дождевой воды в городах; *Перес Т.С.* Ожидания трудовой усталости для навигации в отношениях власти в интернациональных трансдисциплинарных партнерствах: кейс-стади изменения климата; *Дэвидсон Дж.П.Л.* Глядя сбоку: литературная утопия и задача критической социальной теории.

AMERICAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2021. Т. 86)

№ 4. *Пфеффер Ф., Вайткус Н.* Неравенство благосостояния наций; *Хансен М.Н., Тофт М.* Накопление богатства и накопительство возможностей: классовые истоки разрывов в богатстве в скандинавской стране на протяжении четверти века; *Гербер Т.П., ван Ландингэм М.Е.* Узы памяти: знание семейных связей с событиями прошлого как фактор значимости и коллективная память о сталинских репрессиях 1930-х годов в современной России; *Маралани В., Портье К.* Консолидация образования и здоровья в семьях; *Фергюсон Дж.* «За нами следят»: международная имитация, популистские представления и регулирование гомосексуальности в Сенегале; *Бутылин А., Сотер Л.К.* Культурные схемы: каковы они, как их найти и что делать, выявив их; *Эриксон Э., Ширадо Х.* Сети, собственность и разделение труда.

№ 5. *Розен Е. и др.* Расовая дискриминация при аренде жилья: как владельцы недвижимости используют алгоритмы и посещения дома для проверки жильцов; *Скарборо У. и др.* Пересечение расовых и гендерных установок, 1977–2018; *Брочич М., Майлз Э.* Колледж и «война культур»: оценка влияния высшего образования на моральные установки; *Голдстайн А., Итон Ч.* Конструируемая асимметрия? Искажение идентичности, репутационное давление и потребительское хищничество в коммерческом высшем образовании США; *Зауэр К. и др.* Категориальные различия и претензии: возможность, агентность и прибыль от переговоров о зарплате; *Мартин-Кэфи А.* Что такое занятость? Исследование различий в занятиях и гендерной сегрегации с использованием названий должностей и описаний задач.

EUROPEAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2021. Т. 37)

№ 4. *Хамплова Д. и др.* Относительный доход партнеров и риск распада союза в двух институциональных контекстах; *Крайдль М., Жилинчкова Ж.* Как совместное проживание меняет установки на распад семьи?; *Комоли К., Виньоли Д.* Рост неуверенности, снижение рождаемости: натурный эксперимент для Италии; *Буэно Ч., Гарсия-Роман Х.* Переосмысливая «плодовитость» пар в Испании: значимы ли относительная образованность, занятость и стабильность работы партнеров?; *Арранц Беккер О., Лотер К.* Социально-экономическое прошлое семей и здоровье взрослых детей в Германии: роль межпоколенческой передачи образования; *Барклай Ч. и др.* Производство неравенств внутри семей и через поколения: межпоколенческие эффекты порядка рождения на успехи в образовании; *Стойменовска Д., Энгланд П.* Родительство и гендерный разрыв в полномочиях на рабочем месте; *ван Вийк Д. и др.* Временная занятость и создание семьи: влияние дохода или неуверенности?; *Бухлер С., Лутц К.* Гибкая занятость отцов и возвращение матерей на работу; *Ян Ху.* Как возраст формирует социальные взаимодействия? Влияние возраста интервьюера, нормативная возрастная дистанция и гендерные установки.

№ 5. *Линд А. и др.* Отсутствующее звено: сетевые влияния на классовые разделительные линии в политических установках; *Кайзер К., Нат Ан Тринь.* Влияние позиции, мобильности и

референции: как социальный класс влияет на удовлетворенность жизнью в Европе?; *Цох Г.* Тридцать лет после падения берлинской стены – отличаются ли до сих пор восточные и западные немцы в своих установках к занятости женщин и домашнему труду?; *Винк М. и др.* Долгосрочная разнородность в натурализации иммигрантов: условная релевантность гражданской интеграции и двойного гражданства; *Бошман С. и др.* От социальной поддержки к самодостаточности: низкооплачиваемая работа как ступень; *Ди Налло А., Ёш Д.* Отсутствие стратификационного влияния безработицы на доход: как рынок, государство и домохозяйство компенсируют потерю дохода в Великобритании и Швейцарии; *Денглер К., Гундерт С.* Цифровая трансформация и субъективная неуверенность в занятости в Германии; *Бьернсхаген В., Угренинов Э.* Экспериментальные доказательства дискриминации при приеме на работу инвалидов-колясочников; *Ваньи Дж., Брин Р.* Наказания заработком за материнство: оценки для британских женщин методом индивидуального синтетического контроля.

KÖLNER ZEITSCHRIFT FÜR SOZIOLOGIE UND SOZIALPSYCHOLOGIE

(2021. Т. 37)

№ 2. *Шенк П.* Карпик в бутылке: могут ли приемы суждений объяснить спрос на тонкие вина?; *Янн Б. и др.* Справедливость зарплаты и половые роли: получают ли мужчины премию на брак?; *Биттман Ф., Шиндлер Ш.* Анализ процессов расхождения в средней школе Германии: влияние профиля школы на образовательные стремления; *Остерманн Ш., Нойгебауэр М.* Сходство имеет значение? Когда социально-экономически неблагополучные ученицы и ученики обучаются социально сходными учителями; *Энгельхардт К., Лёрц М.* Влияние стоимости обучения на связанные с происхождением неравенства при поступлении и выборе предмета.

№ 1(доп.). *Хайнц Б.* Категоризация, сравнения, оценка и квантификация в зеркале социальных форматов наблюдения; *Штайнметц Г.* Сравнительная социология, критический реализм и рефлексивность; *Штайнметц В.* Власть – производительность – культура: сравнение государств от XVII до начала XX в.; *Барнард А.В., Фуркад М.* Неприязнь к ординализации; *Хайнц Б.* Большое наблюдение – сравнение современных форматов наблюдения на примере официальной статистики и рекомендательных систем; *Ренар Л.* Запрет на сравнение? Статистика населения и вопрос сопоставимости в германских колониях (1885–1914); *Воббе Т.* Различие между домохозяйством и рынком как латентная схема наблюдения; *Беннани Х., Мюллер М.* «Кто мы и сколько нас?» – к статистическому конструированию глобальных категорий личности; *Шпайх Д.* Квантификация глобальной окружающий среды. К истории одной формы коммуникации; *Петцке М.* Мораль измерения; *Рингель Л., Веррон Т.* Серийные сравнения: о разнице, которую делает повторение; *Бюхнер Ш., Досдаль Х.* Организация и алгоритм; *Брайн С.* Мониторинг с помощью больших данных – пример полиции; *Унтернэрер М.* Порядок рекомендаций; *Пеетц Т.* Дигитальное интимное наблюдение; *Менникен А., Корнберге М.* От перформативности к созиданию: оценка и ее последствия в контексте дигитализации.

Подготовил Н. ВИКТОРОВ

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2021 году В ЖУРНАЛЕ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

К ЧИТАТЕЛЮ. № 1.

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

Браславский Р.Г. Сильная программа в культурсоциологии: между культурализмом и сциентизмом. **№ 2.**
Го Д. Три неувязки в теории расового капитализма. **№ 6.**
Горшков М.К. К вопросу о социологии массовидных духовных образований (теоретико-методологический аспект). **№ 2.**
Гофман А.Б. «Интер», «мульти», «транс» и «пост»: социология, дисциплинарность и постмодернизм. **№ 2.**
Давыдов Д.А. Посткапитализм и классовая трансформация в современном обществе: от класса-освободителя к новому антагонизму? **№ 6.**
Давыдов Д.А. Ценностные основания посткапитализма: от «модуса обладания» к индивидуализму самореализующихся личностей. **№ 12.**
Докторов Б.З., Зборовский Г.Е. Поколенческий подход к современной отечественной социологии: общероссийские и региональные уроки. **№ 11.**
Лапин Н.И. Базовое взаимодействие людей и гражданско-общественная культура как предмет изучения. **№ 5.**
Малешевич С. Конец войне? Социологический анализ основных подходов к изучению войны. **№ 9.**
Нравственность, мораль, этика: что происходит в теории и социальной практике? (круглый стол). **№ 3.**
Уолби С. К новому концепту общества: домены институтов, режимы неравенств, сложные системы глобальной эры. **№ 7.**
Черныш М.Ф. И снова модернизация: в поисках концептуальной схемы. **№ 7.**
Шипилов А.В. Дивиды не индивиды: личность до и после модерна. **№ 12.**
Щербина В.В. Обосновано ли существование социологии управления как специальной социолого-регулятивной теории? **№ 3.**
Шмерлина И.А. К истокам русского социального мировоззрения: тема «благодати». **№ 1.**
Шубрт И. Мысли о современной российской социологии и ее перспективах. **№ 1.**
Эфендиев А.Г. Социальное развитие в современную эпоху. Теоретическое исследование новой реальности. **№ 1.**

XXIII ХАРЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Адамьянц Т.З. Социальные смыслы как предмет социологического анализа. **№ 9.**
Девятко И.Ф. Социологическая теория: старые трудности, новые вызовы. **№ 10.**
Дудина В.И. «Пересборка социологии»: цифровой поворот и поиски новой теоретической оптики. **№ 11.**
Кравченко С.А. Востребованность «поворота ригидности» для устойчивого развития: контуры концепции. **№ 10.**
О мировой и отечественной теоретической социологии (круглый стол). **№ 9.**
Сорокин П.С. Социологическая теория: вызовы и возможности для российской социологии. **№ 11.**

НОВЫЕ ИДЕИ И ЯВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Образовательная неуспешность российского студенчества: социологическая интерпретация проблемы. **№ 3.**
Карачаровский В.В. Спрос на эпохи. **№ 3.**
Нравственность, мораль, этика: что происходит в теории и социальной практике? (круглый стол). **№ 3.**

1991 ГОД: ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ 30 ЛЕТ СПУСТЯ

Бузгалин А.В. Социальные силы побед и поражений социализма в XX веке. **№ 12.**
Дробижева Л.М. Опыт 1990-х гг. и управление культурным многообразием. **№ 8.**
Завершение советской эпохи: оценки с дистанции в 30 лет (круглый стол). **№ 12.**
Кирдина С.Г. Несостоявшийся теоретический синтез – тормоз реальной практики (методологические заметки по поводу распада СССР). **№ 12.**
Колганов А.И. Советский строй и союз советских республик: синхронность распада не случайна. **№ 12.**
Латов Ю.В. Финал фальстарта (о катастрофической революции 1991 г.). **№ 12.**
Миронов Б.Н. Становление национальных элит как фактор дезинтеграции СССР. **№ 8.**
Момджян К.Х. Было ли советское общество социалистическим? **№ 12.**
Семенов Е.В. Долгое эхо 1991 года: социальный смысл катастрофы. **№ 8.**
Симонян Р.Х. Как можно было сохранить Советский Союз (Балтийский ракурс). **№ 8.**
Тихонова Н.Е. Трансформации социальной структуры российского общества: конец 1980-х – конец 2010-х гг. **№ 8.**

Тощенко Ж.Т. Была ли рукотворной геополитическая катастрофа СССР? **№ 8.**
Яковенко А.В. СССР как зеркало нереализованной гуманистической перспективы. **№ 8.**

К 100-летию А.Г. ХАРЧЕВА (ЭССЕ, ЗАМЕТКИ И ВОСПОМИНАНИЯ)

Антонов А.И. У истоков второго рождения (или возрождения) социологии семьи. **№ 5.**
Аристова Н.Г. Он не старался быть хорошим и не позволял себе быть плохим. **№ 5.**
Гурко Т.А. Наследие, от которого невозможно отказаться... **№ 5.**
Демидов А.М. Вспоминая А.Г. Харчева. **№ 5.**
Семенова В.В. Анатолий Георгиевич Харчев: реконструкция биографического пути. **№ 5.**
Тощенко Ж.Т. Поле нашего сотрудничества – журнал СоцИс. **№ 5.**
Шереги Ф.Э. А.Г. Харчев как главный редактор. **№ 5.**

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Губа К.С. Большие данные в исследовании науки: новое исследовательское поле. **№ 6.**
Дудина В.И. «Пересборка социологии»: цифровой поворот и поиски новой теоретической оптики. **№ 11.**
Захарова О.В., Паюсова Т.И., Ахмедова И.Д., Суворова Л.Г. Зеленые практики: подходы к изучению. **№ 4.**
Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С., Сорокин О.В. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: структурно-таксономическое моделирование. **№ 10.**
Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П., Кученкова А.В. Субъективное благополучие на работе: исследовательские практики социологического измерения. **№ 10.**

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

Буткалюк В.А. Социальные последствия трансформирования сферы труда в условиях экономической глобализации. **№ 1.**
Варшавская Е.Я. Избыточная квалификация российских работников: масштабы, детерминанты, последствия. **№ 11.**
Каз М.С. «Мир труда» работающих пенсионеров: дилеммы и смыслы. **№ 7.**
Каравай А.В. Оценка взаимосвязи состояния здоровья и занятости россиян в конце 2010-х гг. **№ 7.**
Киселев И.Ю., Овчинникова Н.В., Смирнова А.Г., Минь Ю. Траектории занятости предпенсионеров в условиях повышения пенсионного возраста. **№ 7.**
Климова С.Г., Климов И.А. Опыт перехода российских компаний на удалённую работу в ситуации пандемии. **№ 7.**
Нефедьева Е.И., Седых О.Г., Тарабан О.В. Эксперты о предпринимательской деятельности как альтернативной форме занятости инвалидов. **№ 11.**
Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П., Кученкова А.В. Субъективное благополучие на работе: исследовательские практики социологического измерения. **№ 10.**
Темницкий А.Л. Традиции и инновации в трудовой культуре российских рабочих. **№ 4.**
Тощенко Ж.Т. Публичный и приватный жизненный мир прекариата: основные черты и ориентиры. **№ 11.**
Цзян Хайбинь, Веселова Л.С., Лебединцева Л.А. Феномен китайской рабочей силы: сложности с трудоустройством выпускников и «острый дефицит рабочей силы». **№ 8.**
Шабанова М.А. Раздельный сбор бытовых отходов как добровольная практика россиян: динамика, факторы, потенциал. **№ 8.**

СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ

Войтович С., Тупа М., Сровналикова П. Тенденции и факторы трудовой эмиграции врачей и медицинских сестер (на примере Словакии). **№ 12.**
Попова И.П. Формирование карьерного старта в науке: влияние семьи и социального контекста. **№ 12.**
Попов Е.А. Профессия социолога: идеалы абитуриентов и консенсус студентов. **№ 8.**

СОЦИОЛОГИЯ СЕЛА

Нефедова Т.Г., Баскин Л.М., Покровский Н.Е. Эволюция пространства сельских территорий Ближнего Севера (кейс Мантуровского района Костромской области). **№ 12.**

ЭКОСОЦИОЛОГИЯ

Захарова О.В., Паюсова Т.И., Ахмедова И.Д., Суворова Л.Г. Зеленые практики: подходы к изучению. **№ 4.**
Шабанова М.А. Раздельный сбор бытовых отходов как добровольная практика россиян: динамика, факторы, потенциал. **№ 8.**

ДЕМОГРАФИЯ. МИГРАЦИЯ

Авдашкин А.А. Китайские мигранты в постсоветской России: цели прибытия и отношение принимающего общества. **№ 5.**

Кулькова И.А. Влияние повышения пенсионного возраста на репродуктивные намерения женщин. **№ 5.**

Сакевич В.И., Денисов Б.П., Никитина С.Ю. Прерывания беременности в России по данным официальной статистики. **№ 9.**

Синельников А.Б. Демографический переход и семейно-демографическая политика. **№ 10.**

Сущий С.Я. Русские на Южном Кавказе: факторы динамики в постсоветский период и геодемографические перспективы. **№ 9.**

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Андреев А.Л., Андреев И.А. Россия-2021: переживание настоящего и взгляд в будущее. **№ 8.**

Вавилина Н.Д., Паршукова Г.Б., Романников О.Д. Гражданское общество как субъект социального влияния (на примере Новосибирской области). **№ 1.**

Елютина М.Э., Ивахнова И.Д. Понятие и структура вдовства как социального феномена. **№ 10.**

Иванов Д.В. Новый подход к оценке социального развития. **№ 1.**

Киенко Т.С., Савина Е.А. Хроники карантина и обсервации в доме-интернате для престарелых и инвалидов. **№ 2.**

Козырева П.М., Смирнов А.И. Взаимодействие поколений в современной России: эволюция сближения. **№ 11.**

Кузнецов И.М. Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление. **№ 8.**

Латова Н.В. Ситуация в стране и перспективы ее развития через призму общественного мнения в период пандемии. **№ 4.**

Лежнина Ю.П. Представления россиян о необходимой социальной политике: между серединой 2000-х и коронакризисом 2020 г. **№ 4.**

Лыткина Т.С., Ярошенко С.С. На пересечении гендера и класса: как одинокие матери организуют повседневную жизнь в постсоциалистической России. **№ 11.**

Мареева С.В. Представления среднего класса о неравенствах на фоне других россиян: консенсус или раскол? **№ 1.**

Нефедьева Е.И., Седых О.Г., Тарабан О.В. Эксперты о предпринимательской деятельности как альтернативной форме занятости инвалидов. **№ 11.**

Ржаницына Л.С. Совершенствование системы получения алиментов – путь снижения бедности. **№ 4.**

Тихонова Н.Е. Трансформации социальной структуры российского общества: конец 1980-х – конец 2010-х гг. **№ 8.**

Ярская-Смирнова В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. Модусы темпоральности в нарративах о доступности городской среды. **№ 2.**

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Авдашкин А.А. Китайские мигранты в постсоветской России: цели прибытия и отношение принимающего общества. **№ 5.**

Адиев А.З. Общероссийская идентичность в Дагестане (по данным опросов 2016–2019 гг.). **№ 4.**

Бадараев Д.Д., Дырхеева Г.А., Антонова Н.С. Языковая ситуация среди школьников-бурят России, Монголии и Китая. **№ 2.**

Дробижева Л.М. Опыт 1990-х гг. и управление культурным многообразием. **№ 8.**

Сущий С.Я. Русские на Южном Кавказе: факторы динамики в постсоветский период и геодемографические перспективы. **№ 9.**

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Барсукова С.Ю., Звягинцев А.В., Лаптиева Л.С. Опыт участия молодежи в избирательных кампаниях и его влияние на их гражданскую позицию. **№ 7.**

Бубнова И.А., Горохова Д.В. Прошлое в настоящем: феномен СССР в современных медиа и в сознании российских студентов. **№ 7.**

Бюраева Ю.Г. Выпускники вузов Республики Бурятия: профессиональные и жизненные планы. **№ 10.**

Гигин В.Ф., Грищенко Ж.М. Студенты эпохи цифровых технологий: жизненные смыслы в реалиях белорусского общества. **№ 1.**

Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С., Сорокин О.В. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: структурно-таксономическое моделирование. **№ 10.**

Поляков С.И. Борцовская маскулинность в Дагестане как локальная гегемония. **№ 10.**

Пушкарева Г.В., Кузнецов И.И., Батоврина Е.В. Особенности включения российского студенчества в общественные солидарные связи. **№ 10.**

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

Безрукова О.Н., Самойлова В.А., Шишкина Е.В., Яшина М.Н. «Никто не поможет…»: отказы от новорожденных детей и бэби-боксы. **№ 5.**

Гагауз О.Е. Молодежь Кишинева на пути от романтических отношений к браку. **№ 3.**

Гошин М.Е., Пинская М.А., Григорьев Д.С. Формы участия родителей в образовании детей в школах разного типа. **№ 5.**

Гурко Т.А. Эволюция и трансформация института брака: анализ эмпирических индикаторов. **№ 5.**

Елютина М.Э., Ивахнова И.Д. Понятие и структура вдовства как социального феномена. **№ 10.**

Клупт М.А. Проблемы семьи и рождаемости в ценностных конфликтах 2010-х гг. **№ 5.**

Костина С.Н., Зайцева Е.В. Модели многодетности в современном российском обществе (по результатам нарративных интервью). **№ 3.**

Лыткина Т.С., Ярошенко С.С. На пересечении гендера и класса: как одинокие матери организуют повседневную жизнь в постсоциалистической России. **№ 11.**

Погосян Г.А. Армянская семья: между традицией и современностью. **№ 10.**

Синельников А.Б. Анализ отношений между поколениями в научных трудах А.Г. Харчева. **№ 5.**

Синельников А.Б. Демографический переход и семейно-демографическая политика. **№ 10.**

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Рынок университетов мирового класса: пересмотр геополитических и национальных стереотипов. **№ 9.**

Гошин М.Е., Пинская М.А., Григорьев Д.С. Формы участия родителей в образовании детей в школах разного типа. **№ 5.**

Денисова О.А., Денисов А.П., Дробышев В.В. Восприятие образовательного процесса студентами медицинского вуза. **№ 3.**

Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Образовательная неуспешность российского студенчества: социологическая интерпретация проблемы. **№ 3.**

Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г., Новиков К.Е., Коротаев А.В. Универсальные эффекты влияния формального образования на ценностные установки в кроссрегиональной перспективе. **№ 9.**

Ибрагимова З.Ф., Франц М.В. Динамический анализ неравенства достижений и возможностей в российском школьном образовании. **№ 9.**

Карлова Е.Н. Воспроизводство социальной структуры вооруженных сил в системе военного профессионального образования. **№ 2.**

Кичерова М.Н., Ефимова Г.З., Семенов М.Ю. Неформальное образование как ресурсный потенциал развития человеческого капитала (на примере Тюменской области). **№ 1.**

Осипов А.М., Матвеев В.В., Матвеева Н.А., Воронцова Т.И. Школьные администраторы: агенты и жертвы бумажного прессинга. **№ 9.**

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Кузнецов И.М. Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление. **№ 8.**

Сущий С.Я. Русская литература советского периода – социодинамика писательского сообщества. **№ 2.**

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНЫ

Абдурахманова Э.М., Александрова Е.А., Звягинцев Р.С., Керша Ю.Д. Недоверие к вакцинации через призму родительства. **№ 7.**

Каравай А.В. Оценка взаимосвязи состояния здоровья и занятости россиян в конце 2010-х гг. **№ 7.**

Кулькова И.А. Влияние повышения пенсионного возраста на репродуктивные намерения женщин. **№ 5.**

Сакевич В.И., Денисов Б.П., Никитина С.Ю. Прерывания беременности в России по данным официальной статистики. **№ 9.**

Фадеева Е.В. Лекарственная безопасность страны: уроки пандемии. **№ 11.**

СОЦИОЛОГИЯ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Артамонова Ю.Д., Володенков С.В. Трансформация Интернета как пространства общественно-политических коммуникаций: от глобализации к гло(локал)анклавизации. **№ 1.**

Асочаков Ю.В., Богомягкова Е.С., Иванов Д.В. Новое измерение социального развития: активность и креативность в интернет-коммуникациях. **№ 1.**

Богомягкова Е.С., Попова Е.Е. «Усталость сострадать» в практиках медиапотребления (на примере отношения к проблематизации распространения COVID-19). **№ 6.**

Бубнова И.А., Горохова Д.В. Прошлое в настоящем: феномен СССР в современных медиа и в сознании российских студентов. **№ 7.**

Веселов Ю.В., Скворцов Н.Г. Доверие в эпоху цифровых трансформаций: опыт социологического исследования. **№ 6.**

Коломиец В.П. Индустриальная трансформация телевидения. **№ 6.**
Назаров М.М. Телевидение в конвергентной медиасреде: аудиторные тренды. **№ 6.**
Полянина А.К., Грудзинский А.О. Экспертные оценки продуктов медиаиндустрии: информационная безопасность детей. **№ 7.**

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

Докторов Б.З. «Этот проект оказался спасительным для меня» (интервью Ж.Т. Тощенко). **№ 6.**
Губа К.С. Большие данные в исследовании науки: новое исследовательское поле. **№ 6.**
Дежина И.Г., Ключарев Г.А. Международные коллаборации вузовской науки: стимулы и препятствия. **№ 6.**
Докторов Б.З., Зборовский Г.Е. Поколенческий подход к современной отечественной социологии: общероссийские и региональные уроки. **№ 11.**
Каримов А.Г. Молодые ученые о проблемах и статусе (на примере Уфимского исследовательского центра РАН, 2010–2020 гг.). **№ 4.**
Покровский Н.Е. Социология как многообразие жизненного опыта (интервью С.Ю. Демиденко). **№ 3.**
Сафонова М.А., Соколов М.М. Структура российской социологии – 2020. **№ 11.**
Смирнов Р.Г. О показателях социальной мобильности аспирантов. **№ 9.**
Соколов М.М. Академические репутации в российской социологии: опыт измерения. **№ 3.**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Барсукова С.Ю., Звягинцев А.В., Лаптиева Л.С. Опыт участия молодежи в избирательных кампаниях и его влияние на их гражданскую позицию. **№ 7.**
Сморгунов Л.В., Игнатьева О.А. Факторы гражданского участия на электронных платформах. **№ 7.**

ВОЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Карлова Е.Н. Воспроизводство социальной структуры вооруженных сил в системе военного профессионального образования. **№ 2.**
Малешевич С. Конец войне? Социологический анализ основных подходов к изучению войны. **№ 9.**
Сутерс Д. Социология и военные исследования: расширяя горизонты с помощью классиков. **№ 2.**

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

Масловская Е.В. Судебные переводчики в расследовании уголовных дел: типы профессионального поведения и социальные практики. **№ 2.**
Ситковский А.Л., Латов Ю.В. Парадоксы оценки российской полиции с помощью опросов общественного мнения. **№ 2.**
Ушкин С.Г., Коваль Е.А. Субъекты нормотворчества в представлениях студентов-юристов. **№ 2.**

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Вольчик В.В. Дискурсы о социальных барьерах российской (контр)инновационной системы: реальность или нарратив? **№ 10.**
Дятлов А.В., Ковалев В.В. Трансформация института сити-менеджмента в муниципальном управлении Юга России. **№ 3.**
Левичева В.Ф. Институциональные и неформальные практики лоббизма: проблема разделения и интерпретации. **№ 10.**
Медведева Н.В., Фролова Е.В., Рогач О.В. Взаимодействие и перспективы партнерства территориального общественного самоуправления с местной властью. **№ 10.**
Тихонов А.В., Мерзляков А.А., Почестнев А.А. Феномен латентного группообразования в регионах с различным уровнем социокультурной модернизации. **№ 10.**
Щербина В.В. Обосновано ли существование социологии управления как специальной социологорегулятивной теории? **№ 3.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Зарубина Н.Н. Актуализация методологического наследия М. Вебера в поисках ответов на вызовы современной социологии. **№ 4.**
Зубанова Л.Б., Зыховская Н.Л., Шуб М.Л. Актуальные тренды памяти: проблемное поле журнала Memory Studies. **№ 2.**
Ивченков С.Г., Никифоров Я.А., Ситникова С.В. Социальная память о Великой Отечественной войне в поколенческом ракурсе (кейс Саратовской области). **№ 7.**
Карачаровский В.В. Спрос на эпохи. **№ 3.**
Козлова Л.А. «Переход от истории к социологии» в учении Н.И. Кареева и историческая социология. **№ 4.**

Фельдман М.А. Директора предприятий тяжелой промышленности 1930-х гг.: динамика социально-профессиональной группы. **№ 7.**

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Головин Н.А. Питирим Сорокин, Макс Вебер и веберианцы: по следам теоретической дискуссии в немецкой социологии. **№ 4.**
Данилов А.Н. К истории становления социологии в Республике Беларусь. **№ 11.**
Зотов А.А. Органицизм Я.А. Новикова: социальная эволюция как адаптация и критика социализма. **№ 6.**
Ионин Л.Г. Протестантская этика и Макс Вебер сегодня. **№ 11.**
Кононов И.Ф. Проект марксистской социологии Николая Бухарина. **№ 9.**
Кононов И.Ф. Социология и теория социализма Н. Бухарина. **№ 5.**
Лебединцева Л.А., Дерюгин П.П., Веселова Л.С. Социология в Сингапуре 1960–1990-е гг.: «двойной мандат» социолога. **№ 11.**
Павлов А.В. Постмарксизм в социологии. Часть I. **№ 4.**
Павлов А.В. Постмарксизм в социологии. Часть II. **№ 5.**
Федотова Л.Н. Юбилейная страница в истории изучения общественного мнения в СССР. **№ 6.**
Шмерлина И.А. К истокам русского социального мировоззрения: тема «благодати». **№ 1.**
Шмерлина И.А. Лаппо-Данилевский и методологические вопросы изучения истории отечественной социальной мысли. **№ 9.**

СОЦИОЛОГИЯ МОРАЛИ

Нравственность, мораль, этика: что происходит в теории и социальной практике? (круглый стол). **№ 3.**

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Образцов И.В. Выборочное обследование станичного быта Терского казачьего войска (1875–1880). (Часть I). **№ 3.**
Образцов И.В. Опыт выборочного обследования станичного быта Терского казачьего войска (1875–1880 гг.). Часть II. **№ 4.**

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Вялых Н.А. И все-таки оно существует! К 50-летию доклада П. Бурдьё «Общественное мнение не существует». **№ 4.**
Фадеева Е.В. Лекарственная безопасность страны: уроки пандемии. **№ 11.**
Хеджес К. Шелдон Волин и перевернутый тоталитаризм. **№ 6.**
Шульц В.Л., Любимова Т.М. Российский социум и вопросы языкознания. **№ 2.**
Ян Чуньлэй, Тан Чжэнсян, Чжао Тяньтянь. Университетская культура Великобритании, США, Китая и России. **№ 1.**

ДИСКУССИЯ. ПОЛЕМИКА

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Рынок университетов мирового класса: пересмотр геополитических и национальных стереотипов. **№ 9.**
Буткалюк В.А. Социальные последствия трансформирования сферы труда в условиях экономической глобализации. **№ 1.**
Грошев И.В. Гендерные особенности ксенофобии (по материалам зарубежных исследований). **№ 5.**
Пикетти Т. Капитал и идеология: глобальный взгляд на режимы неравенства. **№ 8.**
Сикевич З.В., Федорова А.А. Границы русского патриотизма (опыт нереактивного и классического исследования). **№ 6.**
Тихонов А.В., Мерзляков А.А., Почестнев А.А. Феномен латентного группообразования в регионах с различным уровнем социокультурной модернизации. **№ 10.**
Чэ Юйлин. Использование пространства и болезни городов: взгляд современного марксизма. **№ 4.**

КАФЕДРА. КОНСУЛЬТАЦИИ

Корытникова Н.В. Параданные для оценки качества данных онлайн-опроса: опыт классификации. **№ 3.**
Маллерт Б. Парсонс в учебниках по социологии: прошлые споры, современные читатели и их будущие открытия. **№ 6.**
Попов Е.А. Профессия социолога: идеалы абитуриентов и консенсус студентов. **№ 8.**

ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ

Абдурахманова Э.М., Александрова Е.А., Звягинцев Р.С., Керша Ю.Д. Недоверие к вакцинации через призму родительства. **№ 7.**

Адиев А.З. Общероссийская идентичность в Дагестане (по данным опросов 2016–2019 гг.). **№ 4.**
Алияров Е.К., Жангужекова Д.Ж., Нуров М.М. Оккультизм в сознании горожан Казахстана. **№ 9.**
Бадараев Д.Д., Дырхеева Г.А., Антонова Н.С. Языковая ситуация среди школьников-бурят России, Монголии и Китая. **№ 2.**
Байнова М.С., Ерошкин С.Ю., Сулягина Ю.О. Социальные проблемы реновации жилья в Москве. **№ 7.**
Васильева И.Н. О социальной коммуникации органов внутренних дел с гражданами (по результатам эксперт-опроса). **№ 2.**
Галкин К.А. Трудоустройство пожилых людей и политика активного старения в Европе и России. **№ 11.**
Денисова О.А., Денисов А.П., Дробышев В.В. Восприятие образовательного процесса студентами медицинского вуза. **№ 3.**
Дзуцев Х.В., Дибирова А.П., Корниенко Н.В. Социальная справедливость приватизации: дифференциация мнений в Северокавказских республиках. **№ 10.**
Зубанова Л.Б., Зыховская Н.Л., Шуб М.Л. Актуальные тренды памяти: проблемное поле журнала Memory Studies. **№ 2.**
Каримов А.Г. Молодые ученые о проблемах и статусе (на примере Уфимского исследовательского центра РАН, 2010–2020 гг.). **№ 4.**
Маленков В.В. Активное гражданство: эмпирические проекции концепта (по результатам исследования тюменской молодежи). **№ 3.**
Позднякова М.Е., Брюно В.В. Особенности потребления алкоголя деловыми женщинами. **№ 3.**
Смирнов Р.Г. О показателях социальной мобильности аспирантов. **№ 9.**
Соян Ш.Ч., Монгуш О.Н. Самооценка материального положения молодежи Тувы. **№ 10.**
Чой В.И. Восприятие экономических отношений между Южной Кореей и Россией (результаты регрессионного анализа). **№ 11.**

ЮБИЛЕИ

Антонову А.И. – 85 лет! **№ 9.**
Бабосову Е.М. – 90 лет! **№ 2.**
Волкову Ю.Г. – 75 лет! **№ 10.**
Воронцову А.В. – 80! **№ 4.**
Докторову Б.З. – 80 лет! **№ 6.**
Докторов Б.З. «Этот проект оказался спасительным для меня» (интервью Ж.Т. Тощенко). **№ 6.**
Жаворонкову А.В. – 80 лет! **№ 5.**
Коломийцу В.П. – 70 лет! **№ 6.**
Коломиец В.П. Индустриальная трансформация телевидения. **№ 6.**
Лапину Н.И. – 90 лет! **№ 5.**
Лапин Н.И. Базовое взаимодействие людей и гражданско-общественная культура как предмет изучения. **№ 5.**
Матулионис А. Личные страницы профессионального пути социолога (к 75-летию А. Матулиониса). **№ 6.**
Молевичу Е.Ф. – 90! **№ 4.**
Поздравляем *П.М. Козыреву.* **№ 1.**
Покровский Н.Е. Социология как многообразие жизненного опыта (интервью С.Ю. Демиденко). **№ 3.**
Рыбаковскому Л.Л. – 90! **№ 4.**
Хагурову А.А. – 85 лет! **№ 6.**
Шаркову Ф.И. – 70 лет. **№ 7.**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Авдошина Н.В., Бочаров В.Ю. Человек в информационном обществе. **№ 11.**
Адельфинский А.С. Об исследованиях социологии спорта во Франции и России. **№ 3.**
Акулич М.М., Семенов М.Ю. О развитии социологии в Тюменском регионе. **№ 1.**
Андреенкова А.В. О результатах конкурса студенческих работ им. Ж. Харкнесс. **№ 11.**
Аникина М.Е., Хруль В.М. XII Грушинские чтения в МГУ. **№ 5.**
Барашкова О.В., Зотова Е.С. Почему не стало СССР: уроки для социализма будущего. **№ 12.**
Бариев М.М., Максимова О.А. Молодежь в глобальной повестке (о Международном конгрессе в Казани). **№ 8.**
Беляева Л.А., Шабунова А.А., Когай Е.А. Социокультурная эволюция постсоветской России: результат исследовательской программы. **№ 12.**
Бесчасная А.А., Покровская Н.Н. Собирательный образ городов будущего. **№ 11.**
Ван Ци, Рубан Л.С. О XVIII российско-китайском экспертном форуме. **№ 9.**
Вершинина И.А., Лядова А.В. Здоровье и здравоохранение в Европе: между неравенством и новыми возможностями. **№ 6.**
Винокурова У.А., Пронина Е.И. Личность. Ученый. Учитель (памяти Л.М. Дробижевой). **№ 8.**

Волков Ю.Г. О XIV Всероссийской школе молодого социолога. **№ 11.**
Воронцов А.В., Иоффе Г.А. Социологический дискурс о Карееве: по материалам конференции. **№ 4.**
Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И. Об актуальных вопросах этносоциального развития российских регионов. **№ 4.**
Гонашвили А.С., Сун Чиа-Тин. Концептуализация интегрити спорта: множественные практики и подходы. **№ 3.**
Демиденко С.Ю. Как действуют механизмы саморегуляции жизнедеятельности в культурном пространстве молодежи? **№ 6.**
Демиденко С.Ю. Молодежь и труд в изменяющемся мире. **№ 7.**
Дъяченко А.Н. Социологический форум в Крыму. **№ 1.**
Карапетян Р.В., Тарандо Е.Е. Трансформация труда в (де)глобализирующемся обществе. **№ 7.**
Колосова Е.А. Интеллигенция: многообразие стилей и образов жизни. **№ 1.**
Маркин В.В., Харченко К.В. Социология регионального управления vs социология в региональном управлении: по материалам круглого стола. **№ 9.**
Мартыненко Т.С., Хомякова К.Л. Урбанистическая теория и практика: прошлое, настоящее и возможное будущее. **№ 5.**
Неклюдова Н.П., Секицки-Павленко О.О. Об итогах XII Уральского демографического форума. **№ 8.**
Носкова А.В. Демографические аспекты пандемии COVID-19 и ее последствия. **№ 4.**
Окладникова Е.А., Цыплакова О.Г. Социальный ландшафт картины мира современной Евразии. **№ 4.**
Осинский И.И. Народонаселение Сибири и Дальнего Востока: проблемы сбережения и развития. **№ 9.**
Попова Е.С. Не образованием едины: разнообразие, дискуссия, сообщество. **№ 6.**
Присяжная Н.В., Павлов С.В. Социогуманитарное знание и цифровизация медицинского образования и здравоохранения. **№ 1.**
Проказина Н.В. Человек будущего: социальное поведение, идентичность, установки молодежи в новой реальности. **№ 5.**
Романовский Н.В. Социология и социальные науки: новые контексты взаимодействия (XXII Харчевские чтения). **№ 3.**
Рыбакова М.В., Комилова З.А. Трансформация социально-трудовых отношений в эпоху цифровизации. **№ 11.**
Рязанцев С.В., Ростовская Т.К. О II Всероссийском демографическом форуме с международным участием. **№ 2.**
Синютин М.В., Гонашвили А.С. Труд и хроническая неопределенность антропоцена. **№ 7.**
Филоненко В.И., Магранов А.С. Образ Великой Отечественной войны в представлениях современного российского студенчества. **№ 5.**
Хайруллина Н.Г. О первом российско-иранском социологическом форуме в Москве. **№ 3.**
Хайруллина Н.Г., Трошкина И.Н. Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий. **№ 12.**
Храмова М.Н., Маньшин Р.В. Международная миграция в эпоху пандемии COVID-19. **№ 2.**

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

Безрукова О.Н. О трансформации роли и смыслов отцовства в современной России. **№ 1.**
Бузгалин А.В., Колганов А.И. Большой сброс или выброс полуправды: станет ли постпандемический мир более справедливым? **№ 8.**
Великий П.П. Ограничения и вызовы в жизни начинающих фермеров: взгляд изнутри. **№ 10.**
Карасев Д.Ю. Реляционно-цивилизационный подход Й. Арнасона и глобальное измерение советского модерна. **№ 9.**
Кондрашов П.Н. От общества рынка к обществу ренты. **№ 3.**
Кравченко С.А. Интегральное изучение общества: диагностика, лечение, парадигма будущего. **№ 5.**
Савченко И.А. «Сумерки памяти» неизбежны? **№ 2.**
Сафронов Э.Е. Трансформации капитализма в XXI веке: концепция «надзорного капитализма» Шошаны Зубофф. **№ 4.**

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 1. *Канарш Г.Ю.* Справедливость, демократия, капитализм: пути модернизации России в XXI веке. М.: ЛЕНАНД, 2020. **Рец. Ю.В. Латов;** Экономика КНР в свете решений XIX съезда КПК / Отв. ред. *А.В. Островский.* М.: ИДВ РАН, 2019. **Рец. Хун Чень, Цзян Бо**.

№ 5. *Архипова А., Кирзюк А.* Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2020. **Рец. Г.С. Широкалова;** Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва / Отв. ред. *З.Т. Голенкова, Ю.В. Голиусова, П.Е. Сушко;* ФНИСЦ РАН. М.: Кызыл: ФНИСЦ РАН, 2020. **Рец. Ч.К. Ламажаа.**

№ 7. *Виттенберг Е.Я.* Социальная ответственность власти. М.: РГГУ, 2020. **Рец. А.К. Магомедов;** *Иванов В.Н.* Год, венчающий двадцатилетие: социологическая экспертиза. М.: У Никитских ворот, 2021. **Рец. В.К. Левашов.**

№ 9. *Jemielniak D.* Thick Big Data: Doing Digital Social Sciences. Oxford University Press, 2020. **Рец. Н.Н. Мещерякова;** *Ваньке А.В., Полухина Е.В., Стрельникова А.В.* Как собрать данные в полевом качественном исследовании. М.: ВШЭ, 2020. **Рец. С.Ю. Демиденко.**

№ 10. *Аксёнов В.Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. **Рец. И.В. Образцов;** *Симонян Р.Х.* Латвия: История первой республики. М.: Аспект Пресс, 2020. **Рец. Б.А. Шмелев.**

№ 12. *Давыдов Д.А.* Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: РИПОЛ классик, 2021. **Рец. Л.Г. Фишман;** *Кравченко С.А.* Социология цифровизации: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2021. **Рец. Д.В. Соколов.**

КОРОТКО О КНИГАХ. № 1, № 3–6, № 8, № 11.

IN MEMORIAM

Андрющенко Е.Г. **№ 1;** Дробижева Л.М. **№ 4;** Дряхлов Н.И. **№ 3;** Лапшин А.О. **№ 9;** Петухов В.В. **№ 2;** Ржаницына Л.С. **№ 4;** Рывкина Р.В. **№11;** Тихонов А.В. **№ 10;** Убайдуллаева Р.А. **№ 1;** Чупров В.И. **№ 9.**

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Новокрещёнов А.В. Еще раз о номенклатурном методе работы с руководящими кадрами. **№ 8.**
Смирнов П.И. О научной корректности. **№ 5.**
Убайдуллаева Р.Т. О саморефлексии «крупнейшей геополитической катастрофы XX века». **№ 12.**

ЖУРНАЛЬНЫЙ ГИД. № 3, № 6, № 9, № 12.

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ. № 2–12.

СОЦИС 2020: ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ. № 1.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ. № 1, № 7.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ЗА 2021 год. № 12.

© 2021

E. Ya. VARSHAVSKAYA

OVERQUALIFICATION OF RUSSIAN EMPLOYEES: SCALE, DETERMINANTS, CONSEQUENCES

Elena Ya. VARSHAVSKAYA – Doctor of Economics, Professor of the Department of Organizational Behavior and Human Resource Management, Graduate School of Business, HSE University, Moscow, Russia (evarshavskaya@hse.ru).

***Abstract**. In this article the problem of inconsistency of employees' characteristics with the requirements of the labor market is considered. The research objective is to estimate the scale of overqualification mismatch of Russian employees, to find its determinants and influence on potential turnover and job satisfaction. The empirical basis of the work was microdata from the Comprehensive Living Conditions Survey conducted by Rosstat in 2018. Measurement of qualification mismatch is based on respondents' self-assessment. About half of Russian employees assess their qualifications as excessive. Regression analysis has shown that the most significant determinant of overqualification is the level of education. Work in the informal sector, poor working conditions, excessive education and work not in the specialty increase the probability that the employee will consider himself/herself overqualified. It has been proved that overqualification is a significant predictor of labor behavior. The probability of searching for a new, more suitable job is higher for those employees who assess their qualifications as excessive. Overqualification has a negative effect on job satisfaction, reducing the likelihood of feeling satisfied and increasing the risks of dissatisfaction.*

***Keywords:** qualification mismatch • overqualification • potential turnover • job satisfaction*

DOI: 10.31857/S013216250017613-7

This article is a translation of: Варшавская Е.Я. Избыточная квалификация российских работников: масштабы, детерминанты, последствия // Sotsiologicheskie Issledovaniia. 2021. No 11: 37–48. DOI: 10.31857/S013216250016075-5

Employers, government officials, and politicians actively discuss the problems of overeducated employees, massive work not in the specialty, the so-called skills mismatch, skill shortage and obsolescence. All of these are, in fact, manifestations of a gap (mismatch) between the characteristics of employees (their level of education, specialty, qualifications) and the requirements of the labor market. This problem is vast and diverse. In the scientific literature three types of mismatch are distinguished: 1) education mismatch – (non)compliance of the employee's education level to the requirements of a certain workplace; 2) work not in the specialty (horizontal / field of study mismatch); 3) qualification (skill) mismatch – (non)compliance of the employee's qualifications and skills to the work performed.

In the publications of the 1980s and 1990s, the mismatch in the labor market was analyzed mainly at the macrolevel as a gap between the aggregate demand and supply of labor, as

a problem of the (mis)match between the job openings and the candidates' qualifications. Since the early 2000s it has been actively researched on the microlevel as a mismatch between the characteristics of an employee and those required to perform specific work tasks. The scale, determinants and consequences of educational mismatch and work not in the received specialty are in the focus of research interest (see reviews of publications: [Erdogan, Bauer, 2020; McGuinness et al., 2018; Somers et al., 2019]). Publications by Russian researchers are dedicated to the analysis of these issues (see: [Varshavskaya, 2019; Gimpelson et al., 2010; Gimpelson et al., 2009; Kolosova et al., 2020]).

The problem of qualification mismatch entered the academic and expert agenda somewhat later – in the late 2000s. In many respects it was a consequence of low satisfaction of company CEOs with the skills of their employees and applicants. According to surveys, the lack of qualifications and skills of employees invariably ranked at the top of the list of obstacles to business development [Maltseva, 2019]. At the same time, the results of various international researches of qualifications appeared, especially the Programme for the International Assessment for Adult Competencies (PIAAC), which made it possible to assess the level of skill development in adults [Flisi et al., 2017; Pellizzari, Fichen, 2017; Perry et al., 2014]. On the other hand, it has been shown theoretically and empirically that experience level and skill development cannot be equated with formal education, so educational and qualification mismatch represent two different phenomena (Allen, van der Velden, 2001; Chevalier, 2003; Green et al., 2002).

The publications of the last 10–15 years analyze certain aspects of qualification mismatch, primarily its scale [Cedefop, 2015; Flisi et al., 2017; McGuinness et al, 2018; OECD, 2015], effects on wages [Mavromaras et al., 2013, McGuinness, Sloane, 2011; SanchezSanchez, McGuinness, 2015], as well as non-monetary effects, such as the impact on organizational behavior [Erdogan et al., 2000; Liu et al., 2015; Zhang et al., 2016]. Most works are dedicated to the analysis of overqualification mismatch, while lack of qualifications is given much less attention [McGuinness et al., 2018][1].

In the Russian literature, the issue of qualification mismatch remains on the fringes of research attention. The research objective is to estimate the scale of overqualification mismatch of Russian employees (based on their self-assessment), to define its determinants and influence on potential turnover and job satisfaction.

Qualification mismatch: theoretical approaches and empirical results. Qualification (mis) match is understood as the correlation between an employee's qualification and skills level and the requirements of his/her workplace. Two groups of methods are used to measure it. The first group includes objective methods which imply direct measurements of the qualification development level using some tools (for example, tests) as well as the availability of established qualification requirements in the profile of a particular profession. The gap is determined by comparing the actual and the required level of qualification development measured according to a single scale (methodology). The second group of measurement methods is subjective. They are based on the employees' self-assessment of the correspondence of their qualification level to the requirements which are necessary for the successful accomplishment of occupational tasks. The vast majority of researches measure qualification compliance based on the use of subjective assessments of respondents [Flisi et al., 2017; McGuinness et al., 2018]. This is due to the fact that the use of objective methods is much more laborious and costly, because for qualifications, unlike, for example, education, there are no direct measures (in the form of levels of education or number of years of study), and the range of skills that can be assessed is very limited. Researchers acknowledge that the use of subjective methods of assessing qualification mismatch carries the risk of biased results. Moreover, subjective qualification mismatch has been found to be a more

[1] A similar situation is observed in the analysis of educational mismatch: the majority of scientific publications are dedicated to problems of excessive education. At the same time, the focus of attention of employers and politicians is primarily on the issues related to the lack of qualifications and skills.

accurate predictor of labor behavior compared to assessments based on objective measures [Luksyte, Spitzmueller, 2011; McKeeRyan et al., 2009][2].

There are various theoretical approaches that explain labor market mismatch. Some focus on individual characteristics, primarily education and work experience (e.g., human capital theory); others focus on job characteristics and institutional conditions (e.g., job competition models). Majority of empirical studies are based on the job assignment theory, which assumes that mismatch in the labor market is a consequence of heterogeneity of both employees (by the level of formal education, qualifications, experience) and jobs [Sattinger, 1993]. The probability of overqualification has been found to be related to individual employee characteristics: sex [Liu et al., 2015; MoroEgido, 2020], age [Sutherland, 2012; Wald et al., 2016], education [Mavromaras et al., 2013; Peiro et al., 2010]. On the other hand, the likelihood of qualification mismatch depends on the characteristics of the job and the work performed [Madamba, De Jong, 1997; Saez et al., 2016].

Analysis of non-monetary effects of qualification mismatch shows that overqualified employees are more likely to search for a new job [Allen, van der Velden, 2001; Maynard, Parfyonova, 2013; McGuinness, Wooden, 2009; Wald, 2004]. This confirms the theory of matching, where job change is seen as an adaptation strategy aimed at achieving an optimal match between the characteristics of employees and the requirements of the workplace [Jovanovic, 1979].

The majority of empirical studies revealed a negative effect of overqualification on job satisfaction [Green, Zhu, 2010; Congregado et al., 2016]. Moreover, a number of studies estimate re-qualification as a more influential factor of labor satisfaction in comparison with educational and horizontal mismatch, which have either weaker or neutral influence [Allen, Velden, 2001; Badillo Amador, Vila, 2013; McGuinness, Sloane, 2011; Sánchez Sánchez, McGuinness, 2015].

Based on the reviewed literature and the results of previous studies, the following hypotheses were proposed:

H1: the likelihood of overqualification is higher when the employee has a higher level of education;

H2: work at "bad" jobs (in the informal sector, on a non-permanent contract, in unfavorable conditions) increases the likelihood of assessing one's qualification as excessive;

H3: evaluation of qualifications as excessive increases the probability of looking for a new job;

H4: evaluation of qualifications as excessive reduces job satisfaction and increases the risks of dissatisfaction.

Measurement data and method. The empirical basis of the work is the data of the Comprehensive Living Conditions Survey (CLCS), conducted by Rosstat (Federal State Statistics Service) within the framework of the program of federal statistical surveys. Since 2014, The CLCS has been held every two years in all regions of the Russian Federation and has covered 60,000 households. The results of the CLCS are representative of the Russian Federation as a whole, of urban and rural settlements, and of individual socio-demographic groups[3]. In the article (where it is not specifically mentioned), microdata from CLCS for 2018 were used (CLCS2018). For the purposes of our research, the sample was limited to working respondents. Its coverage was more than 50,000 people.

We use a subjective approach to assess qualification mismatch. The CLCS questionnaire contains the question "Do you think you have the skills or qualifications to do a more difficult job than the one you have now?" and the answer options "yes," "no," and "not sure"[4]. This

[2] Let us note that the UN Economic Commission for Europe includes qualification mismatch among the indicators for measuring the quality of employment and recommends using the method based on respondents' self-assessments [UNECE, 2015].

[3] Detailed information about the study can be found at https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_ KOUZH_2020/index.html (accessed on 03.05.2021).

[4] Precisely this wording of the question and answer options is widely used in foreign studies (see, for example, the review of questions for subjective measurement of qualification mismatch in [Flisi et al., 2014]).

Table 1

Share of respondents with overqualifications (*in %*)

Socio-demographic groups	Share
Sex	
men	53.2
women	51.6
Age	
20–29 years old	57.9
30–39 years old	57.3
40–49 years old	52.3
50–59 years old	45.9
60 years old and older	43.8
Education	
higher	61.8
secondary vocational	54.8
elementary vocational	46.6
secondary general	31.9
basic general and below	28.7

Source: Here and in the following tables, the author's calculations based on data from the CLCS2018.

wording of the question and answers allowed us to single out employees who consider themselves overqualified. These include those respondents who gave an affirmative answer. Before we proceed to the analysis of the data, let us note two fundamental points that are especially important from the point of view of interpreting the results. First, the respondents' answers reflect an individual's subjective assessment of the compliance of their qualifications and skills to the requirements of a particular job. Second, the wording of the question in the CLCS questionnaire does not allow us to identify employees who lack qualifications and, accordingly, those who answered "no" may include underqualified employees.

The scale and determinants of overqualification. According to the CLCS, about 58% of employees were overqualified in 2011 and 2014, and in 2016–54%, in 2018–52%. Thus, the share of overqualified employees remains fairly stable throughout the 2010s, although there is a slight downward trend. The scale of qualification excessiveness is differentiated in various socio-demographic groups (Table 1).

Men are somewhat more likely than women to report overqualification (53.2% and 51.6%, respectively). Its prevalence decreases with age, or more precisely, after reaching the age of 40. The gap between the extreme age groups (20–29 years old and 60 and older) is 14 p.p. The prevalence of overqualification steadily increases with the educational level of the respondents. Moreover, the most significant differentiation in evaluations is observed among employees with different levels of education. Thus, 61.8% of those employed with higher education said that they were overqualified, while among those employed with a general education, twice as little stated that. Managers (58.5%) and employees engaged in preparation of information and documents (57.7%) evaluated their qualification as excessive most often. Somewhat less frequently such evaluations of their qualifications were given by those employed in working positions: skilled industrial labor (49.5%), unskilled labor (49.3%), and operators, equipment operators, and engine drivers (44.7%). Thus, employees with a higher level of education and engaged in more skilled work more often perceive themselves as overqualified. However, overqualification is not limited to these groups of employees.

Table 2

Determinants of overqualification (*Binary logit regression estimates***)**

Characteristics	Model 1	Model 2
Male (b – female)	0.134***	0.202***
Age	–0.017***	–0.015***
Education (b – basic general and below)		
higher	1.878***	
secondary vocational	1.444***	
elementary vocational	1.085***	
secondary general	0.207**	
Professional group (b - unskilled workers)		
managers		1.242***
high-skilled professionals		1.095***
associate professionals		0.649***
employees engaged in preparation of information		0.853***
services and sales workers		0.847***
skilled agricultural workers		0.222*
craft, building and machinery workers		0.163***
operators, equipment operators, engine drivers		0.006
Employment sector (b – formal)	0.099***	0.048*
Working conditions (b – good)		
poor	0.237***	0.309***
satisfactory	0.163***	0.192***
Educational mismatch (b – match)		
overeducation	0.263***	0.859***
undereducation	0.074	–0.582***
Work not in the specialty (b – work in the specialty)	0.532***	0.337***
Constant	–1.033***	–0.361***
R^2	0.097	0.087
Number of observations (*people*)	50858	50922

Note. Type of settlement, region, type of labor contract (permanent/not) are monitored. *p < 0.1; **p < 0.05; ***p < 0.01; b – base group.

In order to define the determinants of overqualification, a binary logit regression was assessed (Table 2). The dependent variable is the presence of overqualification (the base is its absence)[5]. Individual characteristics of employees (sex, age, type of settlement, education level), characteristics of employment (professional duties group, sector, type of labor contract, evaluation of working conditions), as well as educational compliance and work in the specialty were used as regressors.

Men are more likely to rate their qualifications as excessive than women. The likelihood of overqualification decreases with age. However, the influence of sex and age factors is small. The most "influential" variable is the level of education. The likelihood of overqualification increases with the educational level of employees. Moreover, the chances of re-qualification sharply rise for respondents with any level of vocational education, especially higher education. Employment in the informal sector and evaluation of working conditions as poor or satisfactory increase the risk of perception of qualification as excessive. Having excessive education and work not in the specialty also increase the likelihood that the employee will valuate his/her qualifications as excessive.

[5] Those who could not answer accounted for an insignificant 1.8% and were excluded from the analysis.

The inclusion of the "professional duties group" variable insignificantly affects the value of the coefficients, which indicates the stability of the obtained results (model 2)[6]. The groups with the highest risks of overqualification are managers and professionals, as well as office staff and pink collars. They are minimal among skilled employees in agriculture and skilled industrial workers. Thus, the prevalence of overqualification is determined both by the high level of education (in the case of managers and professionals) and by the relative simplicity of the work functions performed (in the case of office staff and pink collars).

In general, we can say that the main determinant of re-qualification is the level of education. Other things being equal, the respondents with occupational education, especially higher education, have the highest probability of evaluating their qualification as excessive. These risks increase under the influence of such factors as poor working conditions, work in the informal sector, excessive education, and work not in the specialty. The obtained results are consistent with the conclusions of foreign studies, which show that education and job characteristics are most closely connected with the employee's evaluation of his/her qualification as excessive [Green, McIntosh, 2007; Saez et al., 2016].

Effect of overqualification on potential turnover and job satisfaction. 16% of overqualified employees responded affirmatively to the question about looking for a new job. Among respondents with qualification conformity there were twice as little (8,8%).

The results of the regression analysis are given in Table 3. Dependent variable – potential turnover (base – no potential turnover, i.e. the respondent gave a negative answer to the question about searching for a new suitable job).

Table 3

Determinants of potential turnover (*binary logit regression estimates***)**

Characteristics	Model 1	Model 2
Male (b – female)	0.063*	0.002
Age	–0.047***	–0.047***
Education (b – basic general and below)		
higher	–0.235***	–0.389***
secondary vocational	–0.072	–0.254***
elementary vocational	–0.061	–0.014
secondary general	0.055	0.098
Employment sector (b – formal)	0.676***	0.532***
Working conditions (b – good)		
poor	0.341***	0.294***
satisfactory	0.151***	0.159***
Type of employment contract (b – permanent)	0.744***	0.755***
Overqualification (b – none)		0.649***
Educational mismatch (b – match)		
overeducation		0.363***
undereducation		–0.303***
Work not in the specialty (b – work in the specialty)		0.683***
Constant	–0.233**	–0.837***
R^2	0.121	0.174
Number of observations (*people*)	52944	50740

Note. Type of settlement, marital status, and region are monitored. *$p < 0.1$; **$p < 0.05$; ***$p < 0.01$; b – base group.

[6] Inclusion of the "professional duties group" variable requires exclusion of the "education" variable, because they are highly correlated with each other (correlation coefficient 0.67).

Table 4

Determinants of different aspects of job satisfaction
(*Multinomial logit-regression estimates***)**

Characteristics	Satisfaction with jobk duties		Professional satisfaction		Psychic income	
	completely satisfied	not satisfied at all	completely satisfied	not satisfied at all	completely satisfied	not satisfied at all
Male (b – female)	0,202***	–0,206**	0,146***	–0,114*	0,093***	–0,187***
Age	0,011***	–0,002	0,012***	0,003*	0,013***	0,001
Education (b – basic general and below)						
higher	0,862***	–0,850***	0,684***	–0,819***	0,545***	–0,546***
secondary vocational	0,666***	–0,752***	0,397***	–0,660***	0,392***	–0,565***
elementary vocational	0,482***	–0,378**	0,069	–0,357***	0,181**	–0,321**
secondary general	0,144**	–0,102	0,027	0,025	–0,019	0,017
Employment sector (b – formal)	–0,058*	0,097	–0,158***	0,142**	–0,221***	0,062
Working conditions (b - good)						
poor	–0,994***	0,407***	–0,428***	0,043	–0,484***	0,395***
satisfactory	–0,597***	0,097	–0,328***	–0,196	–0,353***	–0,018
Type of employment contract (b – permanent)	–0,196***	0,289***	–0,234***	0,339***	–0,173***	0,291***
Overqualification (b – none)	–0,283***	0,246***	–0,396***	0,396***	–0,298***	0,298***
Educational mismatch (b – match)						
overeducation	–0,305***	0,254**	–0,432***	0,521***	–0,330***	0,326***
undereducation	0,349***	–0,625***	0,264***	–0,571***	0,276***	–0,536***
Work not in the specialty (b – work in the specialty)	–0,457***	0,612***	–0,746***	0,761***	–0,661***	0,635***
Constant	0,873***	–2,235***	0,765***	–1,867***	1,013***	–1,869***
R^2	0,096		0,152		0,110	
Number of observations (*people*)	50811		50511		50491	

Note. Type of settlement, marital status, and region are monitored. *$p < 0.1$; **$p < 0.05$; ***$p < 0.01$; b – base group.

The results show that an employee's evaluation of his/her qualifications as excessive almost doubles the respondent's likelihood of searching for a new job. A work not in the specialty is similarly powerful, while having excessive education is almost twice as weak. On the other hand, an insufficient level of education reduces the probability of potential turnover.

Note also that the probability of searching for a new job decreases with age. The potential turnover is significantly lower among employees with higher and secondary vocational education. Work in the informal sector, non-permanent employment contract, the evaluation of working conditions as poor and satisfactory increase the risks of potential turnover.

In order to determine the effect of overqualification on job satisfaction, the answers to the question "Specify the degree of satisfaction with your main job on such aspects as 1) job duties you have; 2) professional satisfaction (being able to apply your ideas at work, possibilities

for professional growth); 3) psychic income (feeling that you are doing useful work)" were used. Respondents could choose one of the following answers: completely satisfied, not completely satisfied, not satisfied at all. A multinomial logit regression was estimated, where the dependent variable is the level of satisfaction with one or another aspect of work (base – not completely satisfied) (Table 4).

The presence of overqualification negatively affects all aspects of job satisfaction. Respondents who assessed their skill level as excessive were 25–30% more likely to be completely dissatisfied with their job duties and not to get psychic income from their work. Their chances of being occupationally dissatisfied increase even more – by 40–50%. On the other hand, those who are overqualified are less likely to be completely satisfied with the mentioned aspects of work. It should be noted that excessive education and work not in the specialty have a similar effect on job satisfaction. Over-education and work not in the specialty increase the risks of dissatisfaction and decrease the probability of feeling satisfied.

In general, the negative non-monetary effects of overqualification are an attribute of a situation forced upon employees who cannot find more suitable job. However, it is possible that overqualified employees have monetary compensation, receiving a "bonus" to their wages compared to their colleagues whose skill level is not excessive. Unfortunately, the CLCS data do not contain information on wages and do not allow us to verify this assumption.

Conclusions. About half of Russian employees believe they have the skills and qualifications to perform more complex work than their current job. In other words, they evaluate their qualification as excessive. The scale of overqualification in Russia corresponds to the indicators of post-socialist countries (Hungary, Poland, Slovakia, Slovenia, Croatia), also measured by subjective method [McGuinness et al., 2018].

The most significant determinant of overqualification is the level of education. More educated employees are more likely to believe that they have the skills and experience to perform more complex work. This conclusion is consistent with the fact that the maximum chances to evaluate themselves as overqualified are demonstrated by managers and professionals. They are also high for office staff and pink collars. Work in the informal sector, poor working conditions, as well as the presence of other types of mismatch (excessive education and work not in the specialty) increase the probability to consider oneself overqualified. Thus, overqualification is the result of a mismatch between the labor supply from highly educated employees and the demand for labor from "bad" jobs (with unsatisfactory working conditions, unstable labor relations, simple functional responsibilities).

The results of foreign researchers that overqualification is a significant predictor of labor behavior were confirmed. It has been established that probability of searching for a new, more suitable job is higher for those employees who evaluate their qualifications as excessive. Overqualification has a negative effect on job satisfaction, reducing the likelihood of feeling satisfied and increasing the risks of dissatisfaction.

When interpreting the data presented, it should be borne in mind that they are based on respondents' self-assessments. In this case, in fact, we are talking about the so-called "perceived overqualification", which in the first place reflects an individual's subjective perception of the level of use of their knowledge, skills, experience, their relevance in a particular workplace. It is necessary to agree with the opinion of foreign researchers that overqualification understood and measured in this way is not only an economic, but also a social and psychological phenomenon and, accordingly, requires an interdisciplinary research approach [Erdogan et al., 2020; Harari et al., 2017].

This research is actually the first attempt to characterize overqualification mismatch in the circumstances of the Russian labor market. The article leaves out questions that require further study. How do objective and subjective assessments of qualification mismatch correlate? What is the effect of overqualification on employees' performance, their proactive, innovative and other types of organizational behavior? Are the negative non-monetary effects of overqualification compensated in monetary terms, i.e. is there a "bonus" for re-qualification? What is

the relationship between overqualification and individual psychological characteristics of employees? The search for answers to these questions determines possible directions for further research. At the same time, a comprehensive study of qualification mismatch is not only of theoretical, but also of undoubted practical importance, because it creates opportunities to reduce gaps between employees' skills and the tasks they perform.

REFERENCES

Allen J., van der Velden R. (2001) Educational Mismatches versus Skill Mismatches: Effects on Wages, Job Satisfaction, and OntheJob Search. *Oxford Economic Papers.* Vol. 53. No. 3: 434–452. DOI: 10.1093/oep/53.3.434.

Badillo-Amador L., Vila L.E. (2013) Education and Skill Mismatches: Wage and Job Satisfaction Consequences. *International Journal of Manpower.* Vol. 34. No. 5: 416–428. DOI: 10.1108/IJM0520130116.

Cedefop. (2015) *Skills, Qualifications and Jobs in the EU: The Making of a Perfect Match? Evidence from Cedefop's European Skills and Jobs Survey*. Cedefop Reference Series 103. Luxembourg: Publications Office of the European Union.

Chevalier A. (2003) Measuring OverEducation. *Economica*. Vol. 70. No. 279: 509–531. DOI: 10.1111/1468 0335.t01100296.

Congregado E., Iglesias J., Millan J.M., Roman C. (2016) Incidence, Effects, Dynamics and Routes out of Overqualification in Europe: A Comprehensive Analysis Distinguishing by Employment Status. *Applied Economics*. Vol. 48. No. 5: 411–445. DOI: 10.1080/00036846.2015.1083080.

Erdogan B., Bauer T.N. (2020) Overqualification at Work: A Review and Synthesis of the Literature. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior.* Vol. 8: 259–283. DOI: 10.1146/annurevorgpsych012420055831.

Erdogan B., Karaeminogullari A., Bauer T.N., Ellis A.M. (2020) Perceived Overqualification at Work: Implications for Extrarole Behaviors and Advice Network Centrality. *Journal of Management.* Vol. 46. No. 4: 583–606. DOI: 10.1177/0149206318804331.

Flisi S., Goglio V., Meroni E., Rodrigues M., VeraToscano E. (2014) *Occupational Mismatch in Europe: Understanding OVereducation and Overskilling for Policy Making.* Luxembourg: Publication Office of the European Union.

Flisi S., Goglio V., Meroni E.C., Rodrigues M., VeraToscano E. (2017) Measuring Occupational Mismatch: Overeducation and Overskill in Europe – Evidence from PIAAC. *Social Indicators Research.* Vol. 131. No. 3: 1211–1249. DOI: 10.1007/s1120501612927.

Gimpelson V., Kapeliushnikov R., Lukyanova A. (2010) *Education Level of Russian Employees: Optimal, Excessive, Insufficient?* Preprint No. WP3/2010/09. Moscow: NIU VShE. (In Russ.)

Green F., McIntosh S. (2007) Is there a Genuine Underutilization of Skills amongst the Overqualified? *Applied Economics.* Vol. 39. No. 4: 427–439. DOI: 10.1080/00036840500427700.

Green F., McIntosh S., Vignoles A. (2002) The Utilization of Education and Skills: Evidence from Britain. *The Manchester School.* Vol. 70. No. 6: 792–811. DOI: 10.1111/14679957.00325.

Green F., Zhu Y. (2010) Overqualification, Job Dissatisfaction, and Increasing Dispersion in the Returns to Graduate Education. *Oxford Economic Papers.* Vol. 62. No. 4: 740–763. DOI: 10.1093/oep/gpq002.

Harari M.B., Manapragada A., Viswesvaran C. (2017) Who Thinks They're a Big Fish in a Small Pond and Why Does it Matter? A Metaanalysis of Perceived Overqualification. *Journal of Vocational Behavior.* Vol. 102: 28–47. DOI: 10.1016/j.jvb.2017.06.002.

Jovanovic B. (1979) Job Matching and the Theory of Turnover. *The Journal of Political Economy.* Vol. 87. No. 5. Part 1: 972–990. DOI: 10.1086/260808.

Kapeliushnikov R., Karabchuk T., Ryzhikova Z., Bilyak T. (2009) Choice of Occupation: Where Have We Studied and Where Are We Working? *Economicheskiy zhurnal VShE* [The HSE Economic Journal]. No. 2: 172–216. (In Russ.)]

Kolosova A., Rudakov V., Roshchin S. (2020) The Impact of Job–Education Match on Graduate Salaries and Job Satisfaction. *Voprosy Economiki.* No. 11: 113–132. (In Russ.) DOI: 10.32609/0042873620201113132.

Liu S., Luksyte A., Zhou L., Shi J., Wang M. (2015) Overqualification and Counterproductive Work Behaviors: Examining a Moderated Mediation Model. *Journal of Organizational Behavior.* Vol. 36. No. 2: 250–271. DOI: 10.1002/job.1979.

Luksyte A., Spitzmueller C. (2011) Overqualified Women: What Can be Done about this Potentially Bad Situation? *Industrial and Organizational Psychology.* Vol. 4. No. 2: 256–259. DOI: 10.1111/j.17549434.2011.01338.x.

Madamba A.B., De Jong G.F. (1997) Job Mismatch among Asians in the United States: Ethnic group Comparisons. *Social Science Quarterly.* Vol. 78. No. 2: 524–542.

Maltseva V. (2019) The Concept of Skills Mismatch and the Problem of Measuring Cognitive Skills Mismatch in Cross-National Studies. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow] No. 3: 43–76. (In Russ.) DOI: 10.17323/18149545201934376.

Mavromaras K., Mahuteau S., Sloane P., Wei Z. (2013) The Effect of Overskilling Dynamics on Wages. *Education Economics*. Vol. 21. No. 3: 281–303. DOI: 10.1080/09645292.2013.797382.

Maynard D.C., Parfyonova N.M. (2013) Perceived Overqualification and Withdrawal Behaviours: Examining the Roles of Job Attitudes and Work Values. *Journal of Occupational and Organizational Psychology.* Vol. 86. No. 3: 435–455. DOI: 10.1111/joop.12006.

McGuinness S., Pouliakas K. & Redmond P. (2018) Skill Mismatch: Concepts, Measurement and Policy Approaches. Journal of Economic Surveys. Vol. 32. No. 4: 985–1015. DOI: 10.1111/joes.12254.

McGuinness S., Sloane P. (2011) Labour Market Mismatch among UK Graduates: An Analysis Using REFLEX Data. *Economics of Education Review.* Vol. 30. No. 1: 130–145. DOI: 10.1016/j.econedurev.2010.07.006.

McGuinness S., Wooden M. (2009) Overskilling, Job Insecurity, and Career Mobility. *Industrial Relations: A Journal of Economy and Society.* Vol. 48. No. 2: 265–286. DOI: 10.1111/j.1468232X.2009.00557.x.

McKeeRyan F.M., Virick M., Prussia G.E., Harvey J., Lilly J.D. (2009) Life after the Layoff: Getting a Job

OECD. (2015) *Skill Mismatch and Public Policy in OECD Countries*. Economics Department Working Papers No. 1210. ECO/WKP(2015)28. Paris: OECD.

Peiro J.M., Agust S., Grau R. (2010). Relationship between Perceived Overeducation and Job Satisfaction among Spanish Young Workers: The Moderating Role of Salary, Contract of Employment, and Work Experience. *Journal of Applied Social Psychology.* Vol. 40. No. 3: 666–689. DOI: 10.1111/j.15591816.2010.00592.x.

Pellizzari M., Fichen A. (2017) A New Measure of Skill Mismatch: Theory and Evidence from PIAAC. *IZA Journal of Labor Economics.* Vol. 6. No. 1: 1–30. DOI: 10.1186/s401720160051y.

Perry A., Wiederhold S., AckermannPiek D. (2014) How Can Skill Mismatch Be Measured? New Approaches with PIAAC. *Methods, Data, Analyses*. Vol. 8. No. 2: 137–174. DOI: 10.12758/mda.2014.006.

Sáez M.P., GonzálezPrieto N., CantareroPrieto D. (2016) Is OverEducation a Problem in Spain? Empirical Evidence Based on the EUSILC. Social *Indicators Research: An International and Interdisciplinary Journal for Quality-of-Life Measurement.* Vol. 126. No. 2: 617–632. DOI: 10.1007/s1120501509167.

Sánchez N., McGuiness S. (2015) Decomposing the Impacts of Overeducation and Overskilling on Earnings and Job Satisfaction: An Analysis Using REFLEX Data. *Education Economics.* Vol. 23. No. 4: 419–432. DOI: 10.1080/09645292.2013.846297.

Sattinger M. (1993) Assignment Models of the Distribution of Earnings. *Journal of Economic Literature*. Vol. 31. No. 2: 831–880.

Somers M.A., Cabus S.J., Groot W., van den Brink H.M. (2019) Horizontal Mismatch between Employment and Field of Education: Evidence from a Systematic Literature Review. *Journal of Economic Surveys*. Vol. 33. No. 2: 567–603. DOI: 10.1111/joes.12271.

Sutherland J. (2012) Qualifications Mismatch and Skills Mismatch. *Education + Training*. Vol. 54. No. 7: 619–632. DOI 10.1108/00400911211265666.

UNECE. (2015) *Handbook on Measuring Quality of Employment: A Statistical Framework*. New York; Geneva: Unated Nations. URL: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2015/ECE_CES_40.pdf (accessed 27.04.2021).

Varshavskaya E. (2016) Russian Employees with Higher Education: Analysis of Areas of Study. *Voprosy statistiki*. No. 9: 65–74. (In Russ.) DOI: 10.34023/231363832016096574.

Wald S. (2005) The Impact of Overqualification on Job Search. *International Journal of Manpower.* Vol. 26. No. 2: 140–156. DOI 10.1108/01437720510597649.

Worth Keeping. *Journal of Organizational Behavior.* Vol. 30. No. 4: 561–580. DOI: 10.1002/job.566. MoroEgido A.I. (2020) Gender Differences in Skill Mismatches. *Hacienda Pública Española/Review of Public Economics*. Vol. 235. No. 4: 29–60. DOI: 10.7866/HPERPE.20.4.3.

Zhang M.J., Law K.S., Lin B. (2016) You Think You Are Big Fish in a Small Pond? Perceived Overqualification, Goal Orientations, and Proactivity at Work. *Journal of Organizational Behavior.* Vol. 37. No. 1: 61–84. DOI: 10.1002/job.2024.

© 2021

P.M. KOZYREVA, A.I. SMIRNOV

INTERACTION OF GENERATIONS IN MODERN RUSSIA: AN EVOLVING RAPPROCHEMENT

Polina M. KOZYREVA – Doctor of Sociology, First Deputy Director, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Head of the Center for Longitudinal Surveys of the Institute for Social Policy, National Research University Higher School of Economics (pkozyreva@isras.ru); Alexander I. SMIRNOV – Doctor of Sociology, Leading Researcher (smir_al@bk.ru) – Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Both – Moscow, Russia.

***Abstract**. Based on the data from the"Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics" (RLMS-HSE), the authors analyze the evolution of beliefs of the Russians regarding the possibility of mutual understanding and cooperation between young people and the older generation, and the factors influencing their formation. It has been shown that throughout the post-Soviet period beliefs of the Russians regarding intergenerational interaction have been positive and stable. Young people are more inclined to dialogue and cooperation between generations than older people. Such indicators of social well-being as a person's satisfaction with his/her life, feeling of happiness, propensity to trust other people, absence or weakening of loneliness increase confidence in achieving intergenerational interaction. The direct connection between intergenerational tolerance and the presence of kinship ties, as well as the closeness and degree of their intensity, which are measured by the frequency of communication and reliability of kinship assistance, has been revealed. The influence of digital technology development on intergenerational relations is limited.*

***Keywords:** interaction • conflict • generation • continuity • cooperation • social responsibility • social cohesion*

DOI: 10.31857/S013216250017616–0

This article is a translation of: *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Взаимодействие поколений в современной России: эволюция сближения // Sotsiologicheskie Issledovaniia. 2021. No 11: 49–60. DOI: 10.31857/S013216250014949-6

Introduction. The study of problems of interaction between generations has a long history, but they began to be thoroughly studied by sociologists in the XX century. General approaches to the sociological study of these problems were developed by K. Mannheim, who emphasized the socio-cultural significance of the change of generations in the development of society, the transfer of cultural values as the main function of intergenerational relations, the problems of interaction between youth and society, the role of the younger generation as an "animating mediator" of social life [Mannheim, 1994].

The article uses the results of the projects fulfilled within the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics.

Considerable attention was paid to elaboration of confrontational concepts of "generational conflict", "intergenerational relations crisis", "generational gap" etc. Particular interest in the study of confrontational issues stemmed from the rise of mass youth movements and student unrest in Western countries in the 1960s and 1970s. Researchers focused their attention on the characteristics and causes of generational conflict.

At the end of the twentieth century, the acuteness of intergenerational conflicts in Western societies decreased, and many scientists shifted the focus of their research from the concept of "conflict" to the concept of "contact" or "contract" between the generations [Kohli, 1993]. This adjusted approach focused more on the ways of reaching solidarity, cohesion of generations and revealing their specific character, rather than on proneness to conflict. But despite the predominance of one or another component in the "conflict/solidarity" ratio, young age groups were considered to be the main source of intergenerational tension [Semenova, 2002]. A new approach was also developed in the issue of generational interaction, proving that people belonging to one generation in their behavioral patterns are fundamentally different from people of another generation at the same age [Strauss, Howe, 1997].

Soviet sociologists analyzed the problems of generational interaction, as a rule, from positive standpoints of generational succession, intergenerational social movements, intergenerational mobility, family relations (A.I. Afanasyeva, V.I. Volovik, Yu.V. Eremin, I.S. Kon, B.S. Pavlov, I.V. Sukhanov, B.C. Urlanis et al.). At the same time some attempts were made to depart from concept of continuity of generations, which dominated completely at that time, and focus on study of their distinctions and peculiarities (F.R. Filippov).

In the 1990s the growth of attention to this problematic was due primarily to the development of market relations, redistribution of property, change of ideological paradigms, changes in pattern and style of life, which significantly deepened the conflict between young people and older people. Many saw the objective basis for this conflict in the instability of post-Soviet society, and the subjective – in the loss of ideological and moral guidelines or values by young people, the shortcomings of family and school education, the negative impact of the media (O.V. Gaman, V.I. Chuprov, V.T. Lisovsky, V.V. Semyonova et al.). Others spoke not just of a conflict, but of a deep generation "gap" or "split" caused by the transition of society to a different economic, socio-political system, a change in domestic and cultural standards (I.M. Ilyinsky). At the same time the research of problems of continuity of generations continued [Belyaeva, 2004; Glotov, 2004].

Further on, the study of the problems of interaction between generations in Russia continued in different directions within the framework of traditional and new approaches. But, as before, the concepts "conflict of generations" and "continuity of generations" are in the focus of attention. The problematic field of various thematic works includes the study of the root causes of modern conflict between generations [Pashinsky, 2013], various aspects (socio-professional, gender, family, etc.), the features of interaction between generations [Vdovina, 2005; Mironova, 2014; Burmykina, 2017], causes and consequences of current changes, opportunities and directions of increasing trust between generations [Semenova, 2009; Starchikova, 2012]. The topical issues of formation and development of the discourse of mutual understanding during intergenerational interaction, the achievement of solidarity between generations are being purposefully studied [Volkov, 2018]. There are attempts of sociological analysis of separate generations based on the theory of generations by N. Howe and W. Strauss [Radaev 2019; Shamis, Nikonov 2019].

The direction related to the analysis of new phenomena and processes in the field of interaction between generations, which are caused by the spread of modern digital technologies, has developed rapidly. The attention of scientists is focused primarily on

the study of a new digital generation ("digital natives") opposing parents, teachers and "many confused adults" [Palfrey, Gasser, 2008], characterized by a special worldview and thinking, unusual approaches to various types of activities, leisure and entertainment, new ways of communication [Berezovskaya et al, 2015; Soldatova et al, 2017].

Despite the large number of studies on the problems of intergenerational interaction, they have not lost their relevance. In modern Russian society interactions between generations have acquired new peculiarities and features, new patterns and trends are being formed. The purpose of this paper is to analyze the evolution of beliefs of the Russians regarding the possibility of achieving mutual understanding and cooperation between different generations in the post-Soviet period, as well as the significance of certain factors influencing their formation. Particular attention is paid to the analysis of age differences. The empirical basis of the study consists of data of "Monitoring the Economic and Health Situation in Russia" by the National Research University Higher School of Economics (RLMS-HSE) "[1].

Evolution of beliefs of the Russians regarding mutual understanding and cooperation between generations. The study has shown that beliefs of the Russians regarding the possibility of mutual understanding and cooperation between young people and older people are very stable. During 1994–2019 more than half of respondents assessed this possibility positively, counting on mutually beneficial cooperation and continuity of generations, whereas a little more than a third took an uncertain or compromise standpoint, and the rest denied the possibility of constructive interaction between young people and the older generation (Table 1). In different years, the greatest confidence in the feasibility of such a possibility was expressed by 15% to 24%, and complete uncertainty ranged from 3.5% to 5%. Consistent decrease of the percent of supporters of the confrontational scenario development in interrelations between generations – from 12.2% in 1994 to 7.1% in 2019 can be referred to the most noticeable long-term tendencies.

Despite the fact that the urban youth environment is characterized by a great variety of youth movements and subcultures, which are non-conformist in relation to traditional values, the conflict of generations is felt stronger in rural areas than in cities, especially in the largest cities. In 2019 among respondents living in regional centers 56.5% positively estimated the possibility of mutual

Table 1

Assessing the Possibility of Mutual Understanding and Cooperation between Youth and Seniors, *1994–2019*

Year	Valuation (*in %*)			Mean*	Std. Dev.*	N
	positive	uncertain	negative			
1994	54.6	33.2	12.2	3.61	1.07	8893
1996	53.6	35.6	10.8	3.60	1.02	8016
1998	50.0	39.5	10.5	3.54	1.01	7890
2001	51.1	38.6	10.3	3.58	1.02	7893
2002	49.5	39.1	11.4	3.53	1.02	7877
2003	50.8	37.8	11.4	3.52	1.01	7744
2004	51.1	38.0	10.9	3.53	0.99	7714
2005	49.7	40.4	9.9	3.51	0.95	7254
2006	51.4	38.9	9.7	3.55	0.98	9320
2007	52.7	39.0	8.3	3.58	0.94	9010
2010	56.7	34.8	8.5	3.66	0.98	14300
2019	51.8	41.1	7.1	3.59	0.90	10414

Note. *Average and standard deviations were calculated on the basis of responses to these items using a 5-point scale: from 1 – "confident that it is impossible", to 5 – "confident that it is possible".

[1] "Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE) is conducted by the National Research University Higher School of Economics and Demoscope LLC with the participation of the Carolina Population Center at the University of North Carolina at Chapel Hill and the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (RLMS-HSE survey websites: http://www.hse.ru/rlms; http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms).

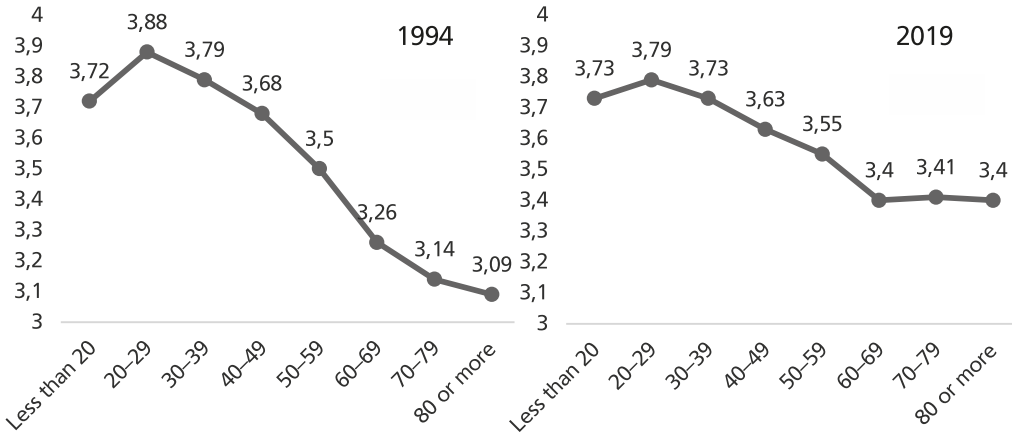

Fig. 1. Dependence of valuations of the possibility of intergenerational understanding and cooperation on age, 1994 and 2019. (*average*)

understanding and cooperation between different generations, and 5.6% – negatively, whereas among the rural population there were 46.9% and 10.1% correspondingly. A similar picture was observed in all previous years. Evaluations become more optimistic as the level of education of respondents increases. The share of positive evaluations consistently increases from 45.8% among those with incomplete secondary education to 59.2% among those with higher education. The valuations of respondents with vocational secondary and higher education are more stable, the valuations of respondents with less than general secondary education are more variable.

The study revealed a clear dependence of confidence in the attainability of intergenerational interaction on age, which, however, became weaker over the analyzed period (Fig. 1). Between 1994 and 2019, the difference between the maximum and minimum average valuations recorded in the 20–29-year-old and the oldest age cohorts halved. In all waves of the monitoring, the average valuation increases among Russians at age 20–29, as compared to age 14–19, but then drops sharply. Accordingly, the frequency of positive valuations decreases and the frequency of negative valuations increases as the age of the respondents raises.

The higher level of intergenerational tolerance among young Russians can to some extent be explained, as will be shown further, by the very close, trusting or good relationships they have with their parents and other older relatives, they are the prism through which the young assess the possibility of intergenerational interaction as a whole. Some rebound in 14–19-year-olds often turns out to be a consequence of peculiarities in the development of consciousness, which often arise in adolescence and youth days not from any weighty inner stimuli, but from mechanical adherence to worldview and behavioral patterns that became popular and widespread in this environment. Many of them become participants in or supporters of youth communities that exist only during adolescence. For adolescents, the rejection of dominant traditions and customs in society, rejection of the past and disbelief in authority are an expression of dissatisfaction with the "adult world" and a desire to assert loudly that they are exceptional and different from the older generation. The least tolerant with respect to intergenerational interaction are the elderly

who have the most complaints about young people and their "incomprehensible" way of life. The eternal accusations of the youth in the dissolution of morals, the rejection of traditions, disregard for the past become even louder and more persistent under the conditions of the spread of modern information technologies, which increase the distance of "misunderstanding" between the generations. At the same time, we should note that during the analyzed period the level of intergenerational tolerance among older people has increased significantly. For 1994–2019, among the elderly respondents at age 60 and older, the share of those with a positive valuation increased from 39.8% to 43%, while the share of those with a negative valuation

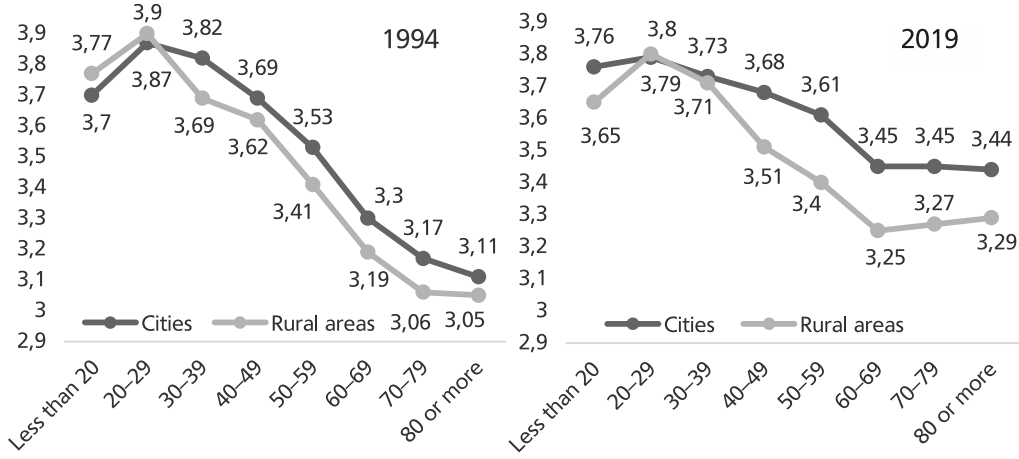

Fig. 2. Dependence of valuations of the possibility of intergenerational understanding and cooperation on age between urban and rural residents, 1994 and 2019. (*average*)

decreased by almost 2.5 times, from 23.4% to 9.9%. A significant role in the improvement of valuations was played by the stabilization of the living standards and increased attention to the problems of the older generation as it overcame the transformation crisis, a certain adaptation of older people to the new socio-economic and public situation. These processes were accompanied by some weakening of negative elements in the consciousness of the older generation and the strengthening of conciliatory mood.

Rural young people do not differ much from urban young people in terms of age dynamics of valuations. At the same time, it is noteworthy that the confidence of youngest rural residents in the possibility of interaction between the generations has considerably decreased (Fig. 2). In old and middle age the valuations of rural residents characterized by a stronger adherence to traditions, customs and stereotypes, are much worse than those of urban residents, and this gap has increased noticeably over 1994–2019.

At any age respondents with higher education assess the possibility of constructive interaction between generations better than respondents with lower level of education. Quite high stability of valuations among the most educated respondents, which was noticeable during the monitoring, took place in all age cohorts (Fig. 3). At the same time, the analysis of these data does not allow us to assert that young people better assess the possibility of interaction between different generations, because they are more educated than older people. In this case, both age and education are more likely to be two independent factors, with little dependence on one another.

The research has revealed not strong, but statistically significant connection of valuations of the possibility of intergenerational interaction with the level of material well-being of the respondents. Moreover, this connection is often stronger when not objective indicators of material well-being (income), but subjective estimates are used. One such indicator used in the RLMS-HSE is the respondent's self-assessment of a position on a 9-step scale of material well-being (from 1 – "beggars" to 9 – "rich"). In 2019, 44.1% of respondents occupying the bottom three steps on this scale were positive about the attainability of intergenerational understanding, compared with 66.7% of those occupying the top three steps (bigger by half). To a certain extent these results can be explained by the predominance of people of working age and with a high level of education among the wealthier respondents.

It is noteworthy that among wealthier respondents there are twice as many young people at age 14–29 (28.3 vs. 14.8%) as among less wealthy ones. Most of them do not represent the most successful young people, but rather the contingent that benefits from material opportunities and other achievements of their parents. In general, however, young people have a higher

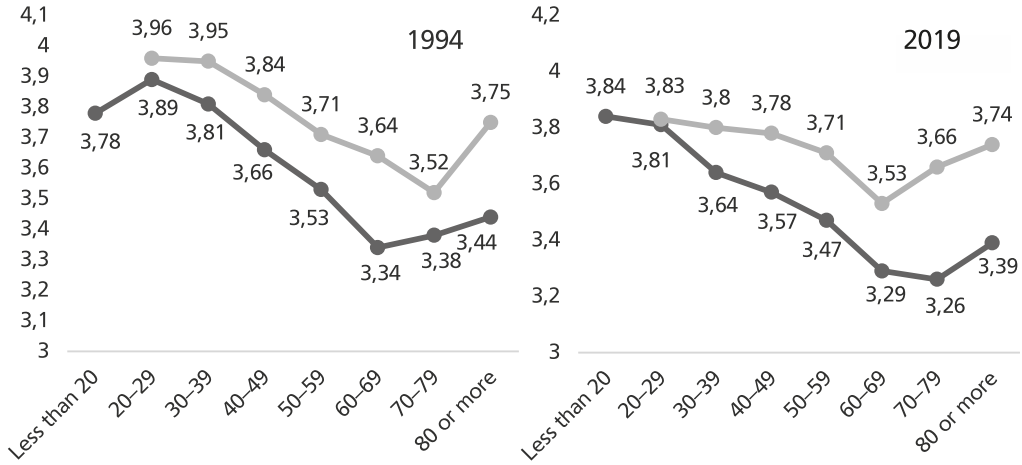

Fig. 3. Dependence of valuations of the possibility of intergenerational understanding and cooperation on age among respondents with general secondary and higher education, 1994 and 2019. (*average*)

chance of entering the low-income strata, all other things being equal. Concern about their financial situation is widespread among young people who acutely feel the maladjustment in life and the instability of their existence, which affects their mutual relations with people of older age.

Assessment of the possibility of intergenerational interaction and social well-being. Confidence in the attainability of intergenerational interaction significantly increases respondents' satisfaction with their lives in general and feelings of happiness. For example, in 2019, among respondents who were completely satisfied with their lives, the share of people with a positive valuation was twice as high as among those who were completely dissatisfied with how their lives were going (69.2 vs. 34.9%). The depth of this difference is also underlined by the solid difference in the values of the average score – 4.01 and 3.19, respectively. The correlation between the analyzed variables increases with age. At the same time, over the period 1994–2019, the valuations of young people at age 14–20, who were more or less satisfied and dissatisfied with their lives, began to diverge, while those of the elderly became slightly closer (Fig. 4).

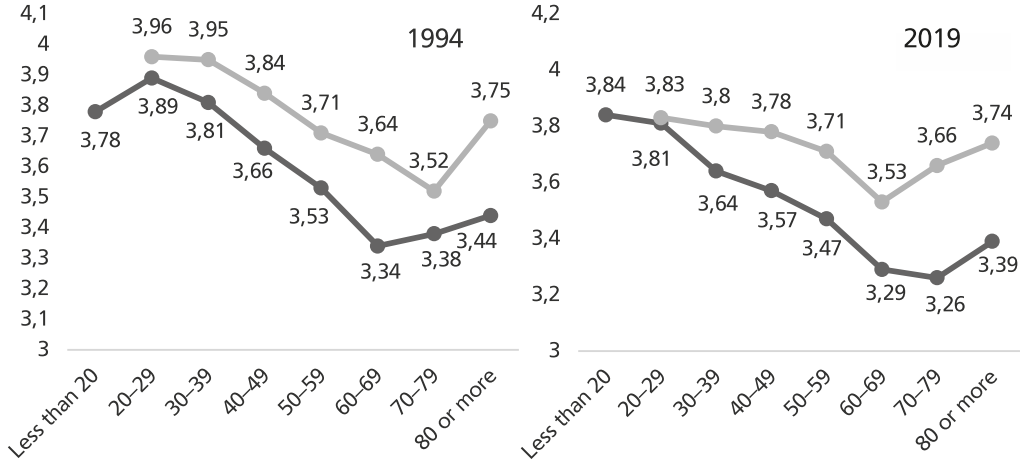

Fig. 4. Dependence of valuations of the possibility of intergenerational understanding and cooperation on age among respondents satisfied and dissatisfied with their lives, 1994 and 2019. (*average*)

The study confirmed the conclusion of our previous research that people who tend to distrust others are less likely to assess the likelihood of achieving a tolerant relationship between young people and the older generation. Equally, a tendency to trust strangers has a positive effect on people's social attitudes and strengthens the belief that such interactions are feasible. Such patterns are due in no small part to the fact that trust and tolerance are unified in their orientation. Trust, which is one of the basic foundations of social capital, implies a high level of responsibility, predictability and honesty in relationships, i.e. everything that is necessary for tolerance.

Factors that decrease the valuation of the possibility of mutual understanding and cooperation between young people and older people include the feeling of loneliness. People who feel lonely often see strangers not as a source of sympathy and help, but as a real threat to their own safety, trying to keep others at a safe distance. Therefore, respondents experiencing loneliness have less confidence in the attainability of intergenerational interaction than those who are unfamiliar with this feeling. In 2019, the average valuations were 3.32 and 3.67, respectively.

Age structure of loneliness correlates with intensity of aggravation of the problem of intergenerational interaction with age. At the same time, the increasing correlation between age and the feeling of loneliness is accompanied by a weakening of confidence in the possibility of such interaction. For the respondents feeling loneliness almost always the average valuation grows from 3,38 in the cohort of 14–19-year-olds to 4,04 in the cohort of 30–39-year-olds, but then consistently decreases to 2,97 in the cohort of 80+. Confidence in intergenerational interactions is more common among respondents with higher education, regardless of whether they experience loneliness almost always or never.

Interaction of generations: family and children. Confidence in the possibility of intergenerational interaction depends more on the nature and intensity of kin relations than on such variables as marital status, parental status and number of children. Married people assess the possibility of intergenerational interaction only slightly worse than unmarried people. At the same time, the lowest valuations were given by married people from the rural population (average valuation is 3.28 against 3.63 for urban residents). In addition, respondents who do not have children are slightly more likely to express confidence in the

feasibility of intergenerational interaction compared to those who have children. This is more true for those who are not married (3.67 vs. 3.45) than for those who have married (3.66 vs. 3.63). The influence of such factor as the total number of children has practically no effect on the valuations. But at the same time, among the respondents with children the confidence in the reality of generational interaction is lowest among those who do not have children under the age of 18 (positive valuation – 44.6%; average valuation – 3.48).

The vast majority of respondents believe they have a very close or good relationship with their parents. In 2019, 62 and 33.9% reported such relationships with their mothers, respectively, and 40.9% and 43.9% of respondents who have these parents reported such relationships with their fathers. And the more intimate the relationship with their parents, the more confident respondents were about the possibility of intergenerational interaction. Among the 14–29-year-old respondents who have very close relationships with their parents, the proportion of those who are confident in this possibility is the impressive 65%.

This data shows that people usually consider hypothetical possibility of intergenerational interaction through the lens of particular relations with their parents. But even among those who have very close relations with their parents there are many citizens who deny the possibility of such interaction. A significant part of them are people, especially young people, who hold completely different, sometimes even opposite, seemingly incompatible, views and orientations. Such people, whose consciousness is characterized by extreme inconsistency and proneness to conflict, can glowingly talk about their parents, about how caring and sensitive they are, and at the same time make completely unfounded claims to them, blaming them for their failures and misfortunes.

Kin relations play an important role in people's lives and indicate that they voluntarily agree to spend their time, psychological and other resources to maintain kinship relationships, to provide assistance in case of need. And the more often relatives belonging to different

Table 2

Correlation of valuations of the possibility of mutual understanding and cooperation between generations and intergenerational mutual help, *2019**

Frequency	How often do you take care of your children, grandchildren				How often do you take care of elderly relatives or relatives with physical or mental disabilities			
	valuation (*in %*)			average	valuation (*in %*)			average
	positive	uncertain	negative		positive	uncertain	negative	
Every day	56.6	37.8	5.6	3.69	56.9	36.1	7.0	3.66
Several times a week	52.2	42.6	5.2	3.64	56.5	37.9	5.6	3.54
Once every 1–2 weeks	49.9	44.5	5.6	3.53	61.8	35.0	3.2	3.52
Less often	39.6	52.1	8.3	3.38	52.3	43.0	4.7	3.48
Never	45.0	43.8	11.2	3.39	48.2	43.3	8.5	3.23

Note. *In this and the following table, average values are calculated on the basis of unshortened responses to items using a 5-point scale: from 1 – "confident that it is impossible," to 5 – "confident that it is possible."

Table 3

Correlation of valuations of the possibility of intergenerational understanding and cooperation and intergenerational communication, *2019*

Frequency	How often do you communicate in person when meeting your parents, children, other relatives				How often do you communicate by phone or the Internet with parents, children, other relatives			
	valuation (%)			average	valuation (%)			average
	positive	uncertain	negative		positive	uncertain	negative	
Every day	54.8	39.1	6.1	3.65	54.7	39.5	5.8	3.66
Several times a week	52.1	40.9	7.0	3.58	49.9	41.8	7.5	3.54
Once every 1–2 weeks	47.4	43.8	8.8	3.49	50.7	41.8	7.5	3.51
Less often	44.1	46.7	9.2	3.45	46.7	42.8	10.5	3.48
Never	31.8	55.3	12.9	3.23	36.1	48.1	15.8	3.22

generations come into contact with each other, the closer the ties are formed between them and the better they evaluate the attainability of intergenerational interaction. It equally concerns both youth and elder generation even in cases when they have to take care of relatives in difficult situation, i.e. when they are not the main interests (Table 2). This pattern is evident in all age cohorts.

The possibility of communication with parents, children, and other close relatives noticeably increases confidence in the attainability of intergenerational interaction (Table 3). This confidence grows as the frequency of communication increases, irrespective of how relatives communicate: in person or by such technical means as telephone and the Internet (Skype, social networks, etc.). Similar trends were also observed in the analysis of the relationship between valuations of the possibility of intergenerational interaction and the frequency of communication between respondents and friends and acquaintances.

A significant role in the formation and development of the current conflict of generations in Russia is played by different content of the modern demand of generations for changes in socio-economic and political fields, as well as the deepening gap between them

in mastering modern information technology, which has increased the confrontation of values and principles to live by of the older and younger generations. Values and principles to live by of the older generation are losing their meaning and practical significance, and are not inherited by the young. Many young people today live in a special world of their own, which distances them from the world of the older generations. And today's young people live not just in another world, but in a fundamentally new digital world. They have different interests, different communication, different practices, different ethics. Apparently, the technological gap between generations has never been as tangible as it is today [Berezovskaya et al., 2015; Soldatova et al., 2017].

Furthermore, according to RLMS-HSE data, young people identify themselves with their generation much more often than older people. In 2018, among 14–19 year old respondents, 72.6% often felt an affinity, a unity with people of their generation and 22.8% – rarely. As we moved to each older cohort, these rates worsened, reaching a minimum level in the 80+ cohort (49 and 37.3%, respectively).

Despite these differences, however, from the perspective of young people, as shown above, the generational gap does not look as deep as it does from the perspective of older people. Young people have different consumer habits compared to adults, they use the achievements of modern information technology more often. But the fact that young people always feel an acute need for special, their unique ways and forms of communication, a peculiar information world, different from the world of adults, does not mean that they reject traditional ways and forms of communication. The impact on intergenerational relations of the rapid development of digital technology, which is primarily invading the daily lives of young people, is so far limited. RLMS-HSE data analysis did not reveal any serious correlations between young people's valuations of the attainability of intergenerational interaction and indicators of Internet technology use. Compared to their equals in age, only 14–20-year-olds who spend too much time using electronic devices or are overly engrossed in video or computer games show a slight deterioration of their valuations. The number of young people who can be referred to as digital generation is still small. They constitute a narrow segment of the most advanced urban youth armed with innovative computer technology and modern gadgets, quickly learning and easily mastering new information technologies.

Conclusion. Beliefs of the Russians regarding the attainability of intergenerational interaction is characterized by the prevalence of a positive spectrum and high stability. Throughout the period under analysis, the share of respondents who were confident in the possibility of mutual understanding and cooperation between young people and older people was several times greater than the share of those who denied this possibility. Urban residents, more educated and financially secured citizens are more optimistic about the attainability of intergenerational cooperation. Young people are more inclined to dialogue and interested cooperation between generations than older people. But in recent years the level of intergenerational tolerance among older generation has increased. Such indicators of social well-being as life satisfaction, feeling of happiness, tendency to trust other people, absence or weakening of feeling of loneliness considerably increase confidence in attainability of intergenerational interaction. Importance of these factors increases with age. Confidence in the possibility of intergenerational interaction has little dependence on such formal indicators as marital status and number of children. But at the same time a direct connection between intergenerational tolerance and the presence of kin relations, as well as the closeness and degree of their intensity, which are measured by the frequency of communication (personal and using technical means), the reliability of kinship assistance, has been revealed. The generational gap manifests itself more at the level of practices, but not values. The impact of digital technology on intergenerational relationships is limited and fragmented. Along with forward-minded "digital" youth, there are large groups of young people in society who differ little from other citizens in many key respects.

REFERENCES

Belyaeva L.A. (2004) Social Portrait of Age Cohorts in postSoviet Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 31–41. (In Russ.)

Berezovskaya I.P., Gashkova E.M., Serkova V.A. (2015) "Digital" Generation: Prospects Phenomenological Descriptions. *Rossija v globalnom mire* [Russia in the Global World]. No. 7(30): 53–64. (In Russ.)

Burmykina O.N. (2017) Intergenerational Family Contract: The Views of Younger Generation.

Peterburgskaya sotsiologiya segodnya [St. Petersburg Sociology Today]. Iss. 8: 150–159. (In Russ.) Glotov M.B. (2004) Generation as a Category of Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 42–49. (In Russ.)

Kohli M. (1993) *Public Solidarity between Generations: Historical and Comparative Elements*. Research report 39. Research Group on Aging and the Life Course. Free University of Berlin. Berlin: Institute of Sociology

Manheim K. (1994) *The Diagnosis of Our Time*. Moscow: Yurist. (In Russ.)

Mironova A.A. (2014) Intergenerational Solidarity of Relatives in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 136–142. (In Russ.)

Palfrey J., Gasser U. (2008) *Born Digital: Understanding the First Generation of Digital Natives*. New York: Basic Books.

Pashinsky V.M. (2013) Sociology of Knowledge on the Generations Formation Mechanism. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal]. No. 1: 47–63. DOI: 10.19181/socjour.2013.1.363. (In Russ.)

Radaev V.V. (2019) *Millennials: How Russian Society is Changing*. Moscow: VShE. (In Russ.)

Semenova V.V. (2002) Social Portrait of Generations. In: Drobizheva L.M. (ed.) *Russia is Reforming*. Moscow: Academia: 184–212. (In Russ.)

Semenova V.V. (2009) *Social Dynamics of Generations: Problem and Reality*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Shamis E., Nikonov E. (2019) *Theory of Generations: Extraordinary X*. Moscow: Synergiya. (In Russ.)

Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. (2017) *The Digital Generation of Russia – Competence and Safety*. Moscow: Smysl. (In Russ.)

Starchikova M.V. (2012) Intergenerational Interaction in Modern Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 140–144. (In Russ.)

Strauss W., Howe N. (1997) *The Fourth Turning: An American Prophecy*. New York: Broadway Books.

Vdovina M.V. (2005) Intergeneration Conflicts in Contemporary Russian Family. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 102–104. (In Russ.)

Volkov Yu.G. (2018) Intergenerational Interaction in Russian Society: The Search for a Language of Consent and Mutual Understanding. *Gumanitariy Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. Vol. 7. No. 3: 30–42. DOI: 10.23683/22278656.2018.3.2. (In Russ.)

The year 1991: a look at the events after 30 years

© 2021

THE END OF THE SOVIET ERA: ASSESSMENTS FROM A 30 YEARS DISTANCE (round table)

Participants: Vadim V. DAMIE – Doctor of Historical Sciences, leading researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (foristademeryamaa@gmail.com); Alexander Ya. DEGTYAREV – Doctor of Historical Sciences, Advisor to the Chairman of the Council of the Federal Assembly of the Russian Federation (aydegtyarev@senat.gov.ru); Vladislav L. INOZEMTSEV – Doctor of Economics, Director of the Center for Research of Post-Industrial Society (slava_in@yahoo.com); Ilya F. KONONOV – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology of Lugansk National University named after T. Shevchenko, Starobelsk, Ukraine (kononov_if@ukr.net); Nikolai I. LAPIN – corresponding member of the Russian Academy of Sciences, principal researcher, Head of the Sociocultural Changes Study Center at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (lapini31@mail.ru); Viktor K. LEVASHOV – Doctor of Sociology, Director of the Social and Political Research Institute of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences (levachov@mail.ru); Viktor P. MAKARENKO – Doctor of Political and Philosophical Sciences, principal researcher at the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (Vpmakar1985@gmail.com); Anton N. OLEINIK – Doctor of Economics, leading researcher of the Microeconomic Analysis and Modeling Laboratory of the Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (aoleynik@mun.ca); Irina N. TROFIMOVA – Doctor of Politology, leading researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (itnmv@mail.ru); Mikhail F. CHERNYSH – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Acting Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (mfche@yandex.ru). Everybody except the mentioned ones – from Moscow, Russia.

Abstract. *In December 2021, it has been 30 years since the end of the history of the USSR, but the Russian society has not yet decided on its attitude to this event, contradictory assessments are also given by social scientists. Continuing the discussion started in No. 8 of this year, the magazine organized a round table discussion in absentia, having invited social science experts representing different scientific and ideological fields to discuss issues about the events of 1991. Participants demonstrate the opinions and assessments range – from apologetic to critical.*

Keywords*: the USSR collapse • "real socialism" • socialist idea • social development • public consciousness • events of 1991*

DOI: 10.31857/S013216250017624-9

This article is a translation of: Завершение советской эпохи: оценки с дистанции в 30 лет (круглый стол) // Sotsiologicheskie Issledovaniia. 2021. No 12: 3–27. DOI: 10.31857/S013216250018020-5

Issues proposed for discussion:

1. How do you assess the 1991 events that resulted in the Soviet Union collapse and a change in the country political and economic course? What do they mean for Russia and the world? What positive and negative social consequences do they have?

2. The 1991 events are comprehended with various theoretical approaches. What theoretical environment, in your opinion, can lead to the deepest understanding of them?

3. In your opinion, to what extent have contemporary Russians accepted and legitimized the social economic and social political results of the 1991 events? Does the socialist idea have a "second chance" in Russia? Is it possible to recreate a multinational association in the Eurasia territory?

4. What role did domestic sociology play in the development and comprehension of the early 1990s events and their consequences?

M.F. CHERNYSH "Soviet cynics generation" threw out the baby with the water

1. In August 1991, just the day after the State Committee on the State of Emergency coup, my colleagues and I performed an express survey by telephone. Its non-trivial results were published hot on "hot scents" in the popular magazine "The XX Century and the World". The assertion that Russian society welcomed the State Committee on the State of Emergency crash appeared to be a serious exaggeration: only about a third of the respondents experienced victorious moods, 40% saw the news of the coup defeat deeply concerned. There was a premonition in the wind that the collapse of the power institutions and order would turn out to be grave consequences for Russia, for each of its citizens. The foreboding was true. Less than six months after the country where we were born, studied, lived and built hopes ceased to exist.

How to evaluate what happened? On the one hand, the logic of destructive processes benefits reapers is eloquently expressed in the title of one of the books of perestroika – "There is no other way."[1] (In fact, this is just a paraphrase from one of Margaret Thatcher's statements – "There is no alternative.") The meaning of this position can be expressed as follows: the entire sequence of events preceding this coup led precisely in this direction, the former USSR citizens were ordered by fate itself to accept what happened, since no alternatives were available. Such "tunnel" vision of the history easily makes its way post-factum as a strategy for justification of what happened. But when history is being created, the vector of events and possible consequences (including remote ones) is determined by the choice made by the direct participants of the dramatic events.

The 1991 events showed that during historical pivotal moments the Russian society divides into "deep people" and a "public" capable of releasing its active core. In the short term, the events outcome is not determined by the opinion of the "deep people" about desirable things, but by interaction between different political class factions, on the one hand, and the "public" represented by activists, movements, crowds, on the other hand.

The second conclusion after August 1991 events is that any historically important events have a moral foundation. A society can be considered solid when based on a common moral standard for everyone, a common moral discourse. The cynicism that prevailed among the elites affected the society destructively. An authority, which looks immoral to population, is vulnerable and, as T. Parsons said, can count on only two tools to bring the population to obedience – violence and deceit[2]. These instruments are not only unreliable, but also destructive: large-scale violence burns out the development hubs in the society, condemning it to stagnation and subsequent crisis. Hanging in mid-air, with no counterbalances, the government makes new, more and more fatal mistakes, ultimately leading to a collapse. This collapse can drag the state itself into the abyss.

---

[1] There is no other way. Fates of perestroika. Peering into the past. Back to the future/under general editorship of Yu. *Afanasiev*. M.: "Progress", 1988.

[2] *Parsons T.* On the Concept of Political Power // Proceedings of the American Philosophical Society. 1963. Vol. 107. No. 3. P. 232–262.

The third conclusion from that time events is that any ideas presupposing continuous progressive development (the new system supposedly wins the old by higher labor productivity) have no solid empirical grounds. Indeed, evolution in some periods leads to a more complex institutional structure, but upward trends are replaced from time to time by downward ones, a degradation period starts, when society comes to the phase of archaization and decline.

The Soviet project failed because, due to internal reasons, to an immanent structure, at the decisive moment on August 19, 1991, it could not unite its proponents, mobilize the "street" convinced of the need to preserve it. Turning to the above mentioned study: the majority of Soviet citizens believed that order and preservation of the best of what had been created up to that moment were necessary. But they, the "deep people", held the position of observers, not participants, and not inside, but outside the process that was gaining momentum and strength.

2. The dramatic 1991 events failed to become the subject of deep sociological analysis. Meanwhile, for sociologists who became living witnesses of the gigantic social cataclysms of the early 1990s, society in that state was a unique laboratory where new theoretical discourses could and should have been originated.

It seems that the most appropriate foundation for analyzing those events could be the institutional theory in its type, where institutions ("game rules") are studied in dynamics, in the collapse and birth processes. In the book "How Do Institutions Think?" M. Douglas described special situations where the normalizing role of institutions is weakening, and the resulting gaps are filled with considerations of feasibility, intersubjective reality, that return players to a primordial state, when the norm is formed by ideas of parity and exchange[3]. Something similar happened in the Russian society in 1980s and 1990s, when the top layer of public consciousness was destroyed, bringing archaic, sometimes ancient, methods of survival and phobias to the fore.

In the "post-Soviet laboratory", that the transit societies of the 1990s became, an experiment was performed to transplant Western social and economic institutions onto Russian ground, and it evidently failed. It was during this period that the ideology of "second hand purchase" prevailed. What may seem easier? However, in practice, institutions are not in the least universal specimens that can be transferred from one end of the globe to another, but sensitive and complex structures with meaning, that grow into cultural and semantic ground and mutate unpredictably in a different environment.

A legitimate question arises: how could the hard-fought, important achievements of Soviet society be displaced by weak, amorphous structures, just superficially and fragmentarily resembling the source which they were borrowed from? Partially the answer is found in the special complexes arising during the decay of communist ideology as the gap between its testimony values and the real situation increased.

Free space between the fires of communism dying out and the real conditions of life was filling with increasing consumer expectations. They formed a motive of the constant quest for comfortable living conditions, and for young representatives of the Russian elite it invariably ended in Western countries or at least in developing countries, where one could get what is impossible at home. To work abroad, to earn foreign currency, to obtain Vneshposyltorg cheques – this has become a real desire for many representatives of a generation that has learned to regard their own country as "second-rate", backward and inhuman. The Soviet system, focusing on achieving higher living standards, paradoxically created a gravedigger for itself – the next elite generation, that cherished the dream of a forbidden but so comfortable Western life. The Soviet system's collapse and the surrender of entire Russian historical legacy was just a matter of time: the "Soviet cynics generation" finding themselves at the head of a weak Russian state, happily engaged in destroying and appropriation what had recently been considered common property. I would like to underline that this is exactly the elite and its generational evolution, which skeptically (sometimes with hate) judged the obvious restrictions

[3] *Douglas M.* How Institutions Think? N.Y.: Syracuse University Press, 1986. P. 31–45.

imposed on it by the Soviet system. It was the elites who directed the country to the course that led to August 1991, and ultimately to the country destruction.

3. It seems to me modern Russians think about the events of that time more and more rarely. Current needs more often overshadow the evaluations of the past, and the past itself is constructed and reconstructed on apace with what is happening today and creates today's tensions. The events of 1991 are already among the national myths: some people see it as a "big deception", in the eyes of others it is a "glorious time of freedom", "holy 90s". It is only fair to say that there are significantly more people considering what happened in the early 1990s as a "big deception" than those who feel nostalgic about the times of crisis and degradation.

It is difficult to present the process of legitimizing the USSR destruction as a conscious consensus, a formalized agreement or disagreement with what has already happened. Legitimation processes have at least three levels.

The first of them is acceptance at the everyday life level, consent to submit to new routine and domination forms. In this representation, the legitimation of the 1991 events results can be considered complete: the overwhelming majority of Russians accepted the new game rules, live according to them and align with them, defining the life priorities.

At the second level, an assessment of the existing order is performed from some arbitrarily determined judgment point, located, as a rule, in the "times of innocence", non-acquaintance with the future. In this case, the thoughts about the present, what hopes were justified and what were broken in a new unfriendly reality, play the role. At this level, the 1991 events are often assessed negatively, as a movement towards degradation, as a way of losses and not gains. In this context, ressentiment is cultivated about the irrevocable loss of production power, the destruction of the friendly union of cultures and peoples, which was replaced by parochial nationalisms, loss of the confidence spirit and serenity on the basis of the "developed socialism" social guarantees.

Finally, at the third level, legitimation occurs in the context of moral discourse, evidence of moral adjustment or its crisis. The picture is more variegated at this level. In most cases, the modern society moral foundations are assessed as unsteady; corruption, theft and cynicism have multiplied much since 1991. However, the "maturity" of society, overcoming the childishly naive attitude towards oneself and the future is considered an obvious attainment. It is realized that each person has a bit of freedom, an area in which only he/she is free to decide. The idealism flourishing in the late 1980s that praised the "winds of change", became no longer possible. New realism, a post-Soviet era product, makes total manipulation of public opinion difficult or impossible in principle, although it does not completely cancel the possibility of behavior control with the help of proven tools – violence and deception.

4. During the past decades, the contemporary Russian sociology agenda has been formed mainly as a response to *current* challenges. Sociologists had no opportunity to move the events of the past away from themselves to the extent allowing to look at them with a cold, distant gaze. The reason perhaps is also that assessments of the 1991 events still use a purely political terminology.

As for the particular consequences of the 1991 radical turn, their main points are reflected in many sociological works, in Russia and abroad. What is meant here is the main trend accompanying the reforms – deepening of social disparity institutionalized in formal and informal norms.

Currently, numerous works appeared in which the reforms direction chosen in 1991 is assessed as archaization expressed in the formation of a semi-feudal, quasi estatist social structure. In this regard, it is quite pertinent to talk about the return of the social status differences fixed in culture and about the displacement of the universalists' principles and norms, characteristic of modern societies, from the circulation of public life. This is one of the unintended consequences of the 1991 events: the Soviet project collapse created, as collateral damage, a complete or partial refusal of the Enlightenment project in the form it was implemented in Russia in the XX century. In a certain way, it can be said that along with the shortcomings and vices attributed of the Soviet system, the baby was thrown out – achievements in the preservation and development of human capital represented by a developed education system, Big

Science, healthcare system (perhaps not the best one, but still more effective than the current one), social guarantees and "networks" that help to survive in a complex society.

Research showed that, contrary to expectations, the 1991 crisis launched social processes that undermine the social order in the new conditions, in the states that appeared on the debris of the Soviet system. This means that what happened *then* is worthy of deep and interested consideration to understand the state of modern Russian society and the changes taking place in it *now*.

I.N. TROFIMOVA In 1991 Russia has shocked the world again

1. The 1991 events "shocked the world" so much that even today they evoke contradictory assessments. Moreover, events of different nature happened during that year. If we try to find a common meaning in them, it is sooner seen in the attempt of Russian politics as a form of socio-political structure to find its place in new conditions.

Determination of the positive and negative consequences of the 1991 events depends on the time period and what value scale they are considered against.

Comparing "before" and "after", it is difficult to overestimate the *positive* significance of the democratic upheaval that swept the country at the turn of the 1980s and 1990s: elimination of the state monopoly on ideology and information, growth of civic engagement, freedom of discussion, etc. Much of this turned into its opposite or imitation later. For example, democracy never became a priority value in Russian society[4], but its norms and ideals are still relevant for understanding current processes and phenomena.

Negative consequences are associated, first of all, with the scale and depth of changes perceived as demolition, destruction of the usual order of things. Many of them became a new standard later, but some are still raise questions. Perhaps legitimation of the results of the unfair, in the opinion of most Russians, privatization and the dubious background of a part of the current elite is most acutely perceived. Gradually, with the replacement of generations, mass distrust to this issue will disappear, but it is possible that the memory of the 1991 events (especially against the background of increasing social stratification) can become part of the ideological justification for the need for new transformations.

2. The 1991 events have many story lines, each of which is the subject of a separate discussion, but in general different conceptual frameworks are suitable for the analysis of the situation: democratic transition, transformation processes, liberal reforms, a trauma society, etc. An important part of them is the matter of condition and dynamics of public consciousness.

Sociological and political science literature has a practically ubiquitous conclusion about the long term duality of Russian public consciousness and its conflicting effects on public choice[5]. A. In this respect, Auzan aptly notes[6]that the adherers of the opposite – traditionalist and modernist – values generate opposite requests to the authorities, and their opposition prevents formation of a consensus project for the country's future. It has been seen for at least half a century. Such confrontation is traced in the events of 1991 and thereafter. But over the past 30 years of social transformation, society has changed, too: it has never been segmented and heterogeneous so much as now[7]. What is the nature of the discrepancy between the

---

[4] Twenty-five years of social transformations in assessments and judgments of Russians/Ed. by *M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov*. M.: The whole world, 2018. p. 140.

[5] *A.S. Akhiezer* Russia: criticism of historical experience. T. 1–3. M .: Philos. society, 1992; *S.V. Patrushev, L.E. Filippova* Dualism of mass consciousness and typology of mass policy // Political Science. 2017. No. 1. p. 13–37; The mind at a crossroads. Public consciousness between past and future/Ed. by *Yu.A. Krasin (ed. in chief), A.B. Veber, A.A. Galkin*. M .: Aspect Press, 2017; *Zh.T. Toshchenko* Trauma of the society: between evolution and revolution//Political studies. 2017. No. 1. p. 70–84; and other.

[6] *A. Auzan* The third attempt // Gorbachev. Lesson of freedom. Collected papers, ed. in chief R.S. Greenberg. M.: The whole world, 2021. p. 46–51.

[7] *M.K. Gorshkov* On the social results of post-Soviet transformations//Sociological research. 2019. No. 11. P. 15.

society heterogeneity, on the one hand, and the continuing duality and partial confrontation of public consciousness, on the other hand, how it functions and what is its significance – these are the questions that could be interesting when analysing events of 1991 and subsequent years. Will the pendular/cyclical nature of Russian transformations be substituted by progressive development without abrupt ruptures and transitions? Obviously, the search for an answer to these questions should unite representatives of different sciences.

3. Assessments of direct participants and contemporaries of the events, although may change over time, are more personal, reflect the hopes and frustrations of 1991 and the subsequent changes. Future generations will sooner perceive these events indifferently. For example, today's youth most often take the collapse of the USSR with indifference, as an accomplished and irreversible fact significant for the older generations rather than for the young[8]. Almost half of young people under 30 cannot evaluate market reforms and the State Committee of the State of Emergency[9].

As for the socialist idea "second chance", one should distinguish here between the social system, political technologies and the public ideal. Socialism as a socio-economic system based on public ownership of the means of production has discredited itself (at least in its Soviet version). By contrast, socialism as a dream of social equality and justice will always live in society, finding both sincere proponents and those who use it for practice – political strategists, public propagandists, unnoticeable beneficiaries within the elite. After all, socialism in Russia is an ideology that can be fitted somehow by the adult population of the country to their personal experience and compare with the current situation. According to the results of the monitoring by the Institute of Sociology (2018), 38% of Russians positively regard everything related to the word "socialism", another 51% assess it neutrally and only 8% – negatively. At the same time, such words as "capitalism", "conservatism" and "liberalism" are spoken favourably about by only 11% of Russians.

4. The attitude of society to those events and consequences thereof has always been in the high light for sociologists. Studying the dynamics of processes, identifying and analyzing the changes taking place in society, and prediction of the future situation were specially emphasized[10]. The fact that different sociological centers represent different ideological currents and approach differently the collection, analysis and interpretation of empirical data, can also be considered a great advantage of Russian sociology – the state has what to choose from and what to rely on to define and justify the development goals.

To understand the role of sociology in Russian society, it is best to use the words of B.A. Grushin: "The main cause of all the mistakes made by the reformers, all their failures are the flagrant discrepancy between their proposed strategies of behaviour and the actual characteristics of the social matter called Soviet society of 1917–1991"[11]. Unfortunately, these words, when adjusted for the current state of Russian society, are still relevant today.

N.I. LAPIN Transit of the Russian population to a different interaction culture and massification of traumas

1. Laconic assessment of the 1991 events can be expressed as follows: there were chances for different options, but hardly the best[12]

---

[8] *L. Gudkov, N. Zorkaya, E. Kochergina, K. Pipiya, A. Ryseva* "Generation Z" in Russia: attitudes and values. M.: Phil. association "Friedrich Ebert Foundation", 2020. P. 77.

[9] Twenty-five years of social transformations in assessments and judgments of Russians. P. 112, 115.

[10] See, for example: *L. Gudkov* "A Soviet man" through all the regimes. Thirty years of research project //Dismantling of communism. Thirty years later. Edited by K. Rogov. Moscow: New Literary Review, 2021. pp. 268–297.

[11] *B.A. Grushin* Change of civilizations?// Free thought. 1991. No. 18. p. 27–29.

[12] See for more detail: *N.I. Lapin* Complexity of formation of a new Russia. M.: Anthroposociocultural approach. The Whole World, 2021.

2. The author[13]has already shown before that doubts about the meaning of such abstractions as "socialism", "capitalism", "market economy" and "human rights" are increasing in the mass consciousness of population. Sociology and the social sciences in general begin to understand the complexity of the evolution of a human and human communities, the need for approaches allowing for more convincing interpretations of realities.

As a metatheoretical principle for the study of man and his communities, I justified the *anthroposociocultural (ASC) approach*, and also introduced double limitation of application (for consideration of the results obtained as (a) not universal (b) hypotheses). The following provisions from the "desktop" contain the search not only for ideas and methods, but also for an adequate language to present them.

One of the key hypotheses is understanding of the *interaction culture* between people and with the society state as a source of changes that happened in Russia. To study this is especially significant for understanding the meanings of radical transformation, when the former institutions collapsed, and the population was in the position of individuals interacting with each other and with the society state simply as people, having their virtues and vices.

Collapse of USSR and the so-called reforms became, in their human content, a catastrophic anthropo-socio-cultural trauma for the entire population of the RSFSR/Russia and other ex-Soviet republics[14]. While losing identification with the former institutionalized interaction ways, the population of Russia, not always realizing this, created new ways of interaction perceived in their immediate human aspect, without correlating with impersonal symbols ("socialism", "capitalism", etc.). The value meanings of the methods of interaction (their justice-injustice) sooner came to the fore, assessments such as "chaos", "no code", "gangsterism", etc. became popular.

What was USSR like before the collapse and what interaction culture of the population of Russia emerged in the processes of post-Soviet changes? If we use the institutional diagnostics terms, the most common in this alphabet will be *transit*, more precisely, a hybrid-reverse transit. From where – to what? From elite of functionaries-state (totalitarian) socialism to "democracy and market economy", as "foremen" of perestroika and postperestroika "catastroika" put it (A. Zinoviev). The following steps of this transit can be singled out: 1) shock privatization for the sake of creating a "crony capitalism" (1992–1999); 2) its modernization into "capitalism for the chosen ones" (since 1999) and 3) "capitalism for the executives" (since 2008). It was a transition ***from*** the allmightiness of the powerful elite of functionaries, which had actual access to the use of the means of production and its income, treating ordinary citizens, alienated from these funds and income, as virtually deprived of rights and dependent. The initial position of the transit was the *routine-totalitarian, socially symbiotic, pseudo equal civil culture of interactions* between the powerful and executive layers of population, which hid behind a totalitarian propagandized ideology of high civic and moral values of the "communism builders".

Shock privatization and the declared transition ***to*** the market economy meant a repeated (after the reforms of Alexander II) *reverse attempt to turn to establishing a private possession culture of interaction for population* – not in its entirety (as in the 19th century), but in its specific clans having power or close to it, i.e. at the expense of the majority of the population.

3. Today the productive potential of the hybrid-reverse transit is exhausted. The processes of stagnating reproduction prevailed in the economy and in other fields of society. Recent amendments to the Constitution cemented these processes. Consequently, 2020 can be considered the contingent completion of the post-Soviet transit and the beginning of the functioning of the *other relatively independent society* – a post-transit one, with a multi-structured economy and a sovereign state-power, the internal functions of which are limited to the initial forms of a legal, socially weak state of minimum population welfare.

---

[13] See for instance: *N.I. Lapin* Anthroposociocultural evolutionism – a meta-theoretical principle of human communities study// Sociological research. 2018. No. 3. p. 3–14.

[14] In this regard, I would like to underline the significant initiative of Zh.T. Toshchenko, who introduced the problem of the trauma society into Russian sociological discourse.

For the emerging society, the deep-rooted massification of anthroposociocultural traumas of the population is essential. Its main two spheres are as follows.

First, the contrasting income inequalities. The three-layer, rhomboid structure of the population's income is indicative – with contrasting edges and a significant middle: 1) the lower macrostratum – the poor and the beggars; 2) middle – the middle class and all the wealthy; 3) upper – rich and super-rich people. Extreme discrepancies between deciles exceed 15 times. I would like to emphasize that this is not only the stratification of the *incomes* of individuals, but also a differentiation by the share of the population's macrostrata in the budget of the country and its regions, and indirectly, their influence on the authorities' budgetary policy[15].

Secondly, the *absence of demand* for the cultural potential of the small homeland of Russians – residents of the regions of the Russian Federation: persistent shortage of high qualification jobs, work of many people (especially young) not in their specialty, immatureness of the national innovation system at the regional level. All these indicate of the most massive trauma of the population of Russia, dangerous for its destiny. This is evidenced by the social and cultural portraits of almost a third of the regions obtained by our interregional program participants and many other researchers.

At the same time, according to mass polls data, the majority of Russians have spontaneously adapted to changes and passively accept the society that arose to a great extent due to the culture of interactions of the population itself. It is necessary to acknowledge the preservation and revival of the long-established routine-proprietary and socio-symbiotic, finally traumatic, nature of the civil-social interactions culture (especially the dependence of the subordinate, performing population layers on the power elites, political and economic), complicated by degradation of the general culture, including education and science.

Summing up, I'd like to be more specific about the emerging society characteristics: it is a Russian-Eurasian socially symbiotic society with a sovereign state-power and a multi-structured economy. It quite successfully performs complex external functions of ensuring sovereignty and security, but its internal functions are limited by the traumatic, routine civil and social interactions culture of population (especially between the power elites and the performing strata).

The post-transit society faces historical tasks of evolution towards a socially strong and humanistically oriented state of the population's welfare. This makes the task of replacement of the existing interaction culture population with a more complex, *innovative-creative, composite-owner culture of interactions*, acutely needed. Such replacement can be performed as a *general civil self-education*, mainly through changing the content of the existing *socialization and resocialization* channels of population. The maximum possible assistance to these processes is, to my mind, the main task of the social sciences and the humanities.

4. I see the prospects of Russia more as a state civilization. We are talking about its active role in the creation and development of a friendly *Eurasian Civilizations Union* (in the locus of "Russian Eurasia", the European and Asian territories of the Soviet Union), and the wider *Eurasia Civilizations Congress* as a continent in general**,** including several centers of its peculiar civilizations (Western European, Russian, Muslim, Chinese and Indian).

At this level, the main problem is the dominance of the *interests of states* expressing the private-proprietary interests of the classes dominating in the societies, contradicting the terminal values and norms of the civilizations' semantic spheres and constantly creating threats of military conflicts. According to preliminary results of the research by Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences on the "Russian project of civilizational development", the needs of survival and development of a man and all mankind in the setting of global threats require to increase the role of the emerging noosphere of the anthropo-inhabited planet in defining and implementing the goals of international politics of states.

---

[15] For more details see: *N.I. Lapin, V.A. Ilyin, M.V. Morev* Extreme inequalities and the welfare state. Parts 1 and 2 // Sociological research. 2020. No. 1. p. 4–17; No. 2. p. 20–30.

A.N. OLEINIK "Socialism" has gone, "empire" has remained

3. Questions about existence of the "second chance" for the socialist idea in Russia and the possibility of recreation of a multinational union in the Eurasian space imply an attempt to forecast trends for the near future. However, reputation of forecasts in the social sciences and humanities is doubtful, and the 1991 events became one of the most striking confirmation of their limited efficacy. Nevertheless, these matters are not only of practical but also of methodological interest: what research methods can be used to answer them (of course, while being aware of the error possibility)?

Large text data context analysis appears to be one of such methods. This research method is actively applied by economists to predict macroeconomic indicators dynamics, the economic growth rate[16]. The case is to monitor the dynamics and tone of news messages, and on this basis conclusions are made about the currently prevailing moods. If optimism prevails, growth is probable, and manifestations of pessimism indicate an approaching stagnation or crisis.

The questions raised are more specific than the task of identifying the optimistic and pessimistic news/comments ratio. They can be answered by tracking the comparative dynamics in textual big data of a number of concepts – "socialism" and alternative ideologies (such as "liberalism") for the first issue, "empire" and "nation state" for the second one. Scientific electronic databases (eLibary for scientific literature in Russian and Web of Science for the one in English), as well as the Google Book Ngram Viewer service can be used as big text data sources[17].

The dynamics of ideological concepts in the Google Book Ngram was tracked at the first stage. The list for answering the first question was founded by such ideologies as "marxism", "socialism", "liberalism", "orthodoxy" and "islam". The list for answering the second question included various alternative state structure foundations in the Eurasian space: "nation state", "national idea", "nationalism", "eurasianism" and "empire". It seems the conflict between the empire and the nation state, as alternative state structure foundations, will determine the dynamics of processes in the Eurasian space for the nearest future[18]. Taking into consideration that the relative frequency of some concepts changed synchronously over time (socialism – marxism, nationalism – the nation state), the further analysis used only the concepts most popular in the literature (in the listed pairs, they are specified first).

At the second stage, concepts relative frequency dynamics was analyzed both in the Google Book Ngram and in scientific electronic databases. Relative frequency here means the number of references to a concept divided by the total number of words in the indexed books or by the total number of documents contained in the scientific electronic database (due to the obtained values insignificance, they were multiplied by 10^6). The data on total number of documents published during a given year is not available in eLibrary. Alternatively, the number of documents in the sphere of social sciences in general (code 00.00.00) was used by year of their publication (the obtained values were multiplied by 10^4).

Considering long-term trends (Google Book Ngram covers the 1800–2019 period), the relative frequency of all the selected concepts approached peak values in two time periods: after the revolution in 1917 and in the 1920s, as well as from the late 1980s to the beginning of 2010. Apparently, these very periods can be considered the time of the most active ideological discussions and deliberations of state structure options. After 2005 interest in the selected concepts declined, and after 2010 this decline has taken particularly distinct forms in all the cases except the concept of "empire".

---

[16] See, for example: *D. Konoplev* Asymmetry of information waves in economic thinking: the experience of financial crises //Economic matters, 2020. No. 1. p. 111–126; *K. Yakovleva* Economic activity assessment based on text analysis (economic research report series). M.: Bank of Russia, 2010.

[17] These sources have certain limitations and disadvantages: eLibrary is significantly less selective than Web of Science, and Google Books was originally oriented to solving tasks different from big text data content analysis.

[18] *A. Oleinik* A national state and an empire: the demand for projects in Russia and Ukraine // Social sciences and modern times. 2018. No. 2. pp. 140–159.

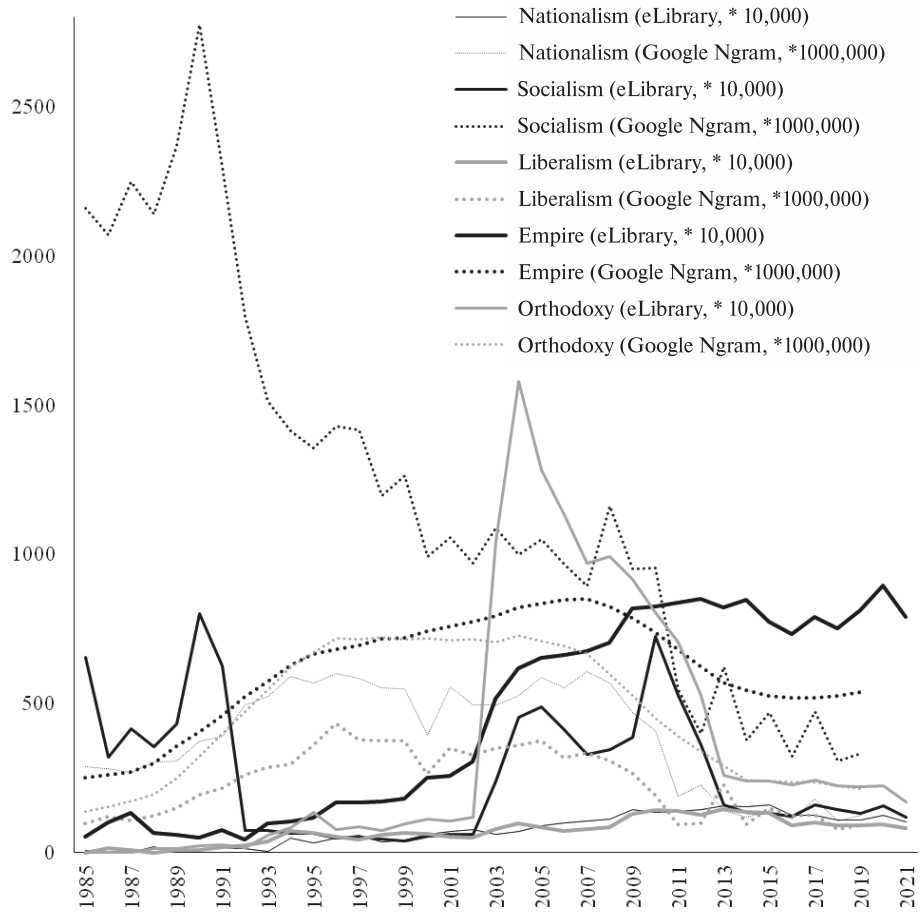

Fig. 1. Relative frequency of mentioning socialism, liberalism, Orthodoxy, nationalism and empire in Russian-language scientific publications and books, 1985–2021.

Source: hereinafter – eLibrary, Web of Science and Google Book Ngram as of 09.21.2021 and the author's calculations.

Note. The total number of unique words in the indexed books (Google Ngram), publications (Web of Science), and social science publications (eLibrary) was used as the base.

Since the round table is aimed at comprehending the early 1990s events and their consequences, the period from 1985 (the start of perestroika) to 2021 was analyzed in more detail. "Empire" is the only one among the considered concepts showing a steady rising trend in scientific publications and in books (Fig. 1). This tendency is confirmed by comparing relative frequencies of the selected concepts in the literature in Russian and English (Fig. 2). The data shown in Fig. 1 were correlated with similar data for texts in English for the same period. In most cases, the selected concepts are mentioned more often in English texts than in Russian ones. For instance, in 2020 "socialism" was mentioned in eLibrary 2 times less often than in the Web of Science, "liberalism" – 3 times less often, and "nationalism" – 5 times less often. "Empire" shows a completely different picture: this concept in 2020 was mentioned in eLibrary 850 times more often, although in the second half of the 1990s and early 2000s the gap was even greater.

The decline in interest towards all the other ideologies, except the imperial one, indicates, on the one hand, the insignificance of the chances for revival of the socialist idea in Russia and,

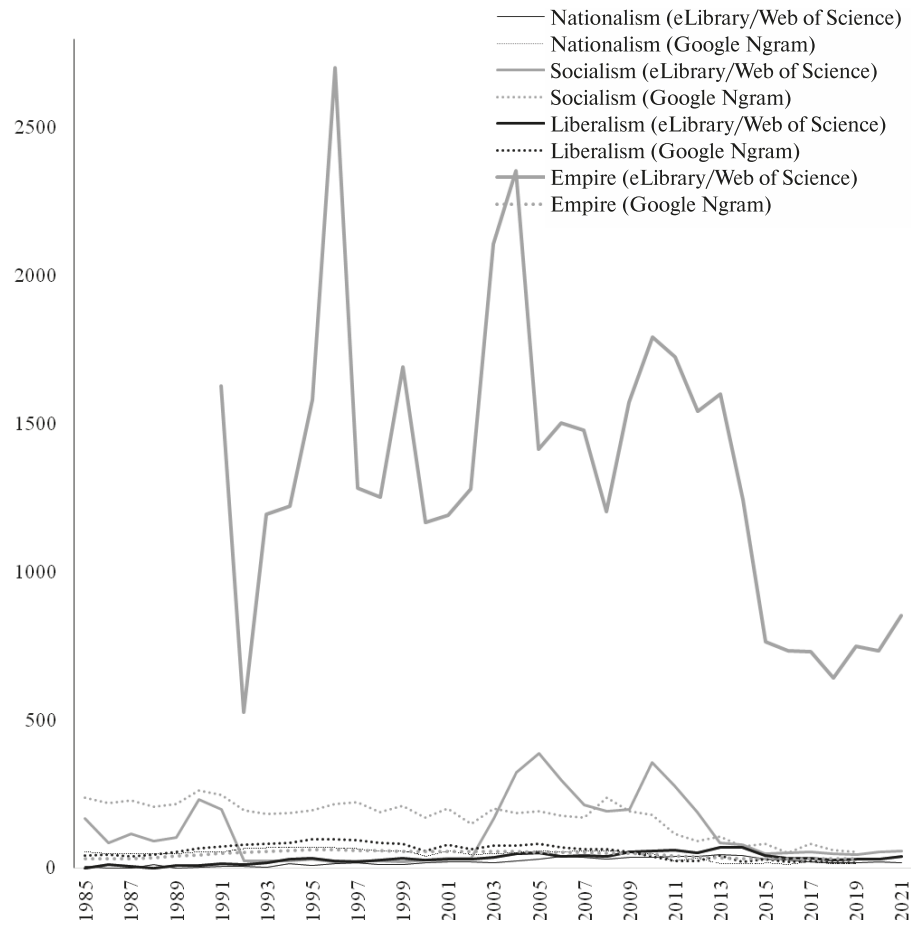

Fig. 2. The relative frequencies ratio for mentioning socialism, liberalism, nationalism and empire in Russian and English scientific publications and books, 1985–2021.

on the other hand, high probability of the empire revival in this or that form in the Eurasian area. The scientific community can play an important role in this process, as evidenced by the apparent scientific interest towards the empire concept. In this regard, the words of one of the characters of Gorky's "Life of Klim Samgin" can be recalled: "Russia is still not a nation, and I am afraid that it will have to shake itself up again as it was shaken up at the beginning of the seventeenth century. Then we will be a nation – probably."

V.L. INOZEMTSEV The USSR collapse is the end of the World War

1. I would venture a remark that the decline and collapse of the Soviet Union became the most interesting socio-political event in the second half of the twentieth century from a conceptual point of view. It combined two parallel processes: on the one hand, the crisis of an inefficient industrial economy against the background of accelerating technological progress and post-industrial transition, and on the other hand, the crisis of the imperial model policy in the era of national and religious identities awakening. The first was not fatal – awareness of the catch-up development necessity came to many societies. The second, however, appeared to be insurmountable. No system could cope with *two* transformations simultaneously – and

the Soviet one was not an exception. A thorough analysis of the events that happened 30 years ago and to this day remains an important task for sociologists, far from being solved.

The significance of the communist experiment end and the decay of the USSR is great, but it should not be overestimated. No global trend was broken by this event: technological changes continued and grew even faster; globalization extended to the former Soviet republics without changing its character; conflicts on the periphery of the world did not disappear with the end of the Cold War, and so on. As per the logic of large historical cycles, the USSR disintegration ended the series of conflicts started by the First World War, i.e. drew a line under the War of the World that Niall Ferguson writes about[19]. I consider leaving this period to be the main positive consequence of those events.

The social consequences of what happened must be assessed globally and locally. The USSR collapse globally meant the end of the Cold War. It also showed that inefficient social systems cannot last forever, launching a powerful wave of democratization and openness. Competition between countries intensified acutely after the changes in the early 1990s, the world economy started to grow significantly faster. At the same time, for the citizens of the former Soviet Union, its disintegration appeared to be fraught with a serious living standards decline and multiple conflicts that have not ended till the present day. However, the latter was due to selfish and/or incompetent actions of the post-Soviet leaders. Thus, I assess the events at the turn of the 1980–1990s as inevitable. The collapse of the Soviet Union did occur *not despite,* but partly *within* the framework of the *strategy* of the then current government, and partly with its *permissiveness*, and this made it relatively soft and bloodless.

2. The break-up of the USSR as a single country should be analyzed within the framework of the (post) colonialism concept. Dismantling of the planned economy and democratization of political life themselves are not fatal for a state. The problem of the USSR was that its leaders had convinced themselves of a certain peculiarity of their country, considering it a European type national state, and not a colonial empire. The "new historical community of people" concept determined the wrong priorities of perestroika: instead of restructuring the empire and forming a confederation, after which to appeal to economic and political reforms, the reforms were launched in Moscow without understanding the national factor explosiveness.

Therefore, the USSR collapse *did not* take place in the context of struggle between capitalism and socialism, or between democracy and dictatorship. By the end of its existence, the Soviet Union was indeed already transitioning to a market economy, and all democratic elections that led to a change in the country's leadership were held in the USSR in 1989–1991, while in post-Soviet Russia there is not a single case of the opposition peacefully rising to power. As with any empire decay, new national identities and mythologies used by politicians in the struggle against the center became the mainstream in the periphery. The system could not survive within growing economic difficulties.

The main problem that remained after the collapse of the USSR was exactly the same imperial structure of the new Russia. The Russian Empire, the Soviet Union, and the Russian Federation consisted and still consist of a metropolis with poorly defined borders, settlement colonies in Siberia and the Far East, where representatives of the titular nation constitute the majority of the population, and territories of the North Caucasus militarily annexed in the relatively recent past, with a minimal Russian population[20]. Unlike Britain or France, which lost their colonies, and even unlike Turkey and Austria, which reduced territorially at the beginning of the XX century, Russia did not turn into a national state, but remained a miniature empire – with the entire spectrum of post-imperial complexes at the same time. To put it differently, the problematic nature of the collapse of the USSR is in the fact that it forced the population to endure all the hardships

[19] *N. Ferguson* The War of the World: History's Age of Hatred, London: Allen Lane, 2006.

[20] For more details see: *A. Abalov, V. Inozemtsev.* An Endless Empire: Russia in Search for Itself. M.: Alpina Publishers, 2021.

and complexes of the empire disintegration, but at the same time it did not bring the liberation of the metropolis from the former colonies and the rethinking itself as a modern national state.

3. Adoption of the changes has happened quite successfully in the *social and economic aspect*, but not in the *geopolitical* one. Today, the majority of Russian citizens have adapted to the realities of the market economy, accustomed to new social relations, and feel good in the open world. I think this is confirmed by the fact that in the last quarter of a century serious protests in Russian society have never been generated by systemic *economic* problems, unlike in Western European countries with a powerful movement of citizens precisely for economic rights. As for politics and mythology, the success is much less here: imperial complexes and the concepts of "nationhood" and "autarchy" are deeply entrenched in Russia. Both points are understandable: indeed, "imperialism" existed in the country for several centuries, and the planned economy existed for about 70 years.

However, I do not see a "second chance" for the socialist idea implementation. In the modern world, the political left do not reflect the interests of a worker, but of any minority (the poor, migrants, representatives of ethnic and religious communities). Their goals are not giving people back what was taken from them, but to give them what is due to them based on abstract concepts of human rights. Such an ideology is acceptable in societies with an extremely high level of material well-being, and the majority of the population is brought up to feel guilt towards the rest of mankind. Nothing of the kind is available in Russia now, and it is difficult to imagine it. Revival of the same leftist idea in the repartition categories of the XIX century is now so out of date that I would definitely not wait for it.

A new multinational association prospects also look more or less illusory. One can see today that relatively successful associations of this kind are formed either by culturally and historically former metropolis areas close to each other (like the European Union, which largely helped the imperial centers to survive the post-imperial syndrome), or by the countries that fought against empires (Latin American Mercosur) or didn't belonging to imperial nations (Asian ASEAN). The world does not know examples of integration of a former metropolis and its colonies. This is quite explainable, as the identity of the new states is based on the *opposition* to the former metropolis. An additional factor is proportions of Russia itself, that for objective reasons cannot build relations with the former Soviet republics as with equals. Finally, from economic viewpoint, integration requires countries which convergence can generate economy of scale, but in the post-Soviet area "adding" other countries to Russia, constituting not more than 15% of its own economy, is unable to bring any synergy. Therefore, even without talking of the Kremlin's tactical inability to implement the integration scenario, I think no serious objective basis is available for it.

The main problem of today's post-Soviet countries is their inability to go beyond the Soviet achievements and the desire to constantly correlate themselves with the ideal locating *in the past*, not in the *future*. Dynamism of the Soviet Union, like the dynamism of any country that was implementing a *revolutionary* development strategy, was based on the rejection of tradition and the maintenance of dominance of the future over the past. In modern Russia, this almost universal success strategy, tested in dozens of countries, has been clean forgotten.

V.P. MAKARENKO From nostalgia for the USSR – to understanding of Soviet society.

1. It is feasible to consider fluctuation of political and economic courses in the history of the USSR/post-Soviet Russia as a consequence of dictatorial, authoritarian, ideological and authority-managerial aberrations of the country's leadership, its dependence on the political conjuncture, including on the measure of political and institutional high-handedness in each specific decision. All these parameters are easy to identify applying the methods and concepts of theories of international relations, comparative history and political conceptology to the study of the Russian political history.

Post-communism theory began to shape after a round table of government and "Solidarity" in Poland in 1989. At the beginning of 1990 already, the initial block of ideas for the post-communist institutionalization policy was formulated. It consists of three horizons:

— "long time periods", defining the complex of challenges faced by the USSR and other countries of Eastern Europe after the communist corset shedding;

— the Soviet-communist formation legacy, analyzed from the point of view of dependence on the path of development, influencing the post-communist institutionalization processes in each country;

— the growth of self-organization processes – the emergence of a multitude of actors engaged in creation of the current post-communist order, associated with the division of resources forming the basis of the current structural power in each country.

The post-communist institutionalization policy depends on a sober accounting of all the constraints that have arisen within the said three horizons. Therefore, it is inappropriate to single out 1991 individually as a special temporal caesura.

A proposal to consider the events of the last 30 years in the context of the universal process of the disintegration of empires (Ottoman, Austro-Hungarian, British, German empires) during the XIX–XX centuries can be a fragment of the theory of post-communism. Since it is not yet clear how to measure the effect of this process on all aspects of social life (including political imagination of current and potential politicians), it is possible to apply the political context theory as a substitute.

It is also necessary to talk about a special emotional background accompanying the processes of the empires collapse – from Homeric laughter to various ressentiments. The list of questions proposed by the editors itself evidences that a feeling of sadness over the collapse of the USSR, especially over the Soviet version of "socialism," penetrated into sociology as well. But why not be glad that the USSR collapsed not due to the military defeat of the country, but under the influence of less destructive factors, instead of feeling sad over the collapse of the USSR?

4. Domestic sociology could not play a significant role in the development and comprehension of the events of the early 1991, since the legitimate opposition and stable mass movements traditions have not yet developed in the USSR and post-Soviet Russia, which provide for formation of various traditions of citizens' political identity. The time of such traditions formation cannot be determined. Russia needs diversification of the entire range of humanities based on the prospects for the complication of the social and professional structure and formation of research needs in each cell of it, free from influence of moneybags, government orders and market conditions. It is necessary to cultivate and publicly represent critical attitude to any government initiatives, implementation of which does not make it possible to leave the state of permanent internal and external political crises.

It is important to pay attention to the terminology used to discuss the events of the turn of the 1980s – 1990s. In particular, the frequently used term "collapse" has a hidden focus on finding the culprit, which means when this term is used in sociological mode, we immediately get into the circle of engaged publicism. Meanwhile, when discussing the problem "Where is Russia moving to?" at seminars by T.I. Zaslavskaya in the 1990s, the term "disintegration" was used, referring rather to natural processes, and not to the political qualification of the ongoing processes.

Long-term concentrated efforts are required to obtain truly scientific knowledge about the processes of the empires collapse, including the USSR. At the same time, it is necessary to bypass the conscious policy of nostalgia for the USSR imposed by the present propaganda machine.

V.V. DAMIE The collapse of the Soviet Union is winding up of the "USSR Concern"

1, 2. Analysis of what happened to the Soviet Union is closely related to understanding the very Soviet society nature.

It was assessed already in the 1920–1940s as "state capitalism", where the party, state and technical bureaucracy plays the role of the bourgeoisie of the "normal" capitalism. In the Soviet variant, only a concentrated manifestation of the global trend towards a more "organized"

capitalism was seen[21]. At the same time, some authors, both then and later, associated the establishment of such a model with the ruling elites needs for an accelerated and consolidated industrial-capitalist modernization[22]. Soviet science also raised the question of the forced industrialization effects in the USSR, during the perestroika period[23]. However, to understand the development trends and features of the Soviet society functioning, the approaches that were formulated within the framework of the theories of state capitalism and forced modernization, need one more element – the concept of an unspoken social compromise as a special form of the Soviet social state[24].

The author of these lines has previously tried to summarize and synthesize these approaches[25]. Analogies are allowable between the Soviet model and a large capitalist corporation principles of organization and functioning. The tasks of the "USSR Corporation" consisted in the forced destruction of traditional social structures, creation of the foundations and further development of an industrial society with industrialization characteristic of it, colonization of village, urbanization, dissemination of knowledge necessary to perform industrial work, etc. Acceleration of the process presupposed the extreme concentration of economic and political power, as well as the extreme brutality of compulsory measures. In spite of tough protectionism, the "Corporation" actively entered the external market, participated in the world capitalist division of labour and fought with competitors for a place in the capitalist world system. At the same time, the economy was based on the hired labour of urban and countryside workers for the concern-state.

Thus, the USSR is a society where pre-capitalist, early capitalist and developed capitalist elements were whimsically mixed. The ruling stratum/class, determining the policy, directed the economy and distributed the obtained profits, was constituted by "managers" of this Corporation – party, government, production officials, the repressive apparatus officers, etc.

However, the implementation of internal tasks (ensuring economic growth for obtaining profit and privileges) and external tasks (achievement of victory over competitors in the world system) encountered growing contradictions and conflicts within the USSR. Forced growth presupposed the preservation of the ruling class unity, readiness to sacrifice private and group interests for the betterment of the Corporation as a whole, on the one hand, and constant increase in the profits volume and size, and, consequently, production tasks and norms, on the other hand. But the further, the more problems grew, both "from the top" and "from the bottom".

Managerial bureaucracy class constantly tended to form internal interest groups (both departmental and territorial). These phenomena had to be fought by repressions and "shaking up" of staff, until bureaucratic groupings achieved a certain stability in their position ("stagnation") after the victory of the "middle level of the elite of functionaries" in the late 1950s and cancellation of "voluntarism" of N.S. Khrushchev. At the same time, constant ballooning of production standards and the resulting exploitation of hired labor in the early 1960s encountered rigid boundaries. After a series of riots, workers' strikes and uprisings (not only in Novocherkassk in 1962), the "USSR Concern" leadership was forced to agree to a secret and unofficial "social compromise" with the workers, henceforth refraining from rigorous increases of production standards, as well as to agree to general increase of wages, active subsidizing of prices for food, communal services, etc. Significant expansion of social policy in the form of a specific version of the "social state" occurred.

---

[21] *R. Rocker* Die Rationalisierung der Wirtschaft und die Arbeiterklasse. Berlin: Der Syndikalist, 1927; *Voline V.* Fascisme rouge // Ce qu`il faut dire. 1934. No.2. Juillet et al.

[22] *Harper J.* (Pannekoek A.) Lenin als Philosoph. Amsterdam: Gruppe Internationaler Kommunisten in Holland, 1938; *Marcuse H.* Soviet Marxism: A Critical Analysis. New York: Columbia University Press, 1958; *Kurz R.* Der Kollaps der Modernisierung. Frankfurt a.M.: Eichborn Verlag, 1991; *Rubel M.* La Perestroïka ou la nostalgie du capitalisme // Economies et Sociétés – Cahiers ISMEA. 1991. T.25. No. 6–7. Juin – juillet. P. 17–60; and others

[23] See, for example: *Simonia N.A.* What we have built. M.: Progress, 1991

[24] Das Ende des sowjetischen Entwicklungsmodells. Berlin; Göttingen: Schwarze Risse; Rote Strasse, 1992; *Cook L.J.* The Soviet Social Contract and Why It Failed. Cambridge: Harvard University Press, 1993.

[25] *V.V. Damie* The Steel Age: the social history of Soviet society. M.: LIBROKOM, 2013.

The further, the more the inability of the bureaucratic administration mechanism to fulfill the tasks set since the 1960s by the third industrial revolution became apparent. Consequently, the Soviet model crisis began to increase. Competitiveness in the world market was rapidly reducing: the Soviet Union in the 1970s – 1980s turned from the exporter of equipment into the exporter of raw materials, primarily fuel. The production and labor productivity growth rates failed to keep pace with the wages growth more and more, and then began to decline. The situation was aggravated by enormous military expenses to maintain and expand positions during the competitive struggle in the world system. In other words, the forcing methods were no longer efficient, and the modernization project was in a deep crisis. The drop of world oil prices in the early 1980s put the lid on.

The new administration headed by M.S. Gorbachev tried to find a way out by saving costs (including the reform of pricing) and intensifying labour, that is, increasing its exploitation level ("acceleration"). The expansion of the market mechanisms was also supposed to strengthen the power and economic opportunities of the directors' corps and departmental elites, and decentralization was supposed to increase the powers of regional nomenklatura groups.

However, the perestroika policy failed. The workers answered to the intensification and price reforms with a powerful wave of strikes. New social movements (ecological, quarterly, workers', etc.) with a strong self-governmental potential started to emerge and spread. In turn, a growing desire to change the methods of management and economic exploitation was within the ruling class itself. A Soviet official-manager could pander to the limitations of his private accumulation of property as long as he could count on an increase in income from the total growth of the economy, but not within a deepening recession. The ruling class partly started develop the plans for termination of the "social compromise" and the division of the single property of the "USSR Concern" in the name of "transition to the market." The "democratic" faction of the elite of functionaries that adopted this course, entered a coalition with the nationalist movements in the republics and simultaneously tried to "tame" and use the new social movements activists. Ultimately, this line prevailed: in 1991, the "USSR Concern" was wound up, and its property was divided between bureaucratic and oligarchic groups.

It is difficult to assess the results of these events unambiguously after as much as 30 years. The working people gained more access to consumer goods, but the hopes for emergence of a developed social state completely failed. The countries of the former Soviet Union went through massive impoverishment in the 1990s and rolled down to the semi-periphery or even the periphery of the world system, and the level of social stratification topped all records. Capitalism is of a distinctly oligarchic character in almost all of the former Soviet republics. Moreover, at present we face a progressive dismantling of the last available social services in healthcare and education, retirement age increase, etc. The failure of the social movements of 1980s to implement another (self-governing) alternative, made such development in many respects inevitable. Possible socialistic perspectives in the future are connected only with the self-government alternative

A. YA. DEGTYAREV[26] Indigenization of staff is the root cause of the USSR collapse

2. Thousands of publications are dedicated to the main geopolitical cataclysm of recent decades – disintegration of the USSR. But only a small number of works (V.A. Tishkov, B.N. Mironov, R.G. Pikhoya, Yu.L. Slezkin and some others[27]) investigated the underlying causes of this collapse. It is a case of ethnic-political aspects, formation of national elites in the union republics and, most importantly, the results of the policy of so-called indigenization.

Indigenization was the practical implementation of the internationalism principle, which is the cornerstone of the communist ideology during the entire Soviet period. The ideas of the policy proclaimed by the Bolsheviks gave abundant and very positive shoots for the Union republics

[26] In 1991 – head of the CPSU Central Committee ideological department.

[27] See, for example: *B.N. Mironov* From indigenization to sovereignization: how the disintegration of the USSR was prepared // Russian history. 2021. No. 6 (preparing for publication).

peoples after several decades. Formation of republican elites lead not only to their predominance in power and power structures (except the army), but also to changes in basic economic spheres. By the time of the USSR collapse, the overwhelming majority of the union republics transferred the economic power also to the hands of national elites. The proportion of native-born leaders in the industrial sectors of the national economy was 60–70%, reaching in some cases more than 90% (for example, in Armenia). The metropolis, providing the growing indigenization of governance in the republics, generously spent funds on national personnel training, confirming the thesis appeared in recent studies (V.A. Tishkov and others) that Soviet Russia was "an inverted empire", "an empire of positive action", "a breeding ground for new national states."

Rapid decay of the USSR that stupefied the world is impossible to understand without awareness about the processes that took place within the political core of the state – within the CPSU and especially its higher stratum, the Central Committee and the Politburo. From 1917 to 1991 1,931 people were the members and member candidates of the CPSU Central Committee. For some time it was a very conservative community. Its noticeable expansion, combined with an active derussification of its members took place only at the last two "Gorbachev's" congresses in the party's history in 1986 and 1990.

The Central Committee members belonged to different historical periods. In the 1930–1950s the Central Committee was dominated by people who matured in socialist construction and participants of the Great Patriotic War. The establishment of the so-called functionaries elite principle in the party's life refers to this very period. It is evaluated differently, but it is difficult to deny that for several decades it has ensured the stability of the political system, since the core around which it was built was the ideological dedication of the staff included in the top party functionaries elite. But the next generation of leaders that grew up in stable post-war conditions, made successful careers in 1960–1970, were no longer distinguished by the rigid ideology unlike their predecessors. The functionaries elite principle was also negatively changed, losing its former severity in staff selection to highest power echelons.

Large scale internal changes were performed in the republican party organizations. By the beginning of the 1960s, as B.N. Mironov showed, titular ethnic groups prevailed in the republican party organizations and, most importantly, as their senior executives. The same was found in law enforcement structures and the judicial system. By the end of the 1980s squeezing of Russians out of all power structures in the union republics was completed. Moreover, the derussification of the administrative apparatus in a number of republics during perestroika began to obtain on a Russia-hating hue.

Derussification of the state political core expectedly led to a decrease and weakening of the influence of the state-forming people on the situation in the country. National elites formed the vanguard of the struggle for complete sovereignty of their republics. The consequences of this process have not been overcome in the Russian Federation to the present day.

The XXVIII Congress in July 1990 elected a new Central Committee team, renewed by 4/5, which meant a breaking the continuity of the highest party structure activities. It included a lot of people who were active, but had no sufficient political and life experience, or even directly hostile to the ideas of socialism (such as, for example, the playwright A.I. Gelman, who announced his withdrawal from the CPSU in a month and a half already). The Political Bureau members composition evidences that indigenization reached its highest political expression: 21 Political Bureau members represented the national republics, and the share of Russians was less than a third. At the same time, 27 of 29 Political Bureau members entered the party's supreme body for the first time, only M. Gorbachev and V. Ivashko had come to it earlier. No surprise, the supreme power body designed in such an artificial way, appeared incapacitated and at the critical moment of the superpower crash did not even get together to discuss the events. The Central Committee was the supreme authority in August 1991 during the State Committee of the State of Emergency, not bothering to convene the Central Committee plenum and having managed to develop a statement about what was happening only by the end of the third day of the national crisis.

The role and significance of M.S. Gorbachev and the inner circle of his associates in the organization of tectonic processes that destroyed the USSR is an important issue. All the researchers here encounter the eternal question of the personality role in history. Enormous number of people, including many sociologists, historians, political scientists, etc., are sincerely convinced that several people who had supreme power deliberately destroyed the state. In our opinion, the improvisational actions of M.S. Gorbachev, who became the USSR leader in March 1985 actually due to a behind-the-scenes deal of the top party leaders, played the role of an *accelerator for the Soviet Union collapse process, but not its main reason*.

Due to transformational change, the country quickly came to a tragic contradiction, which, in complete accordance with the laws of dialectics, required resolution. Due to the indigenization policy, the superpower was brought to the verge, beyond which an avalanche-like sovereignization began, taking hold of all full members of the Union. An attempt to stop the process by confederation creation in such settings was, of course, doomed to failure in any case. The State Committee of the State of Emergency coup only saved the country from prolonged fatal convulsions in case of confederative relations formalization, to which only half of the union republics agreed. Death was painful but quick.

The USSR collapse was essentially not a whim of capricious and willful rulers, but the result of deep and still very insufficiently studied processes that accumulated the potential over the decades, which caused a chain reaction. The political component accelerated this process, which in a different distribution of political forces (for example, in the case of G.V. Romanov's coming to power), could be postponed for some time. But the "graphite bars" that absorbed the excess of national ambitions were misguidedly removed from the union's "reactor" during the poorly conceived "perestroika". The result is always unexpected in such cases. And it happened so. "Capitalism with a beast grin" was established in Russia instead of "socialism with a human face".

V.K. LEVASHOV The USSR collapse is a national catastrophe caused by neoliberal radicalism

1. It is necessary to leave the tradition of total smearing Russian empire, Soviet and Russian Federation history, to restore the continuity of the socio-political relation of times and the historical process continuity. In the XX–XXI centuries all the political leaders of the country were consistently subjected to devastating criticism – Nicholas II, V.I. Lenin, I.V. Stalin, N.S. Khrushchev, L.I. Brezhnev, M.S. Gorbachev and B.N. Yeltsin. For each of these leaders large-scale campaigns were performed in the world and domestic media. The aim of the unfounded propaganda campaigns, which took the shape of a hybrid war after announcement of the sanctions, is to create a moral and political inferiority complex in Russian civil society, spread a mood of uncertainty in the future, mistrust of the authorities and the Russian state.

Most of the researchers are inclined to believe that the fate of the USSR was never predetermined since the moment of its formation, and that in its heroic and tragic reality it was not in the least a mistake of history. Opinions more often tend to a fatal coincidence of circumstances, mistakes and incompetence of politicians. Experience and results of the economic development of China and other countries, including the Russian Federation, show that the market reforms and the market model of socialism success depends on an active creative role and the activity of the state to create relations based on labour motivation of citizens in society, and not on the establishment of a financial, speculative and criminal capital dictatorship. No state can withstand the destructive potential of mistakenly understood ideals and practices of freedom as anarchy and force of nature, no matter what bright slogans populist politicians would show ("take as much sovereignty as you can", "the market and reforms are more important than preserving the USSR"). "Democracy and freedom" as the most demanded slogan among demagogues and manipulators begins to function stronger than dynamite during the reforms, destroying the society and the state political culture.

In our country, E.T. Gaidar and his government failed to completely solve any of the constructive institutional tasks of market reforms and build an economy breaking through into a

sustainable future for everyone. After breaking the system of the planned economy, they were unable to provide the new economic model launch, having made a number of serious systemic mistakes. In particular, the cost of economic reforms proved to be exceedingly high: in the 1990s there was a significant decrease of population living standards, the production decline intensified, the scientific and technical potential of the country was actively destroyed, and the processes of de-industrialization of the economy started.

Systemic miscounts of the Gaidar-Yeltsin neoliberal reforms slowed down the state and society development for many years and have not been overcome to the present day. They do not allow effective response to sanctions, challenges and threats of the modern Western world and were the reasons for all the subsequent political and economic crises.

However, neither time nor propaganda was able to destroy the social and cultural core of the Russian empire/ Soviet/ Russian Federation civilization, where after the disturbance the social and political guards for the security of statehood were triggered. Humanistic ideals and values, under the symbol of which almost the entire XX century passed in the Soviet Union and in the world, have become demanded and are slowly being established in our society during the last 20 years. It is obvious that Russian society and state are today in the process of working on the mistakes made by radicals and extremists that resulted in the tragic geopolitical catastrophe of the Soviet Union, which affected the destiny of each of us and many peoples. It is important not to deceive oneself with the new architects and foremen of the future, who are constantly building plywood decorations to hide the ruins of their mistakes.

I.F. KONONOV And yet – a catastrophe!

1. I regard the events of 1991 as a social catastrophe – a chain of events leading to a very rapid destruction of the social system and the political system, with the following decrease in the level of development of the new social formations that emerged. Another connotation of this term is the possibility, but not the inevitability of this events chain.

The catastrophe prerequisite was the increase of crisis phenomena within different areas of life in the USSR. The economic situation deteriorated since the mid-1970s, resulting in a prolonged crisis, which at the beginning of perestroika was attempted to overcome by the "acceleration" policy[28]. In particular, the rupture in labor productivity with developed countries was growing: if in machines manufacturing the ratio of labor productivity compared to the United States was 46.1%, in the coal industry – 11.1%, and in the iron ore sector – just 8.6%[29].

The economic crisis in the USSR developed in the setting of the downward phase of one of the waves of the Kondratyev's economic conjuncture[30]. In decreasing phases, investments are largely directed to the types of economic activities leading to transformation of the economy technological basis. But unfortunately, there was no mechanism for solving this problem during this period in the USSR. A threat emerged that the USSR would not fit into the new technological mode at all and become militarily vulnerable. The latter circumstance, apparently, worried the leadership of the Soviet Union very much, forcing them to drag into the arms race, because of which defense expenditures amounted to 20–30% of GDP[31]. Simultaneously, they began to notice market mechanisms, and the market soon began to be perceived as a panacea. Socialism was increasingly turning into a ritual phrase for the administrative elite of the USSR, to cover its process of becoming bourgeois.

Of course, the USSR catastrophe cannot be explained merely by the economic crisis. Our country had large natural, economic and human resources making it possible to find a way out

---

[28] *G.I. Khanin* Economic history of Russia in contemporary times. T. 1. Economy of the USSR at the end of the 30s – 1987. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University, 2008. Pp. 396–397.

[29] Id. p.439.

[30] *V.N. Kostyuk*, Kondratyev's long waves and the theory of long-term economic growth // Social sciences and modern times. 2002. No. 6. p. 96.

[31] *G.I. Khanin* Economic history of Russia in contemporary times. V.2. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University, 2010. p. 9.

of this. Let us say, the economy of the USSR until the end of its life remained the second or third economy in the world, and in terms of human development indicators our country ranked among the thirty most developed countries. But these resources were not used because of a deep management crisis.

The social structure development processes stood behind the management crisis. By the 1980s, the party and state functionaries elite became reserved in a kind of caste where corporate interests dominated. Malignant social formations arose that united party officers, shadow economy operator and trade networks. Among people, its alienation from decision making was realized both at the country level and at the level of a specific enterprise, so the workers had no strong incentives for the development of the economy either.

In such conditions communism, as an officially proclaimed goal of social development, lost its real ideological energy. The perception of the West as an embodiment of utopia became characteristic both for elite groups and for significant groups of the people. This utopia performed a manipulative function in the process of former functionaries elite adaptation to the new reality. The functionaries elite members capitalized their power positions using the seemingly extremely dangerous anti-bureaucratic moods of the end of perestroika. Public property was eviscerated to the accompaniment of curses on communism. The functionaries elite began to differentiate into competing political and economic clientele groups. At first, this happened along the "center – republic" line, ending with the collapse of the USSR. After that the internal clientele groups started the struggle for dominance in the former Soviet republics.

I think the main role in preparing the crash of socialism belongs to the internal reasons. No external factors could have changed the social system in our great country of that time without them.

The consequences of the USSR catastrophe from a macrosociological point of view are mostly negative. On the ruins of socialism, a social system has developed, which I have long called "mulk (slang "doodad") capitalism[32]." This oxymorone phrase is based on the term of the famous Arab thinker of the XIV–XV centuries, Ibn Khaldun,– "mulk" meaning "power-property". Of course, this does not meant we had a direct and complete return to the forms of social relations as in the medieval Islamic world, but there is a qualitative similarity.

Ukraine can be considered a classic country of "mulk capitalism"[33]. The main political and economic process in our country is constant exchange of power and property. The dominating class is divided into clientele groups; its structuring was performed predominantly on a regional basis. Clientele groups struggle for access to economic and political resources, the main operator of which is the presidential power. Therefore, the president elections have become extremely conflict-generating, like a rehearsal of a civil war. The winning clientele group redirects the administrative rent as per their interests, redistributing property as much as possible. Contradictions within the elite are pushing its different factions to use external reserves, which turned out into external dependence and, in fact, external management. The concept of neo-patrimonialism discussed today concerns the political practices of mulk capitalism[34].

The collapse of the USSR also had large scale international consequences. The alternative center of world development was terminated, the world capitalist system grew global. The pressure of buyers of labour force on its carriers increased throughout the world, that is, pressure of capitalists to people of labor and culture. A layer of the transnational bourgeoisie appeared, which now decisively influences the world processes. Loss of an alternative variant

---

[32] *I.F. Kononov* Adaptations and adaptive strategies of behavior of urban residents of Lugansk region during the social crisis. (According to the results of the study of mass consciousness) // Sociology: theory, methods, marketing. 1999. № 2. p. 70–88.

[33] *I.F. Kononov* The nature of the social system in Ukraine // Ukrainian society in search of answers to modern challenges: worldview. Materials of the All-Ukrainian scientific-theoretical conference June 18–19, 2020. Odessa: Phoenix, 2020. p.73–76.

[34] *A.A. Fisun* Democracy, neo-patrimonialism and global transformations. Kharkiv: Konstanta, 2006.

of social development led to the fact that the search for overcoming global problems, the development of harmonious social structure forms, were marginalized.

Of course, no society is unambiguous. For example, the current social structure of the former Soviet republics does not experience a commodity deficit. Even the military actions in Donbass did not significantly affect the functions of the Ukrainian commodity market. However, the market as a social institution in our country is to a great extent destructive. For example, such segment as the labor market actually works for labor migration to the EU countries (inter alia). There was one more aspect of public life that served as the foundation of the social contract between the government and the population – non-interference of the government in private life and the provision of basic conditions for the population welfare. This tacit agreement is now being destroyed by the linguistic, religious and regional policies of the Ukrainian authorities.

2. The research framework for understanding 1991 cannot be set by just one theory in principle, due to multilevel and multidimensional changes in public life. My personal research perspective is set by the world systems analysis, the theory of modernization (including such a type as the theory of the second modern by W. Beck) and the theory of socialism.

The world system analysis allows to look at the USSR from external points – from the world capitalist system positions. Although the internal life of the Soviet Union was built on foundations other than in the Western countries, coexistence with the world of capitalism made our country compete in foreign markets as per capitalistic laws. In terms of economic, military, cultural power, including scientific one, the USSR could claim to enter the core of the world capitalist system. However, its full integration into this system could not happen, which made the system of international relations only *quasi*-stable. Obtaining of advantages by one of the parties could become a prerequisite for general destabilization. The neoliberal turn of the 1980s gave a second breath to capitalism, and the Soviet Union did not find a corresponding answer to this challenge.

Modernization theory allows to look at the Soviet Union as a kind of modern society. Though at huge costs, nevertheless it coped with the task of building an industrial society. Transition to the second modern with a technological foundation requiring substantial personal initiative of a worker, with the weakening of the sovereign functions of states, with their shared sovereignty, with globalization, became an unsurmountable obstacle for the USSR.

The theory of socialism, which should not be rigidly matched with Marxism, makes it possible to understand the Soviet social system nature. In view of social experience of the XX century, socialism can be understood as a type of modern, where the main landmark of public life is the public welfare associated with the interests of the majority of the population. This majority is constituted not only by physically working people, but also the people engaged in science, education, healthcare, and cultural activities. A. Buzgalin and A. Kolganov defined this stratum as "socialiat"[35]. A socialist society will be a society scientifically governed and striving for harmony of public and personal interests, for harmony with the natural environment.

In real societies moving along the path of socialism, these features can manifest themselves to varying extent and in different combinations. From these viewpoints, the social system in the USSR must nevertheless be recognized as socialistic. A form of state socialism was implemented here, which at the initial stages of existence was able to mobilize enormous social energy for solving the problems of modernization, but in the long term it was doomed to erosion.

Prepared by S. Yu. DEMIDENKO, Yu.V. LATOV

Svetlana Yu. DEMIDENKO – researcher; senior lecturer at the State Academic University of the Humanities; executive secretary (demidsu@yandex.ru); Yuri V. LATOV – Doctor of Sociology; principal researcher; scientific editor (latov@mail.ru). Both – Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, "Sociological Research" magazine, Moscow, Russia.

[35] *A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov* Transformation of late capitalism social structure: from the proletariat and bourgeoisie to the precariat and the creative class? // Sociological research. 2019. No. 1. P. 24.

© 2021

K. Kh. MOMDZHYAN

WAS SOVIET SOCIETY SOCIALIST?

Karen Kh. MOMDZHYAN, Dr. Sci. (Phil.), Professor, Head of Chair of Social Philosophy and Philosophy of History, Philosophy Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (karm48@mail.ru).

Abstract. *The article is devoted to the typological characteristics of the Soviet society, which the author considers as a variant of the «Asian mode of production» that emerged in a European country on an industrial rather than agricultural basis. The author takes the view that the governmentalization of the means of production cannot be considered a step towards socialist construction, if it does not lead to the subsequent socialization of these means. A sign of social ownership is the absence of capable people in society who are forced to sell (give up) their labor power to the owners of the means of production, regardless of whether they are represented by individuals, groups of people, or even social institutions in which people perform pre-determined social roles. In the USSR, the author argues, non-parcellular private property emerged over the conditions, objects, and implements of labor, collectively owned by the party and state elite, who used the labor of people deprived of property and the ability to influence economic and social policy. The fact that the bureaucratic elite does not always seek personal enrichment, and some of the workers did not feel themselves the object of exploitation, does not change the typological characteristics of society. The author examines the objective reasons for the collapse of the USSR, which he considers the collapse of the polytarian and not socialist system, which has a historical perspective and can be implemented on a higher level of technology and technology development than now.*

Keywords: *capitalism • socialism • communism • Asian mode of production • politarism*

DOI: 10.31857/S013216250017622-7

This article is a translation of: *Момджян К.Х.* Было ли советское общество социалистическим? // Sotsiologicheskie Issledovaniia. 2021. No 12: 37–45. DOI: 10.31857/S013216250018018-2

The author is not one of the radical critics who consider the Soviet experience absolutely destructive. You should be a very prejudiced person to deny the merits of the builders of the USSR, which managed to prevent the collapse of Russia, create a relatively developed industry, advanced science, an advanced education system, and finally win the most terrible war, which mankind ever knew. Of course, the price paid for all these achievements was extremely high, but this is not a reason to deny the very fact of these advantages of the Soviet society. Nevertheless, I am convinced that the achievements of the USSR should be qualified as successes in state-building, which led to the creation of a powerful regime, which seriously claimed to get a world leadership. But the doctrinal tasks of Bolshevism, as we remember, were not limited to the creation of a strong army, a space industry or a brilliant ballet. They assumed something immeasurably more as the construction of a new society, which should base on justice and principles of freedom, equality and fraternity. We should state a question: has this goal been achieved, and if not, which were the reasons for this failure?

Was the October Revolution historically necessary? Justifying the need for revolutionary transformations in Russia, V.I. Lenin and other ideologists of Bolshevism proceeded from the Marxist doctrine of the historical doom of capitalism, the need to replace it with a socialist form of social structure. The classics of Marxism considered capitalism as an unfair form of social life, but justified its inevitable collapse not by moral considerations, but by the action of objective laws of history.

They were convinced that the rapid development of the productive forces of capitalist society made inefficient and counterproductive production and economic relations based on private property and spontaneous market regulation of commodity production. Marxists believed that a way out of the series of economic, social, political and moral crises generated by this contradiction is possible only on the path of socialist reconstruction of society, involving the elimination of private property and bringing the processes of distribution and exchange in line with the planned social nature of production.

Historical development has proved, however, that the thesis about the exhausted potential of the capitalist system by the turn of the XIX–XX centuries has come to be incorrect. With all due respect to Karl Marx, a number of serious mistakes made by this great theorist should be recognized.

At the same time, the author, as a specialist in social philosophy, has no intentions to discard many concepts of the "materialistic understanding of history", considering them solid heuristic hypotheses. Rejecting the absolutization of these concepts, we can still respect them: the idea of the limited functions of project consciousness in the objective nature of people's activities; the idea of the subordination connection between its practical and spiritual forms; the idea of the functional priority of material production, which creates life-supporting products of "first necessity"; finally, the idea of the infrastructural role of the economy as a system of distributive processes and relations underlying the social infrastructure of society (stratification of society and shaping social groups) and influencing the political and moral orders of public life.

The author does not question the existence of economic classes, which play a different role in an organization of social production and have different attitudes to the conditions and means of labor. There is no doubt that classes have divergent economic and political interests in history, this gives their relations the character of conflict interaction, capable of turning into antagonistic opposition if we are talking about "sick" societies, which have exhausted their resources (however, history has known cases of "artificial antagonisms", which were the subjective result of unwise politics).

The mistakes made by Marx concern not so much the socio-philosophical or general sociological problems, as the problems of historical typology, which includes the question of the essence of capitalism and the historical prospects of its existence. Karl Marx mistook the birth pangs of "civilized capitalism" for the agony of this system. He clearly underestimated the historical possibilities of the bourgeois class, absolutizing short-term trends in the development of European capitalism associated with the "rentier economy", which is characterized by the massive refusal of the bourgeoisie from direct participation in the production process, the transfer of organizational functions to hired managers. It seemed to Marx that the entrepreneur class, which had once changed the face of Europe for the better, had already lost its creative power, its managerial role, having turned into a "parasite class", which "the necessity to be laboring has left."

On the other hand, Marx clearly overestimated the revolutionary potencies of the "working class". History has radically changed the appearance of this class, which is primarily due to the dispersion of production and economic relations, their going beyond material production (where they originally arose) and penetration into the spheres of organizational, social and spiritual activity, where the class-forming relationship "owner-employee" was previously absent or had a rudimentary character. People who sell their labor to the owners of the means of production have not disappeared from history. However, the nature of their work has changed qualitatively, which has broken the previously existing dependence between the lack of their own means of production and a need to sell their labor and poverty.

In a word, capitalism has not only been saved in the modern history, but also revealed almost a century of rapid development, which gave rise to the illusion of its eternity, identical to the "end of history". We realize the erroneous nature of these hopes only now, when humanity has once again entered the era of non-guaranteed outcomes of social processes, the bifurcation phase associated with the change of established models of social functioning.

The mainstream of historiography of the twentieth century convinces that the October Revolution in Russia was not predetermined by the objective logic of historical development, this revolution was in many ways a result of a large-scale fluctuation, which significantly influenced its course.

Although history does not tolerate subjunctive moods, it is difficult to doubt that theoretically Russia could exist and develop within the framework of the capitalist paradigm, to which it returned at the end of the XX century. This does not mean, of course, that there were no objective reasons for the "October revolution", which was entirely generated by the "evil will" of the Bolsheviks and this is explained by their love of power or selfish motives. The leaders of Bolshevism quite sincerely considered themselves "agents of world history", realizing the objective goal of the communist transformation of mankind.

However, the subsequent course of events showed the fallacy of these hopes. And it's not just that "decaying capitalism" has survived. The fact is that the society created by the Bolsheviks was hardly socialist, qualitatively different from the previous "antagonistic formations". In order to argue this judgment, we must understand exactly what type of social structure can be considered as socialist one.

What should be called socialism? There are two interpretations of socialism as a form of social structure. In one case, experts talk about socialism, referring to the social system, which developed mainly in the countries of the Northern Europe ("Scandinavian socialism"). We are talking about a society, which experiencing still the market economy, this is systemically important for capitalism, basing on private property and focusing on the production of goods. At the same time, these foundations of capitalism are combined with the state policy of social partnership, which is based on the redistribution of benefits and powers, designed to dampen socio-economic contradictions, avoid destructive distortions in the lifestyle of entrepreneurs and workers, young and old, men and women, etc. It is clear that such an understanding of socialism did not correspond to the realities of the USSR and was not accepted by its creators, which refused to consider the "Scandinavian model" socialist, naming this a social-democratic version of capitalism.

According to the "Marxist-Leninist" interpretation of socialism adopted in the USSR, this social system is based not on the redistribution of public goods, but on a special method of their production based on public ownership of the means of this production. In a socialist society, as F. Engels wrote a century and a half ago, "the mighty productive forces … should work only for the common welfare of all as their common property" [Engels, 1961: 199].

Creating a model of the future socialist society, K. Marx and F. Engels proceeded from the fact that the social ownership of the means of production characteristic for this existed already at the early stages of human history, forming the primary social formation as "primitive communism". The consequence of public ownership was a distribution system based initially on "collapsible relations", when each member of the collective (tribe), on the basis of his belonging to it, had the right to a share of the public product.

We should say, that there is in the modern social science the question of the existence of primitive communism the subject of controversy till now. Some authoritative scholars do not ignore a possibility that "the hierarchy and dominance so characteristic for prehuman herds was never interrupted and that there was no intermediate period of primitive communalism" [Gellner, 1992:50]. Other researchers doubt the fact of public property in early primitive societies. So, the famous British ethnographer I. Shapera insisted that the food and water necessary for life were private property of the Bushmen, belonging to the person who obtained them. A. Radcliffe-Brown also insisted on the existence of private property, the object of which was, first of all, food.

Without interfering with the professional problems of ethnography, the author would like to recall the difference between ownership of means of production and ownership of items of individual non-productive consumption. This distinction is of fundamental importance for social theory. Only the first form of ownership, represented by production and economic relations, acts as an initial factor of class formation, which is important for the typological characteristics of society. The ownership of consumer goods creates only property relations between people, dividing them not into classes, but into economic strata of relatively "rich" and relatively "poor". This division can not be the basis of the scientific typology of societies, since it is present everywhere (with the possible exception of early primitive societies).

Considering the above, I would like to remind you of the once accepted distinction between institutions of "private" and "personal" property. Some experts consider this distinction to be a "fabrication" of the Soviet political economy, but the author does not think so. The object of private property, which has typological significance for social science, can be real and symbolic objects (in slave-owning societies, also people) used in the process of social production as a component of productive forces. Therefore, it is hardly necessary to call "private" ownership of items of individual non-productive consumption, which makes it possible to dispose of food, water or clothing. With this understanding the category of "private property" loses its economic and sociological meaning, denoting an eternal and unchangeable condition of any and all social life, excluding the possibility of its scientific typology.

I will add to what has been said that even ethnographers which call the ownership of food or water "private" admit that in the uncivilized societies they study, "everyone who has food is expected to give to those who do not have it." "The result of this custom," writes I. Shapera, "is that practically all the food produced is equally distributed throughout the camp," therefore, the social life of primitive tribes "approaches a kind of communism" (cit. by: [Semenov, 1992: 32]).

Let us return, however, to the phenomenon of socialism in its post-primitive understanding. No one will argue with the fact that the thinkers who reasoned about this type of social structure considered its economic basis to be public ownership of means of production, which in no case should be confused with state ownership. It is impossible not to understand that the socialization of means of production is qualitatively different from their nationalization, which became an economic basis of Soviet society. The classics of Marxism have repeatedly and persistently emphasized that the nationalization of means of production does not in itself create socialist relations between people. Such nationalization can only be the first necessary step towards genuine socialization. As F. Engels wrote, "the first act in which the state really goes as a representative of the whole society is taking possession of means of production on behalf of society this is at the same time its last independent act as a state" [Engels, 1961: 225]. At the same time, Engels noted, "recently, since Bismarck rushed to the path of nationalization, a special kind of fake socialism has appeared, … declaring all nationalization socialist… If a state tobacco monopoly is socialism, then Napoleon and Metternich should undoubtedly be listed among the founders of socialism. When the Belgian state, for the most mundane political and financial reasons, undertook the construction of the main railways itself; when Bismarck, without the slightest economic necessity, turned the main Prussian railway lines into state property… all this was by no means a step towards socialism, neither direct nor indirect, nor conscious" [Engels, 1961: 222].

A nationalization of means of production becomes a step to a creation of a socialist system only if this nationalization leads to socialization and to a transformation of state property into public property. Without such a transformation a state property cannot be considered an alternative to private property. The same F. Engels wrote about this problem, who argued that a bourgeois state "whatever its form, is by its very essence a capitalist machine, a state of capitalists, an ideal aggregate capitalist. The more productive forces it takes into its ownership, the more complete will be its transformation into a total capitalist…the workers will remain wage workers, proletarians. Capitalist relations are not destroyed, but, on the contrary, brought to the extreme, to the highest point" [Engels, 1961: 222–223]. These words of Engels are the key to understanding the fundamental difference between public property and any and all forms of private property.

The author believes that public property as a social institution arises only if the people, which are forming society, are in the same relation to key means of production, that is, there are no economic classes in society, which participate in the production process without owning and disposing of its means. On the contrary, private property as a public institution is present as long as people (social groups) are forced to sell (or give) their labor to the owners of means of production, even if these owners are represented not by individuals, but by social groups and even social institutions in which people perform predetermined social roles.

In fact, hardly anyone will argue with the fact that the property of joint-stock companies consisting of hundreds and thousands of co-owners is private property in its non-cellular group form,

since it uses the labor of people, which do not possess a property. Similarly, the state acts as an integrative private owner if the enterprises belonging to it continue to use the hired labor of people who are forced to sell their labor (even if such use takes into account its market value, avoiding unpaid appropriation).

In connection with the above, a question of fundamental importance arises: can it be argued that as a result of the nationalization of the means of production that took place in the USSR, Soviet workers, peasants and the "labor intelligentsia" became genuine, and not nominal, owners of means of production, real owners capable of disposing of objects, tools and products of labor in their economic interests, different from the interests of the party and state bureaucracy?

A sober answer to this question will lead us to understand that state ownership of means of production, which arose in the Soviet Union, was only called public, not being such in reality. At the same time, it is also obvious that state property in the USSR was qualitatively different from the bourgeois type of property. It was the Soviet Union where an economy was created that, taking in regard its most important parameters, as this was not capitalist, market-oriented and profit-maximizing, which, however, does not make it a socialist economy.

On the typological characteristics of Soviet society. Describing the Soviet system, the American historian-sociologist Karl-August Wittfogel, who sharply criticized it, argued: "Attempts to evaluate the phenomenon of communist totalitarianism as collective leadership and autocracy, the economy of power and the economy of consumption, self-reproducing and self-liquidating, will do more harm than good if we rely mainly on the experience of polycentric societies and neglect the only important precedent capable of successful long-term existence of total power: the despotism of the East" [Wittfogel][1]

Accepting this point of view, the author agrees with the opinion that there were in the USSR – a European, not an Asian country, on an industrial, not agricultural basis, many features of the social system, which were recreated, which Karl Marx called the "Asian mode of production", and modern researchers call "politarism" [Semenov, 2008], "state mode of production" [Vasiliev, 2011], etc. The genesis of such an organization Marx associated with natural conditions that determined the special economic role of the state, without which the technical conditions of social production[2] could not be formed, which led to the absence of the usual for Europe forms of private ownership of land.

The concept of the "Asian mode of production", as is known, provoked a number of large-scale discussions that began in the USSR in the 1920s and 1930s and continued in the 1960s and 1970s. Some social scientists categorically denied and denies the real existence of this form of social structure, considering it as a complex synthesis of elements of slavery and feudalism.

Opposing the idea of the "Asian mode of production", many of its opponents are convinced that this theory contradicts the "unshakable" principle of Marxism, according to which the differentiation of property and the classogenesis associated with it necessarily precede the separation of powers, the processes of politogenesis and generate them. Hence, it is concluded that the state cannot act as an autocratic economic force that owns and disposes of means of production without appropriate sanction from the ruling class. It is believed that the state, not being a substantial economic force capable of self-support and self-development, cannot be considered not only as a pre-class institution, but also as an independent class, as many supporters of the idea of the "Asian mode of production" insist (in particular, K. Wittfogel, who argued about "a model of classes in a

---

[1] References to the famous "Oriental despotism" (1957) by K.-A. Wittfogel are given by electronic "samizdat" translation on Russian.

[2] It was primarily about the creation of large-scale irrigation systems necessary in the climatic and geographical conditions of Asia. "The elementary necessity of economical and shared use of water," K. Marx wrote, "imperiously demanded the intervention of the centralizing power of the government. Hence the economic function that all Asian governments were forced to perform, namely the function of organizing public works" [Marx, 1957: 132]. K. Wittfogel insisted on the special role of irrigation in Asian societies, who called these societies "irrigation empires" and talked about "hydraulic despotism". In the Soviet Union, the role of the "irrigation factor" was played by the large-scale activities of the state to industrialize the country and rebuild the foundations of public life.

society whose leaders are the owners of despotic state power and are not private owners and entrepreneurs" [Wittfogel]).

The stated point of view absolutizes one of the ways of political genesis, in which a state really arises as a product of class contradictions and acts as an agent of class influence. But history also demonstrates a different model of political genesis, in which the emergence of a state is associated with the need for power regulation of "common affairs" as solving life-supporting organizational problems of exogenous (defense and conquest) and endogenous for the group properties. The performance of this function creates role and status differences between people that precede class division and in some cases give rise to it.

Proponents of the "Asian mode of production" also keep debates within an own circle, understanding a nature of "Asian mode of production" in different ways. Some of them insist on the absence of private property and economic classes in political societies in their Marxist understanding. The author shares another point of view, according to which state ownership of the decisive means of production is a kind of non-parceled private property, which stays in the collective possession of the bureaucratic apparatus. The latter one forms an independent class that completely dominates society, using methods of non-economic coercion to work, which is exploitation, even when the exploited, as it was in the ecstatic period of the Soviet history, do not realize themselves as such, sacrificing themselves to state interests. A characteristic feature of politarism is that in this society power is not a function of property, but, on the contrary, the economic status of people depends on their place in the system of power. The absence of partial private property in this society does not prevent, but contributes to the worst form of exploitation – the exploitation of a person by the state, which excludes social equality of people, hinders the development of their individual freedom, without which the socialist structure of society is impossible.

Of course, this does not mean that the author does not see qualitative socio-political and cultural differences between the polytarian society in the USSR and "Asian despotism". It is obvious that the ruling strata in many of these despotisms (with some exceptions for Confucian China) were guided mainly by self-serving interests, exploiting the masses for personal prosperity and aggrandizement. The party-state leadership of the USSR (excluding the late stage of the country's existence) could sincerely believe in the ideals of socialism, considering the creation of a powerful state capable of solving the problems of industrialization of the country and ensuring the welfare of its citizens as a condition for their implementation. However, for the tasks of social typology, it is not the faith of people that is important, no matter how sincere it may be, but the real results of their activities, which in the case we are interested in were far from the original intentions.

About the reasons for the failure of the Soviet experiment. The failure of "socialist construction" in the USSR is caused by many circumstances. Some social scientists consider the main one to be the theoretical inconsistency of Marx's social theory, naming it as a variant of an unrealizable eschatological utopia. The author does not consider this approach to be fair. In fact, Karl Marx and leaders of Russian Bolshevism had very different ideas about the very essence of socialism and the conditions of its emergence. These differences are explicated in the position of K. Kautsky, a representative of "classical" Marxism, who did not accept the October Revolution and was declared a renegade in the Soviet Russia. Be that as it may, Marx is not responsible for the social experiments of people who decided to build a "new society" in a war-torn country and were guided by a worldview in which, according to the figurative expression of one of the critics, "20% of Marx opposed to 80% of Stenka Razin."

In fact, the Soviet society stagnated and ceased to exist in 1991 precisely in full accordance with Marx's idea of "bad" industrial relations, which do not create proper incentives to work, thereby hindering the development of the productive forces of society. It was this circumstance that limited the economic efficiency of the Soviet society, which, despite the already noted high mobilization capabilities (especially those that manifested themselves in the first decades of Soviet history), could not provide the proper level of production, which creates the necessary conditions for human life. The total ownership of a state on conditions and means of labor combined with the futile attempts of its equally total planning had become an insurmountable obstacle to the successful economic

development of the country. Alas, the state that liquidated the parcel private property turned out to be a bad entrepreneur in the end, inferior to private entrepreneurs in terms of the amount of initiatives and the effectiveness of their implementation. It is not surprising that the citizens of the richest country in terms of resources, which had high-quality education and ability to work, were forced to crowd in queues for two varieties of wet sausage in their free time from "space launches" and experienced a shortage of housing and even toilet paper.

Economic inefficiency was, of course, not the only reason for the historical failure of the USSR. Genuine socialism could not be built by a state that was guided by the ideology of sociocentrism, which ignored the subjectivity of its citizens, completely subordinating their interests to the arbitrarily understood interests of the country. The party leadership viewed its citizens as the "cellular basis" of society, as "cogs" of the social mechanism, which were obliged to serve the state, sacrificing their personal interests. Effective in the conditions of the military crisis, this ideology could not ensure the long and stable development of society, many citizens of which were taught to live by the orders of their superiors and consider personal initiative a dangerous and punishable action.

Not being an adept of the socialist idea, the author is sure that its supporters are doing it a disservice, calling the collapse of the USSR "a temporary failure of the socialist experiment." The unsuccessful one was not the socialist, but the polytarian system, which pretended to be socialism and demonstrated its incapacity in the conditions of modern history as very different from the conditions of the ancient and medieval East, where polytarian states could exist for millennia. At the same time, the collapse of the USSR by no means negates the theoretical prospects of genuine socialism, associated with the real socialization of the means of production, and not with their nationalization, with the free development of people, and not with state coercion.

Perhaps the idea of so-understood socialism cannot yet be realized in modern conditions at the current level of development of productive forces, in which a market economy based on private property still retains its effectiveness. However, the sprouts of a possible socialist mode of production are already visible. One of the indicators of this perspective is the fact that, there is in the citadel of modern capitalism, as in the modern USA, a growing sector of the economy in which means of production are the collective property of the workers which use them. We are talking about enterprises that are collectively owned by labor collectives, which allows them to make joint decisions that really affect the production process, its economic conditions and social consequences.

It is the ability to make independent decisions, to realize one's economic subjectivity, including to participate independently in the distribution processes, determining the size of the received share of public wealth, that the author considers to be a direct consequence of the ownership of means of production (different from the indirect consequences associated with the process of redistribution of the produced commodities). This type of economy, incorporated into the system of bourgeois production, of course, faces many difficulties and has many limitations. But the very fact of its existence and expansion testifies to the futility of efforts to bring the nature of appropriation in line with the social nature of production.

REFERENCES

Engels F. (1961) The Development of Socialism from Utopia to Science. In: Marx K., Engels F. *Works*. Vol. 19. Moscow: Gospolitizdat: 185–230. (In Russ.)

Gellner E. (1992) Marxist Book of Genesis. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 2: 35–51. (In Russ.)

Marx K. (1957) The British dominion in India. In: Marx K., Engels F. *Works*. Vol. 9. Moscow: Gospolitizdat: 130–136. (In Russ.)

Semyonov Y.I. (1992) On Primitive Communism, Marxism and the Essence of Man. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 3: 31–46. (In Russ.)

Semyonov Y.I. (2008) *Polytarian («Asian») mode of production: essence and place in the history of mankind and Russia*. Moscow: Magic Key. (In Russ.)

Vasiliev L.S. (2011) *Evolution of Society. Types of society and their transformation.* Moscow: KDU. (In Russ.)

Wittfogel K.A. [1957] Oriental Despotism. A comparative study of total power. URL: http://samlib.ru/s/strahow_a_a/wittfogel-oriental-despotism.shtml (accessed 21.10.2021). (In Russ).

© 2021

Yu. V. LATOV

FINAL FALSE START (ABOUT THE CATASTROPHIC REVOLUTION OF 1991)

Yuri V. LATOV, Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Prof., Russian University of Economics. G.V. Plekhanov, Moscow, Russia (latov@mail.ru).

Abstract. *There are two aspects in the events of 1991, each of which can be called both a negative "catastrophe" and a positive "revolution": this is the death of the «socialist experiment» and the collapse of the "imperial" USSR, the latter being a derivative of the former. For an objective understanding of the significance of these events, they must be considered in the context of long-term institutional socio-economic changes (first of all, the evolution from industrial to post-industrial society) and taking into account the modern theories of the sociology of revolutions.* This approach leads to the conclusion that the main content of the events of 1991 is an objectively progressive "anti-nomenclature" (anti-political) revolution that took place "from above" (and therefore very inconsistent). It put an end to the Soviet system, which claimed to present "real socialism", but in fact turned out to be the "second edition" of the so-called Asiatic mode of production, and therefore, despite many "mobilization" achievements, it reached a dead end. Since the ex-Soviet "nomenklatura" was able to largely maintain (and in some aspects even strengthen) its privileged position, this creates a public demand for a new cycle of revolutionary events.

Keywords**:** the death of the USSR • theory of socio-economic systems • "real socialism" • post-industrial society • "Asiatic mode of production" • political society • sociology of revolution

DOI: 10.31857/S013216250017621-6

This article is a translation of: *Латов Ю.В.* Финал фальстарта (о катастрофической революции 1991 г.) // Sotsiologicheskie Issledovaniia. 2021. No 12: 67–77. DOI: 10.31857/S013216250015525-0

Two aspects of the same ruin. There are two aspects to events of 1991, each of which could be determined as a negative "catastrophe" and a positive "revolution". The essence of both of these processes, despite the past 30 years, remains debatable. If liberals consistently welcome both the liquidation of the Soviet system and the collapse of the USSR, then their opponents have a more complex attitude to what was being destroyed 30 years ago. For some persons, the main tragedy is the death of the socialist "experiment", and the collapse of the USSR is only a continuity of it (this position is expressed by Marxists A.V. Buzgalin and A.I. Kolganov in this sense). For others ones, on the contrary, the main thing is the collapse of the USSR, and the rejection of socialism, as the antithesis to capitalist market economy, is naturally inevitable [Toshchenko, 2021; Simonyan, 2021].

The question of whether the disintegration of a large multiethnic state into smaller monoethnic countries is progressive or reactionary, from a scientific point of view, does not deserve discussion. If all other factors are working equal, a large state develops better than a small one: the internal market is wider, there are more opportunities for division of labor, political competition for choosing the best ways of development is harder, and opportunities for interaction between cultures are better. Therefore, if a multiethnic state develops successfully and internal intercultural differences are not great, then centripetal trends prevail over centrifugal ones. An example is modern Great Britain (England, Wales, Scotland and Northern Ireland), which,

even after centuries of assimilation of non-Englishmen, does not differ much in polyethnicity (Englishmen are about 75%) from the late USSR (Russians were 50%).

However, a multiethnic country experiencing a crisis in front of maintaining strong interethnic differences is doomed to be "dragged into national blocks." This was the case in the 1990s not only of the USSR and Yugoslavia, but even the case of the more "calm" Czechoslovakia (and at the beginning of the twentieth century of Austria-Hungary and Turkey). If the dismantling of the Soviet system had caused a rapid economic recovery, as in China during the 1980s after Deng Xiaoping's reforms, then "pulling USSR apart" could have been prevented. But even now there are few prerequisites for such an economic rise. The bloody interethnic conflicts that began already in the last years of "perestroika" show that the rapprochement of nations of the USSR took only the first steps and therefore could not stand in "difficult times[1]".

The main theoretical question, on the solution of which, according to the logic of the formation analysis, an assay of the events of the early 1990s depends, is the definition of the essence of "real socialism". If it was a social system of a highest order, then the termination of the "experiment" deserves condemnation as it can be determined as a regression, even if it led to temporary successes (for the sake of the "chickadee in a hand" they abandoned the "crane in the sky"). And if "real socialism" was not higher, but lower than "real capitalism", then the rejection of the first one is progressive, even if it led to temporary failures (an analogy is the transition from the ancient system to feudalism after the fall of the Western Roman Empire in the fifth century).

The author wants to present a hypothesis explaining the meaning of the events of 1991 as a catastrophic, but still a progressive revolution. This hypothesis must be simultaneously a synthesis of the views expressed in the previous articles in the "Sociological Research" about the meaning of those events, and a polemic with thees ones.

The global "struggle between capitalism and socialism" as a post-industrial shift. First of all, the discussion of the events of 1991 in terms of a confrontation between "capitalism" and "socialism" does not seem quite correct, since the correspondence of these concepts to the realities of the modern era is under big question.

It is rule in the Marxist tradition to call the "capitalism" a social system, which bases on the exploitation of hired workers by the owners of the means of production. However, even if we do not consider the theoretical discussions about the validity of the original Marxian theory of exploitation, the opposition in modern conditions of the owners of the means of production to the owners of labor is questionable. It is enough to recall the theory of human capital, according to which the main resource is not external means of production, but "human qualities" inseparable from the personality (knowledge, skills, motivation, etc.), so that the owners of the main means of production are the employees themselves.

"Socialism" was determined as a social system where two classes (workers and collective farmers) act under the dominance of public property. However, it is difficult to find in the USSR exactly such a biclassicity and public property. Russian sociologists write exactly about the confrontation in Soviet society of "managers" and "subordinate" people [Tikhonova, 2021], which confirms the "dissident" concepts of "nomenclature" as the ruling class (for example, [Voslensky, 2005]). And what was called public property in the USSR is much more correct to call simply state property, since the people had little influence on making decisions on its management, and these decisions themselves did not always had base as objective interests of the people. As a result, even its modern defenders often call "socialism" not a progressive social system,

[1] In this regard, the regrets expressed by R.H. Simonyan about the missed opportunity to sign thr new Union treaty in 1989 [Simonyan, 2021: 68–70] seem to be legal fetishism: the "(not) correctness" of the design of agreements does not prevent them from being ignored in the new alignment of socio-political forces. The draft of the new union treaty, as can be clearly seen from R.H. Simonyan's "included observation", was rather significant as an attempt by the party elite of the national republics to intercept the initiative of non-party nationalists in the defense of "independence". And the interpretation of the root-of-the-leadership cadres as one of the main factors of the collapse of the USSR [Mironov, 2021] only confirms the illusory nature of the "Soviet people", which, it turns out, was held only by the Russian "elder brother".

but a system of strong social policy ("social state"). And when they talk about the save of "socialism" in China (where social protection is still "not very" strong), then in fact they mean only strong centralized governance, monopolized by the Communist Party.

Since the discussion of the "transition from capitalism to socialism and back" is complicated by the vagueness of basic concepts, it is advisable to switch to the conceptual apparatus of the theory of post-industrial society formed in the second half of the twentieth century. Although it has Marxist roots [Latov, 2017], its formation and development can be rightfully regarded as a liberal "response" to the Marxist "challenge".

After all, the main content of the post-industrial shift is the transition from the dominance of the branches of the material sphere to the dominant role of the production of intangible goods (services). K. Marx argued a century and a half ago that industrial capitalism would be replaced by a new social system that would be "on the other side of material production" [Marx, 1962: 387]. The Marxists were also right in predicting objective tendencies to overcome the alienation of workers from labor, from management and from property. Indeed, if the industry of the XIX century required a "cog" worker capable of monotonous actions under the control of craftsmen and engineers, then from the second half of the twentieth century the demand for an employee capable of self-organization and self-control at his workplace has been growing rapidly.

At the same time, the Marxists were mistaken, hoping to overcome alienation by means of nationalization and involving all workers in a state administration (when "every cook must learn how to manage the state"). The history of the twentieth century has shown that the complexity of management is growing faster than the growth of the level of education. Therefore, the overwhelming majority of employees still cannot and does not want to be involved in the development, adoption and implementation of management decisions, even at the municipal level, not to mention the national[2]. In addition, it was only at the beginning of the XXI century that the tools of "electronic government" appeared, allowing citizens to speak regularly and practically without costs on issues of local and public administration. But even in the most developed countries, they are in no hurry to turn the possibility of permanent electronic surveys of citizens into a tool of direct democracy, justifiably fearing the dominance of unskilled opinions over qualified ones. Management remains a matter of professionals alienated from the controlled mass, which inevitably generates bureaucratization of state power.

Under the influence of criticism of the "failures of the state," researchers of postindustrialism tried to "purify" the Marxist idea of socio-economic progress from naive hopes for the omnipotence of state control. As a result, attention has shifted from the issues of changing ownership of the means of production to the issues of shifting power (management) under the influence of changes in production technologies.

This shift in attention of researchers is also due to the fact that the very understanding of property as a social relation (institution) in the second half of the twentieth century has changed significantly under the influence, first of all, of neo-institutionalist economists. The orthodox Marxist social science interpreted property relations in a quantized way, since in the XIX century, the practically unlimited owner of the means of production was indeed most often a specific private entrepreneur. This approach gave rise to a rigid opposition between private and public property, from which appeals to the "expropriation of expropriators" logically

[2] In this regard, the interpretation of the All-Union referendum in March 1991 proposed by J.T. Toschenko [Tosh 2021: 10] as evidence of the firm will of the peoples of the USSR to save its unity is easy to criticize. Yes, at this referendum, 76% of its participants considered it "necessary to save the Union of Soviet Socialist Republics as a renewed federation of equal sovereign republics." But only 80% of the entire electorate took part in the referendum, in the RSFSR the figures were even lower (71% supported with a 75% turnout, i.e. 53% of citizens voted for the save of the USSR). And the "firmness" of the will of the referendum participants is evidenced by the fact that when the Belovezhskaya Agreement on the termination of the USSR was concluded in December of the same year, it did not cause any protests. Is there much worth an opinion, which a citizen does not want actively to defend?

came up. But since the middle of the twentieth century folowing a development of joint-stock business and various forms of macro-regulation, an understanding of property as a bundle of partial powers has been spreading. All this led to a qualitative change in the second half of the twentieth century. the point of view on the socialization of production. If a significant part of the powers (quality control of goods and competition rules, environmental restrictions, regulation of employee-employer relations …) pass into the hands of the state and civil society institutions (trade unions, environmental organizations …), then the question "whose property?" loses its former relevance, being replaced by the question "who will manage?" [Bell, 2004: 457]. The discussion of the exploitation of labor by capital is replaced by the discussion of the alienation of workers from labor, property and management. At the same time, the basic understanding of social progress, coming from Marxism was saved as a struggle for the transition "from the realm of necessity to the realm of freedom."

"Real Socialism" as the "second edition" of the political society. It is right to consider Soviet "real socialism" as an attempt to consciously develop society towards the post-industrial ideal as "communism". There are really no differences between them at the level of general concepts: it is no coincidence that Soviet fiction about the world of the future (Efremov's "Era of the Great Ring" or Strugatsky's "World of Half a Day") is regularly republished and read nowadays. The main question is how the presented ideal correlated with the living reality.

Defenders of "real socialism" often quote numerous memes characterizing the liberation of the individual in the USSR: "a person comes as a master," "a country of dreamers, a country of scientists," "a garden city," etc. But this is not the social reality itself, but its reflection in the minds of talented poets, which could be one-sided, crooked, or even simulacrum (to reflect a non-existent object). Finally, there is an alternative set of memes that characterize, on the contrary, the suppression of personality in Soviet society – "GULAG archipelago", "and if there are those which come to you, there will be those who will come to arrest you." And which set of memes is closer to reality? It is no coincidence that even at the highest level of the leadership of the USSR there was a feeling expressed by the aphorism of Yu. Andropov, that "we do not know the society in which we live."

The concept of "mutant socialism" proposed by A.V. Buzgalin (see his article in this issue) is successful in that it emphasizes the strong contradiction between what Soviet society wanted to be/seem to be and what this really was. At the same time, such a concept assumes that "socialism" was still somewhere in the beginning and only then mutated into something command-administrative, denying (but not completely) its socialist start.

The Bolsheviks knew about the danger of bureaucratic degeneration even before they came to power. Let us recall V.I. Lenin's textbook statement from "The State and the Revolution" (August 1917): "The workers, having won political power, will smash the old bureaucratic apparatus, … replace it with a new one consisting of the same workers and employees, against the transformation of whom into bureaucrats measures will be taken immediately, analyzed in detail by K. Marx and F. Engels: 1) not only electability, but also changeability at any time; 2) wages are not higher than the wages of the worker; 3) the transition is immediate so that everyone performs the functions of control and supervision, so that everyone becomes "bureaucrats" for a while and therefore no one can become a "bureaucrat"" [Lenin, 1969: 86]. This caring ideal, reflecting first of all the absolute lack of real administrative experience at least at the municipal level, fundamentally could not withstand a collision with reality.

From the height of modern knowledge, it is clear that the method of overcoming alienation from power described by V.I. Lenin (in fact, the elimination of management as a special profession) will be possible hardly by the middle of the XXI century, requiring transparency in administrative decision-making and high qualifications of all citizens. In fact, even industrial self-government (through trade unions and factory committees, something similar will be implemented in Yugoslavia in the 1950s) lasted only a few months in 1917–1918 [Shubin, 2017: 207–235]. At higher levels of government, they did not even try to create an elected and regularly replaced administrative apparatus from workers in Soviet Russia. As a result, the philippics

addressed to the Soviet bureaucracy, which leads the people, but does not obey him but the "authorities" have become a constant refrain of the entire Soviet history.

To denote what "real socialism" actually was, many different terms have been proposed, but their essence is similar: the result is an institutional system that is not higher than "real capitalism", but lower. Most often they recall the concept of the "Asian mode of production" proposed by K. Marx, or, in the version of the ex-Marxist K.-A. Wittfogel, "eastern despotism" [Wittfogel, 1957]. Since these geographically-oriented terms are not accurate and offensively contradict the established European identity of Russians, in the post-Soviet decades social scientists more often write, describing the Soviet regime, not about the Asian mode of production (like E.T. Gaidar [Gaidar, 2009: 189–194]), but about the political society [Semenov, 2008], power-property relations (L.S. Vasiliev, R.M. Nureyev, N.M. Pliskevich), the X-matrix (S.G. Kirdina). In all cases, this refers to the social system that existed for millennia in pre-colonial non-European states, the basis of which is the monopoly of the state-class.

The "identification" of the Soviet society as the regeneration of a political society may seem like an ideologized slander aimed at discrediting the Soviet attempt to "storm the heavens". But if we compare "real socialism" with other examples of the "second edition" of archaic socio-economic systems (for example, with the "second edition of serfdom" in Eastern Europe of the XVI–XIX centuries or with plantation slavery in America of the XVIII–XIX centuries), then the Soviet experience will not be at all unique. Historical examples show that the regeneration of archaic socio-economic institutions can give a strong impetus to the development of a country, since these institutions are ineffective in the long term (on the scale of centuries), but in the medium term (on the scale of decades) they can be more effective than more advanced ones.

The Soviet version of the political society in the long term showed the inability to systematically carry out breakthrough technological innovations. Soviet scientists invented no worse than Western ones, but the industrial development of innovations often lagged behind due to the lack of incentives. There was no "competition as an opening procedure" (a successful definition of F. von Hayek), therefore the spontaneous mechanism of constant generation of competing innovations was replaced by "manual control".

At the same time, this social system was superior to Western countries in the ability to concentrate resources in clearly defined areas. Therefore, the Soviet regime has many clear successes in the mobilization development associated with "big projects": industrialization, the Victory in the Great Patriotic War, the Atomic project, the development of virgin lands, the Space project. These were, perhaps, Pyrrhic, but still undoubted victories, some of universal significance. When in the USSR in the 1960s the primary industrialization basically ended, the time of victorious "big projects" ended.

Under conditions of a "normal" socio-economic development, when the political elite has no clear goals for which it is necessary to mobilize a sociaty, the political society loses to the market one, this happened in the 1970s and 1980s. The "finishing of the game" could have ended, depending on subjective circumstances, not in 1991, but a year earlier or a decade later, this did not change the overall outcome of institutional competition on the "global chessboard".

"Real socialism" as a post-industrial false start. If the Soviet "experiment" ended in failure in 1991, does this mean that it was stillborn and erroneous from the very beginning?

It is right to consider "Real socialism" as a kind of false start as the movement of society in the right (post-industrial) direction, but undertaken before sufficient objective prerequisites were formed for this, and therefore doomed to "return to the start". One can fully agree with A.V. Buzgalin and A.I. Kolganov that the party founded by V.I. Lenin announced the beginning of the transition to a new social system in a country that has not yet "overcame" the previous social system. And then V.I. Lenin's ability to solve tactical tasks perfectly led to a strategic failure: the Communist Party won in a country where it is objectively too early to build communism. After all, Karl Marx wrote half a century before this Pyrrhic victory that "the working class will not have to implement any ideals, but only give space to the elements of a new society that have already developed in the bowels of the old collapsing bourgeois society"

[Marx, 1960: 347]. There were in the Soviet Russia in the 1920s really ideals of socialists in the absence of not only "elements of a new society", but even a normal working class.

In this situation of a sharp gap between the declared ideas of the Socialist revolution and the real need to govern a "medium-weak" country, it was possible to take, first of all, the idea of centralized management of society in the name of socially useful goals from the socialist ideal for a real implementation. It was taken, coarsened to state administration in the name of those goals that the ruling elite considers socially useful. And this is a political society, where "the state is stronger than society."

The Soviet false start is not the only example in history when objectively premature realization of progressive intentions led to a dead end. An example for comparison is the Hussite movement in the Czech Republic in the first half of the XV century like a false start of the Reformation. As you know, many ideas of the Reformation related to the democratization of the church were expressed by Jan Huss and his followers a century before Martin Luther, who called himself as "Hussite". The Czech pre-Reformation had to end quickly, just like hundreds of other popular uprisings. However, the role of a crucial subjective factor (like V.I. Lenin in Russia) in the Czech Republic was played by the great commander Jan Zizka, thanks to whom the Hussites defeated enemies for 15 years and even began "exporting the revolution" to neighboring countries. However, the time did not come yet for the formation of "Protestant ethics as the spirit of capitalism". As a result, the victorious armies of the Hussites began to degenerate into communities of professional robber warriors. The Czech "experiment" ended about 70 years later in almost the same way as the Soviet one: first, the radical Hussites were killed by the moderates, then the moderate Hussites went to restore the old order on the terms of preserving part of the privileges.

Although a general theory of false-start phenomena in social development has yet to be created, in the first approximation it can be noted that they are characterized by a contradictory combination of progress and regression. The bold search for new "rules of the game" creates favorable conditions for the emergence of "enclaves of the future" (new ideas and values, new organizational structures), surrounded, however, by much more archaic elements. Since the Soviet political system considered itself to be the realization of Marxist ideas about socialism, the propagandized social ideal really remained socialist, dissonant with the real rules of life. The development of the USSR economy objectively stimulated the development of elements of creative work and post-monetary motivation to work. But until the very end of the Soviet society post-industrial "enclaves", territorial (including, for example, centers of high-tech technologies such as Arzamas-16) and institutional, were inconsistently combined with an incompleteness of even industrial modernization on a national scale.

This unity-and-struggle of "socialism" and "politarism" led to the fact that over time, as the stalemate of the path of the Soviet development increased, regressive elements prevailed over progressive ones. It is natural that it was the Soviet intelligentsia as the main social group in which the alienation from labor was overcome, which in the last years of the USSR's existence acted as the main actor, which required radical market changes. Overcoming alienation from labor, property and management among Soviet people, limited in the choice of work, deprived of property and self-government opportunities, ran into a limit. For further movement into a post-industrial society, it was necessary to return to private property and the market, in order to then dialectically rise above them, but not mechanically destroy them.

A lot of critics of Gorbachev and Yeltsin's reforms/Gaidar admits that the "socialist experiment" had to be completed, but they accuse the reformers for too "rude" actions. However, when critics of the events of 1991 point to the missed opportunity for the smooth dismantling of "real socialism" (i.e., the transition from an administrative-command economy to a market economy), they forget that such attempts have actually been more than once, but ended in failure. They were undertaken in the USSR (the NEP of the 1920s, the Kosygin reform of the second half of the 1960s), and in other countries of the "socialist camp" (for example, in Hungary after 1956), and the Yugoslav version of "real socialism" was initially based on "self-financing". But while maintaining centralized management of the "nomenclature" alienated from the

population, all attempts to expand the independence of enterprises and the initiatives of individual employees inevitably "went down on the brakes."

So, the transition from the command and administrative system to a market economy turned out to be possible only through the "anti-nomenclature" revolution – through qualitative changes in the political and economic systems, assuming the return of the dominance of the basic institutions of "capitalism" (market, private property and competition). Such a revolution required a radical personal renewal of the highest elite, a radical change in ideology (rejection of the Soviet version of communism as the official ideology) and, most importantly, mass privatization of state property.

1991 and other years: "revolution" or "trauma"? Since the most important qualitative changes took place on the eve and after the "abolition" of the USSR in the economic sphere, for liberal economists who justified them, the revolutionary nature of the events of 1991 was and remains self-evident [Gaidar, 2009: 256; Popov, 2016: 435; etc.]. There are other Russian social scientists which call the death of the Soviet system a revolution (for example, [Letnyakov, 2018]). However, a different approach prevailed among Russian sociologists, which coincided with V.V. Putin's thesis expressed in 2005 ("the collapse of the USSR is the largest geopolitical catastrophe of the century"), but this idea was formulated much earlier.

At the origins of the "catastrophist" scientific perception of the events of the early 1990s is the "Modern Russian Society" published shortly after the end of the Yeltsin period by T.I. Zaslavskaya. The intellectual leader of Russian sociology, arguing with the concept of the Great Russian Revolution of 1991–1993 put forward by liberal economists, categorically rejected it on several grounds: there was no radical change of the elite in the country, mass social movements did not receive much development, "majority problems" were not solved during the transformation, and the scale of political violence was very limited [Zaslavskaya, 2004]. However, from the point of view of the sociology of revolution (see the review in [Latov, 2021]), such a justification raises strong doubts.

There is the post-Soviet social science, which takes the understanding of the revolution, given back in the 1960s by S. Huntington, remains: "Revolution is a fast, fundamental and violent [emphasis added.– Approx. Y.L.] change of dominant values and myths of society, its political institutions, social structure, leadership, government activities and politics produced by the internal forces of society" [Huntington, 2004: 269]). But there is in modern foreign sociology of revolutions T. Skochpol's definition given in the 1970s as preferred with other accents: "Social revolutions are rapid, fundamental transformations of the social state and class structures; and they are accompanied and partially carried out through class uprisings from below" [Skochpol, 2017: 25].

As can be seen, Skochpol still has an understanding of the revolution as rapid and fundamental changes, but the indication of their necessarily violent nature has gone. After the "color" revolutions, which unfolded in the 1980s, where armed uprisings were replaced by mass protests by unarmed citizens, the American sociologist D. Goldstone gave a new, even "more modern definition of revolution: this is an attempt to transform political institutions and provide a new justification for political power in society, accompanied by formal or informal mobilization of the masses and such non-institutionalized actions that undermine the existing power" [Goldstone, 2006: 61]. Thus, when defining a revolution, the sign of the presence of violent actions has been replaced by the anti-government mobilization of the protesting masses. The events of 1991 perfectly fit the definitions of Skochpol and Goldstone, and their interpretation as revolutions has long been expressed in the Western social science [Goldstone, 2001].

But Russian sociologists have chosen a different way. Rejecting the concept of "revolution", T.I. Zaslavskaya argued that "in the 1990s, not a revolution took place in Russia, but an evolution" – "a spontaneous transformation of society began, which led to a sharp weakening of the state and the growing criminalization of the society" ([Zaslavskaya, 2007: 186]). As main distinguishing features of this transformation, she identified the following signs: "1) the gradual and relatively peaceful nature of the course; 2) the focus on changing not individual private parties,

but the essential features that determine the societal type of society; 3) the fundamental dependence of the course and results of the process on the activities and behavior of … mass social groups; 4) weak controllability and predictability of the process, the important role of natural factors of development, the non-resolution of its results; 5) the inevitability of … anomie caused by the advanced decomposition of old public institutions compared with the creation of new ones" [Zaslavskaya, 2007: 187]. It is not difficult to notice that the signs of "social transformation" coincide with the characteristics of a peaceful socio-political revolution, as it was described not only in the Western sociology of revolution, but even in Soviet social science.

The path chosen by the leaders of Russian sociology to reject the perception of the post-Marxist (represented by T. Skochpol and D. Goldstone) sociology of the revolution led to significant difficulties. Without referring to the concept of revolutionary processes, Russian scientists are forced to limit themselves to labeling the events of the early 1990s as traumatic [Toshchenko, 2020], avoiding analyzing whether we are talking about a "disease" of a degrading society or a "generic" trauma accompanying the birth of any new social order.

Sour fruits of an unfinished revolution. At the same time, there are objective reasons for the "catastrophist" perception of the events of the early 1990s, since disillusionment with the fruits of post-Soviet transformations became commonplace almost immediately after they began. It is shared even by consistent liberals: "having chosen the right path, we failed not only to follow it more or less successfully, but, on the whole, we chose the worst – of all possible – way out of socialism" [Popov, 2016: 774]. Therefore, it is legitimate to combine the opinions of those who consider the events of 1991 a catastrophe and those who call them a revolution: they were a catastrophic revolution. It has fulfilled its main task, replacing institutions of power-property with private property institutions, but at the lowest level and with maximum socio-economic costs.

The main failure of the "anti-nomenclature" revolution was already visible in 1992, so the events of 1993 were largely a protest not against the 1991 revolution, but against its incompleteness. Indeed, on the one hand, there has been a qualitative change in the "rules of the game": the directive planned economy has been replaced by a market economy, state property with a private one. However, on the other hand, the dominant social group has changed little: it was period of the 1990s, as ex-Soviet "managers" formed the backbone of the new business class; to a significant extent, the dominance (formal and informal) of the powerful over property owners has been saved, and since the 2000s the dominance (formal and informal) of the powerful over property owners has begun to take power again, which means a partial restoration of power-property (see, for example, [Pliskevich, 2008]). All this forms the basis of modern protest sentiments, directed, as 30 years ago, primarily against "bureaucrats".

Such incompleteness of even great revolutions is quite common. As well konown, the Great French Revolution of 1789 was the beginning of a long series of revolutions of 1830–1848–1871, so the creation of "normal capitalism" ended in France more than 80 years later. There is hardly any doubt that Russia has not exhausted the "limit on revolutions" either. At the same time, the institutions created by the revolution of 1991 (democracy, market, private property) have already been legitimized by the majority of Russians, so that "return to the USSR" is impossible. Therefore, it is legitimate to consider the events of the early 1990s as the beginning of a long nonlinear revolutionary process with inevitable "ebbs" and "flows".

REFERENCES

Bell D. (2004) *The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting*. Moscow: Academia. (In Russ.)

Gaidar E.T. (2009) *Power and Property: Troubles and Institutions. State and evolution*. St. Petersburg: Norma. (In Russ.)

Goldstone J. (2001) Theories of revolution, revolution 1989–1991. and the trajectory of development of «new» Russia. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics]. No. 1: 117–123. (In Russ.)

Goldstoun D. (2006) Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory. *Logos*. Vol. 56. No. 5: 58–103. (In Russ.)
Hantington S. (2004) *Political order in Changing Societies*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)
Latov Yu.V. (2017) What is on the other side of material production? Marxist roots and institutional branches of postindustrial theories. *Istoriko-ekonomicheskiye issledovaniya* [Historical and Economic Research]. Vol. 18. No. 1: 7–29. (In Russ.)
Latov Yu.V. (2021) From «Revolution» to «Transformations» and «Changes»? Development of Discourses of Analysis Qualitative Social Change. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 9. No. 1: 7–22. (In Russ.)
Lenin V.I. (1969) State and revolution. In: *Lenin V.I. Full collection.* 2nd ed. Vol. 33. Moscow: Polit. lit-ra. (In Russ.)
Letnyakov D.E. (2018) Anti-Communist Revolution of 1991: Towards a Demarginalization of the Term. *Politicheskaya konceptologiya: zhurnal metadisciplinarnyh issledovaniy* [The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research]. No. 4: 32–47. (In Russ.)
Marx K., Engels F. (1960) The Civil War in France. In: Marx K., Engels F. *Collected Works.* 2nd ed. Vol. 17. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
Mironov B.N. (2021) The formation of national elites as a factor in the disintegration of the USSR. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 33–48. (In Russ.)
Nureev R.M., Latov Yu.V. (2016) *Economic history of Russia (experience of institutional analysis).* 2nd ed. Moscow: KNORUS. (In Russ.)
Pliskevich N.M. (2008) The «power-property» system in modern Russia. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics]. No. 5: 119–126. (In Russ.)
Popov G. Kh. (2016) *Frontiers of Gabriel Popov*. Moscow: «Economicheskaya gazeta» (In Russ.).
Semyonov Y.I. (2008) *Polytarian («Asian») mode of production: essence and place in the history of mankind and Russia.* Moscow: Magic Key. (In Russ.)
Shubin A.V. (2017) *Start of the Country of Soviets. The revolution. October 1917 – March 1918.* St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
Simonyan R. Kh. (2021) How it was possible to preserve the Soviet Union (Baltic perspective). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 62–71. (In Russ.)
Skochpol T. (2017) *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Moscow: In-t Gaydara. (In Russ.)
Tikhonova N.E. (2021) Transformations of the social structure of Russian society: late 1980s – late 2010s. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 22–32. (In Russ.)
Toshchenko Zh.T. (2021) Was the geopolitical catastrophe of the USSR man-made? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 3–13. (In Russ.)
Toshchenko Zh.T. (2020) *Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (An Experience of Theoretical and Empirical Analysis)*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
Voslensky M.S. (2005) *Nomenclature.* Moscow: Zakharov. (In Russ.)
Wittfogel K.-A. (1957) *Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press.
Zaslavskaya T.I. (2007) *Favorites. T. 2. Transformational process in Russia: in search of a new methodology*. Moscow: ZAO «Izd-vo «Ekonomika». (In Russ.)
Zaslavskaya T.I. (2004) *Contemporary Russian Society. Social Mechanism of Transformation.* Moscow: Delo. (In Russ.)

© 2021

D.A. DAVYDOV

THE VALUE FOUNDATIONS OF POST-CAPITALISM: FROM THE "MODE OF HAVING" TO THE INDIVIDUALISM OF SELF-ACTUALIZING PERSONALITIES?

Dmitry A. DAVYDOV, Cand. Sci. (Polit.), Senior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of RAS, Yekaterinburg, Russia (davydovdmitriy90@gmail.com).

Abstract. *The article raises the question of the possible value foundations of a post-capitalist society. The author criticizes attempts to associate post-capitalism exclusively with the values of friendship, cooperation, solidarity, voluntary action for the benefit of others, etc. The article examines how getting rid of material necessity led Western societies to deepen individualism and spread all kinds of self-expression practices. Moreover, with the development of social media, these practices have increasingly spilt over into a struggle to attract attention. Personalities turn into something that is "produced" (practices of "self-branding"), is designed, promoted and scaled. As a result, instead of the expected "communism of knowledge" and the corresponding communitarian social values (A. Gorz), we observe an opposite trend: movement towards even greater individualism, but now in the sphere of creativity and self-realization (production of "intangible" goods), in which pleasure and prestige are associated with attracting attention, with personal exclusivity and media influence. This suggests that, perhaps, the means proposed by some modern theorists (full automation of production, payment of unconditional income to everyone, etc.) may not be enough to implement the egalitarian version of post-capitalism.*

Keywords: *post-capitalism • capitalism • post-materialism • social values • socialism • communism • personality revolution • creative self-realization • social media • social revolution*

DOI: 10.31857/S013216250017623-8

This article is a translation of: *Давыдов Д.А.* Ценностные основания посткапитализма: от «модуса обладания» к индвидуализму самореализующихся личностей? // Sotsiologicheskie Issledovaniia. 2021. No 12: 78–90. DOI: 10.31857/S013216250016429-4

Introduction. From the very beginning of the idea of communism for the vast majority of left-wing social theorists the prospect of post-capitalism has been associated with what we could describe as the liberation of the individual. By this we should understand not the literal "liberation" of a particular, but an achievement of a social state when a person's social being ceases to be determined by mundane, material factors, this means the world of commodity fetishes falls, and social relations characterized by sincerity and reciprocity will replace alienation and commodification. E. Fromm conceptually perceived this intuition common to the left theory, problematizing what he designated as the "mode of having" [Fromm, 2016]. To be in the "having" mode means to give preference to consumption, money, physical enjoyment, wealth. On the contrary, "to Be" means to enjoy creativity, to "transcend" in a social sense, to assert oneself through activity and the manifestation of one's abilities, talent, thereby embodying the wealth of human

talents. Accordingly, when people talk about post-capitalism today, they usually mean an orientation towards "being". Thus, left-wing supporters of the idea of unconditional income see guaranteed benefits for everyone as something "liberating" from the need for everyday goods, and therefore giving more opportunities for creative self-realization ("gives people a chance to create positions for themselves in a non-market economy" [Mason, 2016: 387], provides an opportunity "to spend more time doing things that are truly important to us" [Bregman, 2018: 192]). "In the lives of many people,– write F. Van Parais and I. Vanderborght – there comes a stage when they can make the greatest contribution to the well-being of their loved ones and humanity as a whole through various forms of unpaid activities, starting with volunteer initiatives in the field of children's health and ending with Wikipedia" [Vanderborght, 2020: 51]. When it comes to the automation of production, the prospect of an abundance of material goods and a hypothetical post-work state, it is emphasized that the post-capitalist project "will lead to the transformation of the subject: conditions will arise for the mass transformation of selfish individuals created by capitalism into social and creative forms of social expression liberated by the end of "work" [Srnicek, Williams, 2019: 255]. In short, there are implicit/explicit references to the "mode of being": the post-capitalist future is associated with the values of creative activity, with free collective/joint activity, with asserting oneself in the world by creating public goods, etc. The free expression of "self" is put in the first place in the hierarchy of priorities. The main thing is to remove material obstacles on the way to self-realization. The idea of minimizing "forced" labor and providing everyone with a guaranteed set of material goods with a general attitude towards achieving freedom of expression is shared by many authors. However, there is something vulnerable in this trend, which indicates a naive belief in the "mode of being" itself. Some necessary element in the logic itself is missing. First of all, it is an attempt, relatively speaking, to rigidly bind individualism and alienation to the capitalist economy. All the bad is associated with "materialistic values" (that is, the focus on maximizing material well-being to the detriment of the immaterial, spiritual, etc.), and all the good is exclusively associated with words such as "personality", "freedom", "creativity", etc. However, the word "personality" itself, which in semantic content is closest to the concept of "mode of being", is quite ambiguous and is associated with very heterogeneous ways of social activity. If by "personality[1]" we mean a stable system of socially significant traits, which characterize an individual as a member of a particular society or community, then we can distinguish two opposite "modes of being", more precisely, "modes of self–realization". Firstly, it is a communitarian mode of self-realization (to which, apparently, Fromm appealed), conditioned by the social values of friendship, co-creativity, striving for the common good, etc. In this case, a person is someone for whom the wealth of his own "I" is closely connected with "deep immersion" in social life and with a sense of reciprocity and being a socialized individual. Secondly, it is an individualistic mode of self-realization, when an individual's social activity consists in stating himself in the world by searching for differences from others, by displacing others ("I" is when others are pushed into the background, when a personal social image is noticeable, attracts attention, differs in some way, stands out from the rest, etc.). Which of these two modes will prevail in a hypothetical post-capitalist situation of freedom from "external necessity"? Many concepts of post-capitalism are utopian in the sense that they focus too much on the "good" aspects of the "mode of being" ignoring the prospect of universal competition for self-realization[2]. This can be explained: it is much easier to build a left utopia, fighting for freedom "from"

[1] This word has many meanings: in the first, it is a person as an individual, as a subject of relations and conscious activity; in the second, a relatively stable system of socially significant and unique individual traits that characterize an individual; in the third, it is an individual with outstanding qualities that influences the masses and the course of history; in the fourth, it is an individual who is in the center of public attention due to his social position and the performance of a social or professional role. I think it is also reasonable to understand personality as a social construct existing in the social imaginary. In this sense, the individual is forced to constantly "invest" in maintaining a favorable image for him in the representation of others.

[2] The word "self-realization" is as ambiguous as the word "personality". Here it will be used in a narrow sense as a struggle for public recognition, popularity, a placing "I" among others, etc.

something (from material need, for example), than to try to understand what this freedom can lead to. Next, I will try to show that many social phenomena in modern society indicate a movement towards the predominance of the individualistic mode of self-realization, and therefore from the post-capitalist future one should expect general alienation of an individual from society rather than "the mass transformation of selfish individuals created by capitalism into social and creative forms of social expression."

Expansion of the "mode of self-realization". The history of personality (as a social phenomenon) is the history of the struggle of human individuality with faceless depersonalizing forces of the collective and nature. The modern expansion of the mode of self-realization is stipulated with several factors. First of all, it is an improvement in the quality of life: human life has ceased to be too fleeting and unpredictable. The squalor of being, when death could be waiting everywhere at any time (from war, looting, but mostly from countless diseases: plague, cholera, typhus or the common cold), was replaced by predictability and relative well-being. In turn, the progress of science and technology, the successes of the struggle for rights and social guarantees provided greater freedom, so that people gradually ceased to be immersed in continuous exhausting work. There was more and more time in people's lives for their "I". Where previously there were faceless masses, individual representatives of which quickly "wore out" and died, now independent subjects appeared, possessing basic rights, confident in the future and striving for something more than "eating their bread by the sweat of their brow".

In principle, the processes of individualization (see, for example: [Bauman, 2008]) and privatization, the destruction of the "Gemeinschaft" and the formation of the "Gesellschaft" (see: [Tönnies, 2002]) accompanied the transition to Modernity. For example, R. Sennett describes the processes of the "fall of the public man" in the XIX century as a mixture of public and private ("the statement "public personality" (personality in public) turned out to be an oxymoron; ultimately, personality displaced the element of public from this phrase" [Sennett, 2002: 295]. The mode of self-realization gradually expanded. But the real turning point was the transition from the so-called mass (Fordist, industrial, etc.) society to a post-Fordist, informational, post-industrial society. These processes have contributed to a number of "critical" changes.

Firstly, thanks to the development of automation and customization technologies, a turn from a mass consumption model to an individualized model has taken place. Gray sameness gradually became a thing of the past, and the utilitarian function of objects was replaced by an image. Consumption increasingly turned out to be a means of self-expression. A. Toffler wrote in 1970: "We have reached a dialectical turning point in the technological development of society. And technology will not limit our individuality, but will serve to increase our choice and our freedom – incrementally" [Toffler, 2008: 307].

Secondly, the automation of production and the growth of the service sector somewhat modified the labor market, which involved more and more women which came out of the depersonalized world of home life into different areas where they could express themselves. The service sector, in turn, multiplied areas that required not muscular strength, but personal qualities: creativity, benevolence, the ability to work in a team, show leadership qualities, etc.

Thirdly, the role of creative activity in the economy has increased many times. Therefore, already in the "Post-Industrial Society", D. Bell almost directly associates post-industrial tendencies with post-capitalism (although it should be borne in mind that we are talking about a reference to R. Dahrendorf, whose term "post-capitalism" means a state of "institutionalized" conflict between the bourgeoisie and the proletariat [Dahrendorf, 1959]). He writes that "the distinguishing feature of the new stratification system will be the separation between scientific and technical classes, on the one hand, and those who will remain outside this category, on the other" [Bell, 2004: 151]. In the context of our article, it is important to note: as the importance of creative work grew, so did the importance of individuality, personality, as scientists or creative engineers turned out to be irreplaceable: the owners of a name as a "receptacle" of merits and mysterious unique talents. Therefore, A. Toffler notes, "as knowledge increasingly becomes the essence of work, workplaces become more individualized, i.e. less interchangeable" [Toffler, 2009: 259].

The once-noted "personal" specificity of the scientific and technical class will subsequently be emphasized repeatedly. D. Brooks, author of the bestseller "Bobo in Paradise" (2000), examines a remarkable synthesis that occurred as the role of creative people in the bourgeois economy increased: the Bohemians (Parisian Bohemians, beatniks, hippies, etc.), who always rejected the bourgeois- lifestyle, gradually "bourgeoisized", while capitalism became partly "bohemian". That's why Brooks writes about "bobo" – bourgeois bohemian. Bourgeois bohemia has changed social perceptions of prestige. Now it is not economic status or money that are the key factors of prestige, but a non-trivial personality: a non-standard life story, creative competencies, education and easy "crazy" characteristic of geniuses. Brooks notices an important thing: "the organization's man has been turned upside down. White [William White– D.D.] described a social order in which the interests of the group prevailed. Today, the "I" comes to the fore" [Brooks, 2013: 147]. Two years later, in the famous book "The Creative Class: People Who are Changing the Future", R. Florida will give a similar characterization to people whose main economic role is the "production" of ideas: "If previously people were united by the framework of public institutions, forming a group identity, an essential feature of modern life has become the creation of an individual identity. Such self-invention and reinvention often in a manner reflecting the nature of our creativity is the most important sign of the creative ethos" [Florida, 2016: 21].

In other words, the post-industrial (post-Fordist) wave brought to life a special social stratum/stratum of "high individualized persons[3]". The process of, relatively speaking, "mass production of personality" has been launched. Now it is necessary to shift the analytical focus: we do not know how the existing contradictions of the capitalist system will be resolved. Perhaps sooner or later the struggle of the social grassroots for something like unconditional income will contribute to the egalitarian redistribution of rental flows, which will serve as a partial solution to the problem of the shortage of material goods. But in any case, there will remain something that goes beyond capitalism. We did not notice how the production of material goods was gradually replaced by the production of the personality (or personalities)[4] itself, which was almost invisible from the point of view of the market. Bourgeois bohemia often finds itself at a loss within the framework of the "old bourgeois coordinate system", since the results of intellectual activity usually go to the holders of intellectual rents. But many of its representatives found themselves at the top of a completely new social pyramid, where status is determined not so much by wealth as by non-trivial creative abilities and fame. Now not only material wealth is a source of pleasure, envy and competition, but the personality itself.

It is important to note that this process does not occur only at the elite level. Rather, it is worth talking about the formation of something like a "society of universal self-realization" (a society in which self-realization becomes the highest, almost officially declared value). A personality with a capital letter "L" has become an object of desire, and an irreconcilable and constant struggle is being waged for its "acquisition". The mode of self-realization is expanding and becoming ubiquitous.

The society of "universal self-realization"? It was 1977, when the book "The Silent Revolution" by the American sociologist and political scientist R. Inglehart was published [Inglehart,

---

[3] Of course, everyone is an individual in the broad sense of the word. Here we mean the "possession" of a personality precisely as "visibility-for-others", "visibility", "fame", as the ability to say "about yourself" something original that distinguishes "yourself" from the rest – "others".

[4] The author proceeds from the premise that personality is a good. It is worth explaining once again what is meant by "personality" here. You can recall the difference between persona and personalitas. One etymological source points to a specific person, the other – to her appearance, to what is in the representation of others. Therefore, a personality is also what a particular person is, his appearance, physiological data, etc., but it is at the same time constructed "personal" images circulating in the public consciousness. In this form, a person may well be a boon (not a commodity!). The "I" in all its hypostases satisfies a huge number of needs: from the need for self-respect to self-realization. I can simply enjoy the image or the fact that I am respected or correctly perceived, etc. Of course, a person can be "dysfunctional", but any good can be used to harm under certain circumstances (just as a bad mattress leads to scoliosis or smoking poisons the lungs).

1977]. It summarized the results of public opinion polls, which showed that young and well-off people in Western democratic societies are less concerned about purely material problems of wealth and security, and more interested in problems of civil liberties and ecology. Subsequently, the hypothesis of R. Inglehart was repeatedly confirmed [Inglehart, 1997]: as the "basic" material needs are met, people more often pay attention to the problems of personal self-realization, freedom, as well as to all those issues which go beyond the "search for daily bread" (issues of gender equality, problems of the rights of representatives of sexual minorities, etc.).

This growth of attention to "personal" subjects was observed almost everywhere – even in matters of faith. As shown by Ch. Taylor, after the Second World War, the "Age of Authenticity" has come: "simplified expressivism" permeates everywhere: "the number of trainings that promise you to find yourself, realize yourself, release your true self, etc. is multiplying" [Taylor, 2017: 586]. It is noteworthy: religion does not go into oblivion at all, rather it becomes extremely individualized, becomes a matter of an individual: "an increasing number of people accept what was previously considered unacceptable, for example, consider themselves Catholics, not accepting many key dogmas, or combine Christianity and Buddhism, or pray, not being sure that they believe <…> [and] many are involved in composing their own personal worldview through a kind of "bricolage", but some models that run counter to traditional constellations are also widespread " [Taylor, 2017: 635–636].

Soon, social psychologists faced the "Age of Authenticity" and the realities of the society of "universal self-realization". When J. Twenge, a well-known social psychologist who studies value changes among different generations, and her colleagues began to study the millennial generation (born from about 1981 to 1996), they found a striking shift in how young people are aware of themselves and their personality. In many ways, there are worth discoveries of the Twenge collective, which put forth stereotypes about millennials as a generation of narcissists (Twenge called one of her books "Generation Me" [Twenge, 2014] (consonant with both the word "me/myself" (me) and the word "millennial" (millennial). Nevertheless, Twenge did not seek to label, but turned to the results of large-scale cross-temporal studies. These studies (surveys of students from 1966 to 2010) showed that representatives of generation "Y" (millennials) were more likely to rate themselves "above average" in such aspects as academic ability, striving to achieve goals, leadership. They were also much more likely to rate their career potential as high. This increase in self-esteem was not associated with real success, since the results of standardized tests were unchanged [Twenge, Campbell, Gentile, 2012]. There was also a value shift from "internal" (intrinsic – a sense of community, a sense of moral duty, etc.) to "external" (extrinsic – money, power, fame) priorities [Twenge, Campbell, Freeman, 2012]. It is important to note right away: the expansion of the mode of self-realization in its "individualistic" version does not lead to universal solidarity at all, but to an increasing alienation. Twenge called millennials narcissists insofar as this generation was brought up in a "personal" ideological way. Children were brought up trying to see them as an independent persons which had the right to vote from the cradle. In the sense of hypertrophied humanism, these children from a very young age sought to "find themselves", "believe in themselves", "do as their heart tells them", etc. As a result, when the Twenge research group encountered grown-up millennials, they everywhere observed similar self-characterization: "I like to show my body"; "I like to look at my body"; "I like to look at myself in the mirror"; "I will become a great person"; "I can live my life the way I want"; "I like to be praised", etc. Accordingly, there was a decrease in empathy indicators. As it turned out, millennials tended to express less concern about the problems of others, and they were characterized by less civic engagement. They were also much less likely to respond that they trusted others, sought to sacrifice something for others or engage in charitable activities [Twenge, Campbell, Freeman, 2012].

Generational changes in key values, self-esteem, priorities, etc. reflected in culture. J. Twenge, in collaboration with W.K. Campbell and B. Gentile, conducted a study of the occurrence of "individualistic" and "collectivist" words in Google Books for 1960–2008. They found that "individualistic" ("independent", "individual", "individuality", "unique", "uniqueness", "self", "independence", etc.) words began to occur in books much more often (an increase from

0.000093% in 1960 to 0.00016% in 2008), which cannot be said about "collectivist" words ("commune", "community", "community", "unity", "community", "association", etc.), which demonstrated the opposite trend. Moreover, the individualistic words and phrases themselves became focused on a unique personality, that is, many of the individualistic phrases, especially those that occurred more often over time, included the word "I" or emphasized uniqueness and/or superiority [Twenge et al., 2013].

Not only Twenge and her colleagues came to these conclusions. For example, Y.T. Uhls and P.M. Greenfield analyzed American TV shows for teenagers in the USA (the sample consisted of the two most popular programs per year from 1967 to 2007). The study was based on a rather complex content analysis scheme: it measured how much the main character craved fame or aspired to the realization of some other values. To do this, people (N= 60) who are familiar or getting acquainted with certain TV shows as they study, were asked to note the presence of certain aspirations of the main characters. It turned out that fame, as an extremely individualistic value, was rated as the most significant in the 2007 editions of the show compared to the fifteenth (out of sixteen) place in most of the previous decades. Similarly, other "individualistic" stories like financial success[5] became more frequent. This is not surprising[6], since today, the authors note, in fact, the theme of success and fame has become comprehensive[7] [Uhls, Greenfield, 2011].

Social media, social celebrity and the pursuit of fame and attention. Today there is another large-scale shift towards the expansion of the sphere of "production" of personality. So, social media creates a fairly large (and increasing) stratum of people with "network" fame. Diverse micro-celebrities are now side by side with "traditional" celebrities [see: Senft, 2008; Abidin, 2018], people who are famous mainly in social media (respectively, the number of subscribers of micro-celebrities should be at least 100,000). The language is rapidly enriching to describe this expanding area of influence: they are no longer just talking about celebrities or micro-celebrities, words like "nano-celebrity" or "nano-influencer[8]" (people with the number of subscribers in social media from 1000 to 100,000) appear. Hierarchical pyramids are being formed, where mega-influencers are located at the top, macro-influencers are slightly lower, and micro- and nanoinfluencers are at the bottom (in some ways this resembles the famous pyramids of feudal hierarchies, only now the elites "own" not the land, but the attention of people (as a kind of "repostman")). Social media also greatly increases the number of creative niches where fans of bright personalities act as bloggers flock. Genres and subgenres are multiplying: reviews, streams (online broadcasts, including gaming), life blogs, etc. Thematic niches know no limit: from serious political blogs to videos in the genre of ASMR[9] or mukbang[10]. The viewer is at the seemingly strangest content that would never have appeared in traditional media.

It is noteworthy that social media generates the phenomenon of universal opinion leaders. A lot of people acquire tools to influence the opinions and beliefs of their subscribers-fans, while

---

[5] "Achievements" have risen from tenth to second place in recent decades, "physical fitness" has moved from sixteenth to ninth place. On the contrary, communitarian values have lost in relative importance over time. Three communitarian values – a sense of community, tradition and goodwill – showed a sharp decline from 1967 to 2007, and the "sense of community" moved in 2007 to 11th place.

[6] See also: the theory of social change and human development by P.M. Greenfield [Greenfield, 2019], according to which, as the learning environment moves towards high technologies, the environment of everyday life becomes more urbanized, the level of education increases, people become richer, and psychological development moves towards strengthening individualism, while traditional, family and community values are eroded.

[7] A typical example they cite is the Disney TV series Hannah Montana (2006): the main character of this series, named Miley Stewart (Miley Cyrus), is a simple teenage schoolgirl by day, and at night turns out to be a famous pop singer Hannah Montana, hiding her real identity from the public.

[8] См.: https://www.cmswire.com/digital-marketing/social-media-influencers-mega-macro-micro-or-nano/ (дата обращения: 11.08.2021).

[9] Autonomous sensory meridional response.

[10] Mokpan (cor. 먹방, literally "broadcast of a meal", there are transcription variants "mokban" and "mukbang").

turning out to be "masters of themselves", controlling their discourse, which was unimaginable earlier when the formats of interactions with the public were limited to the institutional framework of the show business world (numerous agents as intermediaries, journalists, media bosses, rating organizations, the "narrow" format of TV shows, films, etc.). Today any micro-celebrity has the opportunity to interact directly with its audience 24 hours a day. Micro-celebrities become "universal personalities as people with authoritative opinions on almost any issues. Hence the increasingly frequent cases of politicization of social media influencers, including in Russia. It should not be surprising that stars and bloggers are increasingly appearing in the political sphere in one role or another one (speaking in favor of election candidates, commenting on political news, or even successful/unsuccessful attempts to occupy senior government positions) [Davydov, 2020].

The evidence of success ceases to be the possession of money. Now, in many cases, the key "influence indicator" is the social media subscriber counter, and not (only?) bank account. Being popular on social media means having fame and influence must bring wealth as if it were natural process. The pursuit of "self-realization through popularity" begins, a competition in which subscribers, likes and comments become the "currency of attention". Today young people are representatives of generation "Z" ("Zoomers" – born in 2000–2017). Do they wear any changes compared to generation "Y"? Individualism has only deepened, since generation "Z" is the generation of social media (for example, 95% of Zoomers regularly watch YouTube, and 50% cannot imagine life without it[11]), in which bright personalities set in the center of universe. Y.T. Uhls, E. Zgourou and P.M. Greenfield in 2014 surveyed 315 children aged 9–15 years in the United States about their preferences in relation to the media, as well as their aspirations for the future. The participants' responses about future goals were grouped around two factors representing individualistic, egoistic and collectivistic, other-oriented aspirations. Fame, image, money and status were important components of the former; helping the needy, helping the family and living close to the family were important as not so important elements. As a result, it turned out that children who often watch TV and spend a lot of time in social networks demonstrate more pronounced individualistic aspirations, and the influence of social media was stronger than the influence of TV [Uhls, Zgourou, Greenfield, 2014]. According to a study by Morning Consult (2019, n = 3000, including 1000 representatives of generation "Z"), 23% of American adults from generation "Z" strive for fame, while among millennials there are 15%, and among representatives of generation "X" – 8%[12]. A survey (2019) of people aged 18–34 (N = 1000) conducted by PSFK and Suzy showed that almost half (46%) of "zoomers" say that "self-expression" is "very important" for them, compared with 37% of millennials[13]. A similar picture was demonstrated by the Morning Consult survey (2019, N = 2000): 12% of young Americans consider themselves as network influencers, and 54% would become a media personality if they had the opportunity. 58% of Generation "Z" representatives noted that being famous on social media means changing the world for the better; for 51% it is an opportunity to share ideas with a large audience; also, for 50% it is an opportunity to earn money, and 17% noted that they are motivated by achieving fame[14]. According to a 2017 study conducted by The Sun (n=1000), three quarters of English children say they would prefer a career in social media. One in nine said it was about fame, and the same proportion craved the opportunity to express themselves. Among the most desirable fields of activity are YouTuber (34.2%), blogger/vlogger (18.1%), musician/singer (16%), actor (15.7%), director (13.65%), doctor (13.45%)[15]. These results were confirmed in 2019, when The

[11] https://musically.com/2017/05/23/95-gen-z-use-youtube-half-cant-live-without/ (date of access: 11.08.2021).

[12] https://morningconsult.com/form/gen-z-report-download/ (дата обращения: 11.08.2021).

[13] См.: https://www.psfk.com/2019/07/consumer-insights-survey-gen-z-playbook.html (date of access: 11.08.2021)

[14] https://morningconsult.com/wp-content/uploads/2019/11/The-Influencer-Report-Engaging-Gen-Z-and-Millennials.pdf (date of access: 11.08.2021).

[15] https://www.thesun.co.uk/news/3617062/children-turn-backs-on-traditional-careers-in-favour-of-internet-fame-study-finds/ (date of access: 11.08.2021).

Harris Poll did research among 3000 children in USA, Great Britain and China, dedicated to the 50th anniversary of the landing of American astronauts on the Moon, showed that in Western countries children today are more interested in YouTube than space flights. When asked who they would like to become when they grow up, about 3 out of 10 American and British children answered that they want to be YouTubers or bloggers. They are less willing to see themselves as teachers, professional athletes, and musicians. 11% would like to be astronauts. Things are somewhat different in China: the most favorite profession are an astronaut (56%), 18% would like to be a YouTuber or blogger[16] (although it is worth noting that this figure is not small[17]).

Today A. Warhol's famous phrase "in the future, everyone will be world-famous for 15 minutes " seems not so utopian. Fame, indeed, can come easily and suddenly, although often not for long. For example, the algorithms of the TikTok short video service allow almost everyone to be the center of attention of many people. Moreover, there is something like an "inflation" of fame, accompanied by the "socialization" of celebrity and the the "celebritization" of social relations. As a result, literally every user of social networks adopts many patterns of behavior that were previously peculiar exclusively to stars. For example, the algorithms of the Facebook social network are configured so that users are constantly encouraged to seek likes, reposts and, in general, popularity. So that users can move up the news feed, they should receive more likes, comments, and make more publications than competing users. Accordingly, the culture of celebrity is expanding as much as possible: now even a person with a small number of friends / subscribers performs almost the same actions (aimed at profitable self-presentation, etc.) as celebrities [Cirucci, 2019]. In this sense, the study of J. Mavroudis, an employee of Swinburne University of Technology (Melbourne), who literally became a micro-celebrity on Instagram (having more than 27,000 subscribers), in order to examine the subject of research from the closest, "included" angle (the so-called method of critical autoethnography). He came to the conclusion that it is worth talking about a kind of "work for glory" (fame labor). This "work", firstly, is connected with the constant pressure that subscribers exert on micro-celebrity (the need to constantly stay "on trend", regularly publish photos, please the tastes of the public, etc.). And secondly, it is a constant production of personality. When Mavroudis asked 504 of his subscribers if they were striving for fame, 83% said that they actively participate in the same strategies of "self-branding" and visibility as micro-celebrity [Mavroudis, 2019: 90].

Thus, the "production" of personality becomes almost ubiquitous. We live in a world where fame, authority, prestige and enjoyment of life are in many cases determined by being in the spotlight. This is a world in which bright and popular creative[18] personalities will determine the images of the future.

Conclusion. Nothing lasts forever in this world, and it would be extremely reckless to consider capitalism as permanent. For many years, left-wing ideologists, theorists and practitioners of all branches have been waiting for the onset of the post-capitalist era, in which the well-known evils of the "the economic formation of society" will be overcome. In the end, these expectations are justified: today we can say that the world is literally going out of all the negativity associated with the capitalist system. However, the history of left-wing political thought is the history of the search for revolutionary subjects in which sooner or later leftists were disappointed (from

---

[16] https://arstechnica.com/science/2019/07/american-kids-would-much-rather-be-youtubers-than-astronauts/ (date of access: 11.08.2021).

[17] Cultural specifics must be taken into account, but it should also be borne in mind that China is still far behind Western countries in terms of living standards per person, so many social processes there may "lag behind". Nevertheless, some studies show that many characteristics of certain generations in the West are very similar to the characteristics of these generations, for example, in Russia [see: Radaev, 2019].

[18] If we understand creativity as the creation of new cultural or material values, then it is not necessarily a predictor of popularity. However, creativity can also be the process itself, within which a personality is created (produced) (the practice of creating images, promoting them, PR, etc.). In this sense, the activity of, say, models on Instagram is also a kind of creativity aimed at creating unique images and practices of their public "presentation".

the "grassroots" struggle of workers and peasants to youth, the "creative class", the precariat, etc.). And today, when it would seem that the contradictions of the capitalist world-system are only growing, it is hardly possible to talk about any real prospect of something like a socialist world revolution.

But what if all the time we were talking about post-capitalism, we were looking completely in the wrong direction? It is quite possible that post-capitalism is not a bright communist future. This article presents an attempt to shift the research focus, assuming that getting rid of the need for basic material goods and "liberation from work" is not a condition for overcoming alienation and competition. Yes, the trends described above can be interpreted as the advent of another version of capitalism (and put it on a par with cognitive capitalism, aesthetic capitalism, technocapitalism, supercapitalism, glam capitalism, etc.). However, it is hard to believe that if the need for a market economy and all the basic attributes of capitalism suddenly disappears, then the competition for self-affirmation noted above will disappear, media personalities will give up fame and the "intangible" benefits bestowed by fame, as well as what allows them to "change the world for the better" (apparently, better than others[19]). What if the post-capitalist "immaterial" (A. Gorz) is not limited to abundant knowledge and ideas, but also includes personalities in the social imaginary as goods (see footnote above), the "consumption" of which by one person do completely "excludes" access to consumption for other persons? Previously, the authors of left-wing utopias (for example, science fiction writers like A. and B. Strugatsky) drew worlds in which life is so rich and interesting (the conquest of space, the creation of grandiose technologies, architectural masterpieces, etc.) that few people want to chase popularity. Apparently, today humanity is moving in the opposite direction. It is worth talking about the advent of an era in which the struggle for popularity and recognition is becoming almost ubiquitous (only gadgets for consumers of information content are developing very quickly). A kind of society of "universal self-realization" is being formed, in which everyone is assigned their place in the new social hierarchy, where mega-popular "opinion leaders" are at the top. All this hardly speaks of a movement towards universal harmony of co-creation ("mode of being", according to Fromm). What we have (and see, judging by the value shifts), testifies to the growing competition for self-realization (which is increasingly understood precisely as the achievement of outstanding creative success, recognition, popularity, etc[20].). And it is likely that this competition will only be more ruthless and merciless than the competition for material goods. In the end, personality itself is at stake now: and among the possible life scenarios there will be both euphoria from success and collapse, creative failure, gray nothingness, everyday life. That is why today they say that representatives of generation "Z" are more susceptible to stress and depression [Twenge, 2017]. This is quite understandable in an era when every personality has its own "success counter" (likes, reposts, subscribers, etc.), when the beauty flashing in the news feeds of social networks and life oozing colors contrasts with failures and collapse hidden from the public.

---

[19] There are several arguments in favor of the assumption that the trends discussed above affect phenomena that go beyond capitalism: 1) personality as a good existing in the social imaginary can hardly be a commodity, that is, sold on the market; 2) the "production" of personality is something that is inextricably linked with creative activity as the creation of intangible benefits in the form of original ideas, concepts, engineering solutions, etc. (associated with a particular person), the value of which cannot be adequately measured using market instruments; 3) popularity, attention, fame, recognition, etc. satisfy the needs for recognition, self-respect, self-realization, etc., which speaks not only about the "instrumental" value of "possessing" the corresponding "personality-persona"; 4) the marked expansion of the sphere of production of personality occurs as the sphere of material labor gradually shrinks under the influence of automation and robotization processes of production; 5) attention (not platforms to attract it) as a key limited resource in the "struggle for self-realization", it is hardly possible to freely sell or buy on the market, unlike the resources of the bourgeois era (oil, coal, electricity, etc.).

[20] This applies not only to the online activity and blogging discussed above (which have already "absorbed" almost all art: from music to artistic mastery), but also to such "serious" areas of creative activity as science, where there is a widespread pursuit of the number of publications and their citation (read – the same popularity).

REFERENCES

Abidin C. (2018) *Internet Celebrity: Understanding Fame Online*. Bingley: Emerald Publishing.

Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)

Bell D. (2004) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. Moscow: Akademia. (In Russ.)

Bregman R. (2018) *Utopia for Realists: How We Can Build the Ideal World*. Moscow: Al'pina Publisher. (In Russ.)

Brooks D. (2013) *Bobos in Paradise: The New Upper Class and How They Got There*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)

Cirucci A. (2019) M. Facebook and Unintentional Celebrification, Abidin C., Brown M.L. (eds.) *Microcelebrity around the Globe: Approaches to Cultures of Internet Fame*. Bingley: Emerald Publishing: 33–47.

Dahrendorf R. (1959) *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford: Stanford University Press.

Davydov D.A. (2020) Revolution of Personality, or the Rise of The Personaliat. *Politiya* [Politeia]. No. 4: 68–89. DOI: 10.30570/2078–5089–2020–99–4–68–89 (In Russ.)

Florida R. (2016) *The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. (In Russ.)

Fromm E. (2016) *To Have or To Be*? Moscow: AST. (In Russ.)

Greenfield P.M. (2019) Linking Social Change and Developmental Change: Shifting Pathways of Human Development. *Developmental Psychology*. No. 2: 401–418. DOI: 10.1037/a0014726

Grinin L.E. (2012) Celebrities as a New Elite of Information Society. *Social Evolution & History*. No. 1: 124–153.

Inglehart R. (1977) *The Silent Revolution*. Princeton: Princeton University Press.

Inglehart R. (1997) *Modernization and Postmodernization*. Princeton: Princeton University Press.

Mason P. (2016) *Postcapitalism: A Guide to Our Future*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)

Mavroudis J. (2019) Fame Labor: A Critical Autoethnography of Australian Digital Influencers. In Abidin C., Brown M.L. (eds.) *Microcelebrity around the Globe: Approaches to Cultures of Internet Fame*. Bingley: Emerald Publishing: 83–95.

Radaev V. (2019) *Millennials: How the Russian Society Changes*. Moscow: VHSE. (In Russ.)

Senft T. (2008) *Camgirls: Celebrity and Community in the Age of Social Networks (Digital Formations)*. New York: Peter Lang Publishing, Inc.

Sennett R. (2002) *The Fall of Public Man*. Moscow: Logos. (In Russ.)

Srnicek N., Williams A. (2019) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. Moscow: Strelka Press. (in Russ.)

Taylor Ch. (2017) *A Secular Age*. Moscow: BBI. (In Russ.)

Toffler A. (2008) *Future Shock*. Moscow: AST. (In Russ.)

Toffler A. (2009) *Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21st Century*. Moscow: AST. (In Russ.)

Tönnies F. (2002) *Gemeinschaft und Gesellschaft*. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)

Twenge J. (2014) *Generation Me: Why Today's Young Americans are More Confident, Assertive, Entitled – and More Miserable Than Ever Before*. New York: Atria Books.

Twenge J.M. (2017) *iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy and Completely Unprepared for Adulthood and What That Means for the Rest of Us*. New York: Atria Books.

Twenge J.M., Campbell W.K. (2013) Gentile B. Changes in pronoun use in American books and the rise of individualism, 1960–2008. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. No. 3: 406–415. DOI: 10.1177/0022022112455100

Twenge J.M., Campbell W.K. Freeman E.C. (2012) Generational Differences in Young Adults' Life Goals, Concern for Others, and Civic Orientation, 1966–2009. *Journal of Personality and Social Psychology*. No. 5: 1045–1062. DOI: 10.1037/a0027408

Twenge J.M., Campbell W.K., Gentile B. (2012) Generational increases in agentic self-evaluations among American college students, 1966–2009. *Self and Identity*. No. 4: 409–427. DOI: 10.1080/15298868.2011.576820

Uhls Y.T., Greenfield P. (2011) The Value of Fame: Preadolescent Perceptions of Popular Media and Their Relationship to Future Aspirations. *Developmental Psychology*. No. 2: 315–326. DOI: 10.1037/a0026369

Uhls Y.T., Zgourou E., Greenfield P.M. (2014) 21st century media, fame, and other future aspirations: A national survey of 9–15 year olds. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. No. 8(4). URL: https://cyberpsychology.eu/article/view/4322/3372 (accessed 01.11.2021). DOI: 10.5817/CP2014-4-5

Van Parijs P., Vanderborght Y. (2020). *Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy*. Moscow: VHSE. (In Russ.)

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2021 No. 12

CONTENTS

1991: A LOOK AT THE EVENTS 30 YEARS LATER

3 The End of the Soviet Era: Estimates from a 30-Year Distance (Round Table)

27 KIRDINA-CHANDLER S.G. False Theoretical Synthesis – the Brake for Real Practice Methodological Notes on the Dissolution of the USSR)

37 MOMDZHYAN K.Kh. Was Soviet Society Socialist?

46 KOLGANOV A.I. The Soviet System and the Union of Soviet Republics: The Synchronicity of the Decay is not Incidental

56 BUZGALIN A.V. Social Forces of Victories and Defeats of Socialism in the 20th Century

67 LATOV Yu.V. Final False Start (about the Catastrophic Revolution of 1991)

THEORY. METHODOLOGY

78 DAVYDOV D.A. The Value Foundations of Post-Capitalism: from the "Mode of Having" to the Individualism of Self-Actualizing Personalities?

91 SHIPILOV A.V. Dividuals are not Individuals. Personality Before and After Modernity

SOCIOLOGY OF PROFESSIONS

101 POPOVA I.P. Formation of a Career Start in Sciences: The Influence of Family and Social Context

113 VOJTOVIČ S., TUPA M., SROVNALIKOVA P. Labor Emigration Trends and Factors of Doctors and Nurses (the Case of Slovakia)

RURAL SOCIOLOGY

124 NEFEDOVA T.G., BASKIN L.M., POKROVSKY N.E. Evolution of Socio-economic Space in the Local Rural Areas in the Near North (Case of the Manturovo District of the Kostroma Region)

ACADEMIC EVENTS

135 BELYAEVA L.A., SHABUNOVA A.A., KOGAY E.A. Socio-Cultural Evolution of Post-Soviet Russia: A Review Research Results

142 BARASHKOVA O.V., ZOTOVA E.S. Why the USSR did not Become: Lessons for Socialism of the Future

146 KHAIRULLINA N.G., TROSHKINA I.N. Peoples and Cultures of Sayano-Altai and Adjoining Territories

148 **BOOK REVIEWS** (reviewed are books: *Davydov D.A.* Post-capitalism and the Birth of Personaliat. Moscow: RIPOL classic, 2021. **Reviewed by L.G. Fishman**; *Kravchenko S.A.* Sociology of Digitalization: A Textbook for Universities. Moscow: Yurayt, 2021. **Reviewed by D.V. Sokolov**)

LETTER TO THE EDITORS

155 UBAYDULLAEVA R.T. Auto-Reflection of the "Largest Geopolitical Tragedy of the 20th Century"

158 **JOURNALS' GUIDE**

166 **2021 Index**

ECONOMIC SOCIOLOGY. SOCIOLOGY OF WORK

175 VARSHAVSKAYA E. Ya. Overqualification of Russian Employees: Scale, Determinants, Consequences

SOCIAL POLICIES. SOCIAL STRUCTURE

185 KOZYREVA P.M., SMIRNOV A.I. Interaction of Generations in Modern Russia: An Evolving Rapprochement

1991: A LOOK AT THE EVENTS 30 YEARS LATER

195 The End of the Soviet Era: Estimates from a 30-Year Distance (Round Table)
216 MOMDZHYAN K. Kh. Was Soviet Society Socialist?
223 LATOV Yu.V. Final False Start (about the Catastrophic Revolution of 1991)

THEORY. METHODOLOGY

232 DAVYDOV D.A. The Value Foundations of Post-Capitalism: from the "Mode of Having" to the Individualism of Self-Actualizing Personalities?

CONTENTS

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCES (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- **формирование учебно-методических комплексов**
- **развитие научной периодики**
- **внедрение новых стандартов научной коммуникации**

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- **интеграция науки и образования**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**
- **сетевое взаимодействие научных и методических центров**

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

press.gaugn.ru